Валерий Брюсов

II

В. Б.

REINHARD LAUER

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В СЕМИ ТОМАХ

Под общей редакцией

П. Г. АНТОКОЛЬСКОГО, А. С. МЯСНИКОВА,
С. С. НАРОВЧАТОВА, Н. С. ТИХОНОВА

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1·9·7·3

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ · ТОМ ВТОРОЙ

· СТИХОТВОРЕНИЯ ·

1909 · 1917

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1 · 9 · 7 · 3

Р 2
Б 89

Подготовка текстов и примечания
А. А. КОЗЛОВСКОГО

Оформление художника
Е. А. ГАННУШКИНА

Б $\frac{0742\text{-}186}{028(01)\text{-}73}$ Подп. изд.

ЗЕРКАЛО ТЕНЕЙ

1909—1912

На груди земной

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятен отовсюду!

А. Фет

* * *

Веселый зов весенней зелени,
Разбег морских надменных волн,
Цветок шиповника в расселине,
Меж туч луны прозрачный челн,
Весь блеск, весь шум, весь говор мира,
Соблазны мысли, чары грез,—
От тяжкой поступи тапира
До легких трепетов стрекоз,—
Еще люблю, еще приемлю,
И ненасытною мечтой
Слежу, как ангел дождевой
Плодотворит нагую землю!

Какие дни мне предназначены
И в бурях шумных, и в тиши,
Но цел мой дух, и не растрачены
Сокровища моей души!
Опять поманит ли улыбкой
Любовь, подруга лучших лет,
Иль над душой, как влага зыбкой,
Заблещет молний синий свет,—
На радости и на страданья
Живым стихом отвечу я,
Ловец в пучине бытия
Стоцветных перлов ожиданья!

Неисправленный вариант

Мысли медленно, чредою
Шагом медленным: [illegible]!
~~Здесь, на вечернем~~ асфальте,
В этой тени неясной,
Здесь, на вечернем асфальте,
Дух мой упорный вопрос.

В этой тени неясной
~~Я — тайно~~ Что я! — мне звучит [illegible].
Чуткое сердце трепещет:
Словно вновь, безотчетно
В нем превращается в [illegible].

Чуткое сердце трепещет
(трепещет [illegible]) ~~Как [illegible] [illegible]~~
Словно ~~[illegible] [illegible]~~ [illegible] ритм вечный
Шар [illegible] [illegible]
Мертвым [illegible] [illegible] [illegible].

~~Словно [illegible] [illegible]~~
~~[illegible], [illegible] [illegible] [illegible]...~~
~~Здесь, на вечернем асфальте,~~

~~Словно [illegible] [illegible] [illegible]~~
~~В [illegible] [illegible] [illegible]...~~
~~Здесь, на вечернем асфальте,~~

Словно [illegible] [illegible] ритм,
Сердце, [illegible] [illegible] [illegible].
Здесь, на вечернем асфальте,
Словно [illegible] — [illegible],
[illegible] — словно в [illegible] [illegible]!

Здесь, на вечернем асфальте,
Дух мой упорный вопрос
Что я? — мне звучит [illegible]
[illegible], ~~[illegible] [illegible]~~ мучительной тайны!
Мысли медленно, чредою
Шагом медленным [illegible]!

25 июня 1910.

В. Б.

Приди и ты, живых пугающий,
Неотвратимый, строгий час,
Рукой холодной налагающий
Повязку на сиянье глаз!
В тебе я встречу новый трепет,
Твой лик загадочный вопью,—
Пусть к кораблю времен прицепит
Твоя рука мою ладью.
И, верю, вечностью хранимый,
В тех далях я узнаю вновь
И страсть, и горесть, и любовь,
Блеск дня, чернь ночи, вёсны, зимы!..

1911

НА ВЕЧЕРНЕМ АСФАЛЬТЕ

Мысли священные, жальте
Жалами медленных ос!
В этой толпе неисчетной,
Здесь, на вечернем асфальте,
Дух мой упорный возрос.

В этой толпе неисчетной
Что я? — лишь отзвук других.
Чуткое сердце трепещет:
Стон вековой, безотчетный
В нем превращается в стих.

Чуткое сердце трепещет
Трепетом тонкой струны,
Слышит таинственный ропот...
Шар электрический блещет
Мертвым лучом с вышины.

Слышит таинственный ропот
Сердце, в молчаньи толпы.
Здесь, на вечернем асфальте,
Словно предчувствие — топот,
Даль — словно в вечность тропы.

Здесь, на вечернем асфальте,
Дух мой упорный возрос.
Что я? — лишь отзвук случайный
Древней, мучительной тайны.
Мысли священные, жальте
Жалами медленных ос!

25 июня 1910

* * *

Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Ф. Тютчев

Снова, с тайной благодарностью,
Глубоко дышу коварностью
В сердце льющейся весны,
Счастье тихое предчувствую,
И живой душой сопутствую
Птицам в далях вышины.

Снова будут сны и радости!
Разольются в поле сладости
Красных кашек, свежих трав.
Слух занежу в вешней прелести,
В шуме мошек, в легком шелесте
Вновь проснувшихся дубрав.

Снова ночи обнаженные
Заглядятся в воды сонные,
Чтоб зардеться на заре.
Тучка тонкая привесится
К золотому рогу месяца,
Будет таять в серебре.

Эти веянья и таянья,
Эти млеянья и чаянья,
Этот милый майский шум,—
Увлекая к беспредельности,
Возвращают тайну цельности
Снов и мира, слов и дум...

1911

* * *

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить хочу, я жизнь люблю!
А. Пушкин

Идут года. Но с прежней страстью,
Как мальчик, я дышать готов
Любви неотвратимой властью
И властью огненной стихов.
Как прежде, детски, верю счастью
И правде переменных снов!

Бывал я, с нежностью, обманут
И, с лаской, дружбой оскорблен,—
Но строфы славить не устанут
Мечты и страсти сладкий сон.
Я говорю: пусть розы вянут,
Май будет ими напоен!

Всё прошлое — мне только снилось,
Разгадка жизни — впереди!
Душа искать не утомилась,
И сердце — дрожью жить в груди.
Пусть все свершится,— что б ни сбылось! —
Грядущий миг,— скорей приди!

Вновь, с рыбаком, надежды полный,
Тая восторженную дрожь,
В ладье гнилой, бросаюсь в волны.
Гроза бушует вкруг. Так что ж!
Не бойся, друг! пусть гибнут челны:
Ты счастье Цезаря везешь!

1911

Объятия снов

Земная жизнь кругом объята снами.
Ф. Тютчев

СОН

Ты вновь меня ведешь, и в отдаленьи, робко,
Иду я за тобой,—
Сквозь сумеречный лес, среди трясины топкой,
Чуть видимой тропой.

Меж соснами темно; над лугом тенью бледной
Туман вечерний встал;
Закатный свет померк на выси заповедной
Даль оградивших скал.

Мне смутно ведомо, куда ведет дорога,
Что́ будет впереди...
Но если шаг порой я замедляю,— строго
Ты шепчешь мне: иди!

И снова мы пройдем по кручам гор, по краю
Опасной крутизны.
Мир отойдет от нас, и снова я узнаю
Все счастье вышины.

На горном пастбище, меж сосен оголенных,
Сквозь голубую тень,
Мне явится, с крестом среди рогов склоненных,
Таинственный олень.

Ты вскрикнешь радостно; в свои надежды веря,
Ты сделаешь мне знак;
И будет озарен крестом лесного зверя
Вдруг отступивший мрак.

Расслышу с грустью я, как ты, клонясь всем телом,
Прошепчешь мне: молись!
Я руку подыму с привычным самострелом...
Стрела взовьется ввысь...

Вдруг пропадет олень; со стоном безнадежным
Исчезнешь ты; а я
Останусь, как всегда, спокойным и мятежным,
Ответный вздох тая.

7 января 1910

КОШМАР

Эту женщину я раз единый видел.
Мне всегда казалось: было то во сне.
Я ее любил; потом возненавидел;
Вновь ее увидеть не придется мне.

С ней вдвоем мы были где-то на концерте,
Сближенные странно радостной мечтой.
Звуки ясно пели о блаженстве смерти,
О стране, где сумрак, тайна и покой.

Кончилась соната. Мы перебежали
Яркий блеск фойе и залы тихой мглы.
Промелькнули лестниц темные спирали,
Нижних переходов своды и углы.

Наконец, пред дверью, почернелой, низкой,
Словно сговорившись, стали мы вдвоем.
Кто-то мне твердил, что цель исканий близко...
Задыхаясь, тихо, я сказал: «умрем!»

Женщина поспешно дверь открыла. Смутно
Озарились глуби сумрачных углов.
Комната была пустой и неприютной,
У стены направо высился альков.

И движеньем быстрым,— делая мне знаки
Следовать за нею,— женщина вошла,
Распустила косы, хохоча во мраке,
На постель припав, любовника ждала.

Раненное больно, сердце вдруг упало.
Помню вновь проходы, отблеск на стене...
Я вернулся к людям, к свету, к шуму зала...
Мне всегда казалось: было то во сне.

Январь 1910

БЕССОННИЦА

Луна стоит над призрачной горой;
Неверным светом залита окрестность;
Ряд кипарисов вытянулся в строй;
Их тени побежали в неизвестность.

Она проснулась и глядит в окно...
Ах, в полночь всё странней и идеальней!
Как давит бедра это полотно,
Как мало воздуха в знакомой спальне!

Она молчит, и всё молчит вокруг,
Портьеры, дверь, раздвинутые ставни.
И рядом спит ее привычный друг,
Знакомый, преданный, любовник давний.

Он рядом спит. Чернеет борода
И круг кудрей на наволочке белой.
Он равномерно дышит, как всегда;
Под простыней простерто прямо тело.

Луна стоит. Луна ее зовет
В холодные, в свободные пространства.
В окно струится свет, и свет поет
О тайной радости непостоянства...

Встать и бежать... Бежать в лучах луны,
По зелени, росистой, изумрудной,
На выси гор, чтоб сесть в тени сосны,
И плакать, плакать в тишине безлюдной!

Под простыней тревожно дышит грудь,
Мечты влекутся в даль и в неизвестность...
Луна плывет и льет живую ртуть
На сонную, безмолвную окрестность.

10 января 1910

РАДОСТНЫЙ МИГ

...тот радостный миг,
Как тебя умолил я, несчастный палач!
А. Фет

Когда, счастливый, я уснул, она,—
Я знаю,— молча села на постели.
От ласк недавних у нее горели
Лицо, и грудь, и шея. Тишина
Еще таила отзвук наших вскриков,
И терпкий запах двух усталых тел
Дразнил дыханье. Лунных, легких бликов
Лежали пятна на полу, и бел
Был дорассветный сумрак узкой спальной.
И женщина, во тьме лицо клоня,
Усмешкой искаженное страдальной,
Смотрела долго, долго на меня,
Припоминая наш восторг минутный...
И чуждо было ей мое лицо,
И мысли были спутаны и смутны.
Но вдруг, с руки венчальное кольцо
Сорвав, швырнула прочь, упала рядом,
Сжимая зубы, подавляя плач,
Рыдая глухо... Но, с закрытым взглядом,
Я был простерт во сне, немой палач.
И снилось мне, что мы еще сжимаем
В объятиях друг друга, что постель
Нам кажется вновь сотворенным раем,
Что мы летим, летим, и близко цель...
И в свете утреннем, когда все краски
Бесстыдно явственны, ее лица
Не понял я: печати слез иль ласки
Вкруг глаз ее два сумрачных кольца?

1910—1911

Неизъяснимы наслажденья

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья.

А. Пушкин

ДЕМОН САМОУБИЙСТВА

И кто, в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и любовь!

Ф. Тютчев

Своей улыбкой, странно-длительной,
Глубокой тенью черных глаз
Он часто, юноша пленительный,
Обворожает, скорбных, нас.

В ночном кафе, где электрический
Свет обличает и томит,
Он речью, дьявольски-логической,
Вскрывает в жизни нашей стыд.

Он в вечер одинокий — вспомните,—
Когда глухие сны томят,
Как врач искусный в нашей комнате,
Нам подает в стакане яд.

Он в темный час, когда, как оводы,
Жужжат мечты про боль и ложь,
Нам шепчет роковые доводы
И в руку всовывает нож.

Он на мосту, где воды сонные
Бьют утомленно о быки,
Вздувает мысли потаенные
Мехами злобы и тоски.

В лесу, когда мы пьяны шорохом
Листвы и запахом полян,
Шесть тонких гильз с бездымным порохом
Кладет он, молча, в барабан.

Он верный друг, он — принца датского
Твердит бессмертный монолог,
С упорностью участья братского,
Спокойно-нежен, тих и строг.

В его улыбке, странно-длительной,
В глубокой тени черных глаз
Есть омут тайны соблазнительной,
Властительно влекущей нас...

Ночь 15/16 мая 1910

НА ПЛЯЖЕ

Я видел их. Они вдвоем на пляже
Бродили. Был он грустен и красив;
И не сходила с уст одна и та же

Улыбка. Взгляд ресницами закрыв,
Она шла рядом. Лик ее овальный
Прозрачен был и тонок, но не жив.

Качалось солнце, в яркости прощальной,
Над далью моря. Волны на песке
Чредой стихали, с жалобой печальной.

Играл оркестр веселый вдалеке,
Нарядов дамских пестрота мелькала...
И не было приюта их тоске!

Когда ж заката пышность отблистала,
Замолк оркестр, и берег стал пустым,
Как широта покинутого зала,—

Коснулся их лобзанием святым
Вечерний ветер. С жалобным укором,
В безлюдьи море подступило к ним.

И красный месяц сзади встал над бором,
Провел по волнам яркую черту,
На них взглянул неумолимым взором.

И, взявшись за руки, одну мечту
Постигли оба. Странным счастьем полны,
Вошли в сиянье, кинув темноту.

И долго шли, покорны и безмолвны.
Вода росла и ширилась вкруг них,
Чрез плечи их перебегали волны.

Вдруг нежный ветер горестно затих,
И смолк прибой; лишь лунный взор на страже
Один сиял на небесах нагих.

Все было пусто в море и на пляже.

<1910>

ОФЕЛИЯ

Офелия гибла и пела,
И пела, сплетая венки,
С цветами, венками и песнью
На дно опустилась реки.

А. Фет

Ты не сплетала венков Офелии,
В руках не держала свежих цветов;
К окну подбежала, в хмельном веселии,
Раскрыла окно, как на радостный зов!

Внизу суетилась толпа безумная,
Под стуки копыт и свистки авто,
Толпа деловая, нарядная, шумная,
И тебя из толпы не видел никто.

Кому было дело до лика странного,
Высóко, высóко, в чужом окне!
Чего ж ты искала, давно желанного,
Блуждающим взором, внизу, на дне?

Никто головы не поднял,— и с хохотом
Ты кинулась вниз, на пустой гранит.
И что-то упало, с тяжелым грохотом,
Под зовы звонков и под стук копыт.

Метнулась толпа и застыла, жадная,
Вкруг бедного тела, в крови, в пыли...
Но жизнь шумела, всё та же, нарядная,
Авто и трамваи летели вдали.

1911

СОБЛАЗНИТЕЛЮ

Лишь ты один владеешь ключами рая, праведный, утонченный, могущественный!

Т. де Куинси

Ко мне вошел ты, Соблазнитель,
Глаза укромно опустив.
Ты, милосердый победитель,
Со мной был ласков и стыдлив.

Склонив на шею мне несмело
Две нежно-огненных руки,
Ты тихо погрузил всё тело
В истому пламенной реки.

Ты все желанья, всё былое
В моей душе дыханьем сжег,—
И стало в мире нас лишь двое:
Твой пленник — я, и ты — мой бог!

Ты обострил мне странно зренье,
Ты просветил мне дивно слух,
И над безмерностью мгновенья
Вознес мой окрыленный дух.

И всем, во мне дремавшим силам,
Ты дал полет, ты дал упор,
Ты пламя мне разлил по жилам,
Ты пламенем зажег мой взор.

Когда ж воскликнул я: «Учитель!
Возьми меня навек! я — твой!»
Ты улыбался, Соблазнитель,
Качая молча головой.

Сентябрь 1909
Париж

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

ЗЕРКАЛО ТѢНЕЙ

СТИХИ 1909-1912 Г.

С-ПБ. Д. МИТРОХИНЪ.

К-ВО „СКОРПІОНЪ."

LE PARADIS ARTIFICIEL[1]

C'est une béatitude calme et immobile.

Ch. Baudelaire[2]

Истома тайного похмелья
Мое ласкает забытье.
Не упоенье, не веселье,
Не сладость ласк, не острие.

Быть недвижимым, быть безмолвным,
Быть скованным... Поверить снам,
И предавать палящим волнам
Себя, как нежащим губам.

Ты мной владеешь, Соблазнитель,
Ведешь меня... Я — твой! с тобой!
В какую странную обитель
Плывем мы голубой водой?

Спустились лавры и оливы
К широким белым ступеням...
Продлись, продлись, мой миг счастливый,
Дремлю в ладье, у входа в храм...

Чья шея, гибкая, газелья,
Склонилась на плечо мое?
Не упоенье, не веселье,
Не сладость ласк, не острие.

Нет, ничего мечте не надо!
Смотреть в хрустальный небосвод,
Дышать одной тобой, услада
Журчащих и манящих вод!

Все позабыть, чем жил я прежде,
Восторг стихов, восторг любви...
Ты, призрак в голубой одежде,
Прекрасный миг останови!

---

[1] Искусственный рай *(франц.)*.

[2] Это безмятежное и неподвижное блаженство.— *Ш. Бодлер (франц.)*.

Пусть зыблют бледные оливы
Тень по широким ступеням.
Я — недвижимый, я — счастливый,
Я предан нежащим губам.

Сверкает чье-то ожерелье
Так близко... Милая, твое?
Не упоенье, не веселье,
Не сладость ласк, не острие...

1909—1911

В ПУСТЫНЯХ

Так вот в какие пустыни
Ты нас заманил, Соблазнитель!
Бесстрастный учитель
Мечты и гордыни,
Скорби целитель,
Освободитель
От всех уныний!

Эта страна — безвестное Гоби,
Где Отчаянье — имя столице!
Здесь тихо, как в гробе.
В эти границы
Не долетают птицы;
Степь камениста, даль суха,
Кустарник с жесткой листвой,
Мох ползучий, седой,
Да кусты лопуха...

Здесь мы бродим, тобой соблазненная рать,
Взорами, в ужасе, даль обводя,
Избегая смотреть друг на друга.
Одним — смеяться, другим — рыдать,
Третьим безмолвствовать, слов не найдя,
Всем — в пределах единого круга!

Иные, в упорстве мгновенном,
Ищут дороги назад,
Кружатся по пустыне холодной,
Смущающей очи миражем бессменным,

И круги за кругами чертят,
Бесплодно,—
По своим следам
Возвращаясь к нам.

Другие, покорно, на острых камнях
Лежат и грызут иссохшие руки,
Как на прахе брошенный прах,
И солнечный диск, громаден и ал,
Встает из-за рыжих скал,
Из-за грани прежней отчизны,
Страны Любви и Жизни,
Что стала страной — Вечной Разлуки.

У нас бывают экстазы,
Когда нежданно
Мы чувствуем жизнь и силы!
Всё меняется странно:
Камни горят, как алмазы,
Новые всходят на небо светила,
Расцветают безвестные розы,—
Но быстро осыпаются грезы,
Тупо мы падаем в груды колеблемой пыли,
Тупо мы слушаем ветер,
Еле качающий дремлющий вереск,—
В бессилии...

И тогда появляешься ты,
Прежний, Юный, Прекрасный,
В огненном Маке,
Царь Мечты.
Властно
Нам делаешь знаки,
И, едва наступает тишь —
Прежний, Прекрасный, Юный,—
Голосом нежным, как струны,
Нам говоришь:

«Я обещал вам восторга мгновенья,—
Вы их узнали довольно!
Я обещал вам виденья,—
Вы приняли их богомольно!
Я обещал вам сладости изнеможенья,—
Вы их вкусили вполне!
Поклонитесь мне!»

И, пав на колени,
Мы, соблазненная рать,
Готовы кричать
Все гимны хвалений,
Веселясь о своем Господине:
«Слава, Учитель
Мечты и гордыни!
Скорби целитель,
Освободитель
От всех уныний!
Да будем в пустыне
Верны нашей судьбе!
Вне Тебя нам все ненавистно!
Служим тебе —
Ныне и присно!»

1911

Под мертвой луною

На кладбище старом, пустынном, с сознанием,
полным отравы,
Под мертвой Луною...

К. Бальмонт

В МОЕЙ СТРАНЕ

В моей стране — покой осенний,
Дни отлетевших журавлей,
И, словно строгий счет мгновений,
Проходят облака над ней.

Безмолвно поле, лес безгласен,
Один ручей, как прежде, скор.
Но странно ясен и прекрасен
Омытый холодом простор.

Здесь, где весна, как дева, пела
Над свежей зеленью лугов,
Где после рожь цвела и зрела
В святом предчувствии серпов,—

Где ночью жгучие зарницы
Порой влюбленных стерегли,
Где в августе склоняли жницы
Свой стан усталый до земли,—

Теперь торжественность пустыни,
Да ветер, бьющий по кустам,
А неба свод, глубоко синий,—
Как купол, увенчавший храм!

Свершила ты свои обеты,
Моя страна! и замкнут круг!
Цветы опали, песни спеты,
И собран хлеб, и скошен луг.

Дыши же радостным покоем
Над миром дорогих могил,
Как прежде ты дышала зноем,
Избытком страсти, буйством сил!

Насыться миром и свободой,
Как раньше делом и борьбой,—
И зимний сон, как всей природой,
Пусть долго властвует тобой!

С лицом и ясным и суровым
Удары снежных вихрей встреть,
Чтоб иль воскреснуть с майским зовом,
Иль в неге сладкой умереть!

8 октября 1909

ЗЕРНО

Лежу в земле, и сон мой смутен...
В открытом поле надо мной
Гуляет, волен и беспутен,
Январский ветер ледяной.

Когда стихает ярость бури,
Я знаю: звезд лучистый взор
Глядит с темнеющей лазури
На снежный мертвенный простор.

Порой во сне, сквозь толщь земную,
Как из другого мира зов,
Я глухо слышу, жутко чую
Вой голодающих волков.

И бредом кажется былое,
Когда под солнечным лучом
Качалось поле золотое,
И я был каплей в море том.

Иль день, когда осенней пивой
Шел бодрый сеятель, и мы
Во гроб ложились, терпеливо
Ждать торжествующей зимы.

Лежу в могиле, умираю,
Молчанье, мрак со всех сторон...
И всё трудней мне верить маю,
И всё страшней мой черный сон...

11 ноября 1909

* * *

Цветок засохший, душа моя!
Мы снова двое — ты и я.

Морская рыба на песке.
Рот открыт в предсмертной тоске.

Возможно биться, нельзя дышать...
Над тихим морем — благодать.

Над тихим морем — пустота:
Ни дыма, ни паруса, ни креста.

Солнечный свет отражает волна,
Солнечный луч не достигает дна.

Солнечный свет беспощаден и жгуч...
Не было, нет, и не будет туч.

Беспощаден и жгуч под солнцем песок.
Рыбе томиться недолгий срок.

Цветок засохший, душа моя!
Мы снова двое — ты и я.

<1911>

* * *

Тяжела, бесцветна и пуста
Надмогильная плита.

Имя стерто, даже рыжий мох
Искривился и засох.

Маргаритки беленький цветок
Доживает краткий срок.

Ива наклонила на скамью
Тень дрожащую свою,

Шелестом старается сказать
Проходящему: «Присядь!»

Вдалеке, за серебром ракит,
Серебро реки блестит.

Сзади — старой церкви вышина,
В землю вросшая стена.

Над травой немеющих могил
Ветер веял, и застыл.

Застывая, прошептал в тени:
«Были бури. Сон настал. Усни!»

<1911>

* * *

Мечты любимые, заветные мечты,
Виденья радости — и красоты!

Вы спите, нежные, в расписанных гробах,
Нетленные, прекрасные, но прах.

От ветра и лучей, в молчаньи пирамид,
Таимы,— вы храните прежний вид.

И только я один, по лестнице крутой,
Схожу порой в молитвенный покой.

Вы, неподвижные, встречаете меня
Улыбкой прежде нежившего дня.

Вы мне, безмолвные, спокойствием своим,
Вновь говорите: «Рай недостижим!»

И долго я смотрю на давние черты,
Мечты заветные, мои мечты!

И, скорбно уходя, я запираю дверь,
Храня мой склеп надежд, мой склеп потерь.

Едва коснется день прекрасного лица,
Все станет пепл пред взором пришлеца.

Мой потаенный храм, мой мир былых годов,
Всё станет — ряд расписанных гробов.

Пусть жизнь зовет, шумит, пусть новый вьется стяг...
Я вас храню. Вас не увидит враг.

1910—1911

Родные степи

Вновь
Я вижу вас, родные степи,
Моя начальная любовь.

Е. Баратынский

ПО МЕЖЕ

Как ясно, как ласково небо!
Как радостно реют стрижи
Вкруг церкви Бориса и Глеба!

По горбику тесной межи
Иду, и дышу ароматом
И мяты, и зреющей ржи.

За полем усатым, не сжатым
Косами стучат косари.
День медлит пред ярким закатом...

Душа, насладись и умри!
Всё это так странно знакомо,
Как сон, что ласкал до зари.

Итак, я вернулся, я — дома?
Так здравствуй, июльская тишь,
И ты, полевая истома,

Убогость соломенных крыш
И полосы желтого хлеба!
Со свистом проносится стриж

Вкруг церкви Бориса и Глеба.

1910
Белкино

* * *

В полях забытые усадьбы
Свой давний дозирают сон.
И церкви сельские, простые
Забыли про былые свадьбы,
Про роскошь барских похорон.

Дряхлеют парки вековые
С аллеями душистых лип.
Над прудом, где гниют беседки,
В тиши, в часы вечеровые,
Лишь выпи слышен зыбкий всхлип.

Выходит месяц, нежит ветки
Акаций, нежит робость струй.
Он помнит прошлые затеи,
Шелк, кружева, на косах сетки,
Смех, шепот, быстрый поцелуй.

Теперь всё тихо. По аллее
Лишь жаба, волочась, ползет
Да еж проходит осторожно...
И всё бессильней, всё грустнее
Сгибаются столбы ворот.

Лишь в бурю, осенью, тревожно
Парк стонет громко, как больной,
Стряхнуть стараясь ужас сонный...
Старик! жить дважды невозможно:
Ты вдруг проснешься, пробужденный
Внезапно взвизгнувшей пилой!

1910—1911

* * *

Большой дорогой, шоссе открытым,
Широкой шиной вздымая пыль,
Легко несется автомобиль.

Смеемся рощам, дождем омытым,
Смеемся далям, где темен лес,
Смеемся сини живых небес!

Поля, пригорки, луга, долинки,
Внезапно — церковь, изб темный ряд,
Мелькают лица, столбы летят...

И на подушках мы в лимузинке,
Куря беспечно, бесплодный взор
Бросаем бегло на весь простор...

25 мая 1911

* * *

На сухой осине серая ворона,
Поле за оврагом, отдаленный лес,
Серый молочайник у крутого склона,
Мухомор на кочке, вздутый, словно бес.

Грустно, нелюдимо, пусто в мире целом,
Колеи дороги поросли травой,
Только слабо в небе, синевато-белом,
Виден дым далекий, верно, над избой.

Взором утомленным вижу в отдаленьи
Разноцветный веер недожатых нив,
Где-то есть жилище, где-то есть селенье,
Кто-то здесь, в просторах, уцелел и жив...

Или я чужой здесь, в этой дикой шири,
Одинок, как эта птица на суку,
Говорящий странник в молчаливом мире,
В даль полей принесший чуждую тоску?..

18 июля 1911

ЛЕТНЯЯ ГРОЗА

Синие, чистые дали
Между зеленых ветвей
Бело-молочными стали...
Ветер играет смелей.

Говор негромкого грома
Глухо рокочет вдали...
Всё еще веет истома
От неостывшей земли.

Птицы кричали и смолкли;
С каждым мгновеньем темней.
В небо выходит не полк ли
Сумрачных, страшных теней.

Вновь громовые угрозы,
Молнии резкий зигзаг.
Неба тяжелые слезы
Клонят испуганный мак.

Ливень, и буря, и где-то
Солнца мелькнувшего луч...
Русское, буйное лето,
Месяцы зноя и туч!

1911

* * *

И снова давние картины
(Иль только смутные мечты):
За перелеском луговины,
За далью светлые кресты.

Тропинка сквозь орешник дикий
С крутого берега реки,
Откос, поросший повиликой,
И в черных шапках тростники.

В воде виляющие рыбы,
Над ней мелькание стрекоз;
Далеко видные изгибы
Реки, ее крутой откос.

А дальше снова косогоры,
Нив, закруживших кругозор,
Пустые, сжатые просторы
И хмурый, синеватый бор.

И первый плуг в далеком поле
В сопровожденьи бороны...
Виденья давней, детской воли,—
Иль только радостные сны.

27 июля 1910

НА ЛЕСНОЙ ДОРОГЕ

По дороге встречный странник,
В сером, рваном армяке,
Кто ты? может быть, избранник,
Бога ищущий в тоске?

Иль безвестный проходящий,
Раздружившийся с трудом,
Божьим именем просящий
Подаянья под окном?

Иль, тая свои надежды,
Ты безлунной ночи ждешь,
Под полой простой одежды
Пронося разбойный нож?

Как узнать? мы оба скроем
Наши мысли и мечты.
Лишь на миг мелькнут обоим
Те ж дорожные кусты,

Лишь на миг увидят двое,
Меж незыблемой листвы,
Те же, дремлющие в зное,
Дали вечной синевы.

Разошлись — и ты далече...
Колеи крутой изгиб...
И уж я забыл о встрече,
Заглядясь на красный гриб.

2—6 августа 1910

Страсти сны

Страсти сны нам только снятся...
«Венок»

* * *

Я жить хочу! хочу печали,
Любви и счастию назло.
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело!

М. Лермонтов

И снова я, простерши руки,
Стремглав бросаюсь в глубину,
Чтоб испытать и страх и муки,
Дробя кипящую волну.

Влеки меня, поток шумящий,
Бросай и бей о гребни скал,
Хочу тоски животворящей,
Я по отчаянью взалкал!

Ах, слишком долго, с маской строгой,
Бродил я в тесноте земной,
Я разучился жить тревогой,
Я раздружился с широтой!

Куда меня поток ни кинет,
Живым иль мертвым,— все равно:
Но сердце ужаса не минет,
Но грудь опять узнает дно!

Еще мне видны, как картины,
Реки крутые берега,
Стадам любезные долины
И плугу милые луга.

Их не хочу! все ближе пена
Порогов каменных,— и вот
Меня, нежнее, чем измена,
Крутит глухой водоворот.

1911

* * *

Ты — мой демон, ты — эриния,
Неразлучная со мной!
В целом мире — как в пустыне я,
И все миги я с тобой!

Одинок я под смоковницей,—
Но с тобой мои мечты;
На постели я с любовницей,—
Но в моих объятьях — ты!

Я — в веселье вдохновения,—
Шепчешь ты начало строк;
Я замыслил преступление,—
Подаешь мне ты клинок!

Тайной волей вместе связаны,
Мы напрасно узы рвем,
Наши клятвы не досказаны,
Но вовеки мы вдвоем!

Ненавистная! любимая!
Призрак! Дьявол! Божество!
Душу жжет неутолимая
Жажда тела твоего!

Как убийца к телу мертвому,
Возвращаюсь я к тебе.
Что дано мне, распростертому?
Лишь покорствовать Судьбе.

1910. 1911

* * *

Odi et amo.
Catullus[1]

Да, можно любить, ненавидя,
Любить с омраченной душой,
С последним проклятием видя
Последнее счастье — в одной!

О, слишком жестокие губы,
О, лживый, приманчивый взор,
Весь облик, и нежный и грубый,
Влекущий, как тьма, разговор!

Кто магию сумрачной власти
В ее приближения влил?
Кто ядом мучительной страсти
Объятья ее напоил?

Хочу проклинать, но невольно
О ласках привычных молю.
Мне страшно, мне душно, мне больно...
Но я повторяю: люблю!

Читаю в насмешливом взоре
Обман, и притворство, и торг...
Но есть упоенье в позоре
И есть в униженьи восторг!

Когда поцелуи во мраке
Вонзают в меня лезвее,
Я, как Одиссей о Итаке,
Мечтаю о днях без нее.

Но лишь Калипсо́ я покинул,
Тоскую опять об одной.
О горе мне! жребий я вынул,
Означенный черной чертой!

1911

[1] Ненавижу и люблю.— *Катулл (лат.).*

* * *

Опять безжалостные руки
Меня во мраке оплели.
Опять на счастье и на муки
Меня мгновенья обрекли.

Бери меня! Я твой по праву!
Пусть снова торжествует ложь!
Свою не радостную славу
Еще одним венком умножь!

Я — пленник (горе побежденным!)
Твоих колен и алчных уст.
Но в стоне сладостно-влюбленном
Расслышь костей дробимых хруст!

С тобой, как цепью, спаян вместе,
Полузакрыв истомный взор,
Я не забыл о тайной мести
За твой восторг, за мой позор!

А! зверь неутомимо-гибкий!
Быть может, я тебя люблю!
Но все движенья, все улыбки
Твои — я жадно уловлю.

Дрожа, прислушаюсь к стенанью.
Запечатлею звуки слов,
И с ними, как с богатой данью,
Вернусь к свободе из оков.

Потом — моим стихам покорным,
С весельем, передам твой лик,
Чтоб долго призраком упорным
Стоял пред миром твой двойник!

1911

* * *

Как птицы очковой змеей очарованы,
Поднять мы не смеем измученных рук,
И, двое, железами давними скованы,
Мы сносим покорно медлительность мук.

Всегда предо мною улыбка поблекшая
Когда-то горевших, как пурпуром, губ.
Ты никнешь в оковах, сестра изнемогшая,
И я неподвижен, как брошенный труп.

Привстать бы, сорвать бы оковы железные,
И кольца и цепи! и вольными вновь
Бежать в дали синие, в сумерки звездные,
Где ставит алтарь свой меж сосен Любовь!

Со смехом упасть там на мхи потемневшие,
Объятья святые, как детям, сплести,—
Забыть эти муки, как сны отлетевшие,
Как камни на прежнем, пройденном пути!

Я знаю, исчезнет тоска нестерпимая
При веяньи первом прохлады лесной,
И снова ты станешь былая, любимая,
И я на колени склонюсь пред тобой!

Но воля бессильна, как птица бескрылая,
И залиты руки тяжелым свинцом.
Ты никнешь, в слезах, ненавистная, милая,
В оковах железных мы никнем вдвоем...

1911

* * *

Прощаю все,— и то, что ты лгала мне
Губами алыми, дарами долгих ласк,
Что вместо хлеба мне давала камни,
Что на руках цепей я слышал лязг;

И то, что мной целованное тело
Бросала ты лобзаниям других,
И то, что сделать лживым ты хотела
Мой праведный, мой богомольный стих!

Прощаю все,— за то, что были алы
Твои, всечасно лгавшие, уста,
Что жгли меня твоих грудей овалы,
Что есть в твоем лице одна черта;

Еще за то, что ласковым названьем
Ты нежила меня в час темноты;
За то, что всем томленьям, всем страданьям
Меня обречь умела только ты!

1911

Слова тоскующей любви

Я вспомню речи неги страстной,
Слова тоскующей любви.

А. Пушкин

* * *

Amor condusse noi ad una...[1]

Любовь ведет нас к одному,
Но разными путями:
Проходишь ты сквозь скорбь и тьму,
Я ослеплен лучами.

Есть путь по гребням грозных гор,
По гибельному склону;
Привел он с трона на костер
Прекрасную Дидону.

Есть темный путь, ведущий в ночь,
Во глубь, в земные недра.
На нем кто б мог тебе помочь,
Удавленница Федра?

Есть путь меж молнийных огней,
Меж ужаса и блеска.
Путь кратких, но прекрасных дней,—
Твой страшный путь, Франческа!

Лазурный, лучезарный путь
Пригрезился Джульетте.
Она могла восторг вдохнуть,
Но нет! не жить на свете!

---

[1] Любовь ведет нас к единой ⟨смерти⟩ *(итал.)*.

Любовь приводит к одному,—
Вы, любящие, верьте!—
Сквозь скорбь и радость, свет и тьму
К блаженно-страшной смерти!

6 декабря 1911

ЛЬДИНКА

Ветер вешний, ветер нежный
С лаской веет над душой.
Над поляной зимне-снежной
Утро дышит синевой.

Здравствуй, ветер, вестник вольный
Новых дней и вновь весны,
Безглагольный, богомольный
Голос ясной вышины!

Все, что было, будет снова,—
Зелень луга, щебет птиц.
Всё былое будет ново
В белых о́тсветах зарниц.

Будет знойный праздник света,
Дрожь бессумрачных ночей...
Здравствуй, солнце! здравствуй, лето!
Опьяни и облелей!

Веет ветер. Сладко тает
На поляне вешний снег.
Небо тайно обещает
Радость жизни, сладость нег.

Где же первая былинка,
Робкий цветик голубой?
В синем небе тает льдинка,
Расплываясь синевой.

20 ноября 1911

ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Я долго шел и, выбрав для ночлега
Холм ледяной, поставил гибкий шест.
В полярной тьме не Сириус, не Вега,
Как знак Любви, сверкает Южный Крест.

Вот дунул ветер, поднял вихри снега;
Запел унылый гимн безлюдных мест...
Но для мечты есть в скорбной песне нега,
И тени белые — как сонм невест.

Да, я — один, во льдах пустых затерян,
Мой путь в снегах обманчив и неверен,
Мне призраки пророчат гибель вновь.

Но Южный Крест, мерцающий в тумане,
Залог, что я — не завершил скитаний,
Что впереди — последняя любовь!

Ноябрь 1911

ПРЕДЧУВСТВИЕ

В лицо осенний ветер веет. Колос,
Забытый в поле, клонится, дрожа.
Меня ведет заросшая межа
Средь озимей. За речкой веер полос.

В воспоминаньях тонкий черный волос,
Упавший на лицо. Глаза смежа,
Я помню, как мои мечты кружа,
Звенел в тиши негромкий, нежный голос.

Ужели осень? Даль полей пуста.
Последний мотылек над нивой сжатой
Напрасно грезит опьяниться мятой.

Но почему вдыхает май мечта?
И почему все громче, откровенней
О счастьи шепчет вздох глухой, осенний?

Декабрь 1911

НА ЗАРЕ

Бледнеет ночь. Свой труд окончив,
С улыбкой думаю о ней,
О той, чей детский взор уклончив,
Чей голос — дрожь весенних дней.

Все это видел я когда-то,
И этот взор, и эту дрожь...
Но всё земное вечно свято,
И в жизни каждый миг хорош!

Я снова, с радостным мученьем,
Готов, как в годы первых встреч,
Следить покорно за движеньем
Ее стыдливо-робких плеч.

И все, что мне казалось мертвым,
В моей душе живет опять,
И краскам выцветшим и стертым
Дано гореть, дано блистать!

Как неизменны, как всесильны,
Вы, звуки нежные: люблю!
Пускай умру, как стебель пыльный,—
В час смерти жизнь благословлю!

Склонясь к окну, о ней мечтаю —
Мечтами тысячи веков,
И, как врата к земному раю,
Горят завесы облаков.

<1911>

ПОКОРНОСТЬ

Не надо спора. Буду мудрым.
Склонюсь покорно головой
Пред тем ребенком златокудрым,
Что люди назвали Судьбой.

Пусть он моей играет долей,
Как пестрым, маленьким мячом.
Взлетая, буду видеть поле,
Упав, к земле прильну лицом.

Есть радость в блещущем просторе
И в нежной свежести росы,
Люблю восторг, и славлю горе,
Чту все виденья, все часы.

Хочу всего: стихам певучим
Томленья чувства передать;
Над пропастью, по горным кручам,
Закрыв глаза, идти опять;

Хочу: в твоем спокойном взоре
Увидеть искры новых слез;
Хочу, чтоб ввысь, где сладко горе,
Двоих — один порыв вознес!

Но буду мудр. Не надо спора.
Бесцелен ропот, тщетен плач.
Пусть вверх и вниз, легко и скоро,
Мелькает жизнь, как пестрый мяч!

Ночь 10/11 ноября 1911

МИЛЫЙ СОН

Продлись, продлись, очарованье!
Ф. Тютчев

Друг моих былых мечтаний, милый сон,
Ты чредой чьих заклинаний воскрешен?

Кто отвеял безнадежность от мечты?
Та же нега, та же нежность, прежний — ты!

На тебе венок весенний васильков,
Над твоей улыбкой тени сладких слов.

Ты стоишь в кругу священном тишины;
Ты творишь волшебно-пленным луч луны,

Развеваешь все тревоги, словно дым;
Возвращаешь, нежно-строгий, мир — двоим.

Давний призрак, друг былого, милый сон,
Ты шепнул ли, что я снова воскрешен?

Что из мглы встают вершины, даль зовет,
Что до цели лишь единый переход?

Что сияют вновь надежды лучших лет?..
Иль опять откроет вежды мертвый свет?

Давний друг, мой сон, помедли! Я — готов.
Чу! унылый звон. Не медь ли злых часов?

1912

Жизни мгновения

Так, в жизни есть мгновения,
Их трудно передать.

Ф. Тютчев

ВЕЧЕРОВАЯ ПЕСНЯ

Я тебе посвятил умиленные песни,
Вечерний час!
Эта тихая радость воскресни, воскресни
Еще хоть раз!

Разливается сумрак,— голубоватый,—
Меж стен домов.
Дали синие неба миром объяты,
Без звезд, без слов...

Электричество вспыхнуло,— полны и ясны
Луны дрожат.
Трамваев огни, там зеленый, здесь красный,
Потянулись в ряд.

Предвесеннею свежестью дышится вольно,
Стерлись года,
И кажется сердцу, невольно, безбольно:
Всё — как тогда!

Я снова в толпе, молодой, одинокий...
И, как во сне,
Идет меж прохожих мой призрак далекий
Навстречу мне...

<1911>

НОЧНОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Возвысила ночь свою черную голову,
Созвездьями смотрит на море и сушу,
И, в волны пролитому, яркому олову
Вверяю ночную, бездомную душу.

Мечта моя! челн в беспредельности кинутый!
Качают тебя огне-синие дали,
Заброшены весла, уключины вынуты,
Со скрипом ненужные реи упали.

Не надо руля и косматого паруса!
Прочь, прежние гавани, берег знакомый!
А волны вздымают за ярусом ярусы,
И водные шире и шире объемы.

Мечта моя! челн в роковой беспредельности!
Ты дышишь соленым дыханием влаги,
Ты счастлив бродячим восторгом бесцельности,
В часы, когда дремлют у пристаней флаги.

Душа моя вверена зыбкому олову,—
До утра той связи святой не нарушу!
А ночь подняла свою черную голову,
Созвездьями смотрит на море и сушу.

1911

НА БЕРЕГУ

Закрыв измученные веки,
Миг отошедший берегу.
О если б так стоять вовеки
На этом тихом берегу!

Мгновенья двигались и стали,
Лишь ты царишь, свой свет струя...
Меж тем в реке — из сизой стали
Влачится за струей струя.

Проходишь ты аллеей парка
И помнишь краткий поцелуй...
Рви нить мою, седая Парка!
Смерть, прямо в губы поцелуй!

Глаза открою. Снова дали
Разверзнут огненную пасть.
О если б Судьбы тут же дали
Мне мертвым и счастливым пасть!

1911

СЛУЧАЙНАЯ СТРЕЛА

Стоял я в этот час, незрящий
Пред будущей судьбой Эдип,
И видел лишь ее дрожащей
Руки пленительный изгиб.

Но знал, что спорить бесполезно
С порывом, вдруг увлекшим нас,
И чувствовал: тесьмой железной
Объединил нас поздний час.

Она беспомощно клонилась
К подушке алой, в глубь и в тень...
И мне казалось, что вонзилась
Стрела случайная в мишень.

И, жестом медленным, безвинный
Убийца, я припал к устам...
И миг продлился, длинный, длинный,—
Врата к мучительным часам.

1911

УТРОМ

Стонет старая шарманка
Вальс знакомый под окном.
Ты глядишь, как иностранка
Где-то в городе чужом.

Не пойму твоих улыбок,
Страха мне не превозмочь.
Иль что было — ряд ошибок,
Это счастье, эта ночь?

Ты смеешься, отошла ты,
У окна стоишь в тени...
Иль, скажи, не нами смяты
На постели простыни?

Изменив своей привычке,
Ты, как римлянка рабу,
Пятачок бросаешь птичке,
Предвещающей судьбу.

Знаю, что за предсказанье
Птичка вытащит тебе:
«Исполнение желанья,
Изменение в судьбе».

Нет! былое не ошибка!
Ты смеешься не над ним!
Счастлив тот, чье сердце зыбко,
Кто способен стать иным!

Счастлив тот, кто утром встанет,
Позабыв про ночь и тень.
Счастлив цвет, что быстро вянет,
Что цветет единый день.

Будь же в мире — иностранка,
Каждый день в краю другом!
Стонет старая шарманка
Вальс знакомый под окном.

<1910>

В НАЕМНОЙ КОМНАТЕ

В наемной комнате все ранит сердце:
И рама зеркала, и стульев стиль,
Зачем-то со стены глядящий Герцен,
И не сметенная с комода пыль.

Нежней прильни ко мне; глаза закроем;
И будем слушать шаг печальных дум,
Как будто мы сошли на дно морское,
Где бледен солнца свет и смутен шум.

Твое дыхание мне рядом слышно,
Замедленный твой пульс слежу рукой...
Подводные цветы надменно пышны,
И разноцветных рыб мелькает рой.

Ах, только об одном могу жалеть я,
Что в той же комнате — очнуться мне!
Акула проплыла, другая, третья...
Закатный рдяный луч скользит на дне.

Как эти миги дум со счастьем схожи,
Как к этой нежности близка любовь!
Но я открыл глаза, и Герцен тот же
Пытливый взор в меня вперяет вновь.

В наемной комнате все сердце ранит.
В ней миг мечты — обман, в ней счастье — ложь,
Нет, не клонись ко мне! Боюсь желаний!
Не надо губ твоих: они язвят, как нож.

⟨1912⟩

В РЕСТОРАНЕ

Вспоминаю под жалобы скрипки,
В полусне ресторанных огней,
Ускользающий трепет улыбки —
Полудетской, желанной, твоей.

С тихим вальсом, знакомо печальным,
В темный парк ускользают мечты.
Липы дремлют в наряде венчальном,
И во мгле улыбаешься — ты.

Этот вальс, этот зов, эти звуки —
Возвращает и годы и дни.
Я целую дрожащие руки,
Мы — во сне, мы — в тени, мы — одни.

Вижу вызовы дерзкого взгляда,
Вижу алые губы, как кровь...
Ах, не надо, не надо, не надо,
Душу снова качает любовь.

Неподвижны у стойки лакеи,
Искры брызжет вино и хрусталь...
Мы идем по вечерней аллее
В непостижно-прозрачную даль.

Все безжалостней жалобы скрипки,
Все безумней взлетают смычки...
Ивы темные нежны и гибки
Над лукой потемневшей реки.

1911

ПОСЛЕ НОЧИ...

После ночи свиданья любовного,
Тихой улицей, тающей тьмой,
В упоеньи восторга греховного,
Возвращаться неспешно домой.

Проходя тротуарами темными,
Помнить, в ясном сиянии грез,
Как ласкал ты руками нескромными
Горностай ее нежных волос.

Чуя в теле истому палящую,
Слыша шаг свой в глухой тишине,
Представлять ее, дремную, спящую,
Говорящую «милый» во сне.

И, встречая ночную прелестницу,
Улыбаясь в лучах фонаря,
Наблюдать, как небесную лестницу
В алый шелк убирает заря.

1904

По торжищам

По торжищам влача тяжелый крест поэта.
Я. Полонский

РОМАНС

Ты приходил ко мне, холодный,
С жемчужным инеем в усах.
В вечерний час, со смертью сходный,
Твой лоб, твои глаза и щеки
Я грела в маленьких руках.
О, как мы были одиноки,
Вдвоем, и в мире и в мечтах!

Ты приходил ко мне, весенний,
Обвеян запахом листвы.
И в час, когда прозрачны тени,
Я целовала абрис милый
Твоей склоненной головы,
А древняя луна скользила
По кругу древней синевы.

Ты приходил ко мне, усталый
От зноя, в пыльный летний день.
Твой рот, страдальческий и алый,
Я целовала, берегла я
Твою тоскующую лень.
Пока, все думы погашая,
Не проникала в окна тень.

Настала осень; дождь протяжный
Шумит в ленивой тишине,
А ты, весь радостный, весь влажный,
Осенних астр цветную связку
Несешь кому-то, но не мне...
И вечер грустно шепчет сказку
О невозвратном, о весне...

<1910>

ПОРТРЕТ

Ей лет четырпадцать; ее глаза
Как на сережке пара спелых вишен;
Она тонка, легка, как стрекоза;
И в голосе ее трав шелест слышен.

Она всегда беспечна, и на всех
Глядит прищурясь, скупо, как в просонках.
Но как, порой, ее коварен смех!..
Иль то — Цирцея, спящая в пеленках?

Она одета просто, и едва
Терпимы ей простые украшенья.
Но ей бы шли шелка, и кружева,
И золото, и пышные каменья!

Она еще ни разу алых губ
В любовном поцелуе не сближала,—
Но взгляд ее, порой, так странно-груб...
Иль поцелуя было бы ей мало?

Мне жаль того, кто, ей вручив кольцо,
В обмен получит право первой ночи.
Свой смех она ему швырнет в лицо,
Иль что-то совершит еще жесточе!

1910

НА ГОРЯЧЕМ ПЕСКЕ

На горячем песке, пред ленивым прибоем,
Ты легла; ты одна; ты обласкана зноем.
Над тобой небеса от лучей побледнели.
Тихо миги проходят без цели, без цели.
За тобой на откосе спокойные сосны.
Были осени, зимы, и вёсны, и вёсны...
Море мирно подходит с ленивым прибоем.
Этим морем, мгновеньем, покоем и зноем
Хорошо упиваться без дум, без загадок.

Час дремотный на взморье так сладок, так сладок...
Быть как волны, как солнце, как миги, как вёсны...
Полдень жжет, море вкрадчиво, пламенны сосны,
Небеса в высоте от лучей побледнели...
Жизнь неслышно проходит, без цели, без цели...

Декабрь 1909 — январь 1910

ДОЖДЬ В ГОРОДЕ

Дождь окрасил цветом бурым
Камни старой мостовой.
Город хмур под небом хмурым,
Даль — за серой пеленой.

Как в стекле, в асфальте влажном
Стены, облака и я.
Чу! бежит, с журчаньем важным,
Пенно-желтая струя.

Глухо пусты тротуары,
Каждый дом и нем и глух...
Дождь над миром деет чары,
Дождь заклятья шепчет вслух.

Как черны верхи пролеток,
Лакированных дождем!
— Промелькнули двух кокоток
Шляпы под одним зонтом.

<1912>

ПРОЩАНИЕ

(На пристани пустынной бледный мальчик
Глядит, как гаснет огненный закат...)
— Плыви, наш пароход! свой тонкий пальчик
Я положила на канат.

(Тень меж теней, по гладким глыбам мола
Бродить он будет, молча, до зари.)
— Моя душа! печальная виола!
Плачь и о прошлом говори!

(Он вспомнит, вспомнит, как над морем буйным
Сидели двое, ночью, на скале!)
— Я прикоснусь обрядом поцелуйным,
Как он, к своей руке во мгле.

(Проглянет утро. Пламенный румянец
Небес — коснется чьих-то бледных щек...)
— Пляшите, волны, свой безумный танец!
Наш путь невесел и далек.

<1911?>

У КОЛОННЫ

Среди детей, на мраморной ступени,
Она сидела, голову склоня.
Ложились на седые косы тени,
Дрожал на пальцах алый отблеск дня.
Он тихо подошел, стал у колонны,
И робким голосом промолвил: «Мать!»
Не покачнулся лик ее склоненный,
Лишь губы что-то начали шептать.
Он, наклонясь, сказал ей: «Неужели
Ты сына не узнала? это — он!»
Ее как будто щеки побледнели,
И шепот расслыхал я: «Тот же сон,
Желанный сон. Мой милый, мой далекий!
Будь, будь со мной, хотя бы лишь во сне!»
И дальше в ночь пошел он, одинокий,
А гор вершины были все в огне.

6 ноября 1909

УЛИЦА

Окна зеркальные,
Крики нахальные
Ярких плакатов.
Улица движется,
Пестрое нижется
Лиц ожерелье...
Скорбь и веселье
В праздничной смене...
Много закатов,
Пышно и ало,
В стеклах сияло,
Разные тени
Спали покорно
В нишах строений.
Сколько столетий
Старцы и дети
Здесь же, все здесь же
Будут томиться,
Плакать, молиться...
Люди упорно
Ищут хоть малой
Искорки блага...
Пышно и ало
Стекла зардели;
Звездочка брезжит;
Сумерки бродят...
Где-то запели:
С шумом проходит
Пьяная ватага.

<1912>

В ИГОРНОМ ДОМЕ

Как Цезарь жителям Алезии
К полям все выходы закрыл,
Так Дух Забот от стран поэзии
Всех, в век железный, отградил.

Нет, не найти им в буйстве чувственном,
В вине и страсти, где врата.
И только здесь, в огне искусственном,
Жива бессмертная Мечта!

Опять сердца изнеможенные
Восторг волненья узнают,
Когда в свои объятья сонные
Вбирает их Великий Спрут.

Незримыми, святыми цитрами
Заворожая души их,
Обводит он глазами хитрыми
Десятки пленников своих.

И те, мгновеньем зачарованы,
Лелеемы заветным сном,
Не знают, что давно окованы
Своим недремлющим врагом.

Белеют шторы. Призрак утренний
Глядится жалобно в окно.
Но все объяты негой внутренней
Мечты, утраченной давно!

<1912>

В ЦЕРКВИ

Оплетены колонки
Лозою виноградной,
И ладана дым тонкий
Висит, дрожит усладно.
Поют: «Мы херувимов
Изображаем тайно...»
Сквозь сеть прозрачных дымов
Все так необычайно.
Апостольские лики
Взирают с царских врат,
И, как языческие Нике,
Златые ангелы парят.

Священник вышел снова,
Одет в парчу и злато.
Всё прелестью земного
Насыщено, объято.
Горят и тают свечи,
Сверкает позолота,
Гласят с амвона речи
Нам благостное что-то.
С вином святая чаша
Высоко поднята,—
И сладко близит радость наша
С дарами Вакха — дар Христа.

1911

Милое воспоминание

О, милое воспоминание!
В. Жуковский

БЛИЗ МОРЯ

Засыпать под ропот моря,
Просыпаться с шумом сосен,
Жить, храня веселье горя,
Помня радость прошлых вёсен;

В созерцаньи одиноком
Наблюдать лесные тени,
Вечно с мыслью о далеком,
Вечно в мареве видений.

Было счастье, счастье было,
Горе было, есть и будет...
Море с вечно новой силой
В берег биться не забудет,

Не забудут сосны шумом
Отвечать на ветер с моря,
И мечты валам угрюмым
Откликаться, бору вторя.

Хорошо о прошлом мыслить,
Сладко плакать в настоящем...
Темной хвои не исчислить
В тихом сумраке шумящем.

Хорошо над серым морем,
Хорошо в бору суровом,
С прежним счастьем, с вечным горем,
С тихим горем, вечно новым!

Июль 1911
Majorenhof

ФИРВАЛЬШТЕТТСКОЕ ОЗЕРО

Фирвальштеттское озеро — Роза Ветров...
К. Бальмонт

Отели, с пышными порталами,
Надменно выстроились в ряд
И, споря с вековыми скалами,
В лазурь бесстрастную глядят.

По набережной, под каштанами,
Базар всесветной суеты,—
Блеск под искусными румянами
В перл возведенной красоты.

Пересекая гладь бесцветную,
Дымят суда и здесь и там,
И, посягнув на высь запретную,
Краснеют флаги по горам.

И в час, когда с ночными безднами
Вершины смешаны в тени,
Оттуда — спор с лучами звездными
Ведут отельные огни.

1909
Luzern

МЮЛЬБАХ

Меж облаков, обвивших скалы,
Грозе прошедшей буйно рад,
Ты вниз стремишься, одичалый,
Сребристо-белый водопад.

И снизу, из окон отелей,
Мы смотрим в высоту, к тебе,—
Где ты, меж неподвижных елей,
Своей покорствуешь судьбе.

Напитан вечными снегами
На вознесенных высотах,
Ты в пропасть падаешь, струями,
Взметающими влажный прах,

Чтоб, о гранитные громады
Разбив бушующую грудь,—
Как все земные водопады,
В заливе мирном потонуть.

26 августа 1909
Brienz

НА ЛЕДНИКЕ

И вы, святыни снега, обесчещены,
Следами палок осквернен ледник,
И чрез зияющие трещины
Ведет туристов проводник.

Но лишь свернешь с дороги предназначенной,
Туда, где нет дорожек и скамей,—
Повеет мир, давно утраченный,
Среди оснеженных камней!

Быть может, мы — уже последние,
Кто дышит в Альпах прежней тишиной.
Вершины царственно-соседние
Одеты влажной синевой.

Парит орел над скалами точеными;
Настороживши слух, стоят сурки;
Объяты рамами зелеными,
Синея в блеске, ледники.

Еще здесь живы замыслы Создателя,
Искавшего торжественных услад,—
Непогрешимого ваятеля
Непостигаемых громад!

Он, протянув просторы ярко-синие,—
Из черни, зелени и белизны
Творил единственные линии,
Свои осуществляя сны.

1909
Montenvers

В ИТАЛЬЯНСКОМ ХРАМЕ

Vulnerant omnes, ultima necat [1].
Надпись на часах

Да, ранят все, последний убивает.
Вам — мой привет, бесстрастные часы,
Моя душа вас набожно считает!

Тот — острым жалом вдумчивой осы
Язвит мечты; тот — как кинжалом режет;
Тот грезы косит с быстротой косы.

Что́ вопли, стоны, что́ зубовный скрежет
Пред тихим вздохом, данником часов!
Боль жизни ровно, повседневно нежит.

Все — оскорбленье: дружбы лживой зов,
Объятья беглые любви обманной
И сочетанья надоевших слов...

Ах, многое прекрасно и желанно!
По-прежнему стремлю я руки в даль.
И жду, как прежде, с верой неустанной.

Но с каждым днем томительней печаль,
Но с каждым годом вздох тоски победней...
И долгой жизни мне давно не жаль.

Клинок конца вонзай же, час последний!

1912

НА МОГИЛЕ ИВАНА КОНЕВСКОГО

(†8 июля 1901 г.)

Я посетил твой прах, забытый и далекий,
На сельском кладбище, среди простых крестов,
Где ты, безвестный, спишь, как в жизни, одинокий,
Любовник тишины и несказанных снов.

[1] Ранят все, последний убивает *(лат.)*.

Ты позабыт давно друзьями и врагами,
И близкие тебе давно все отошли,
Но связь давнишняя не порвалась меж нами,
Двух клявшихся навек — жить радостью земли!

И здесь, в стране чужой, где замки над обрывом
Ревниво берегут сны отошедших дней,
Где бурная река крути́т своим разливом
Ряды поверженных, воде врученных пней;

Где старые дубы и сумрачные вязы,
Как в годы рыцарей, стоят глухой стеной;
Где ночью, в синеве, всемирные алмазы
Спокойно бодрствуют над юной вновь страной;

Ты мой заслышал зов, такой же, как и прежде!
Я радостно воззвал, и ты шепнул: «Живи!
Дыши огнем небес, верь песне и надежде,
И тело сильное опять отдай любви!»

Ты мне сказал: «Я здесь, один, в лесу зеленом,
Но помню, и сквозь сон, мощь бури, солнца, рек,
И ветер, надо мной играя тихим кленом,
Поет мне, что земля — жива, жива вовек!»

13 июля 1911
Segewold

Святое ремесло

Моя напасть, мое богатство,
Мое святое ремесло!

К. Павлова

ПОЭТ — МУЗЕ

Я изменял и многому и многим,
Я покидал в час битвы знамена,
Но день за днем твоим веленьям строгим
Душа была верна.

Заслышав зов, ласкательный и властный,
Я труд бросал, вставал с одра, больной,
Я отрывал уста от ласки страстной,
Чтоб снова быть с тобой.

В тиши полей, под нежный шепот нивы,
Овеян тенью тучек золотых,
Я каждый трепет, каждый вздох счастливый
Вместить стремился в стих.

Во тьме желаний, в муке сладострастья,
Вверяя жизнь безумью и судьбе,
Я помнил, помнил, что вдыхаю счастье,
Чтоб рассказать тебе!

Когда стояла смерть, в одежде черной,
У ложа той, с кем слиты все мечты,
Сквозь скорбь и ужас я ловил упорно
Все миги, все черты.

Измучен долгим искусом страданий,
Лаская пальцами тугой курок,
Я счастлив был, что из своих признаний
Тебе сплету венок.

Не знаю, жить мне много или мало,
Иду я к свету иль во мрак ночной,—
Душа тебе быть верной не устала,
Тебе, тебе одной!

27 ноября 1911

РОДНОЙ ЯЗЫК

Мой верный друг! мой враг коварный!
Мой царь! мой раб! родной язык!
Мои стихи — как дым алтарный!
Как вызов яростный — мой крик!

Ты дал мечте безумной крылья,
Мечту ты путами обвил,
Меня спасал в часы бессилья
И сокрушал избытком сил.

Как часто в тайне звуков странных
И в потаенном смысле слов
Я обретал напев — нежданных,
Овладевавших мной стихов!

Но часто, радостью измучен
Иль тихой упоен тоской,
Я тщетно ждал, чтоб был созвучен
С душой дрожащей — отзвук твой!

Ты ждешь, подобен великану.
Я пред тобой склонен лицом.
И всё ж бороться не устану
Я, как Израиль с божеством!

Нет грани моему упорству.
Ты — в вечности, я — в кратких днях,
Но всё ж, как магу, мне покорствуй,
Иль обрати безумца в прах!

Твои богатства, по наследству,
Я, дерзкий, требую себе.
Призыв бросаю,— ты ответствуй,
Иду,— ты будь готов к борьбе!

Но, побежден иль победитель,
Равно паду я пред тобой:
Ты — Мститель мой, ты — мой Спаситель,
Твой мир — навек моя обитель,
Твой голос — небо надо мной!

31 декабря 1911

ОТВЕТ

Растут дома; гудят автомобили;
Фабричный дым висит на всех кустах;
Аэропланы крылья расстелили
В облаках.

Но прежней страстью, давней и знакомой,
Дрожат людские бедные сердца,—
Любовной, сожигающей истомой
Без конца...

Как прежде, страшен свет дневной Дидоне,
И с уст ее все та же рвется речь;
Все так же должен, в скорбный час, Антоний
Пасть на меч.

Так не кляните нас, что мы упрямо
Лелеем песни всех былых времен,
Что нами стон Катулла: «Odi et amo»[1]—
Повторен!

Под томным взором балерин Дегаза,
При свете электрической дуги
Все так же сходятся четыре глаза,
Как враги.

И в час, когда лобзанья ядовиты
И два объятья — словно круг судьбы,—
Все той же беспощадной Афродиты
Мы — рабы!

30—31 декабря 1911

---

[1] «Ненавижу и люблю» *(лат.)*.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Во мгле, под шумный гул метели,
Найду ль в горах свой путь,— иль вдруг,
Скользнув, паду на дно ущелий?

Со мной венок из иммортелей,
Со мной мой посох, верный друг,
Во мгле, под шумный гул метели.

Ужель неправду норны пели?
Ужель, пройдя и дол и луг,
Скользнув, паду на дно ущелий?

Чу! на скале, у старой ели,
Хохочет грозно горный дух,
Во мгле, под шумный гул метели!

Ужель в тот час, как на свирели
В долине запоет пастух,
Скользнув, паду на дно ущелий?

Взор меркнет... руки онемели...
Я выроню венок,— и вдруг,
Во мгле, под шумный гул метели,

Скользнув, паду на дно ущелий.

1911

Властительные тени

Зову властительные тени.
А. Фет

ЕГИПЕТСКИЙ РАБ

Я жалкий раб царя. С восхода до заката,
Среди других рабов, свершаю тяжкий труд,
И хлеба кус гнилой — единственная плата
За слезы и за пот, за тысячи минут.

Когда порой душа отчаяньем объята,
Над сгорбленной спиной свистит жестокий кнут,
И каждый новый день товарища иль брата
В могилу общую крюками волокут.

Я жалкий раб царя, и жребий мой безвестен;
Как утренняя тень, исчезну без следа,
Меня с лица земли века сотрут, как плесень;

Но не исчезнет след упорного труда,
И вечность простоит, близ озера Мерида,
Гробница царская, святая пирамида.

7—20 октября 1911

МОИСЕЙ

Пророк, чей грозный нимб ваятель
Рогами поднял над челом,
Вождь, полубог, законодатель,—
Всё страшно в облике твоем!

Твоя судьба — чудес сплетенье,
Душа — противоречий клуб.
Ты щедро расточал веленья,
Ты был в признаньях тайных скуп.

Жрецами вражьими воспитан,
Последней тайны приобщен,
И мудростью веков напитан,—
Ты смел смотреть во глубь времен.

Беглец гонимый, сын рабыни,
Чужих, безвестных стад пастух,
Ты с богом говорил в пустыне,
Как сын с отцом, как с духом дух.

Ты замысл, гордо-необычный,
Как новый мир, таил в себе,
И ты, пришлец косноязычный,
Царю пророчил о судьбе.

Пастух,— ты требовал народа,
Раб,— совершал ты чудеса.
Тебе содействуя, природа
Тьмой облекала небеса.

Вчера преступник, нынче принят
Как вождь, ты был гордыни полн:
Ты знал, что жезл взнесешь, и сгинет
Погоня меж взметенных волн.

Но что ж, несытый, ты замыслил?
Тысячелетий длинный строй
Ты взмерил, взвесил и исчислил,
Как свой удел, как жребий свой.

Народ пастуший и бездомный,
Толпу, бродящую в песках,
На подвиг страшный и огромный
Ты дерзостно обрек в веках.

Сказал: «Ты сломишь все препоны!
Весь этот мир, он — мой, он — наш!
Я дам тебе мои законы,—
Ты их вселенной передашь!

Что может мира жалкий житель?
И что могу — я, человек?
Ты будь моей мечты хранитель.
Теперь, потом, в веках, вовек!»

Назначив цель, ты, год за годом,
Водил в пустыне племена,
Боролся со своим народом,
Крепил умы и рамена;

Великий, строгий, непонятный,
Учил мятущихся детей,
Готовил их на подвиг ратный,
Воспитывал ловцов людей.

И день настал. В дали туманной,
Ты, с Нево, взорами обвел
Далекий край обетованный,
Поник челом и отошел.

Твой лик, спокойно-помертвелый,
Взирал на ближний Галаад,
Но знал ты, что во все пределы
Твои глаголы долетят.

Какие б племена ни встали,
Какие б ни пришли века,
Им всем вручит твои скрижали
Твоих наместников рука!

Как древле, грозный и безмерный,
Над буйным миром ты стоишь,
И свой народ, поныне верный,
Ведешь державно и хранишь.

Декабрь 1911

КЛИТЕМНЕСТРА

Сестра — царит в надменной Трое,
Сестре — немолчный гимн времен,
И славный будет славен вдвое,
Когда он за сестру сражен.

Певцы, на царском шумном пире,
Лишь о Елене станут петь,
И в их стихах, и в громкой лире
Ей суждено вовек блестеть.

Не обе ли мы дщери Леды?
И Зевс не также ль мой отец?
Мне — униженья, ей — победы?
Мне — в тернах, в розах — ей венец?

Не вся ль Эллада за Елену
Стоит? Ахейские суда
Крутят вдали морскую пену,
И наши пусты города!

Мое Атрид покинул ложе,
Привесил бранный меч к бедру,
Забыл покой,— и за кого же?
Не за меня, а за сестру!

И всё ли? Он не дочь ли нашу,
Как жертву, на алтарь принес?
И нет ее, и чем я скрашу
Обитель старости и слез?

Всё — в дар забывшей честь и право,
Двумужнице! в стенах врагов
Смеющейся борьбе кровавой
И родине кующей ков!

А я — отверженна, забвенна,
Мне — прялка, вдовья участь — мне,
За то, что буду неизменно
Ждать мужа в яви и во сне!

Нет! если людям на презренье
Я без вины осуждена,—
Да совершатся преступленья!
Да будет подлинно вина!

Да будет жребий мой заслужен,
Неправый суд да будет прав!
Душе — венец позора нужен,
Взамен венца похвал и слав!

О, эвмениды! мне не страшен
Бичей, взнесенных вами, свист!
Спеши ко мне и скрой меж брашен
Клинок убийства, мой Эгист!

1911

СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА

Пламя факелов крутится, длится пляска саламандр,
Распростерт на ложе царском,— скиптр на сердце,—
Александр.

То, что было невозможно, он замыслил, он свершил,
Блеск фаланги македонской видел Ганг и видел Нил.

Будет вечно жить в потомстве память славных, страшных
дел,
Жить в стихах певцов и в книгах, сын Филиппа, твой удел!

Между тем на пышном ложе ты простерт,—бессильный прах,
Ты, врагов дрожавших — ужас, ты, друзей смущенных —
страх!

Тайну замыслов великих смерть ревниво погребла,
В прошлом — яркость, в прошлом — слава, впереди —
туман и мгла.

Дымно факелы крутятся, длится пляска саламандр.
Плача близких, стона войска не расслышит Александр.

Вот Стикс, хранимый вечным мраком,
В ладье Харона переплыт,
Пред Радамантом и Эаком
Герой почивший предстоит,

«Ты кто?» — «Я был царем. Элладой
Был вскормлен. Стих Гомера чтил.
Лишь Славу почитал наградой,
И образцом мне был Ахилл.

Раздвинув родины пределы,
Пройдя победно целый свет,
Я отомстил у Гавгамелы
За Саламин и за Милет!»

И, встав, безликий Некто строго
Гласит: «Он муж был многих жен.
Он нарекался сыном бога.
Им друг на пире умерщвлен.

Круша Афины, руша Фивы,
В рабов он греков обратил;
Верша свой подвиг горделивый,
Эллады силы сокрушил!»

Встает Другой,— черты сокрыты,—
Вещает: «Так назначил Рок,
Чтоб воедино были слиты
Твой мир, Эллада, твой,— Восток!

Не так же ль свяжет в жгут единый,
На Западе, народы — Рим,
Чтоб обе мира половины
Потом сплелись узлом одним?»

Поник Минос челом венчанным.
Нем Радамант, молчит Эак,
И Александр, со взором странным,
Глядит на залетейский мрак.

Пламя факелов крутится, длится пляска саламандр.
Распростерт на ложе царском,— скиптр на сердце,—
Александр.

И уже, пред царским ложем, как предвестье скорых сеч,
Полководцы Александра друг на друга взносят меч.

Мелеагр, Селевк, Пердикка, пьяны памятью побед,
Царским именем, надменно, шлют веленья, шлют запрет.

Увенчать себя мечтает диадемой Антигон.
Антипатр царить в Элладе мыслит, властью упоен.

И во граде Александра, где столица двух морей,
Замышляет трон воздвигнуть хитроумный Птоломей.

Дымно факелы крутятся, длится пляска саламандр.
Споров буйных диадохов не расслышит Александр.

1900, 1911

СУЛЛА

Утонченник седьмого века,
Принявший Греции последний вздох,
Ты презирать учился человека
У самой низменной из всех земных эпох!

И справедливо мрамор саркофага
Гласил испуганным векам:
«Никто друзьям не сделал столько блага
И столько зла — врагам!»

Ты был велик и в мести и в разврате,
Ты счастлив был в любви и на войне,
Ты перешел все грани вероятий,
Вином земных блаженств упился ты вполне.

И выразил себя, когда, царя над Римом,
Не зная, где предел твоих безмерных сил,—
С презрением невыразимым
Народу ты свободу возвратил!

<1912>

КРЕСТНАЯ СМЕРТЬ

Настала ночь. Мы ждали чуда.
Чернел пред нами черный крест.
Каменьев сумрачная груда
Блистала под мерцаньем звезд.

Печальных женщин воздыханья,
Мужчин угрюмые слова,—
Нарушить не могли молчанье,
Стихали, прозвучав едва.

И вдруг он вздрогнул. Мы метнулись,
И показалось нам на миг,
Что глуби неба распахнулись,
Что сонм архангелов возник.

Распятый в небо взгляд направил
И, словно вдруг лишенный сил,
«Отец! почто меня оставил!»
Ужасным гласом возопил.

И римский воин уксус жгучий
На губке протянул шестом.
Отведав, взор он кинул с кручи,
«Свершилось!» — произнес потом.

Все было тихо. Небо черно.
В молчаньи холм. В молчаньи дол.
Он голову склонил покорно,
Поник челом и отошел.

1911

ФАУСТ

Гретхен, Гретхен, в темной нише
Храма ты преклонена.
Гул органа слышен свыше,—
Голос: «Здесь ты не одна!»

Гретхен, Гретхен! светлый гений!
Тайну страшную храня,
В час томлений, в час молений
Позабудь, в слезах, меня...

Что я могу,— напрасно рвущий
Оковы грозных, прошлых лет,
Вторичной жизнию живущий
И давший Дьяволу обет?

Что я могу,— узнавший тайны
Души, и смерти, и всего,
Отвергший этот мир случайный,
Проклявший бога своего?

Одним своим прикосновеньем
Я опалил твой детский лик;
Я ядовитым дуновеньем
К цветку твоей души приник.

Я простираю руки с лаской,—
Но в ласке затаен позор;
Свое лицо скрываю маской,—
Горит под ней надменный взор.

Я к свету за тобой дерзаю,—
Рука, как камень, тяжела,
И мы с тобой летим не к раю,
Но в бездну, где тоска и мгла.

Хочу бежать,— но неизбежно
Влекусь к тебе, к магниту сталь;
Хочу молить с тревогой нежной,
Но смертный зов моя печаль.

Я — ужас, я — позор, я — гибель,
Твоих святынь заветных тать!
Но, в миг паденья, снежной глыбе ль
Свое стремленье задержать!

Гретхен, Гретхен! в темной нише
Храма ты преклонена.
Слышишь божий голос свыше:
«Ты навек осуждена!»

Гретхен, Гретхен! светлый гений!
Встала ты в лучах из тьмы!
Но за мной клубились тени,—
И во мраке оба мы!

26 ноября 1911

Грядущему привет

Грядущему привет надежды и любви.
Кн. П. Вяземский

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ СТОЛП

На Невском, как прибой нестройный,
Растет вечерняя толпа.
Но неподвижен сон спокойный
Александрийского столпа.

Гранит суровый, величавый,
Обломок довременных скал!
Как знак побед, как вестник славы,
Ты перед царским домом стал.

Ты выше, чем колонна Рима,
Поставил знаменье креста.
Несокрушима, недвижима
Твоя тяжелая пята.

И через кровли низких зданий,
Всё озирая пред собой,
Ты видишь в сумрачном тумане
Двух древних сфинксов над Невой.

Глаза в глаза вперив, безмолвны,
Исполнены святой тоски,
Они как будто слышат волны
Иной, торжественной реки.

Для них, детей тысячелетий,
Лишь сон — виденья этих мест,
И эта твердь, и стены эти,
И твой, взнесенный к небу, крест.

И, видя, что багряным диском
На запад солнце склонено,
Они мечтают, как,— давно,—
В песках, над падшим обелиском,
Горело золотом оно.

9 апреля 1909

К ФИНСКОМУ НАРОДУ

Упорный, упрямый, угрюмый,
Под соснами взросший народ!
Их шум подсказал тебе думы,
Их шум в твоих песнях живет.

Спокойный, суровый, могучий,
Как древний родимый гранит!
Твой дух, словно зимние тучи,
Не громы, но вьюги таит.

Меж ка́мней, то мшистых, то голых,
Взлюбил ты прозрачность озер:
Ты вскормлен в работах тяжелых,
Но кроток и ясен твой взор.

Весь цельный, как камень огромный,
Единою грудью дыша,—
Дорогой жестокой и темной
Ты шел, сквозь века, не спеша;

Но песни свои, как святыни,
Хранил — и певучий язык,
И миру являешь ты ныне
Все тот же, все прежний свой лик.

В нужде и в труде терпеливый,—
Моряк, земледел, дровосек,—
На камнях взлелеял ты нивы,
Вражду одолел своих рек;

С природой борясь, крепкогрудый,
Все трудности встретить готов,—
Воздвиг на гранитах причуды
Суровых своих городов.

И рифмы, и кисти, и струны
Теперь покорились тебе.
Ты, смелый, ты, мощный, ты, юный,
Бросаешь свой вызов судьбе.

Стой твердо, народ непреклонный!
Недаром меж скал ты возрос:
Ты мало ли грудью стесненной
Метелей неистовых снес!

Стой твердо! Кто с гневом природы
Веками бороться умел,—
Тот выживет трудные годы,
Тот выйдет из всякой невзгоды,
Как прежде, и силен и цел!

Август 1910

К МОЕЙ СТРАНЕ

Моя страна! Ты доказала
И мне и всем, что дух твой жив,
Когда, почуяв в теле жало,
Ты заметалась, застонала,
Вся — исступленье, вся — порыв!

О, страшен был твой недвижимый,
На смерть похожий, черный сон!
Но вдруг пронесся гул Цусимы,
Ты задрожала вся, и мнимый
Мертвец был громом пробужден.

Нет, не позор бесправной доли,
Не зов непризванных вождей,
Но жгучий стыд, но ярость боли
Тебя метнули к новой воле
И дали мощь руке твоей!

И как недужному, сквозь бреды,
Порой мелькают имена,—
Ты вспомнила восторг победы,
И то, о чем сказали деды:
Что ты великой быть — должна!

Пусть ветры вновь оледенили
Разбег апрельский бурных рек:
Их жизнь — во временной могиле,
Мы смеем верить скрытой силе,
Ждать мая, мая в этот век!

1911

Для всех

Альбом походит на кладбище,
Для всех открытое жилище.
Е. Баратынский

ПАМЯТИ В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ

Как Мелизанда, и ты уронила корону в глубокий родник,
Плакала долго, напрасно клонила над влагой прозрачной свой лик.

Встретил в лесу тебя рыцарь суровый, пути потерявший ловец.
Странницей грустной нежданно пленился, другой тебе подал венец.

В замок угрюмый, старинный, старинный он ввел, как царицу, тебя,
Чтил он твой взор и твой голос певучий, тебе поклонялся, любя.

Но ты бежала от всех поклонений, с тоской о чудесном, ином...
Кто же сразил тебя ночью, жестокий, тяжелым и острым мечом!

Рыцарь суровый, над телом погибшей и руки ломай, и рыдай!
Верим мы все, что открыт Мелизанде желанный и радостный рай.

1910

К. Д. БАЛЬМОНТУ

Как прежде, мы вдвоем, в ночном кафе. За входом
Кружит огни Париж, своим весельем пьян.
Смотрю на облик твой; стараюсь год за годом
Все разгадать, найти рубцы от свежих ран.

И ты мне кажешься суровым мореходом,
Тех лучших дней, когда звал к далям Магеллан,
Предавшим гордый дух безвестностям и водам,
Узнавшим, что́ таит для верных океан.

Я разгадать хочу, в лучах какой лазури,
Вдали от наших стран, искал ты берегов
Погибших Атлантид и призрачных Лемурий,

Какие тайны спят во тьме твоих зрачков...
Но чтобы выразить, что́ в этом лике ново,
Ни ты, ни я, никто еще не знает слова!

1909
Париж

ПРИЗНАНИЕ

Моя дорога — дорога бури,
Моя дорога — дорога тьмы.
Ты любишь кроткий блеск лазури,
Ты любишь ясность,— и вместе мы!

Ах, как прекрасно, под сенью ясной,
Следить мельканье всех облаков!
Но что-то манит к тьме опасной,—
Над бездной сладок соблазнов зов.

Смежая веки, иду над бездной,
И дьявол шепчет: «Эй, поскользнись!»
А над тобою славой звездной
Сияет вечность, сверкает высь.

Я, как лунатик, люблю качаться
Над темным краем, на высоте...
Но есть блаженство — возвращаться,
Как к лучшей цели, к былой мечте.

О если б снова, без слез, без слова,
Меня ждала ты, тиха, ясна!
И нас простора голубого
Вновь грела ясность и глубина!

Я — твой, как прежде, я — твой вовеки,
Домой вернувшись из чуждых стран...
Но, покоряясь Року, реки
Должны стремиться в свой океан.

7 января 1912

ПОСВЯЩЕНИЕ

Н. Львовой

Мой факел старый, просмоленный,
Окрепший с ветрами в борьбе,
Когда-то молнией зажженный,
Любовно подаю тебе.

Своей слабеющей светильней
Ожесточенный пламень тронь:
Пусть вспыхнет ярче и обильней
В руках трепещущих огонь!

Вели нас разные дороги,
На миг мы встретились во мгле.
В час утомленья, в час тревоги
Я был твой спутник на земле.

Не жду улыбки, как награды,
Ни нежно прозвучавших слов.
Но долго буду у ограды
Следить пути твоих шагов.

Я подожду, пока ты минешь
Над пропастью опасный срыв
И высоко лампаду вскинешь,
Даль золотую озарив.

Как знак последнего привета,
Я тоже факел подыму,
И бурю пламени и света
Покорно понесу во тьму.

1911

В ОТВЕТ НА ОДНО ПРИЗНАНИЕ

Нине Петровской

Ты обо мне мечтала в годы те,
Когда по жизни шел я одиноко,
И гордо предан огненной мечте
О женщине безвестной и далекой.

Когда любви я отдал бы себя
Вполне, без меры, яростно и слепо,
Когда, священную любовь любя,
Я верен был ей в сумраке вертепа.

О если б ты тогда пришла ко мне
С своей душой, свободной и мятежной,
Так жаждущей гореть в живом огне,
Неукротимой, исступленной, нежной!

Какую сказку сотворили б мы
Из нашей страсти! новый сон Эдгара!
Она зажглась бы,— как над миром тьмы
Торжественное зарево пожара!

Какие б я слова нашел тогда,
В каких стихах пропел бы гимны счастья!
Но розно мы томились те года,
И расточали праздно, навсегда,
Двух душ родных святое сладострастье!

9 апреля 1910

В АЛЬБОМ ДЕВУШКЕ

В не новом мире грез и прозы
Люби огни звезды вечерней,
Со смехом смешанные слезы,
Дыханье роз, уколы терний,
Спокойным взглядом строгих глаз
Встречай восторг и скорбный час.

Предстанут призраки нежданные,
Смущая ум, мечте грозя:
Иди чрез пропасти туманные,
Куда влечет твоя стезя!
И в миг паденья будь уверена:
Душа жива, жизнь не потеряна!

Тебя прельстит ли пламень славы,
Яд поцелуев, тайна кельи,—
Пей, без боязни, все отравы,
Будь гордой в грусти и весельи!
За склоном жизни, как теперь,
В мечту, в любовь и в счастье — верь!

1911

В АЛЬБОМ Н.

Она мила, как маленькая змейка,
И, может быть, опасна, как и та;
Во влаге жизни манит, как мечта,
Но поверху мелькает, как уклейка.

В ней нет весны, когда лазурь чиста,
И дышат листья так свежо, так клейко...
Скорей в ней лета блеск и пестрота:
Она — в саду манящая аллейка.

Как хорошо! ни мыслить, ни мечтать
Не надо; меж листвы не видно дали;
На время спит реки заглохшей гладь...

В порывах гнева, мести и печали,
Как день грозы, была бы хороша
Ее душа... Но есть ли в ней душа?

1911

САНДРИЛЬОНЕ

М. И. Балтрушайтис

Был день хрустальный, даль опаловая,
Осенний воздух полон ласки.
К моей груди цветок прикалывая,
Ты улыбалась, словно в сказке.

Сменила сказку проза длительная,
В туман слилось очарованье.
Одно, как туфелька пленительная,
Осталось мне — воспоминанье.

Когда, играя, жизнь нас связывает
В беседе тусклой и случайной,
Твой взгляд спокойный не высказывает,
Кем ты была в день свадьбы тайной.

Но мне мила мечта заманчивая,—
Что, нарушая все законы,
Тебе я вновь, свой долг заканчивая,
Надену туфлю Сандрильоны.

1912

В АЛЬБОМ

Что наша жизнь? Несчастный случай!
Напиток страсти, остро-жгучий,
Восторг пленительных созвучий,
Да ужас смерти, черной тучей
Висящий над рекой бегучей.

Что наша жизнь? Тропа по круче,
Над бездной, где поток ревучий
Грозит, где вьется змей ползучий;
Кругом — бурьян, сухой, колючий,
Да, вдоль расщелин, тмин пахучий.

Что наша жизнь? Корабль скрипучий
В объятьях тьмы. Бессильной кучей
Мы сбились, смотрим в мрак дремучий,
Где — то блеснет мираж летучий,
То вспыхнет метеор падучий.

О наша жизнь! Томи и мучай!
Взноси надменно меч могучий,
Грози минутой неминучей,—
Я буду петь свой гимн певучий,
Я буду славить темный случай!

1910

СЕМЬ ЦВЕТОВ РАДУГИ

1912—1915

Еще есть долг, еще есть дело,
Остановиться не пора!

К. Павлова

Naviget! haec summa est...

Vergilius

Оранжевый

Я сам

...Я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной...

А. Фет

SED NON SATIATUS...

Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — этой жизнью хмельной!
Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — вечно юной весной!
Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — высотой, глубиной!
Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — тайной муки страстной!

Вновь я хочу все изведать, что было...
Трепеты, сердце, готовь!
Вновь я хочу все изведать, что было:
Ужас, и скорбь, и любовь!
Вновь я хочу все изведать, что было,
Все, что сжигало мне кровь!
Вновь я хочу все изведать, что было,
И — чего не было — вновь!

Руки несытые я простираю
К солнцу и в сумрак опять!
Руки несытые я простираю
К струнам: им должно звучать!
Руки несытые я простираю,
Чтобы весь мир осязать!
Руки несытые я простираю —
Милое тело обнять!

14 августа 1912

ЮНОШАМ

Мне все равно, друзья ль вы мне, враги ли,
И вам я мил иль ненавистен вам,
Но знаю,— вы томились и любили,
Вы душу предавали тайным снам;

Живой мечтой вы жаждете свободы,
Вы верите в безумную любовь,
В вас жизнь бушует, как морские воды,
В вас, как прибой, стучит по жилам кровь;

Ваш зорок глаз и ваши легки ноги,
И дерзость подвига волнует вас,
Вы не боитесь,— ищете тревоги,
Не страшен,— сладок вам опасный час;

И вы за то мне близки и мне милы,
Как стеблю тонкому мила земля:
В вас, в вашей воле черпаю я силы,
Любуюсь вами, ваш огонь деля.

Вы — мой прообраз. Юности крылатой
Я, в вашем облике, молюсь всегда.
Вы то, что вечно, дорого и свято,
Вы — миру жизнь несущая вода!

Хочу лишь одного — быть вам подобным
Теперь и после: легким и живым,
Как волны океанские свободным,
Взносящимся в лазурь, как светлый дым.

Как вы, в себя я полон вещей веры,
Как вам, судьба поет и мне: живи!
Хочу всего, без грани и без меры,
Опасных битв и роковой любви!

Как перед вами, предо мной — открытый,
В безвестное ведущий, темный путь!
Лечу вперед изогнутой орбитой —
В безмерностях пространства потонуть!

Кем буду завтра, нынче я не знаю,
Быть может, два-три слова милых уст
Вновь предо мной врата раскроют к раю,
Быть может, вдруг мир станет мертв и пуст.

Таким живу, таким пребуду вечно,—
В моих, быть может, чуждых вам стихах,
Всегда любуясь дерзостью беспечной
В неугасимых молодых зрачках!

23 января 1914
Эдинбург II

О ЧЕМ ЕЩЕ МЕЧТАТЬ?

О чем еще мечтать мне в жизни этой?
Все ведомо, изжито, свершено:
От снов травы, лучом весны согретой,
До тихих снов, какими грезит дно;

От муки юноши в минуту страсти,
До сладости в предчувствии конца,
И от пресыщенности дерзкой власти
До гордого безволия творца!

Куда идти, и кто теперь мне нужен,
Пред кем опять мой дрогнет скорбный дух?
Пусть звезды падают, как горсть жемчужин,
Пусть океан поет мне гимны вслух,

Пусть ангелы и демоны покорно
Встают опять в мерцающем огне,—
Алхимик, на огонь погасший горна
Смотрю без слез в своем безгрезном сне.

Придешь ли снова ты, под новой маской,
Мой давний друг, любезный Сатана,
Меня манить неукротимой пляской
Дев, восстающих с кубками вина?

Иль ты, о, женщина, в обличье новом,
Скромна, как тень, и, словно день, нага,
Меня поманишь к ужасам готовым —
В «Подземное жилище» иль в луга?

Что ж, может быть, на вызов я отвечу,
Что ж, может быть, расслышу старый зов, —
Но лишь затем, что верным луком мечу
В себя, — как сын Лаэрта в женихов.

Я гибели хочу, давно, упрямо,
Ее ищу, но отступает Смерть,
И всё, как купол чуждого мне храма,
Надменно надо мной сверкает твердь!

31 января 1914
Эдинбург II

ОЖЕРЕЛЬЕ

Руки, вечно молодые,
Миг не смея пропустить,
Бусы нижут золотые
На серебряную нить.

Жемчуг крупный, жемчуг малый
Нижут с утра до утра,
Жемчуг желтый, жемчуг алый
Белой нитью серебра.

Кто вы, радостные парки,
Вы, работницы судеб?
Нити пестры, нити ярки,
В белом блеске я ослеп.

Не моя ли жизнь — те нити?
Жемчуг — женские сердца?
Парки вещие, нижите
Яркий жемчуг до конца!

Выбирайте, подбирайте
Жемчуг крупный и простой,
Круг жемчужный завершайте
Быстро-нижущей иглой!

Нить почти полна! немножко
Остается бус,— и вот
Золоченая застежка
Ожерелье — Смерть — замкнет!

10 января 1912

ЛЕТОМ 1912 ГОДА

Пора сознаться: я — не молод; скоро сорок.
Уже не молодость, не вся ли жизнь прошла?
Что впереди? обрыв иль спуск? но, общий ворог,
Стоит старуха-смерть у каждого угла.
Я жил, искал услад, и правых и неправых,
Мне сны безумные нашептывала страсть,
Губами припадал ко всем земным отравам,
Я знал, как радует, как опьяняет власть.
Меж мук и радостей, творимых и случайных,
Я, в лабиринте дней ища упорно путь,
Порой тонул мечтой в предвечно-страшных тайнах
И в хаос истины порой умел взглянуть.
Я дрожь души своей, ее вмещая в звуках,
Сумел на ряд веков победно сохранить,
И долго меж людей, в своих мечтах и муках,
В своих живых стихах, как феникс, буду жить.
И в длинном перечне, где Данте, где Вергилий,
Где Гете, Пушкин, где ряд дорогих имен,
Я имя новое вписал, чтоб вечно жили
Преданья обо мне, идя сквозь строй времен.
Загадку новую я задал для столетий,
На высях, как маяк, зажег мечту свою...
Об чем же мне жалеть на этом бедном свете?
Иду без трепета и без тревог стою.
Взмахни своей косой, ты, старая! Быть может,
Ты заждалась меня, но мне — мне все равно.
В час роковой меня твой голос не встревожит:
Довольно думано! довольно свершено!

1912

ДОЛЖЕН БЫЛ...

Должен был Герострат сжечь храм Артемиды в Эфесе,
Дабы явить идеал жаждущих славы — векам.

Так же Иуда был должен предать Христа на распятье:
Образ предателя тем был завершен навсегда.

Был Фердинанд принужден оковать цепями Колумба:
Ибо те цепи — пример неблагодарных владык.

А Бонапарте? он мог ли остаться в убежище Эльбы?
Был бы Елены гранит лишним тогда на земле!

Пушкин был должен явить нам, русским, облик Татьяны,
Тютчев был должен сказать: «Мысль изреченная — ложь!»

Так и я не могу не слагать иных, радостных, песен,
Ибо однажды они были должны прозвучать!

4 апреля 1915
Варшава

ПАМЯТНИК

Sume superbiam...
Horatius[1]

Мой памятник стоит, из строф созвучных сложен.
Кричите, буйствуйте,— его вам не свалить!
Распад певучих слов в грядущем невозможен,—
Я есмь и вечно должен быть.

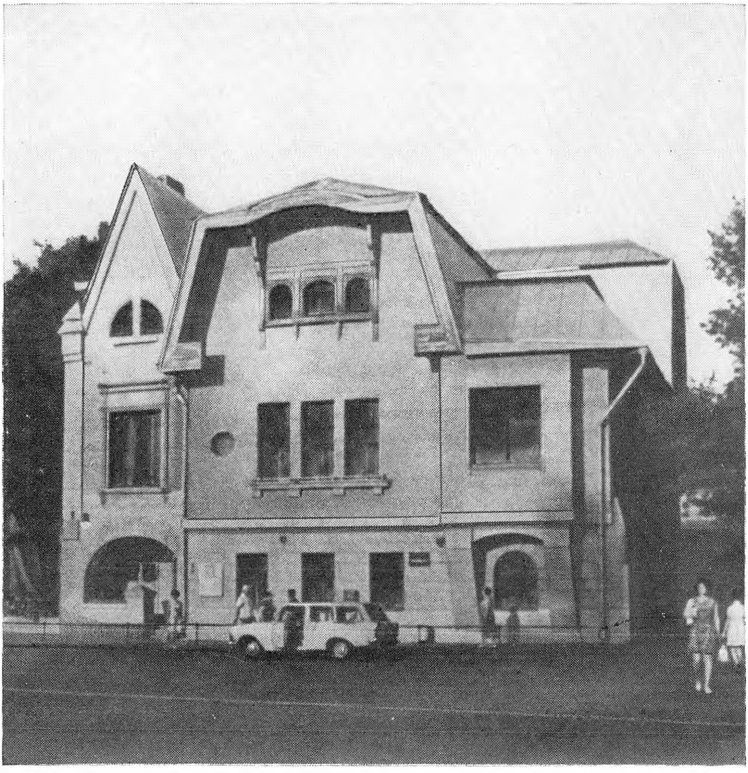
И станов всех бойцы, и люди разных вкусов,
В каморке бедняка, и во дворце царя,
Ликуя, назовут меня — Валерий Брюсов,
О друге с дружбой говоря.

В сады Украйны, в шум и яркий сон столицы,
К преддверьям Индии, на берег Иртыша,—
Повсюду долетят горящие страницы,
В которых спит моя душа.

---

[1] Преисполнись гордости...— *Гораций (лат.).*

1



2

За многих думал я, за всех знал муки страсти,
Но станет ясно всем, что эта песнь — о них,
И, у далеких грез в неодолимой власти,
Прославят гордо каждый стих.

И в новых звуках зов проникнет за пределы
Печальной родины, и немец, и француз
Покорно повторят мой стих осиротелый,
Подарок благосклонных Муз.

Что слава наших дней? — случайная забава!
Что клевета друзей? — презрение хулам!
Венчай мое чело,иных столетий Слава,
Вводя меня в всемирный храм.

Июль 1912

Сын земли

Я — сын земли...
В. Б.

СЫН ЗЕМЛИ

Я — сын земли, дитя планеты малой,
Затерянной в пространстве мировом,
Под бременем веков давно усталой,
Мечтающей бесплодно о ином.

Я — сын земли, где дни и годы — кратки,
Где сладостна зеленая весна,
Где тягостны безумных душ загадки,
Где сны любви баюкает луна.

От протоплазмы до ихтиозавров,
От дикаря, с оружьем из кремня,
До гордых храмов, дремлющих меж лавров,
От первого пророка до меня,—

Мы были узники на шаре скромном,
И сколько раз, в бессчетной смене лет,
Упорный взор земли в просторе темном
Следил с тоской движения планет!

К тем сестрам нашей населенной суши,
К тем дочерям единого отца
Как много раз взносились наши души,
Мечты поэта, думы мудреца!

И, сын земли, единый из бессчетных,
Я в бесконечное бросаю стих,—
К тем существам, телесным иль бесплотным,
Что мыслят, что живут в мирах иных.

Не знаю, как мой зов достигнет цели,
Не знаю, кто привет мой донесет,
Но, если те любили и скорбели,
Но, если те мечтали в свой черед

И жадной мыслью погружались в тайны,
Следя лучи, горящие вдали,—
Они поймут мой голос не случайный,
Мой страстный вздох, домчавшийся с земли!

Вы, властелины Марса иль Венеры,
Вы, духи света иль, быть может, тьмы,—
Вы, как и я, храните символ веры:
Завет о том, что будем вместе мы!

1913

ЗЕМЛЕ

Я — ваш, я ваш родич, священные гады!
Ив. Коневской

Как отчий дом, как старый горец горы,
Люблю я землю: тень ее лесов,
И моря ропоты, и звезд узоры,
И странные строенья облаков.

К зеленым далям с детства взор приучен,
С единственной луной сжилась мечта,
Давно для слуха грохот грома звучен,
И глаз усталый нежит темнота.

В безвестном мире, на иной планете,
Под сенью скал, под лаской алых лун,
С тоской любовной вспомню светы эти
И ровный ропот океанских струн.

Среди живых цветов, существ крылатых
Я затоскую о своей земле,
О счастье рук, в объятьи тесном сжатых,
Под старым дубом, в серебристой мгле.

В Эдеме вечном, где конец исканьям,
Где нам блаженство ставит свой предел,
Мечтой перенесусь к земным страданьям,
К восторгу и томленью смертных тел.

Я брат зверью, и ящерам, и рыбам.
Мне внятен рост весной встающих трав,
Молюсь земле, к ее священным глыбам
Устами неистомными припав!

25 августа 1912

ПРЕДВЕЩАНИЕ

Быть может, суждено земле
В последнем холоде застынуть;
Всему живому — в мертвой мгле
С безвольностью покорной сгинуть.

Сначала в белый блеск снегов
Земля невестой облачится;
Туман, бесстрастен и суров,
Над далью нив распространится;

В мохнатых мантиях, леса —
Прозрачных пальм, как стройных сосен.
Напрасно глядя в небеса,
Ждать будут невозможных весен;

Забыв утехи давних игр,
Заснут в воде промерзшей рыбы,
И ляжет, умирая, тигр
На бело-ледяные глыбы...

Потом иссякнет и вода,
Свод неба станет ясно синим,
И солнце — малая звезда —
Чуть заблестит нагим пустыням.

Пойдет последний человек
(О, дети жалких поколений!)
Искать последних, скудных рек,
Последних жалостных растений

И не найдет. В безумьи, он
С подругой милой, с братом, с сыном,
Тоской и жаждой опьянен,
Заспорит о глотке едином.

И все умрут, грызясь, в борьбе,
Но глаз не выклюют им птицы.
Земля, покорная судьбе,
Помчит лишь трупы да гробницы.

И только, может быть, огни,
Зажженные в веках далеких,
Всё будут трепетать в тени,
Как взоры городов стооких.

1913

ЗЕМЛЯ МОЛОДАЯ

Зданья громадные стройте,
Высьте над башнями башни,
Сводом стеклянным закройте
Свободные пашни;

Солнцами солнце затмите,
Реки замкните гранитом,
Полюсы соедините
Тоннелем прорытым;

Правьте движеньем планеты,—
Бегом в пространстве небесном,
Бросьте сигнальные светы
Мирам неизвестным;

Воля проснется природы,
Грозно на дерзких восстанет,
Рухнут прозрачные своды,
Железо обманет;

Сгинут твердыни во прахе;
Здесь, над погостом столицы,
Дики покажутся взмахи
Полуночной птицы;

Выйдут и львы и медведи
Вновь из забытой берлоги,
Лягут на плитах из меди
В упавшем чертоге;

Вскроет,— глухим содроганьем
Прежнее племя сметая,—
Дали — грядущим созданьям
Земля молодая!

11 мая 1913

ДЕТСКИЕ УПОВАНИЯ

Снова ночь и небо, и надменно
Красный Марс блистает надо мной.
Раб земли, окованный и пленный,
Что томиться грезой неземной?

Не свершиться детским упованьям!
Не увидишь, умиленный, ты —
Новый луч над вечным мирозданьем:
Наш корабль в просторах пустоты!

Не свершишь ты первого полета,
Не прочтешь и на столбцах газет,
Что безвестный, ныне славный, кто-то,
Как Колумб, увидел новый свет.

Что ж, покорствуй! Но душа не хочет
Расставаться с потаенным сном
И, рыдая, радостно пророчит
О великом имени земном.

О, ужель, как дикий краснокожий,
Удивится пришлецам Земля?
И придет крестить любимец божий
Наши воды, горы и поля?

Нет! но мы, своим владея светом,
Мы, кто стяг на полюс донесли,
Мы должны нести другим планетам
Благовестье маленькой Земли.

1914
Зегевольд

Перед тобою я

Но что мной зримая вселенна
И что перед Тобою я!

Г. Державин

ГИМН БОГАМ

Я верую в мощного Зевса, держащего выси вселенной;
Державную Геру, чьей волей обеты семейные святы;
Властителя вод Посейдона, мутящего глуби трезубцем;
Владыку подземного царства, судью неподкупного Гада;
Великую мудрость Паллады, дающей отважные мысли;
Губя́щую Ареса силу, влекущего дерзостных к бою;
Блаженную мирность Деметры, под чьим
покровительством пашни;
Священную Гестии тайну, чьей благостью дом
осчастливлен;
Твой пояс, таящий соблазны, святящая страсть,
Афродита;
Твой лук с тетивой золоченой, ты, дева вовек, Артемида;
Певуче-бессмертную лиру метателя стрел Аполлона;
Могучий и творческий молот кующего тайны Гефеста;
И легкую, умную хитрость посланника с крыльями Герма.
Я верую, с Зевсом начальным, в двенадцать бессмертных.
Стихии
Покорны их благостной воле; земля, подземелье и небо

Подвластны их грозным веленьям; и смертные, с робким восторгом,
Приветствуют в образах вечных — что было, что есть и что будет.
Храните, о боги, над миром владычество ныне и присно!

1913

ГИМН АФРОДИТЕ

Гимны слагать не устану бессмертной и светлой богине.
Ты, Афродита-Любовь, как царила, так царствуешь ныне.
Алыми белый алтарь твой венчаем мы снова цветами,
Радостный лик твой парит с безмятежной улыбкой над нами.

Правду какую явить благосклонной улыбкой ты хочешь?
Мрамором уст неизменных какие виденья пророчишь?
Смотрят куда неподвижно твои беззакатные очи?
Дали становятся у́же, века и мгновенья — короче:

Да, и пространство и время слились,— где кадильница эта,
Здесь мудрецов откровенья, здесь вещая тайна поэта,
Ноги твои попирают разгадку и смысл мирозданья.
Робко к коленам твоим приношу умиленную дань я.

С детства меня увлекала к далеким святыням тревога,
Долго в скитаньях искал я — вождя, повелителя, бога,
От алтарей к алтарям приходил в беспокойстве всегдашнем,
Завтрашний день прославлял, называя сегодня — вчерашним.

Вот возвращаюсь к тебе я, богиня богинь Афродита!
Вижу: тропа в бесконечность за мрамором этим открыта.
Тайное станет мне явным, твоей лишь поверю я власти,
В час, как покорно предамся последней, губительной страсти...

30 июня — 1 июля 1912

ЦАРИЦА СТРАСТЬ

Ты к мальчику проникнешь вкрадчиво,
Добра, как старшая сестра;
Браня его, как брата младшего,
Ты ласково шепнешь: «Пора!»
В насмешливом, коварном шепоте
Соблазн неутолимый скрыт.
И вот — мечта о жгучем опыте
Сны и бессонницу томит.

Ты девушку, как мать, заботливо,
Под грешный полог проведешь;
В последнем споре изворотливо
Найдешь губительную ложь;
В минуты радости изменчивой
Подскажешь тихо: «Ты права!»
И вынудишь язык застенчивый
Твердить бесстыдные слова.

Ты женщине, как друг испытанный,
Оставшись с ней наедине,
Напомнишь про роман прочитанный,
Про облик, виденный во сне.
И, третья между двух, незримая,
В альковной душной темноте,
Как цель, вовек недостижимая,
Покажешься ее мечте.

Кто, кто из нас тебе, обманчивой,
Не взмолится, без слов, тайком?
Ты нежно скажешь: «Не заканчивай
Томящих грез: я — пред концом...»
И, видя в слабости поверженным
Блаженно-жалкого раба,
Вдруг засмеешься смехом сдержанным,
Царица, воля чья — Судьба!

Декабрь 1914 — Март 1915

ИСТИННЫЙ ОТВЕТ

«Ты умрешь, и большего не требуй!
Благ закон всевидящей Судьбы».
Так гласят, вздымая руки к небу,
Бога Вишну хмурые рабы.
Под кумиром тяжким гнутся зебу,
Выпрямляя твердые горбы.

«Ты живешь, и большего не надо!
Высший дар Судьбой всезрящей дан».
Восклицает буйная менада,
Подымая высоко тимпан.
В роще лавров — тихая прохлада,
Мрамор Вакха — солнцем осиян.

«Жизнь отдать за вечный Рим, в котором
Капля ты — будь этой доле рад!»
Так оратор, с непреклонным взором,
Говорит под сводами аркад.
Солнце щедро льет лучи на форум,
Тоги белые в лучах горят.

«Эта жизнь — лишь краткий призрак сонный,
Человек! Жизнь истинная — там!»
В черной рясе инок изможденный
Вопиет мятущимся векам.
Строги в высь ушедшие колонны,
Сумрачен и беспощаден храм.

«Единенье атомов случайных —
Наша жизнь, смерть — распаденье их».
Рассуждает, фрак надев, о тайнах
Черт, в кругу учеников своих.
За окном напев звонков трамвайных,
Гул бессвязный шумов городских.

Жрец на зебу, пьяная вакханка,
Римский ритор, пламенный аскет,
Хитрый черт, с профессорской осанкой,
Кто ж из них даст истинный ответ?
Ах, не ты ль, с прозрачным ядом стклянка?
Ах, не ты ль, отточенный стилет?

1913
Петербург

ULTIMA THULE

Где океан, век за веком, стучась о граниты,
Тайны свои разглашает в задумчивом гуле,
Высится остров, давно моряками забытый,—
Ultima Thule.

Вымерли конунги, здесь что царили когда-то,
Их корабли у чужих берегов затонули.
Грозно безлюдье вокруг, и молчаньем объята
Ultima Thule.

Даже и птицы чуждаются хмурых прибрежий,
Где и тюлени на камнях не дремлют в июле,
Где и киты проплывают все реже и реже...
Ultima Thule.

Остров, где *нет* ничего и где все только *было*,
Краем желанным ты кажешься мне потому ли?
Властно к тебе я влеком неизведанной силой,
Ultima Thule.

Пусть на твоих плоскогорьях я буду *единым!*
Я посещу ряд могил, где герои уснули,
Я поклонюсь твоим древним угрюмым руинам,
Ultima Thule.

И, как король, что в бессмертной балладе помянут,
Брошу свой кубок с утеса, в добычу акуле!
Канет он в бездне, и с ним все желания канут...
Ultima Thule!

Апрель 1915

В стране тишины

И сердце не верит в стране тишины...

«Венок»

В РАЗНЫЕ ГОДЫ

В разные годы
К вам приходил я, граниты,
Глядеться в недвижно-прозрачные воды;
Приносил и веселье и грусть,
Приходил и у страсти во власти, и странно-ничей,
И вы,
Мохом и вереском алым повиты,
В коронах из царственных сосен,
Встречали меня, как волхвы,
Всегда,— и с тех пор
Помню я наизусть
И сладкие ласки зеркальных озер,
И напевы волшебные белых ночей,
И младенческий лепет вкрадчивых весен,
И Иматры белоголовой
Немолчные стоны.
И снова
На бурые камни, на зеленые склоны
Я принес роковую печаль...
Предвечную мудрость храня,
Опять на меня
Поглядите сурово,
Как смотрите вы в бесконечную даль,
И под рев водопада, под ропот озерный,
Под шелест чуть слышный хвои
Шепните, что вы, горделиво упорны,
Столетья таите от мира страданья свои!

1913

ИМАТРА

Кипит, шумит. Она — все та же,
Ее не изменился дух!
Гранитам, дремлющим на страже,
Она ревет проклятья вслух.

И, глыбы вод своих бросая
Во глубь, бела и вспенена,
От края камней и до края,
Одно стремление она.

Что здесь? драконов древних гривы?
Бизонов бешеных стада?
Твой грозный гул, твои извивы
Летят, все те же, сквозь года.

Неукротимость, неизменность,
Желанье сокрушить свой плен
Горят сквозь зыбкую мгновенность
Венчанных радугами пен!

Кипи, шуми, стремись мятежней,
Гуди, седой водоворот,
Дай верить, что я тоже прежний
Стою над распрей прежних вод!

6 июня 1913
Imatra

НАД ИМАТРОЙ

Размер ямбического трúметра
Мне слышен в гуле вод твоих.
В твоем глухом гуденьи, Иматра,
Есть правильный и строгий стих.

И сосны, в лад с тобой раскачены,
Колебля рыжие стволы,
Слагают гимн, людьми утраченный,
Вам вторя, пенные валы.

Пещеры, откликами смутными
Вливаясь в ваш созвучный хор,
Ведут с громадами минутными
Давно начатый разговор.

И даже дольмены гранитные,
В ответ на ваш немолчный зов,
Возносят песни первобытные,
Клир еле слышных голосов.

Всё вкруг, в затишье и под ветрами,
Под солнцем, при луне, во мгле,
Поет назначенными метрами
Хвалу стоустую Земле!

1913
Imatra

У КРУГЛОГО КАМНЯ

Белея, ночь приникла к яхте,
Легла на сосны пеленой...
Отава, Пейва, Укко, Ахти,
Не ваши ль тени предо мной?

Есть след ноги на камне старом,
Что рядом спит над гладью вод.
Туони! ты лихим ударом
Его отбросил от ворот!

Бывало, в грозные хавтаймы,
Неся гранитные шары,
Сюда, на тихий берег Саймы,
Вы все сходились для игры.

Где ныне косо частоколом
Вдали обведены поля,
Под вашим божеским футболом
Дрожала древняя земля.

И где теперь суровый шкипер
Фарватер ищет между скал,
Когда-то Юмала-голкипер
Лицо от пота омывал.

Былые матчи позабыты,
И вы — лишь тени в белой мгле,—
Но тяжкие мячи-граниты
Лежат в воде и на земле.

1913
Вуоксенниска

САЙМА

Лодка, порывистым ветром качаема,
Килем валы опененные режет.
Снова прибоями сизая Сайма
Старые камни прибрежия нежит.

Видны извилины берега пестрого:
Дачи и сосны, пески и граниты...
Вырос над волнами маленький остров,
Пеной, как кружевом, нежно повитый.

Справа — утесы: лишь ели да верески;
Срыв недоступный — коричнев и зелен.
Ветер навстречу, упорный и резкий,
Свищет надменно из древних расщелин.

Слева — по светлому склону рассеяны,
Белые виллы, с ласкающим садом,
В воду глядятся, как смотрят в бассейны
Жены гаремов прищуренным взглядом.

Сайма ласкает, почти успокоена,
Нас, и гранит, и садовые флоксы,
Чтобы потом, исступленно и знойно,
Броситься грудью на камни Вуоксы.

8 июля 1913
Вуоксенниска

Неведомый прохожий

Я — неведомый прохожий
В суете других бродяг...

«Urbi et Orbi»

ЗАКАТ НАД МОРЕМ

Над морем из серого крепа,
На призрачно-розовом шелке,
Труп солнца положен; у склепа
Стоят паруса — богомолки.
Пред ними умерший владыка
Недавно горевшего дня...
Ложатся от алого лика
По во́дам зигзаги огня.

Вот справа маяк полусонный
Взглянул циклопическим взором;
Весь в пурпуре, диск удлиненный
Совпал с водяным кругозором;
И волн, набегающих с силой,
Угрюмей звучат голоса...
Уже над закрытой могилой,
Померкнув, стоят паруса.

20 июля 1913
Noordwijk-aan-Zee

НАД СЕВЕРНЫМ МОРЕМ

Над морем, где древние фризы,
Готовя отважный поход,
Пускались в туман серо-сизый
По гребням озлобленных вод,—

Над морем, что, словно гигантский,
Титанами вырытый ров,
Отрезало берег британский
От нижнегерманских лугов,—

Бреду я, в томленьи счастливом
Неясно-ласкающих дум,
По отмели, вскрытой отливом,
Под смутно-размеренный шум.

Волна набегает, узорно
Извивами чертит песок
И снова отходит покорно,
Горсть раковин бросив у ног;

Летит красноклювая птица,
Глядя на меня без вражды,
И чаек морских вереница
Присела у самой воды;

Вдали, как на старой гравюре,
В тумане уходит из глаз,
Привыкший к просторам и к буре,
Широкий рыбацкий баркас...

Поют океанские струны
Напевы неведомых лет,
И слушают серые дюны
Любовно-суровый привет.

И кажутся сердцу знакомы
И эти напевы тоски,
И пенные эти изломы,
И влажные эти пески,

И этот туман серо-сизый
Над взрытыми далями вод...
Не с вами ли, древние фризы,
Пускался я в дерзкий поход?

5 июля 1913
Scheveningen

ОКЕАН И ДЮНЫ

Рушатся волн белопенные гребни,
Глади песков заливает прилив;
Море трубит все надменней, хвалебней
Древний любовный призыв.

Слушают дюны: привычны им песни
С детства знакомого друга-врага;
Пусть он грозит: год за годом чудесней
Дальше растут берега.

Новой грядой выдвигаются дюны,
Груди свои поднимают,— а он,
Вечно влюбленный, и сильный, и юный,
Страстью былой распален.

Рушатся белые гребни все ближе
К дюнам недвижным; их сдвинутый ряд
Смело встречает насильника. Чьи же
Силы в борьбе победят?

Миг — и впились опененные губы
Прямо в высокие груди-сосцы...
Чу! то играют отзывные трубы:
Слиты в объятьи бойцы...

9 июля 1913
Noordwijk-aan-Zee

В ГОЛЛАНДИИ

Эти милые, красно-зеленые домики,
Эти садики, в розах и желтых и алых,
Эти смуглые дети, как малые гномики,
Отраженные в тихо-застывших каналах,—

Эти старые лавки, где полки уставлены
Рядом банок пузатых, давно закоптелых,
Этот шум кабаков, заглушенный, подавленный,
Эти рослые женщины в чепчиках белых,—

Это всё так знакомо, и кажется: в сказке я,
И готов наважденью воскликнуть я: vade![1]
Я с тобой повстречался, Рембрандтова Саския?
Я в твой век возвращен, Адриан ван Остаде?

13 июля 1913
Leiden

[1] Сгинь! *(лат.)*

К СЕВЕРНОМУ МОРЮ

Я пришел с тобой проститься, море,
Может быть, на долгие года.
Ты опять — в сверкающем уборе,
В кружевах из пены, как всегда.

И опять валы неутомимо
Ты стремишь на сглаженный песок,
Как в те дни, когда впервые — Рима
Ты вдали заметило значок.

Те же ветры сумрачные дули,
Те же облака бесстрастно шли,
В дни, когда отсюда строгий Юлий
Вел на диких бриттов корабли.

И туман над ширью океанской
Так же плыл, торжественно-суров,
В дни, когда сзывал Вильгельм Оранский
За свободу родины бойцов.

А когда озолотило чудо
Амстердам, и Лейден, и Анвер,—
Те же дали видели отсюда
Гальс, Ян Стен, Гоббема и Фермер.

Кесарю, Вильгельмам, чародеям
Кисти — лепетало ты привет.
Тем же гулом ласковым лелеем,
Я теперь тебе шепчу ответ.

Проходи, о, море, неизменным
Сквозь века, что поглощают нас,
И узором, призрачным и пенным,
Покрывай пески в урочный час!

Июль 1913
Noordwijk-aan-Zee

ЗИМНЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ К МОРЮ

Я скорей тебя увидел снова,
Чем я ждал, простор соленых вод,
Но как грустно, грозно и сурово
Ты влачишь валы на твердый лед!

Набегает черный вал с разбега,
Белой пены полосой повит,
На предел белеющего снега,—
И покорно стелется, разбит.

Облака, как серые громады,
Медленно над далями плывут,
Словно эти дымы моря — рады
Отдохнуть, свершив свой летний труд.

Рыжих сосен поросли на дюнах
Ждут, когда наступит черный мрак,
Вспыхнут огоньки на мерзлых шкунах,
Завращает красный глаз маяк.

Здравствуй, море, северное море,
Зимнее, не знаемое мной!
Новое тебе принес я горе,
Новое, не бывшее весной!

Успокой, как летом, и обрадуй
Бесконечным ропотом валов,
Беспредельной сумрачной усладой
Волн, идущих сквозь века веков!

18 декабря 1913
Эдинбург II

ВЕЧЕР НАД МОРЕМ

Желтым золотом окрашены
Дали в прóсветы хвои.
Солнца луч полупогашенный
Бьет в прибрежные струи.

Море сумрачное движется,
Льдины белые неся.
В облаках чуть зримо нижется
Светло-синяя стезя.

Краски пламенно-закатные
Хмурым днем помрачены,
Но все те ж движенья ратные
Вечно зыблемой волны.

Меркнет огненное золото,
Скрыто облачным плащом,—
И в последний раз уколото
Море гаснущим лучом.

Декабрь 1913
Эдинбург II

Природы соглядатай

Природы праздный соглядатай...
А. Фет

ВЕЧЕРНИЙ ПАН

Вечерний Пан исполнен мира,
Не позовет, не прошумит.
Задумчив, на лесной поляне,
Следит, как вечер из потира
Льет по́-небу живую кровь,
Как берега белеют вновь
В молочно-голубом тумане,
И ждет, когда луч Алтаира
В померкшей сини заблестит.

Вечерний Пан вникает в звуки,
Встающие во мгле кругом:
В далекий скрип пустой телеги,
В журчанье речки у излуки
И в кваканье глухих прудов.

Один, в безлюдии святом,
Он, в сладком онеменьи неги,
Косматые вздымает руки,
Благословляя царство снов.

1914
Опалиха

ВЕЧЕРОМ В ДОРОГЕ

Кричат дрозды; клонясь, дрожат
Головки белой земляники;
Березки забегают в ряд,
Смутясь, как девы полудикие.

Чем дальше, глубже колеи;
Вот вышла ель в старинной тальме...
Уже прозрачной кисеи
Повисла завеса над далями.

Вновь — вечер на лесном пути,
Во всем с иным, далеким, сходен.
Нет, никуда нам не уйти
От непонятно милой родины!

Чу! не прощанье ль крикнул дрозд?
Клонясь, дрожит иван-да-марья.
В просвете — свечи первых звезд
И красный очерк полушария.

1914
Опалиха

ВЕСНОЙ

Попискивают птицы
В роще березовой;
Сетят листья тень
На песок почти розовый;
Облачков вереницы
Стынут в лазури ясной;
Расцвел пригожий день,
С душой согласный.

Эти зеленые травы,
Современницы нашей планеты,
Эта предельная синь,
Эти весенние светы,—
Исполнены древней отравы,
Пьянящей, от века до века,
Странника мировых пустынь,—
Человека.

1914
Опалиха

ВЕСЕННЕЕ

Осте́женный последним снегом,
Весну встречая, грезит лес,
И тучи тешатся разбегом,
Чертя аэродром небес.

Кто, исхищренный как китаец,
Из туч ряды драконов сплел?
А, под березой, зимний заяц
Оглядывает, щурясь, дол.

Вдали водоворотит море
На пажить хлынувшей реки,
И крыши изб на косогоре,
Как нежная пастель,— легки.

Не нынче ль смелой увертюрой
Смутит нас первая гроза?
Но солнце, из-за ткани хмурой,
Глядит на нас, как глаз в глаза.

Опять в душе кипит избыток
И новых рифм, и буйных слов,
И пью, как нежащий напиток,
Я запах будущих цветов.

Март 1912
Подольск

НОЧЬЮ СВЕТЛОЙ

Ночи светлой, ночи летней
Сумрак лег над далью сонной.
Цвет и краски незаметней,
Воздух дышит благовонный.

То река иль то дорога
Вьет меж потемневших пашен?
К небу ветви поднял строго
Старый дуб, суров и страшен.

Огоньки в окошках блещут,
Небо чище и открытей,
В нежной сини чуть трепещут
Пары телеграфных нитей...

1912
Подольск

ЦВЕТИКИ УБОГИЕ

Цветики убогие северной весны,
Веете вы кротостью мирной тишины.

Ландыш клонит жемчуг крупных белых слез,
Синий колокольчик спит в тени берез,

Белая фиалка высится, стройна,
Белая ромашка в зелени видна,

Здесь иван-да-марья, одуванчик там,
Желтенькие звезды всюду по лугам,

Изредка меж листьев аленький намек,
Словно мох, бессмертный иммортель-цветок,—

Белый, желтый, синий — в зелени полян,
Скромный венчик небом обделенных стран.

4 июня 1912
Опалиха

КРОТ

Роет норы крот угрюмый;
Под землей чуть слышны шумы
С травяных лугов земли:
Шорох, шелест, треск и щебет...
Лапкой кожу крот теребит:
Мышь шмыгнула невдали.

У крота дворец роскошен,
Но, покуда луг не скошен,
Людям тот дворец незрим.
Под цветами скрыты входы,
Под буграми — залы, своды...
Крот, ты горд дворцом своим!

Роет черный крот-строитель.
Темных, теплых комнат житель,
Он чертог готовит свой,
Ставит твердые подпоры
И запасы носит в норы,
Пряча в дальней кладовой.

Милый крот, слепой рабочий!
Выбирай темнее ночи,
Берегись сверканий дня!
Будет жалко мне немного
Повстречать, бредя дорогой,
Черный трупик подле пня.

1913

ТУМАН ОСЕННИЙ

Туман осенний струится грустно над серой далью нагих полей.
И сумрак тусклый, спускаясь с неба, над миром виснет все тяжелей.

Туман осенний струится грустно над серой далью в немой тиши,
И сумрак тусклый как будто виснет над темным миром моей души.

Как будто ветлы стоят над речкой, как будто призрак дрожит близ них...
Иль только клубы дрожат тумана над серой далью полей нагих?

Как будто птица, качая крылья, одна мелькнула в немой тиши...
Иль только призрак мелькнул былого над темным миром моей души?

Здесь было солнце! здесь были нивы! здесь громкий говор жнецов не тих!
Я помню счастье, и поцелуи, и мной пропетый звенящий стих!

Туман осенний, плывущий грустно над серой далью нагих полей,
Свое бесстрастье, свое дыханье, свое молчанье в меня пролей!

1913
Опалиха

СУХИЕ ЛИСТЬЯ

Сухие листья, сухие листья,
Сухие листья, сухие листья
Под тусклым ветром кружат, шуршат.
Сухие листья, сухие листья,
Под тусклым ветром сухие листья,
Кружась, что шепчут, что говорят?

Трепещут сучья под тусклым ветром;
Сухие листья под тусклым ветром
Что говорят нам, нам шепчут что?
Трепещут сучья, под тусклым ветром,
Лепечут листья, под тусклым ветром,
Но слов не понял никто, никто!

Меж черных сучьев синеет небо,
Так странно-нежно синеет небо,
Так странно-нежно прозрачна даль.
Меж голых сучьев прозрачно небо,
Над черным прахом синеет небо,
Как будто небу земли не жаль.

Сухие листья шуршат о смерти,
Кружась под ветром, шуршат о смерти:
Они блестели, им время тлеть.
Прозрачно небо. Шуршат о смерти
Сухие листья,— чтоб после смерти
В цветах весенних опять блестеть!

Октябрь 1913
Опалиха

Красный

Под улыбкой солнца

И для них весною красной,
Под улыбкой солнца ясной,
Распускалися цветы.

К. Фофанов

В ТОМ ЖЕ ПАРКЕ

И в том же парке, давнем, старом,
Где, отрок, ранний свой восход
Я праздновал, вверяясь чарам
Бестрепетных озерных вод,

Где я слагал впервые песни,
С мечтой неверной о любви,
Где жизнь все слаще, все чудесней
Шептала в ветре мне: «Живи!»

Я прохожу чрез годы,— годы,
Исполненные бурь и смут,
А вкруг — все тот же блеск природы,
Все тот же мерный бег минут!

Как будто не было безумий,
Позорных и блаженных лет:
Я узнаю в июльском шуме
Былой, божественный привет.

И мил мне чей-то взор манящий,
И алость чьих-то близких губ,
И дождь, чуть слышно моросящий,
И зелень острохвойных куп.

Вы живы, царственные ели!
Как вы, жива душа моя!
Напрасно бури тяготели
Годин шумящих бытия!

Я — тот же отрок, дерзко-юный,
Вся жизнь, как прежде, впереди,
И кедра сумрачные струны
Мне под дождем поют: «Иди!»

Иду я, полон прежней веры,
К безвестным далям, к новым снам,
И этот день, туманно-серый,
Векам покорно передам.

Он был, он есть,— без перемены
Он будет жить в стихе моем.
Как имя нежное Елены,
Сплетенное с мелькнувшим днем.

6—7 июля 1912
Петровское-Разумовское

СКАЗКА

Я учусь быть добрым, я хочу быть ласковым.
Вы, стихов поющих верные хранители:
Это будет песня, это будет сказка вам!
Нежные признанья выслушать хотите ли?

В тайный бор дороги конному и пешему
Дикими кустами строго загорожены.
Там русалки вторят звонким смехом лешему;
Карликов заморских — норы вдоль изложины;

Там, на курьих ножках, есть изба Ягиная;
Плачет, заблудившись, Гретхен с юным Гензелем;
В чаще, где не молкнет песня соловьиная,
Там высокий терем, с древнефряжским вензелем.

В горнице тесовой, у окна открытого,
Ждет меня царевна, Нелли светло-русая.
К ней, от жизни мерной, мира домовитого,
На коне волшебном вдруг переношуся я.

Маленькие руки я ласкаю длительно,
Аленькие губки я целую, радостный;
Смех ее ответный нежит так целительно,
Взор ее мне светит: тихий, милый, благостный.

За окном Жар-Птица пролетит, вся в пламени,
Рюбецаль киркою простучит с участием...
Нам не нужно лучших, непреложных знамений:
В тереме мы дышим волшебством и счастьем!

О чудесном лесе буду песни складывать,
Расскажу про терем сказку — правду мудрую.
Вам, друзья напевов,— слушать и разгадывать:
Где я взял царевну, Нелли светлокудрую!

1912
Москва

В ЛОДКЕ

Завечерело озеро, легла благая тишь.
Закрыла чашу лилия, поник, уснул камыш.

Примолкли утки дикие; над стынущей водой
Лишь чайка, с криком носится, сверкая белизной.

И лодка чуть колышется, одна средь темных вод,
И белый столб от месяца по зыби к нам идет.

Ты замолчала, милая, и я давно молчу:
Мы преданы вечерней мгле и лунному лучу.

Туманней дали берега, туманней дальний лес;
Под небом, чуть звездящимся, мир отошел, исчез...

Я знаю, знаю, милая,— в священной тишине
Ты снова, снова думаешь печально — обо мне!

Я знаю, что за горестной ты предана мечте...
И чайка, с криком жалобным, пропала в темноте.

Растет, растет безмолвие, ночь властвует кругом...
Ты тайно плачешь, милая, клонясь к воде лицом.

24 июля 1912
Сенежское озеро

ДОЖДЬ И СОЛНЦЕ

Муаровые отблески сверкают под лучом.
Мы вновь на тихом озере, как прежде, мы вдвоем.

Дождь легкий, дождь ласкающий кропит, кропит листву...
Мне кажется, что снова я в далеком сне живу.

И солнце улыбается, как было год назад,
И пестрые жемчужины отряхивает сад.

Всё то же, что томило нас: и парк, и дождь, и пруд,
И сосны острохвойные наш отдых стерегут!

Любви порыв ликующий, как странно ты живуч!
Сквозь дождь, сквозь небо серое сверкает вещий луч!

За сеткой — даль туманная, пузырится вода...
О Солнце! победителем останься, как тогда!

1913

ПОСЛЕ СКИТАНИЙ

После скитаний,
    далеких и трудных,
        вдали заблистали,
В нежном тумане,
    лугов изумрудных
        знакомые дали!
В море шумящем,
    под ропоты бури,
        манило вернуться —
К зарослям-чащам,
    к неяркой лазури,—
        над речкой проснуться,
Слыша мычанье
    быков и призывы
        родимой свирели...
Кончив блужданье,
    усталый, счастливый,
        вот я — у цели!

1915

В буйной слепоте

Как, в буйной слепоте страстей,
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Ф. Тютчев

* * *

Итак, это — сон, моя маленькая,
Итак, это — сон, моя милая,
Двоим нам приснившийся сон!
Полоска засветится аленькая,
И греза вспорхнет среброкрылая,
Чтоб кануть в дневной небосклон.

Но сладостны лики ласкательные,
В предутреннем свете дрожащие,
С улыбкой склоненные к нам,
И звезды, колдуньи мечтательные,
В окно потаенно глядящие,
Приветствия шепчут мечтам.

Так где ж твои губы медлительные?
Дай сжать твои плечики детские!
Будь близко, ресницы смежив!
Пусть вспыхнут лучи ослепительные,
Пусть дымно растаю в их блеске я,
Но память о сне сохранив!

1912
Москва

* * *

Сумрак тихий, сумрак тайный,
Друг, давно знакомый мне,
Безначальный и бескрайный,
Призрак, зыблющий туманы,
Вышел в лес и на поляны,
Что-то шепчет тишине.

Не слова ль молитвы старой,
Древней, как сама земля?
И опять, под вечной чарой,
Стали призрачной химерой
Скудный лог, орешник серый,
Зашоссейные поля.

Давний, вечный сон столетий,
В свете звезд, опять возник:
И вся жизнь — лишь ветви эти,
Мир — клочок росистый луга,
Где уста нашли друг друга,
Вечность — этот темный миг!

Июль 1912
Подольск

* * *

Безумие белого утра смотрело в окно,
И было все странно-возможно и все — все равно.

И было так странно касаться, как к тайным мечтам,
К прозрачному детскому телу счастливым губам.

Но облачный день засветился над далью лесной,
Все стало и ясно, и строго в оправе дневной.

Ночные безумные бездны, где все — все равно,
Сменило ты, солнце, сменило ты, Бородино!

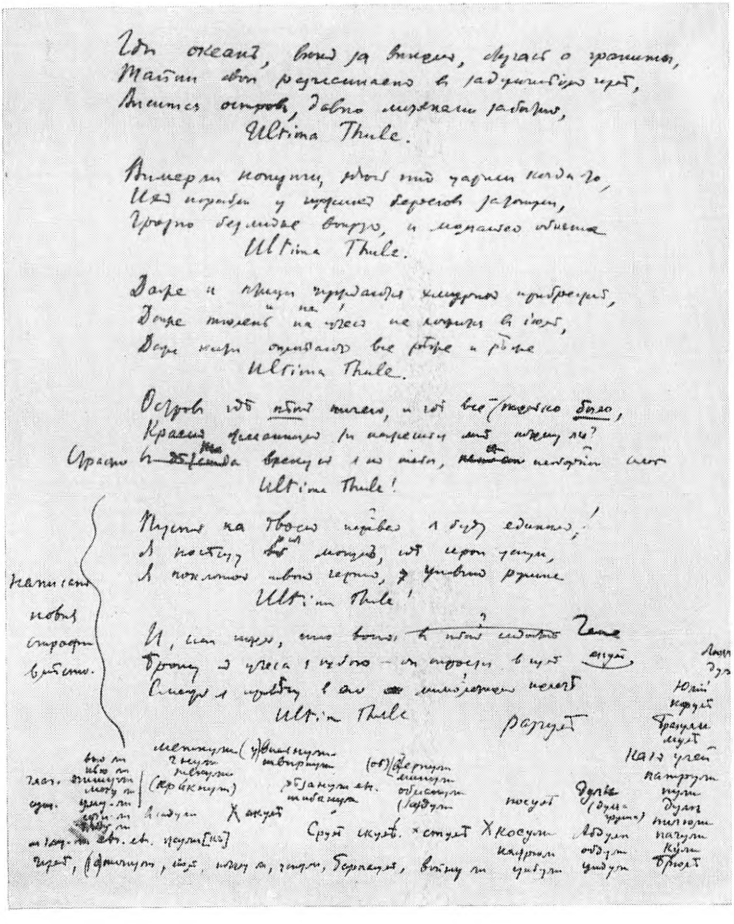
Вот снова стоит император, и грозный призыв
Мне слышен на поле кровавом, меж зреющих нив:

«Что страсти пред гимном победы, пред зовом Судьбы!
Мы все «увлекаемся Роком», все — Рока рабы!»

Свет солнца, даль нив, тень былого! Как странно давно
Безумие белого утра смотрело в окно!

Июль 1912
Бородино

1



2

* * *

Это чувство — странно-невозможного,
Вдруг обретшего и кровь и плоть,
В миг воспоминания тревожного
Я стараюсь тщетно побороть!

Помнятся, и видятся, и движутся
Вымыслы безудержной мечты.
Словно перлы сказочные нижутся
В ожерелье жуткой красоты!

И глазам так больно от слепительной
Вспышки перепутанных огней...
Но — все было в жизни ли действительной,
Иль в игре сновидящих теней?

Здесь я — тайн достигший иль обманутый
Сладостным предчувствием чудес?
И боюсь, чтоб перлов блеск с протянутой
Нити, лишь проснусь я, не исчез!

Ах, как знак призвания не ложного
С неба кинь мне светлую милоть,
Ты, виденьям странно-невозможного
Даровавшая и кровь и плоть!

<1916>

* * *

Мне вспомнить страшно, вспомнить стыдно
Мои безумные слова,—
Когда, качаясь серповидно,
Тень на стене была жива;

Когда клонилось к телу тело,
Уста искали влажных уст,
И грезе не было предела,
А внешний мир был странно-пуст.

Я верил, или я не верил?
Любил вполне, иль не любил?
Но я земное небом мерил
И небо для земли забыл!

Качались тени. Губы млели.
Светилась тела белизна.
И там, вкруг сумрачной постели,
Была блаженная страна,—

Страна, куда должны причалить
Все золотые корабли,
Где змей желаний сладко жалит
И душен аромат земли!

И не было ни стен, ни комнат,—
Хмель солнца, пьяная трава...
О, неужели мысли вспомнят
Мои безумные слова!

1912

* * *

Месяц в дымке отуманенной
В тусклом небе, словно раненый,
Обессиленный лежит.
Все огни давно погашены;
Издалека голос башенный
Что-то грустное гудит.

Возвращаюсь вновь под утро я.
Вновь Минерва, дева мудрая,
Держит, как маяк, копье.
Там, где Лар стоит отеческий,
Мне гласит гекзаметр греческий:
«В мире каждому свое!»

Надо улицей пустынною
Проходить мне ночью длинною,
После вздохов роковых,
Чтоб укусы и объятия,
Чтоб восторги и проклятия
Превратить в бессмертный стих.

1913

* * *

Und mein Stamm sind jene Asra,
Welche sterben, wenn sie lieben.

H. Heine[1]

Я помню легкие пиластры
Закатных облаков в огне,
Когда, со мной целуя астры,
Ты тихо прошептала мне:
«И я, и я — из рода азров!»

Я помню бред безумной ночи,
Бред клятв, и ласк, и слез, и мук,
Когда, вперив в молчанье очи,
Ты повторила, с хрустом рук:
«И я, и я — из рода азров!»

И помню я твой взгляд застывший
. . . . . .
И в этот миг, как меч губивший,
Твои слова я вспомнил вновь:
Да, ты была из рода азров!

И никогда к тебе, волнуем
Желаньем, не прильну без слов!
Ты не коснешься поцелуем
Моих седеющих висков!
Да, ты была из рода азров!

И не смотреть нам на пиластры
Вечерних облаков в огне,
И ты, со мной целуя астры,
Не повторишь мне, как во сне:
«И я, и я — из рода азров!»

1913

---

[1] «Род мой Азры, для которых неразлучна смерть с любовью». — *Г. Гейне (перевод с нем. В. Брюсова).*

* * *

Я не был на твоей могиле;
Я не принес декабрьских роз
На свежий холм под тканью белой;
Глаза других не осудили
Моих, от них сокрытых, слез.

Ну что же! В неге онемелой,
Еще не призванная вновь,
Моих ночей ты знаешь муки,
Ты знаешь, что храню я целой
Всю нашу светлую любовь!

Что ужас длительной разлуки
Парит бессменно над душой,
Что часто ночью, в мгле холодной,
Безумно простирая руки,
Безумно верю: ты со мной!

Что ж делать? Или жить бесплодно
Здесь, в этом мире, без тебя?
Иль должно жить, как мы любили,
Жить исступленно и свободно,
Стремясь, страдая и любя?

Я не был на твоей могиле.
Не осуждай и не ревнуй!
Мой лучший дар тебе — не розы:
Все, чем мы вместе в жизни жили,
Все, все мои живые грезы,
Все, вновь назначенные, слезы
И каждый новый поцелуй!

8 января 1914

* * *

Это — не надежда и не вера,
Не мечтой одетая любовь:
Это — знанье, что за жизнью серой,
В жизни новой, встретимся мы вновь.

Нет, не жду я райского селенья,
Вод живых и золотых цветов,
Вечных хоров ангельского пенья
И блаженством зыблемых часов.

Не страшусь и пламенного ада,
С дьяволами в красных колпаках,
Смол огнекипящих и обряда
Страшного суда на облаках.

Знаю: там, за этой жизнью трудной,
Снова жизнь и снова тяжкий труд;
Нас в простор лазурно-изумрудный
Крылья белые не вознесут.

Но и там, под маской сокровенной,
С новым даром измененных чувств,
Нам останется восторг священный
Подвигов, познаний и искусств.

Там, найдя, кого мы потеряли,
Будем мы, без пламени в крови,
Снова жить всей сладостью печали
И, прошедшей через смерть, любви!

1914

Там, у входа

И покинем
Там, у входа,
Покрывала наши мрачные!

А. Фет

БЕЗВЕСТНАЯ ВЕСТНИЦА

Что́ это? Пение, сла́вленье
Счастья всем хором земли,
Облачка в небе курчавленье,
Пташек веселье в дали!

Что это? Таянье, мленье
Звуков, цветов и лучей!
Вечное право весеннее
Славит журчаньем ручей.

Как же? Не я ли, раздавленный
Глыбой упавшей скалы,
Странник, друзьями оставленный,
Вестника сумрачной мглы

Ждал; но не образ Меркурия
Грозно сошел с высоты:
Вижу в прозревшей лазури я
Милые чьи-то черты.

Кто ты, безвестная вестница
Тайно наставшей весны?
Фея, богиня, кудесница?
Иль только смутные сны

Нежат пред мигом томительным,
Нас подводящим к концу?
Ты, с удивленьем медлительным,
Клонишься тихо к лицу...

Пение, мление, алые
Светы наполнили храм...
Миг! и уста не усталые
Жадно прижал я к устам!

1914

НА САНКАХ

Санки, в радостном разбеге,
Покатились с высоты.
Белая, на белом снеге
Предо мной смеешься ты.

Чуть дрожат, качаясь, сосны,
С моря веет ветерок...
Верю: снова будут весны,
День счастливый недалек.

Нет ни ужаса, ни горя:
Улыбнулся детский лик,
И морозный ветер с моря
В душу ласково проник.

Надо легким быть, как санки,
Надо жить лишь для игры,
И лететь во глубь, к полянке,
Склоном сглаженной горы!

Снова в радостном разбеге
Санки мчатся с высоты,
И, упав, на белом снеге,
Белая, смеешься ты!

11 января 1914

В ЛОДКЕ РЫБАЦКОЙ

В лодке рыбацкой, недвижной в снегу,
Как хорошо верить в счастье мгновенья!
Волны шумят на морском берегу,
Льдины бросают на снег, как каменья.

Дым расстилает вдали пароход;
Сзади высокие сосны застыли.
Здесь, перед дикой мятежностью вод,
Как не забыть, что мы есть, чем мы были!

Прошлого нет. Это — будущих дней
Волны играют у грани прибрежной...
Милая, верь тайной вере моей:
То, что нам снится,— всегда неизбежно.

В эти мгновенья,— меж льдистых снегов,
В эти мгновенья на отмели белой,
Как не расслышать властительный зов,
Как не понять, что нам море пропело!

В лодке рыбацкой, застывшей в снегу,
Словно на белом, тяжелом причале,
Случай, как вал на морском берегу,
Будто зовет нас в безвестные дали!

15 января 1914

В СТАРИННОЙ РИГЕ

Здесь, в старинной Риге,
В тихий день ненастья,
Кротко я встречаю
Маленькие миги
Маленького счастья.

Дом Черноголовых
Смотрит так любовно,
Словно рад он маю;
Двух, любить готовых,
Ободряет словно.

Под дождем так ярко
Зеленеют липки
Зеленью весенней;
Ах, деревья парка
Нам дарят улыбки!

Ветерка морского
Нежит легкий холод...
Тайно сходят тени...
Иль влюблен я снова?
Иль я снова молод?

1 мая 1914

МГНОВЕНЬЯ МГНОВЕННЕЕ

Мгновенья мгновеннее...
А. Добролюбов

1. УТРОМ

Черный и упрямый локон вьется нежно близ меня,
Но упорно в рамы окон льется снежный отблеск дня.

Тайны ночи побледнели, дали грубы, груб их свет...
Не случайно очи млели! ждали губы губ в ответ!

Ты невольно грудь склонила... Как тревожно дышишь ты!..
О, как больно! Будь, что было! Можно все,— услышь мечты!

Внемлешь? нет? Упрямый локон с плеч скатился, соскользнул...
Иль ты дремлешь? В рамы окон, словно меч, вонзился гул.

1914

2. НА ЛЫЖАХ

Опьяняет смелый бег.
Овевает белый снег.

Режут шумы тишину.
Нежат думы про весну.

Взглядом, взглядом облелей!
Рядом, рядом — и скорей!

Твой ли стан склонен ко мне?
Все ль обман и сон во сне?

Мир во власти зимних нег,
Миги застит дымный снег.

1914

3. КАК НЕЯРКИЕ БУТОНЫ

Как неяркие бутоны превращают лепестки
В ярко-радостные розы, ало-красные цветы, —
Так твой ропот затаенный, стоны девичей тоски,
Стали — сладостные грезы, жадно-страстные мечты!

И, как белая лилея, над прозрачностью пруда,
Закрывает в лунном свете свой убор, дыша чуть-чуть, —
Так, несмелая, пьянея, в дрожи брачного стыда,
Опускаешь взор, как дети, ты,— спеша ко мне на грудь!

Но, во мгле наставшей ночи, сны Красавицы Ночной
Дышат томно, дышат страстно, в летней, душной тишине,—
Так, опять поднявши очи, чуть лукавя с темнотой,
Ты нескромно, ты безгласно — ждешь, послушна, как во сне!

16 ноября 1914

СИРЕНОЧКА

В лесу пропела пеночка
И дятел простучал.
Приди ко мне, сиреночка:
Час призраков настал.

Росой чуть-чуть увлажены,
И мхи послушно спят,
А с неба, словно в скважины,
К нам звездочки глядят.

Простерли сосны темные
Над ложем бахрому;
Здесь канут все нескромные
Слова — в глухую тьму.

Приди! Никем не слышимы,
В тиши зашепчем вновь,
Все вкрадчивей, все тише мы
Про счастье, про любовь.

Вновь склонит, с неизбежностью,
Мечта — к устам уста,
И круг замкнет над нежностью,
До утра, темнота.

А утром крикнет пеночка,
Встревожит дятел тишь,
И ты, моя сиреночка,
Скользнешь в речной камыш.

1914

УМЕРШИМ МИР!

Уме́ршим мир! Пусть спят в покое
В немой и черной тишине.
Над нами солнце золотое,
Пред нами волны — все в огне.

Умершим мир! Их память свято
В глубинах сердца сохраним.
Но дали манят, как когда-то,
В свой лиловато-нежный дым.

Умершим мир! Они сгорели,
Им поцелуй спалил уста.
Так пусть и нас к такой же цели
Ведет безумная мечта!

Умершим мир! Но да не встанет
Пред нами горестная тень!
Что было, да не отуманит
Теперь воспламененный день!

Умершим мир! Но мы, мы дышим.
Пока по жилам бьется кровь,
Мы все призывы жизни слышим
И твой священный зов, Любовь!

Умершим мир! И нас не минет
Последний, беспощадный час,
Но здесь, пока наш взгляд не стынет,
Глаза пусть ищут милых глаз!

1914

Стоим, мы слепы...

Стоим, мы слепы, пред судьбою...
Ф. Тютчев

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Свершилось. Рок рукой суровой
Приподнял завесу времен.
Пред нами лики жизни новой
Волнуются, как дикий сон.

Покрыв столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитям Европы древней
Идет последняя война.

И всё, о чем с бесплодным жаром
Пугливо спорили века.
Готова разрешить ударом
Ее железная рука.

Но вслушайтесь! В сердцах стесненных
Не голос ли надежд возник?
Призыв племен порабощенных
Врывается в военный крик.

Под топот армий, гром орудий,
Под ньюпоров гудящий лет,
Всё то, о чем мы, как о чуде,
Мечтали, может быть, встает.

Так! слишком долго мы коснели
И длили валтасаров пир!
Пусть, пусть из огненной купели
Преображенным выйдет мир!

Пусть падает в провал кровавый
Строенье шаткое веков,
В неверном озареньи славы
Грядущий мир да будет нов!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть с гулом падают столбы,—
Началом мира и свободы
Да будет страшный год борьбы!

20 июля 1914

СТАРЫЙ ВОПРОС

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы неуместной.
Пред строем опасных врагов
Сомкнемся спокойно и тесно.

Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;
Но Рок подымает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?

Случайные гости? орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышит всегда,
Все губит в бессмысленной злобе?

Иль мы — тот великий народ,
Чье имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поет
Созвучно с напевом санскрита?

Иль мы — тот народ-часовой,
Сдержавший напоры монголов,
Стоявший один под грозой
В века испытаний тяжелых?

Иль мы — тот народ, кто обрел
Двух сфинксов на отмели невской,
Кто миру титанов привел,
Как Пушкин, Толстой, Достоевский?

Да, так, мы — славяне! Иным
Доныне ль наш род ненавистен?
Легендой ли кажутся им
Слова исторических истин?

И что же! священный союз
Ты видишь, надменный германец?
Не с нами ль свободный француз,
Не с нами ль свободный британец?

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы величавой,
Мы явим пред ликом веков,
В чем наше народное право.

Не надо несбыточных грез,
Не надо красивых утопий.
Мы старый решаем вопрос:
Кто мы в этой старой Европе?

30 июля 1914

НАШИ ДНИ

Не вброшены ль в былое все мы,
Иль в твой волшебный мир, Уэллс?
Не блещут ли мечи и шлемы
Над стрелами звенящих рельс?

Как будто рыцарские тени,
В лучах прожекторов, опять
Летят на буйный пир сражений
Торжествовать и умирать!

Смотря в загадочные дали,
Мы смело ждем безмерных дел,
Вновь подвигов при Ронсевале,
Твоих ударов, Карл Мартелл!

А мерно с Эйфелевой башни
Летит неслышимая речь,
Чтоб всё, что ведал день вчерашний,
Для будущих времен сберечь.

Ротационные машины
Стучат как ночью, так и днем,
Чтоб миг не минул ни единый,
Газетным позабыт столбцом.

И сквозь налет ночных туманов,
Как призраки иных веков,
Горят глаза аэропланов
Над светом вражеских костров.

9 августа 1914

КРУГИ НА ВОДЕ

От камня, брошенного в воду,
Далеко ширятся круги.
Народ передает народу
Проклятый лозунг: «мы — враги!»

Племен враждующих не числи:
Круги бегут, им нет числа;
В лазурной Марне, в желтой Висле
Влачатся чуждые тела;

В святых просторах Палестины
Уже звучат шаги войны;
В Анголе девственной — долины
Ее стопой потрясены;

Безлюдные утесы Чили
Оглашены глухой пальбой,
И воды Пе-че-ли покрыли
Флот, не отважившийся в бой.

Везде — вражда! где райской птицы
Воздушный зыблется полет,
Где в джунглях страшен стон тигрицы,
Где землю давит бегемот!

В чудесных, баснословных странах
Визг пуль и пушек ровный рев,
Повязки белые на ранах
И пятна красные крестов!

Внимая дальнему удару,
Встают народы, как враги,
И по всему земному шару
Бегут и ширятся круги.

2 декабря 1914
Варшава

ПОРА!

Была пора ударить буре,
Расчистить хмурый небосвод.
И вот — нет проблесков лазури,
Гроза гремит, гроза растет.

То не камыш под ветром гнется,—
Твердыни крепостей дрожат;
Не дождь на травы пастбищ льется,—
Стальной стучит по грудям град;

То не деревья, в вихре яром,
На берег рухнули пруда,—
Кругом, обгрызены пожаром,
Лежат в руинах города.

С Атлантики вплоть до Урала
Самумом движутся полки;
Кровь — снег и травы запятнала,
Кровь — замутила ток реки.

На вольных, вечных океанах,
У стен пяти материков,
Мелькают без огня в туманах
Громады боевых судов.

Темны мечты, виденья дики,
Водоворотом схвачен мир.
Везде штыки, винтовки, пики,
Угрозы пушек и мортир.

Гроза «военной непогоды»
Шумит по градам и полям,
Да выйдут древние народы
Из бури к просветленным дням!

Пусть громы пробушуют в небе,
Огнь молний пусть прожжет сердца,—
И пусть узнают все свой жребий,
Свою судьбину — до конца!

Октябрь — декабрь 1914
Белосток. Варшава

НА КАРПАТАХ

Уступами всходят Карпаты,
Под ногами тает туман.
Внизу различают солдаты
Древний край — колыбель славян.

Весенним приветом согрета,
Так же тихо дремала страна...
На четыре стороны света
Отсюда шли племена.

Шли сербы, чехи, поляки,
Полабы и разная русь.
Скрывалась отчизна во мраке,
Но каждый шептал: «Я вернусь!»

Проносились века и беды,
Не встречался с братьями брат,
И вот, под грохот победы,
Мы снова на склонах Карпат.

Вздохни же ожиданным мигом,
Друзей возвращенных встречай,
Так долго под вражеским игом,
Словно раб, томившийся край.

Засветился день возвращенья,
Под ногами тает туман...
Здесь поставьте стяг единенья
Нашедших друг друга славян!

15 октября 1914
Варшава

ЧАША ИСПЫТАНИЙ

Будь меж святынь в веках помянута
Ты, ныне льющаяся кровь!
Рукой властительной протянута
Нам чаша испытаний вновь.

Она не скоро опорожнится,
Струясь потоком с высоты...
И вот — в руках врагов заложница,
Сирена польская, и ты!

Так что ж! с лицом первосвященников
Спокойно жертву принесем!
Оплакивать не время пленников,
Ряды оставшихся сомкнем.

Одно: идти должны до края мы,
Все претерпев, не ослабеть.
День торжества, день, нами чаемый,
Когда-то должен заблестеть.

И пусть над Бугом — каски прусские;
Он от того чужим не стал;
И будем мы всё те же русские,
Уйдя за Волгу, за Урал.

Под Нарвами, под Аустерлицами
Учились мы Бородину.
Нет, мало овладеть столицами,
Чтоб кончить Русскую войну!

Июль 1915

Высоких зрелищ зритель...

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он — их высоких зрелищ зритель...

Ф. Тютчев

ПОЛЬШЕ

Орел одноплеменный!
...Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И наша общая свобода,
Как феникс, возродится в нем!

Ф. Тютчев

Провидец! Стих твой осужденный
Не наше ль время прозревал,
Когда «орел одноплеменный»
Напрасно крылья расширял!

Сны, что тебе туманно снились,
Предстали нам, воплощены,
И вещим светом озарились
В багровом зареве войны.

Опять родного нам народа
Мы стали братьями,— и вот
Та «наша общая свобода,
Как феникс», правит свой полет.

А ты, народ скорбей и веры,
Подъявший вместе с нами брань,
Услышь у гробовой пещеры
Священный возглас: «Лазарь, встань!»

Ты, бывший мертвым в этом мире,
Но тайно памятный Судьбе,
Ты — званый гость на нашем пире,
И первый наш привет — тебе!

Простор родимого предела
Единым взором облелей,
И крики «Польска не сгинела!»
По-братски, с русским гимном слей!

1 августа 1914 г.

В ВИЛЬНО

Опять я — бродяга бездомный,
И груди так вольно дышать.
Куда ты, мой дух неуемный,
К каким изумленьям опять?

Но он,— он лишь хочет стремиться
Вперед, до последней поры;
И сердцу так сладостно биться
При виде с Замко́вой Горы.

У ног «стародавняя Вильна»,—
Сеть улиц, строений и крыш,
И Вилия ропщет бессильно,
Смущая спокойную тишь.

Но дальше, за кругом холмистым,—
Там буйствует шумно война,
И, кажется, в воздухе чистом
Победная песня слышна.

Внизу же, где липки так зыбко
Дрожат под наитием дня,
Лик Пушкина, с мудрой улыбкой,
Опять поглядит на меня.

15 августа 1914
Вильно

ВСЕ ЧАЩЕ

Все чаще по улицам Вильно
Мелькает траурный креп.
Жатва войны обильна,
Широк разверзнутый склеп.

Всё чаще в темных костелах,
В углу, без сил склонена,
Сидит, в мечтах невеселых,
Мать, сестра иль жена.

Война, словно гром небесный,
Потрясает испуганный мир...
Но все дремлет ребенок чудесный,
Вильно патрон — Казимир.

Все тот же, как сон несказанный,
Как сон далеких веков,
Подымет собор святой Анны
Красоту точеных венцов.

И море всё той же печали,
Всё тех же маленьких бед,
Шумит в еврейском квартале
Под гулы русских побед.

17 августа 1914
Вильно

В ВАРШАВЕ

А. Р. Ледницкому

В первый раз по улицам Варшавы
С легким сердцем прохожу один.
Не гнетет меня кошмар кровавый
Темной славы роковых годин.

Всё, что было,— нет, не миновало,
И веков мгновенью не сломать;
Но, быть может, нынче день начала,
Нынче солнце в небе — как печать.

Пусть оно наш день запечатлеет,
День, когда, как братья, мы могли
Всё сказать, о чем язык немеет,
Что мы долго в душах берегли.

Мы сошлись не по тропинке узкой,
Как к поэту близится поэт;
Я пришел путем большим, как русский,
И, как русский, слышал я привет.

А на улице, как стих поэмы,
Клики вкруг меня сливались в лад:
Польки раздавали хризантемы
Взводам русских радостных солдат.

24 августа 1914
Варшава

АЭРОПЛАНЫ НАД ВАРШАВОЙ

Как пред грозой касатки низко
Скользят над ровностью поляны,—
Так в знак, что грозы боя близки,
— Взгляни,— парят аэропланы.

Миг,— и продольный, долгий трепет
Пройдет по улице; метнется
Толпа, и тротуар облепит,
И взор за взором в высь вопьется.

Мотки белеющей кудели
Взлетят и таять будут в сини,
И, под пальбу, дымки шрапнелей
Распутаются в сети линий.

А там, воздушные пираты,
Спокойно правя лет машины,
Вонзят сквозь пар голубоватый
Свой взор, как мы, на дно равнины.

Увидят, как темнеют зыбко
Квадраты крыш и зданий ромбы...
С какой змеящейся улыбкой
Качнут два немца в небе бомбы!

24 декабря 1914
Варшава

ПОЛЕ БИТВЫ

Залито поле, как золотом,
Щедрым посевом патронов.
Вдалеке, как гигантским молотом,
Расколоты гребни склонов.

На холмике ждет погребения,
Ниц повергнуто, тело солдата.
Слабый запах тления,
А в руке письмо зажато.

Рядом тела лошадиные:
Оскалены зубы, изогнуты шеи...
Ах, не труды ль муравьиные
Эти валы, окопы, траншеи?

Видел я: меж винтовок раздробленных
Лежит с дневником тетрадка;
Сколько тайных надежд, обособленных,
В нее вписывал кто-то украдкой!

Манерки, ранцы, зарядные
Ящики, крышки шрапнелей,
И повсюду воронки громадные
От снарядов, не достигших цели.

Брожу меж обломков, гадательно
Переживая былые моменты.
А вдали, взвод солдат, старательно,
Убирает пулеметные ленты.

Октябрь 1914
Прушков

ПИРШЕСТВО ВОЙНЫ

Война здесь прошла, прокричала
Стальными глотками пушек,
В руке дома изломала,
Как вязку хрустнувших сушек.

Вот там, за сырым перелеском,
Гости Войны сидели,
Она забавляла их блеском
Пускаемых к небу шрапнелей.

Смерть-сестру пригласила: «Участвуй,—
Ей сказала,— как старшая, в пире!»
Подавались роскошные яства,
Каких и не видели в мире.

Были вина и хмельны и сладки,
Их похваливал Бой-собутыльник.
Обильные пира остатки
Скрывает теперь чернобыльник.

День и ночь продолжался праздник,
Вкруг, от браги багряной, всё смокло...
Только кто ж из гостей, безобразник,
Перебил в дальних окнах стекла?

Кто, шутник неуместно грубый,
Подпалил под конец чертоги?
И теперь торчат только трубы
Обгорелые,— вдоль дороги.

4 декабря 1914 Ноябрь 1914
Брезины-Варшава Лович

НА ПАМЯТЬ ОБ ОДНОМ ЗАКАТЕ

А. М. Федорову

Был день войны, но час предсмертный дня.
Ноябрьский воздух нежил, как в апреле.
Вкруг озими прозрачно зеленели,
Пылало солнце, небосклон пьяня.

Нас мотор мчал — куда-то иль без цели...
Бесцельность тайно нежила меня.
И ты, как я, заворожен был. Пели
Нам голоса закатного огня.

Забылось все: шум битв и вопль страданий...
Вдвоем, во храме мировых пыланий,
Слагали мы гимн красоте земной...

Нас мотор мчал — без цели иль куда-то...
О, помню, помню — дивный сон заката
Под грохот пушек, ровный и глухой.

13 декабря 1914

В ОКОПЕ

В семье суровых ветеранов
Пью чай. Пальба едва слышна.
Вдали — под снегом спит Цеханов,
И даль в снегу погребена.

Сквозь серые туманы солнце
Неярко светит без лучей.
Тиха беседа о японце,
И равномерен звук речей.

Незримо судьбы всей Европы
С судьбой уральцев сплетены,—
Но нынче в снежные окопы
Доходит смутно гул войны.

Мир крикнул этим бородатым
Сибирякам: «Брат, выручай!»
И странно с сумрачным солдатом
Пить на досуге мутный чай.

Неизмеримым бредят грезы,
Крушеньем царств и благом всех...
А здесь — рассказы про мимозы
Сменяет беззаботный смех.

24 декабря 1914
Цеханов

КАЗАЧЬЕ СТАНОВЬЕ

Отбрасывая версты, стучит автомобиль,
Крутится даль за далью и сзади вьется пыль.

Селенье, нивы, поле, костел, окоп, река...
Казачее становье на склоне у леска.

Табун свободных коней, походных кухонь дым;
Заполнен луг движеньем запутанно-цветным;

Толпа котлы обстала; смех, говор, песня, крик...
Как просверкали ярко верхи железных пик!

Еще в глазах — мундиры и шапки набекрень,
А падает сурово от строгих сосен тень.

Лесной дорогой мотор, стуча, летит вперед...
Чу! слышен с поворота трещащий пулемет!

9 июля 1915

ДЕРЕВЕНСКИЕ РИФМЫ

Опять — развесистые липы
И склады бревен за избой;
Телеги, вдоль дороги, скрипы,
Окно с затейливой резьбой;

Вдали — излуки малой речки,
И главы дальнего села;
А близко — девка на крылечке
Статна, румяна, весела.

Нырнул, поднявши хвост, утенок,
А утка с важностью плывет.
Как изумителен, как тонок
Прозрачных тучек хоровод!

Здесь мир и век забыть возможно...
Но чу! порой сквозь шум лесов
Со станции гудит тревожно
Гул санитарных поездов.

10 июня 1915
Бурково

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Каждый день поминайте молитвой умильной
Тех, кто молится нынче на ратных полях,
Там, где Смерть веселится поживой обильной,
Блуждая с косой в руках;

Где рассвет, проступая, скользит меж развалин,
Эхо вторит раскатам мортир без числа;
Где блуждающий ветер, угрюм и печален,
Ласкает в траве тела;

Где валы, баррикады, окопы, редуты
Перерезали ниву, прорезали лес;
Где германский пропеллер считает минуты,
Грозя с голубых небес;

И где фейерверк ночью, безмерен, невидан,
Одевает просторы в стоцветный наряд,—
На полях, где лежит, беспощадно раскидан,
Стальной и свинцовый град!

Долю ратников вашим уютом измерьте,
Вашей негой домашней, при свете, в тепле...
Поминайте в салонах, в театре, в концерте,—
Кто ныне в снегах и мгле!

Поминайте ушедших молитвой умильной,
Всех, кто должен молиться на ратных полях,
Там, где Смерть веселится поживой обильной,
С тяжелой косой в руках!

Август 1915
Москва

Там, на Западе

Там, на Западе, брезжит мерцание...
Ф. Тютчев

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Протянута лентой бесцветной и плоской,
Прорезала Францию узкой полоской.
Все мертво на ней: ни двора, ни куста;
Местами — два-три деревянных креста,
Местами — развалины прежних строений,
Да трупы, да трупы,— тела без движений!

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
И справа и слева,— на мили, на мили,—
Валы и окопы ее обтеснили.
С них рушатся гулко, и ночью и днем,
Удары орудий, как сумрачный гром,
И мерно сверкают под эти раскаты
То белые вспышки, то свет розоватый.

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Прошла, разделила две вражеских рати
И стала дорогой вражды и проклятий.
Сменяются дни; но, настойчиво, вновь
Здесь блещут штыки, разливается кровь,
И слушают люди, сгрудясь в миллионы,
Лязг сабель, свист пуль и предсмертные стоны.

30 ноября 1914
Варшава

ФЛАМАНДЦАМ

Народ Верхарна! не напрасно вещий
Тебя прославил: жив твой мощный дух!
Он молнией в дыму сражений блещет,
Он в громе пушек нам вещает вслух!

И, кажется, опять восстал Карл Смелый
Иль Бодуэн Железная Рука.
Бой храбрецов с врагом остервенелым
Следят, дивясь величию, века.

Нам не забыть, как ты в любимом Льеже
Свою свободу гордо ограждал.
Твои сыны, как в славном прошлом,— те же:
Поэт дал клятвы, ты их оправдал.

Не пушки, не оружие стальное
Нас делают отважней и сильней:
Любовь к отчизне создает героев
С дней Марафона вплоть до наших дней.

7 августа 1914

ТЕВТОНУ

Ты переполнил чашу меры,
Тевтон,— иль как назвать тебя!
Соборов древние химеры
Отмстят, губителя губя.

Подъявший длань на храмы-чудо,
Громивший с неба Notre-Dame,
Знай: в Реймсе каменная груда
Безмолвно вопиет к векам!

И этот вопль призывный слышат
Те чудища, что ряд веков,
Над Сеной уместившись, дышат
Мечтой своих святых творцов.

Недаром зодчий богомольный
На высоту собора взнес,
Как крик над суетой юдольной,
Толпу своих кошмарных грез.

Они — защитницы святыни,
Они — отмстительницы зла,
И гневу их тебя отныне
Твоя гордыня обрекла.

Их лик тебе в дыму предстанет,
Их коготь грудь твою пробьет,
Тебя смутит и отуманит
Их крыльев демонский разлет;

И суд, что не исполнят люди,
Докончат сонмы скрытых сил
Над тем, кто жерлами орудий
Святыне творчества грозил.

Сентябрь 1914
Варшава

Синий

В жизни человеческой

В жизни человеческой, в важные мгновенья,
Облики незримые вдруг обозначаются,
В обаяньи подвига, в злобе преступления...

К. Случевский

СИНЕМА МОЕГО ОКНА

Мир шумящий, как далек он,
Как мне чужд он! но сама
Жизнь проводит мимо окон,
Словно фильмы синема.

Проплывут, звеня, трамваи,
Прошумит, пыля, авто;
Люди, люди, словно стаи
Птиц, где каждая — никто!

Франт манерный за поддевкой,
То картуз, то котелок,
И пред девичьей головкой
Стал замедленный полок.

Плечи, шляпки, взгляды, груди,
За стеклом немая речь...
Птичья стая,— люди, люди!—
Как мне сердце уберечь?

Я укрываюсь в одиночество,
Я ухожу в пределы книг,
Чтоб безысходные пророчества
Затмили проходящий миг.

Но — горе! — шумы современности
Врываются в святую тьму!
И нет тюрьмы — моей надменности,
Нет кельи — моему уму!

Сегодня, визитер непрошеный,
Ломает запертую дверь...
Ах, убежать на луг некошеный
Дремать в норе, как дремлет зверь!

Напрасно! жизнь влачит последовательно,
Как змей, извилистые кольца,
И смотрят на меня выведывательно
Виденья дня, как богомольцы.

1914

ПОРТРЕТ

Привык он рано презирать святыни
И вдаль упрямо шел путем своим.
В вине, и в буйной страсти, и в морфине
Искал услад, и вышел невредим.

Знал преклоненья; женщины в восторге
Склонялись целовать его стопы.
Как змеерушащий святой Георгий,
Он слышал яростный привет толпы.

И, проходя, как некий странник в мире,
Доволен блеском дня и тишью тьмы,
Не для других слагал он на псалтири,
Как царь Давид, певучие псалмы.

Он был везде: в концерте, и в театре,
И в синема, где заблестел экран;
Он жизнь бросал лукавой Клеопатре,
Но не сломил его Октавиан.

Вы пировали с ним, как друг, быть может?
С ним, как любовница, делили дрожь?
Нет, одиноко был им искус прожит,
Его признанья,— кроме песен,— ложь.

С недоуменьем, детским и счастливым,
С лукавством старческим — он пред собой
Глядит вперед. Простым и прихотливым
Он может быть, но должен быть — собой!

1912

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ

Что я могу припомнить? Ясность глаз
И детский облик, ласково-понурый,
Когда сидит она, в вечерний час,
За ворохом шуршащей корректуры.

Есть что-то строгое в ее глазах,
Что никогда расспросов не позволит.
Но, может быть, суровость эта — страх,
Что кто-нибудь к признаньям приневолит.

Она смеяться может, как дитя,
Но тотчас поглядит лицом беглянки,
Застигнутой погоней; миг спустя
Она опять бесстрастно правит гранки.

И, что-то важное, святое скрыв
На самом дне души, как некий идол,
Она — как лань пуглива, чтоб порыв
Случайный — тайны дорогой не выдал.

И вот сегодня — ясность этих глаз
Мне помнится; да маленькой фигуры
Мне виден образ; да, в вечерний час,
Мне слышен ровный шелест корректуры...

1913

ЗАВЕЩАНИЕ

Я жизнь прожила безотрадно, бесцельно,
И вот, как похмелье от буйного пира,
Осталась мне горечь тоски беспредельной
И смутная ненависть к радостям мира.

Как всем, мне весна, в ликовании ярком,
Лучами сверкала, дышала сиренью,
И жизнь мне казалась приветливым парком,
Где тайно беседки зовут к наслажденью.

Но ранняя буря промчалась над садом,
Сломала сирени и завязи яблонь,
Наплакалась ливнем, натешилась градом,
Цветник мой был смыт, и был сад мой разграблен.

И после настало желанное лето,
И хмурая осень, и холод под снегом...
И не было в сердце на зовы ответа,
И не было силы довериться негам.

Другим расцветут, с новым маем, фиалки,
Другие поплачут у выжженной нивы...
Мы — нищи, мы — робки, мы — стары, мы — жалки...
Кто мертвый, будь мертвым! живите, кто живы!

1913

НА ЦЕРКОВНОЙ КРЫШЕ

На церковной крыше,
У самого золотого креста
(Уже восхода полоски наметились),
Как две летучих мыши,
Две ведьмы встретились:
Одна — стара и толста,
Другая — худа и моложе
(Лицо с кошачьей мордочкой схоже),
И шептались, ветра весеннего тише.

— Сестра, где была? —
Старуха захохотала.
— Тра-ла-ла!
Всю ночь наблюдала:
Юноша собирался повеситься!
Все шагал, писал и смотрел
На серп полумесяца,
Лицом — как мел.
Любовь, как видно, замучила.
Ждать мне наскучило,
И я, против правил,
Подсказала ему: «удавись!»
Он в петлю голову вставил
И повис.

Худая в ответ улыбнулась.
— И мне досталось!
В грязных номерах натолкнулась,
Как девушка старику продавалась.
Старичонка — дряхлый и гадкий,
Горб, как у верблюда,
А у нее глаза — как загадки,
И плечи — как чудо.
Как был он противен, сестра,
А она молчала!
Я до утра,
Сидя в углу, наблюдала.

Так, у золотого креста,
На церковной крыше,
Как две летучих мыши,
Шептались две ведьмы.
И та, что была и стара и толста,
Прибавила:
— Хоть это и против правила,
Но будем по утрам встречаться и впредь мы!

1914

ПРОСТЕНЬКАЯ ПЕСНЯ

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Девочкой играла
Утром рано-рано.

Дед твердил с улыбкой,
Ласков, сед и важен,
Что далеким предком
Был платан посажен.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Девушкой скрывалась
В первый час тумана.

Целовалась сладко
В тихом лунном свете,
Так, как целовались
Люди ряд столетий.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Женщиной рыдала
Под напев фонтана.

Горестно рыдала
О минутной сказке
Опалившей страсти,
Обманувшей ласки.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
В старость вспоминала
Жизнь, как мир обмана,

Вспоминала, с грустной
Тишиной во взоре,
Призрачное счастье,
Медленное горе.

И, в тени прозрачной
Светлого платана,
Так же сладко дремлет
Прежняя поляна.

Ты же на кладбище,
Под плакучей ивой,
Спишь, предавшись грезе,
Может быть, счастливой.

1913

ОНА

Она любила строй беспечный
Мечтаний, уводящих вдаль,
Цветы, снежинки, пояс млечный
И беспричинную печаль.

Она любила, ночью зимней,
Невестой медлить у окна,
В своих стихах, как в тихом гимне,
Твердя безвольно: я — одна!

Она ждала, ждала кого-то,
Кто, смел, безумен и красив,
Всю жизнь отдаст ей без отчета,
Всю жизнь сольет в один порыв.

Но Рок был странно беспощаден,
Не обманул и не свершил.
Тот не был жарок, не был хладен,
Он и любил и не любил.

Его не-пламенные ласки,
Его обдуманная речь,
Его лицо — как образ маски —
Могли овеять, но не сжечь.

Стремясь в мятежную безбрежность
Она искала крыльев, но
Он приносил ей только нежность...
И было все предрешено!

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

1913

На шумных улицах

О, эти встречи мимолетные
На шумных улицах столиц...

«Венок»

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ СВЕТЫ

Мы — электрические светы
Над шумной уличной толпой;
Ей — наши рдяные приветы
И ей — наш отсвет голубой!

Качаясь на стеблях высоких,
Горя в преддверьях синема,
И искрясь из витрин глубоких,
Мы — дрожь, мы — блеск, мы — жизнь
сама!

Что было красочным и пестрым,
Меняя властным волшебством,
Мы делаем бесцветно-острым,
Живей и призрачней, чем днем.

И женщин, с ртом, как рана, алым,
И юношей, с тоской в зрачках,
Мы озаряем небывалым
Венцом, что обольщает в снах.

Даем соблазн любви продажной,
Случайным встречам — тайный смысл;
Угрюмый дом многоэтажный
Мы превращаем в символ числ.

Из быстрых уличных мельканий
Лишь мы поэзию творим,
И с нами — каждый на экране,
И, на экране кто,— мы с ним!

Залив сияньем современность,
Ее впитали мы в себя,
Всю ложь, всю мишуру, всю бренность
Преобразили мы, любя,—

Мы — электрические светы
Над шумной уличной толпой,
Мы — современные поэты,
Векам зажженные Судьбой!

1913

ВЕЧЕРОМ

Дрожащей проволоки альт
Звенит так нежно;
Заполнен сумрачный асфальт
Толпой мятежной.

Свистки авто и трамов звон
Поют так нежно;
Вечерний город полонен
Толпой мятежной.

Свет электрических шаров
Дрожит так нежно;
Ты слышишь ли немолчный зов
Толпы мятежной?

Вот девушки случайный взор
Блеснул так нежно;
О, кто его так быстро стер
Толпой мятежной?

Тень синеватая легла
Вокруг так нежно,
И проститутки без числа
В толпе мятежной.

25 мая 1914

НА ПОЛЕТАХ

Пропеллеры, треща, стрекочут:
То клекоты бензинных птиц
О будущем земли пророчат.
Но сколько нежных женских лиц!
Иглой забстренные шляпы,
Зелено-белые манто,—
И как-то милы даже всхрапы
На круг въезжающих авто.

В живой толпе кафешантанной
Я уловил случайно вновь
Давно знакомый взгляд... Как странно!
Твой взгляд, бессмертная любовь!
И, пестрой суеты свидетель,
Я веру в тайну берегу,
Не видя в сини «мертвых петель»,—
Воздушных вымыслов Пегу.

Май 1914
Москва

У КАНАЛА

В угрюмом сумраке ночей безлунных
Люблю я зыбкость полусонных вод.
Приникнув к жесткости оград чугунных,
Люблю следить волны унылый ход.

Свет фонарей, раздробленный движеньем,
Дрожит в воде семьей недлинных змей,
А баржи спят над зыбким отраженьем
Глубоким сном измученных зверей.

Так близко Невский,— возгласы трамваев,
Гудки авто, гул тысяч голосов...
А серый снег, за теплый день растаяв,
Плывет, крутясь, вдоль темных берегов.

Так странно: там — кафе, улыбки, лица...
Здесь — тишь, вода и отраженный свет.
Все вобрала в водоворот столица,
На все вопросы принесла ответ.

И если жизнью, слишком многострунной,
Измучен ты,— приди ко мне, сюда,
Перешагни чрез парапет чугунный,
И даст тебе забвение вода.

1 ноября 1912
Петербург

ПАНИХИДА

Тоненькие свечечки,
Робкие, мерцают.
Голосочки детские
Басу отвечают.
Слышно над склоненною толпой:
«Со святыми упокой».

Хорошо под лентами,
Мирно под цветами!
Песни умиленные
Сложены не нами.
Обещает мир напев святой:
«Со святыми упокой».

Выйдешь в ночь холодную:
Светы и трамваи...
Сладостно задуматься
О блаженном рае.
Боже! — утомленных суетой
Со святыми упокой!

3 ноября 1912
Петербург

Детский блеск очей

Я вижу детский блеск очей.
А. Фет

ДЕВОЧКА С КУКЛОЙ

— Что же ты сделала, девочка милая,
С фарфоровой куклой своей?
— Когда было скучно, ее колотила я,
И вот — теперь трещина в ней.

— Глаза открывала и закрывала она,
Папа-мама могла говорить.
— А теперь совсем безмолвною стала она,
Не знаю, как с ней мне и быть.

— Чего же ты хочешь, девочка нежная?
Куклу целуешь зачем?
— Хочу, чтоб была она снова, как прежняя,
Такой, как прежде, совсем.

— Девочка милая, сама ты разбила ее.
Теперь куклы прежней — нет...
— Боже мой! Боже мой! так я любила ее!
Без нее не мил мне весь свет!

1912

ДЕВОЧКА И АНГЕЛ

Маленькая девочка плакала вчера:
«Почему туманами полны вечера?
Почему не каждый день солнце — как алмаз?
Почему не ангелы утешают нас?»

Маленькая девочка вечером, в тени,
Плакала, и ангел ей прошептал: «Усни!
Как алмаз, засветится солнце поутру,
И с тобой затею я под вечер игру!»

Маленькая девочка улеглась в постель...
За окном шептала ей сумрачная ель:
«Нет, не верь ты ангелу! Он тебе солгал:
Поутру луч солнечный будет — как кинжал!»

4 мая 1912

ДЕВОЧКА С ЦВЕТАМИ

Собирай свои цветочки,
Заплетай свои веночки,
Развлекайся как-нибудь,
По лугу беспечно бегай!
Ах, пока весенней негой
Не томилась тайно грудь!

У тебя, как вишня, глазки,
Косы русые — как в сказке;
Из-под кружев панталон
Выступают ножки стройно...
Ах! пока их беспокойно
Не томил недетский сон!

Увидав пятно на юбке,
Ты надула мило губки,
Снова мило их надуй!
Эти губки слишком красны:
Ах! пока угрюмо-страстный
Не сжимал их поцелуй!

1913

ВЕРБНАЯ СУББОТА

С вербочками девочки,
Девочки со свечечками,
Вышедши из церковки,
Кроют куцавеечками
(Ветер, ты не тронь!)
Слабенький огонь.

Улица оснежена,
Спит высь затуманенная...
Чу! толпа мятежная
Воет, словно раненая,
Там, где осиян
Светом ресторан.

И бредут под блесками
Злыми, электрическими,
С свечками и ветками
Тени идиллические.
Трепетен и тих
Свет на лицах их.

17 марта 1912

КВАРТЕТ

Четыре девочки по четырнадцати лет
На песчаной площадке играют в крокет.
Молоточек поставят между ног, и — стук!
Шар чужой далеко отлетает вдруг.

А солнце, лучи посылая вкось,
Белые платьица пронзает насквозь,
Чтобы каждый мечтатель видеть мог
Детские формы худощавых ног.

Девочки смеются,— что́ щебет птиц! —
И черны узоры длинных ресниц,
Но пятна волос еще черней
В слепительном блеске закатных огней.

16 июня 1915

ДВЕ ГОЛОВКИ

Красная и синяя —
Девочки в траве,
Кустики полыни
Им по голове.

Рвут цветочки разные,
Бабочек следят...
Как букашки — праздны,
Как цветки на взгляд.

Эта — лёнокудрая,
С темной скобкой — та...
Вкруг природы мудрой
Радость разлита.

Вот, нарвав букетики,
Спорят: «Я да ты...»
Цветики — как дети,
Дети — как цветы.

Нет нигде уныния,
Луг мечтает вслух...
Красный блик, блик синий,—
Шелк головок двух!

15 июля 1915
Бурково

В старинном замке

В старинном замке Джен Вальмор
Чуть ночь — звучат баллады.

К. Бальмонт

БАЛЛАДА НОЧИ

Ах, где-то лотос нежно спит,
Ах, где-то с небом слиты горы,
И ярко небосвод горит,—
Предвечной мудрости узоры!
Там негой объяты просторы,
Там страстью дышит темнота,
А люди клонят, словно воры,
К устам возлюбленным уста!

Быть может, в эту ночь,— Харит
Вновь ожили былые хоры,
Вновь Арес уронил свой щит,
Вновь Тасс у ног Элеоноры,
И мудрый Соломон, который
Изрек: «все в мире суета»,
Вновь клонит, позабыв укоры,
К устам возлюбленным уста.

Дитя! уснуть нам было б стыд,
Пойдем к окну, откроем сторы:
Стекло, железо и гранит,
Тишь улиц, спящие соборы...
Пусть вспыхнут в небе метеоры!
Пусть к счастью вскроются врата!
Пусть склонятся, безумно-скоры,
К устам возлюбленным уста!

Бегут, бегут поспешно Оры...
В моей душе — одна мечта:
Склонить к любимым взорам взоры,
К устам возлюбленным уста!

1913

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ И СМЕРТИ

Когда торжественный Закат
Царит на дальнем небосклоне
И духи пламени хранят
Воссевшего на алом троне,—
Вещает он, воздев ладони,
Смотря, как с неба льется кровь,
Что сказано в земном законе:
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

И призраков проходит ряд,
В простых одеждах и в короне:
Ромео, много лет назад
Пронзивший грудь клинком в Вероне;
Надменный триумвир Антоний,
В час скорби меч подъявший вновь;
Пирам и Паоло... В их стоне —
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

И я баюкать сердце рад
Той музыкой святых гармоний.
Нет, от любви не охранят
Твердыни и от смерти — брони.
На утре жизни и на склоне
Ее к томленью дух готов.
Что день,— безжалостней, мудреней
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

Ты слышишь, друг, в вечернем звоне:
«Своей судьбе не прекословь!»
Нам свищет соловей на клене:
«Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!»

1913

БАЛЛАДА ВОСПОМИНАНИЙ

На склоне лет, когда в огне
Уже горит закат кровавый,
Вновь предо мной, как в тихом сне,
Проходят детские забавы.

Но чужды давние отравы
Душе, вкусившей темноты.
Лишь вы, как прежде, величавы,
Любви заветные мечты!

Я помню: в ранней тишине
Я славил жгучий полдень Явы,
Сон пышных лилий на волне,
Стволы, к которым льнут удавы,
Глазам неведомые травы,
Нам неизвестные цветы...
Всё смыли, как потоком лавы,
Любви заветные мечты!

Я помню: веря злой весне,
Ловил я зыбкий призрак славы;
Казалось так желанно мне —
Грань преступать, ломать уставы.
Но понял я: все цепи — ржавы,
Во всем — обманы суеты:
И вы одни в сем мире правы,
Любви заветные мечты!

Сын Вéнеры, Амор лукавый,
Храни меня отныне ты,
Встают, как из-за леса главы,
Любви заветные мечты.

1913

ЗА КАРТАМИ

Опять истомой дышит март,
А запад вкрадчиво-малинов...
Сижу одна, узоры карт
В гаданьи вдумчивом раскинув.
Молчат дома, во мгле застынув,
Затихли гулы беготни,
И мнятся дальних звезд огни
Глазами падших властелинов.

Придешь ли вновь, мой юный бард,
Ко мне — с букетиком жасминов,
Стремительный, как горный пард,
Пленительные брови сдвинув?
К устам прижмешь ли кровь рубинов?
Шепнешь ли сладко: «Мы — одни!»
Глядя, как в те, иные дни,
Глазами падших властелинов?

В века Гекат, в века Астарт
Я призвала б чету дельфинов!
Произнесла б, возжегши нард,
Священный заговор Юстинов!
Быть может, рыбье сердце вынув,
Шептала б: «Друга примани!..»
И духи глянули б в тени
Глазами падших властелинов!

Ах! знал когда-то Бонапарт
Путь в скромный угол Жозефинов!
Горите ж, огоньки мансард,
Глазами падших властелинов!

1913

СЕКСТИНА

Все кончено! я понял безнадежность
Меня издавна мучившей мечты...

«Все напевы»

Я безнадежность воспевал когда-то,
Мечту любви я пел в последний раз.
Опять душа мучительством объята,
В душе опять свет радости погас.
Что славить мне в предчувствии заката,
В вечеровой, предвозвещенный час?

Ложится тень в предвозвещенный час;
Кровь льется по наклонам, где когда-то
Лазурь сияла. В зареве заката
Мятежная душа, как столько раз,
Горит огнем, который не погас
Под пеплом лет, и трепетом объята.

Пусть тенью синей вся земля объята,
Пусть близок мглы непобедимый час,
Но в сердце свет священный не погас:
Он так же ярко светит, как когда-то,
Когда я, робкий мальчик, в первый раз,
Склонил уста к устам, в лучах заката.

Священны чары рдяного заката,
Священна даль, что пламенем объята.
Я вам молился много, много раз,
Но лишь опять приходит жданный час,
Молюсь я на коленях, как когда-то,
Чтоб нынче луч в миг счастия погас!

Безвестная Царица! Не погас
В душе огонь священный. В час заката
Душа старинным пламенем объята,
Твержу молитву, что сложил когда-то:
«Приди ко мне, хоть и в предсмертный час,
Дай видеть лик твой, хоть единый раз!»

Любви я сердце отдавал не раз,
Но знал, что Ты — в грядущем, и не гас
В душе огонь надежды ни на час.
Теперь, в пыланьи моего заката,
Когда окрестность сумраком объята,
Всё жду Твоей улыбки, как когда-то!

1914

В маске

Я лицо укрыл бы в маске...
Ф. Сологуб

ОБРАЗЫ ВРЕМЕН

Когда святых наук начала
Я постигал во храме Фта,
Меня, я помню, искушала
Твоя земная красота.

Но, согрешив, я с ложа прянул
И богу бездн огни возжег.
Твой облик в дым кадильный канул,
И я тебя вернуть не мог.

Не ты ли перси, как алмазы,
Бросала щедро мне на грудь?
Но финикиец одноглазый
На Рим повел надменный путь.
В смятеньи я твой дом оставил,
Молчал на все мольбы в ответ...
И дал врагу Эмилий Павел
В добычу также мой браслет!

Я, в золотой Антиохии,
Забыв, меж рыцарей других,
К святой земле пути святые,
Был счастлив вздохом уст твоих!
Но протрубил призыв военный,
Я поднял меч, я поднял щит,
И был мне чужд твой взор надменный,
Когда нас в бой стремил Годфрид!

И в дни, когда в провал кровавый
Свободы призрак толпы вел,
Ты мне сказала: «Все не правы,
Иди за мной, как прежде шел!»
Но зов борьбы, как рев пучины,
Покрыл призывные слова...
И, помню, с плахи гильотины
Моя скатилась голова.

Не кончен древний поединок,
Он длится в образах времен.
Я — воин, я — поэт, я — инок,
Еще тобой не побежден.
В глухом лесу, в огнях театра,
В случайных встречах, жду тебя:
Явись, предстань, как Клеопатра,
Чтоб вновь Антоний пал, любя!

Ноябрь 1907. 1912. 1914

МУМИЯ

Я — мумия, мертвая мумия.
Покровами плотными сдавленный,
Столетья я сплю бестревожно,
Не мучим ни злом, ни усладой,
Под маской на тайне лица.

И, в сладком томленьи раздумия,
В покой мой, другими оставленный,
Порой, словно тень, осторожно
Приходит, с прозрачной лампадой,
Любимая внучка жреца.

В сверкании лала и золота,
Одета святыми уборами,
Она наклоняется гибко,
Целует недвижную маску
И шепчет заклятья любви:

«Ты, спящий в гробнице расколотой!
Проснись под упорными взорами,
Привстань под усталой улыбкой,
Ответь на безгрешную ласку,
Для счастья, для мук оживи!»

Стуча ожерельями, кольцами,
Склоняется, вся обессилена,
И просит, и молит чего-то,
И плачет, и плачет, и плачет
Над свитком покровов моих...

Но как, окружен богомольцами,
Безмолвен бог, с обликом филина,
Я скован всесильной дремотой.
Умершим что скажет, что значит
Призыв непрозревших живых!

1913

ИКСИОН И ЗЕВС

Иксион

О Зевс! где гром твой? до земли он
Не досягнул! где молньи все?
Пусть распинаем я, Иксио́н,
На беспощадном колесе!
Пусть Тартара пространства серы,
Пусть муки вечны впереди,—
Я груди волоокой Геры,
Дрожа, прижал к своей груди!

Зевс

Смертный безумец! не Геру ласкал ты!
Зевса забыл ты безмерную власть.
Призрак обманный в объятьях держал ты:
Я обманул ненасытную страсть!
Гера со мною, чиста, неизменна,
Здесь, на Олимпе, меж вечных богинь.
Смертный, посмевший мечтать дерзновенно,
Вечно страдай, все надежды покинь!

Иксион

О Зевс! я радостную Геру
Привел к себе, в ночную тишь.
Чем эту пламенную веру
В моей душе ты заглушишь?
Так! сделай казнь страшней, огромней,
Я счастлив роковой судьбой!
А ты, богов властитель, помни,
Что я смеялся над тобой!

1913

ФИЛЛИДА

Я помню: мой корабль разбитый
Стал у Фракийских берегов.
О, кто ж явился мне защитой
В чужой стране, среди врагов?

Ты, Родопейская Филлида,
Царевна, косы чьи — как смоль!
Ты облегчила все обиды,
Всю сердца сумрачного боль!

И я, в опочивальне темной,
Испил все радости любви,
Припав, в безвольности нескромной,
На груди полные твои!

И что ж! На родине крещеньем
Мне встали козни, войны, понт,—
И годы медлил возвращеньем
К тебе неверный Демофонт!

Я верил: ты меня дождешься,
Моя далекая жена!
И снова в грудь мою вопьешься
Зубами, в неге полусна.

И вот опять на берег дальний
Я прибыл: но тебя здесь нет,
И только тихий куст миндальный
Твердит про счастье прошлых лет.

О! я вопьюсь в него зубами,
Приникну к золотой коре,
И, знаю, свежими листами
Он обновится на заре!

Его я выпью кровь и соки,
Так, как любовник пьет любовь!
Как друг от друга мы далеки,
Как близки мы, Филлида, вновь!

1913

В РАЗРУШЕННОМ МЕМФИСЕ

Как царственно в разрушенном Мемфисе,
Когда луна, тысячелетий глаз,
Глядит печально из померкшей выси
На город, на развалины, на нас.

Ленивый Нил плывет, как воды Стикса;
Громады стен проломленных хранят
Следы кирки неистового гикса;
Строг уцелевших обелисков ряд.

Я — скромный гость из молодой Эллады,
И, в тихий час таинственных планет,
Обломки громкого былого рады
Шепнуть пришельцу горестный привет:

«Ты, странник из земли, любимой небом,
Сын племени, идущего к лучам,—
Пусть ты клянешься Тотом или Фебом,
Внимай, внимай, о чужестранец, нам!

Мы были горды, высились высоко,
И сердцем мира были мы в веках,—
Но час настал, и вот, под бурей Рока,
Погнулись мы и полегли во прах.

В твоей стране такие же колонны,
Как стебли, капителью расцветут,
Падет пред ними путник удивленный,
Их чудом света люди назовут.

Но и твои поникнут в прах твердыни,
Чтоб после путники иной страны,
Останки храмов видя средь пустыни,
Дивились им, величьем смущены.

Быть может, в землях их восстанут тоже
Дворцы царей и капища богов,—
Но будут некогда и те похожи
На мой скелет, простертый меж песков.

Поочередно скиптр вселенской славы
Град граду уступает. Не гордись,
Пришелец. В мире все на время правы,
Но вечно прав лишь тот, кто держит высь!»

Торжествен голос царственных развалин,
Но, словно Стикс, струится черный Нил.
И диск луны, прекрасен и печален,
Свой вечный путь вершит над сном могил.

1913

СНЫ

В замке пышном и старинном, где пустынный круг покоев
Освящен и облелеян грустной тайной тишины,
Дни следя, как свиток длинный, жажду жизни успокоив,
Я всегда мечтой овеян, я храню любовно сны.

Сны приходят в пестрой смене, ряд видений нежит душу,
Но одна мечта меж ними мне дороже всех других.
Ради милых умилений давней клятвы не нарушу,
Утаю святое имя, не включу в певучий стих!

Словно девушка стыдлива, шаловлива, как ребенок,
И как женщина желанна, предо мной встает она:
Губы сжаты так тоскливо, стан изогнутый так тонок,
И глаза глядят так странно — из глубин неясных сна!

В замке пышном и старинном, мы, в пустынной старой зале,
Руки медленно сплетаем, там, где дремлют зеркала,
Соблазнительно-невинно, в дрожи счастья и печали,
Клятвы страсти повторяем, и от них бледнеет мгла.

Теплых уст прикосновенья, приближенья рук палящих,
И биенье близко, рядом, сердца в трепетной груди...
Но потом, как дуновенье, словно листьев шелестящих,
С ветром, шепоты над садом,— тихий голос: «Уходи!»

Зову тайному покорна, из упорных рук без слова
Ускользая, на прощанье из стекла бросает взгляд...
Но уже над бездной черной рой видений вьется снова:
Форм бесстыдных очертанья, очи, губы, хаос, ад...

В замке пышном и старинном, где пустынно дремлют тени,
Как в безмолвии могилы, я живу в беззвучной мгле,
Сны слежу, как свиток длинный, чтоб среди иных видений
Увидать, как облик милый улыбнется мне в стекле!

8 мая 1912

НА ПЕСКЕ

На песке, пред дверью бестиария,
На потеху яростных людей,
Быть простертым в сетке сполиария,
Слыша дикий вопль толпы: «Добей!»

Если взор не застлан тьмой кровавою,
Рассмотреть над сводом в вышине
Кесаря, что горд всемирной славою,
И весталок в белом полотне;

Круг красавиц, с пышными криналями,
Юношей, с веселием в очах,
Феба лик, сияющий над далями,
В чистых недоступных небесах;

Вспомнить все, что может сладко-бурного
Встретиться бесправному рабу:
Бред беспечный праздника Сатурнова,
Ласки потаенной ворожбу;

И, поняв, что в мире нет желаннее
Ничего, чем эта жизнь людей,—
Чуть шепнуть покорное прощание
Под гудящий вопль толпы: «Добей!»

1913

В ваших чертогах

В ваших чертогах мой дух окрылился.
А. Фет

1812—1912

Вот вновь мои мечты ведут знакомый танец,
Знакомых образов рой реет вдалеке.
Ты снова предо мной, надменный корсиканец,
Вновь — в треуголке, вновь — в походном сюртуке.

Любовник ранних дум, герой мечтаний детства!
Твой гений яростный, как Демона, я чтил,
И грезам зрелых лет достался он в наследство...
Нет, я, Наполеон, тебя не разлюбил!

Мы все — игрушки сил, незримых, но могучих,
Марионетки — мы, и Рок играет в нас.
Но миру ты предстал, как зарево на тучах,
И до последних дней, блистая, не погас!

И вновь ты предо мной, великий, как бывало,
Как в грозный день, когда над Неманом стоял,
И рать бессчетная грудь родины топтала,
И злость Европы ты орлами окрылял.

Умел согласовать с Судьбой ты жест и слово:
Актер великий! что Нерон перед тобой!
Ты в каждом действии являлся в маске новой,
Владея до конца восторженной толпой.

Вождь малой армии, ты дерзок при Арколе;
Король всех королей, в Берлине лестью пьян;
И, как герой, велик в своей жестокой доле,
«Где сторожил тебя великий океан!»

Вершитель давних распрь, посланник Провиденья,
Ты ветхое стирал с Европы, новый мир
Являя пред людьми,— и будут поколенья
Восторженно взирать на бронзовый кумир.

Александрийский столп! склонись перед колонной
Вандомской! пусть ее свергали, но она
Опять возносится главою непреклонной,
И не свалить ее ветрам Бородина!

Не стыдно пасть в борьбе, как древнему герою,
Как пали некогда Титаны и Эдип.
И ты, внимая волн безжалостному вою,
Мог смело говорить: «Мой подвиг не погиб!»

Тиран в кругу льстецов! губитель сил народа!
Ненасытимый вождь! вместилище войны!
Тобою создана в пяти странах свобода,
И цепи ржавые тобой сокрушены!

Будь славен! И Тильзит, и «солнце Аустерлица»
Не страшны в прошлом нам. Они прошли, как сон.
Из пепла выросла сожженная столица,
И, русские, тебя мы чтим, Наполеон!

За все: за гений твой, за дерзость, за надменность,
За красоту твоей слепительной судьбы,
За то, что ты познал земных величий бренность,
За то, что показал, как жалки все рабы.

Ты был примером нам, и за тобой, упорны,
Должны стремиться мы! Пусть нас ведут орлы
К Фридланду, на Ваграм,— а там пусть жребий черный
Повергнет нас во прах, на знойный край скалы!

Июль 1912

ГАРИБАЛЬДИ

Что сделал ты, кем был, не это важно!
Но ты при жизни стал священным мифом,
В народной памяти звенишь струной протяжной,
Горишь в веках святым иероглифом!

Что свято в слове роковом «свобода»,
Что в слове «родина» светло и свято,
Для итальянского народа
Всё в имени твоем объято.

Кто б ни был итальянец: ладзарони,
Купец, поэт, вельможа, иль убийца,—
Он склонится, как пред царем в короне,
Пред красным колпаком гарибальдийца.

Ты в сотнях изваяниях умножен,
В деревне, в городе, в открытом поле;
Стоишь, восторжен и тревожен,
Зовя сограждан к торжеству и к воле;

Но, пламенный трибун и вождь толпы упорный,
При всех паденьях не терявший веры!
Твой пьедестал нерукотворный —
Гранит Капреры!

10 декабря 1913

ПЕВЦУ «СЛОВА»

Стародавней Ярославне тихий ропот струн:
Лик твой скорбный, лик твой бледный, как и прежде, юн.
Раным-рано ты проходишь по градской стене,
Ты заклятье шепчешь солнцу, ветру и волне,
Полететь зегзицей хочешь в даль, к реке Каял,
Где без сил, в траве кровавой, милый задремал.
Ах, о муже-господине вся твоя тоска!
И, крутясь, уносит слезы в степи Днепр-река.

Стародавней Ярославне тихий ропот струн.
Лик твой древний, лик твой светлый, как и прежде, юн.
Иль певец безвестный, мудрый, тот, кто «Слово» спел,
Все мечты веков грядущих тайно подсмотрел?
Или русских женщин лики все в тебе слиты?
Ты — Наташа, ты — и Лиза, и Татьяна — ты!
На стене ты плачешь утром... Как светла тоска!
И, крутясь, уносит слезы песнь певца — в века!

1912

ПЕТЕРБУРГ

Здесь снов не ваял Сансови́но,
Не разводил садов Ле-Нотр.
Все, волей мощной и единой
Предначертал Великий Петр.

Остановив в болотной топи
Коня неистового скок,
Он повернул лицом к Европе
Русь, что смотрела на Восток;

Сковал седым гранитом реки,
Возвысил золоченый шпиль,
Чтоб в ясной мгле, как призрак некий,
Гласил он будущую быль.

Вдали — поля, поля России,
Усталый труд, глухая лень,
Всё те же нивы вековые
Всё тех же скудных деревень;

Вдали, как редкие цветенья,
Шумят несмело города,
В краях тоски и униженья,
Былого рабства и стыда.

Но Петроград огнями залит,
В нем пышный роскоши расцвет,
В нем мысль неутомимо жалит,
В нем тайной опьянен поэт,

В нем властен твой холодный гений,
Наш Кесарь-Август, наш Ликург!
И отзвуком твоих стремлений
Живет доныне Петербург!

1912

ТРИ КУМИРА

В этом мутном городе туманов,
В этой, тусклой безрассветной мгле,
Где строенья, станом великанов,
Разместились тесно по земле,—

Попирая, в гордости победной,
Ярость змея, сжатого дугой,
По граниту скачет Всадник Медный,
С царственно протянутой рукой;

А другой, с торжественным обличьем,
Строгое спокойствие храня,
Упоенный силой и величьем,
Правит скоком сдержанным коня;

Третий, на коне тяжелоступном,
В землю втиснувшем упор копыт,
В полусне, волненью недоступном,
Недвижимо, сжав узду, стоит.

Исступленно скачет Всадник Медный;
Непоспешно едет конь другой;
И сурово, с мощностью наследной,
Третий конник стынет над толпой,—

Три кумира в городе туманов,
Три владыки в безрассветной мгле,
Где строенья, станом великанов,
Разместились тесно по земле.

1 декабря 1913

«БАХУС» РУБЕНСА

Бахус жирный, Бахус пьяный
Сел на бочку отдохнуть.
За его плечом — багряный
Женский пеплум, чья-то грудь.

Бочка словно тихо едет,
Словно катится давно,
Но рукой привычной цедит
В чашу женщина вино.

Весел бог черноволосый,
Ждет вечерней темноты;
Кое-как льняные косы
У подруги завиты.

Скрыто небо черной тучей,
Мгла нисходит на поля...
После чаши — ласки жгучи,
И желанный одр — земля!

Но, забыв про грезы эти,
Опрокинув к горлу жбан,
Жадно влагу тянет третий...
Ах, старик, ты скоро — пьян.

Только девочке-малютке
Странно: что же медлит мать?
Только мальчик, ради шутки,
Рубашонку рад поднять.

Из пяти — блаженны двое;
Двум — блаженство знать потом;
Пятый ведал все земное,
Но блажен и он — вином.

1912

Фиолетовый

В душевной глубине

Есть мысли тайные в душевной глубине.

А. Майков

Пускай в душевной глубине
И всходят и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи.

Ф. Тютчев

НОВАЯ СЕСТРА

Вкруг меня наклоняется хор возвратившихся дев...

«*Все напевы*»

Здравствуй, здравствуй, новая сестра,
К нам пришедшая, с тоской во взоре,
В час, когда дорога серебра
Перешла олуненное море!

Пышен твой причудливый наряд,
Крупны серьги из морских жемчужин,
Ярок над челом алмазов ряд,
А над лоном пояс странно сужен.

Кто ты? Полы храмовых завес
Вскрыв, не ты ль звала служить Ашере?
Иль тебе дивился Бенарес,
Меж святых плясуний, баядере?

Иль с тобой, забыв войну, Тимур
На пушистых шкурах спал в гареме?
Иль тебя толпе рабов Ассур
Представлял царицей в диадеме?

Все равно. Войди в наш тесный круг,
Стань теперь для мира безымянной.
Видишь: месяца прозрачный плуг
Распахал уже простор туманный.

Час подходит потаенных снов,
Восстающих над любовным ложем...
Мы, заслыша предрешенный зов,
Не сойти к избранникам не можем.

Будь готова к буйству новых пляск
И к восторгу несказанных пыток,
Чтоб излить вино запретных ласк,
Словно смешанный с огнем напиток!

Будь готова, новая сестра,
Наклоняясь к тайнам изголовий,
Досказать начатую вчера
Сказку счастья, ужаса и крови!

22 июля 1913

УМИРАЮЩИЙ ДЕНЬ

Минувший день, склоняясь головой,
Мне говорит: «Я умираю. Новый
Уже идет в порфире огневой.

Ты прожил день унылый и суровый.
Лениво я влачил за часом час:
Рассвет был хмур и тускл закат багровый.

За бледным полднем долго вечер гас;
И для тебя все миги были скудны,
Как старый, в детстве читанный, рассказ.

Зато со мной ты путь прошел нетрудный,
И в час, когда мне — смерть, и сон — тебе,
Мы расстаемся с дружбой обоюдной.

Иным огнем гореть в твоей судьбе
Другому дню, тому, кто ждет на смене.
Зловещее я слышу в ворожбе

Угрюмых парк. О, бойся их велений!
Тот день сожжет, тот день тебя спалит.
Ты будешь, мучась, плакать об измене,

В подушки прятать свой позор и стыд,
И, схвачен вихрем ужаса и страсти,
Всем телом биться о ступени плит!

Но день идет. Ты — у него во власти.
Так молви мне: «прости», как другу. Я —
День без восторгов, но и без несчастий!»

В смущеньи слушаю; душа моя
Знакомым предвкушением объята
Безумной бури в бездне бытия...

Как эти штормы я любил когда-то.
Но вот теперь в душе веселья нет,
И тусклый день жалею я, как брата,

Смотря с тоской, что теплится рассвет.

28 марта 1915

ОКЕАН — РУЧЬЮ

Я — океан, соленый и громадный;
Люблю метать на берег пенный вал,
Люблю ласкать, целуя пастью жадной,
Нагие груди сине-сизых скал.

Люблю, затеяв с бурей поединок,
Взносить до туч поверхность зыбких вод,
Бросать китов, как маленьких сардинок,
Смеясь, кренить озлобленный дреднот!

Я — океан, соленый и холодный.
Зачем же ты, дрожа, ко мне приник,
Земной поток, спокойный, пресноводный,
Целуешь устьем мой огромный лик?

Привык ты литься по лесным полянам,
Поить людей, их отражать глаза...
Тебе ли слиться с древним океаном,
С тем, с кем дружат — лишь ветер да гроза!

Ступай назад, к своим лугам зеленым,
Предайся грезам, в вечно-мирном сне,
Иль сдайся бурям, темным и соленым,
Растай, исчезни, потони во мне!

Май 1913

НОЧЬ

Ветки темным балдахином свешивающиеся,
Шумы речки с дальней песней смешивающиеся,
Звезды в ясном небе слабо вздрагивающие,
Штампы роз, свои цветы протягивающие,
Запах трав, что в сердце тайно вкрадывается,
Теней сеть, что странным знаком складывается,
Вкруг луны живая дымка газовая,
Рядом шепот, что поет, досказывая,
Клятвы, днем глубоко затаенные,
И еще,— еще глаза влюбленные,
Блеск зрачков при лунном свете белом,
Дрожь ресниц в движении несмелом,
Алость губ не отскользнувших прочь,
Милых, близких, жданных... Это — ночь!

5 января 1915

УСНИ, БЕЛОСНЕЖНОЕ ПОЛЕ

Усни, белоснежное поле!
Замри, безмятежное сердце!
Над мигом восходит бесстрастье;
Как месяц, наводит сиянье
На грезы о нежащей страсти,
На память о режущей ласке...
Конец. Отзвучали лобзанья.
В душе ни печали, ни счастья...
Так спят безответные дали,
Молчат многоцветные травы,
Одеты холодным покровом,
Под синим, бесплодным сияньем.
Спи, спи, белоснежное поле!
Умри, безнадежное сердце!

29—30 октября 1914

ВСЕМ

О, сколько раз, блаженно и безгласно,
В полночной мгле, свою мечту храня,
Ты думала, что обнимаешь страстно —
Меня!

Пусть миги были тягостно похожи!
Ты верила, как в первый день любя,
Что я сжимаю в сладострастной дрожи —
Тебя!

Но лгали образы часов бессонных,
И крыли тайну створы темноты.
Была в моих объятьях принужденных —
Не ты!

Вскрыть сладостный обман мне было больно,
И я молчал, отчаянье тая...
Но на твоей груди лежал безвольно —
Не я!

О, как бы ты, страдая и ревнуя,
Отпрянула в испуге предо мной,
Поняв, что я клонюсь, тебя целуя,—
К другой!

15 июля 1915
Бурково

НАД ОМУТОМ

Ветер, сумрачно пророчащий,
Всплеск волны, прибрежье точащей,
Старых сосен скорбный скрип...
Строго — древнее урочище!
Миновав тропы изгиб,
Верю смутно, что погиб.

На граните, вдоль расколотом,
Отливая тусклым золотом,
Куст над омутом повис.

Застучит в виски, как молотом,
Если гибельный каприз
Вдруг заставит глянуть вниз.

Холодна вода глубокая...
Но со дна голубоокая
Дева-призрак поднялась.
Иль уже в воде глубоко я?
Иль русалка, засмеясь,
Белых рук замкнула связь?

Ветер плачется, пророчащий;
Плещет вал, прибрежье точащий;
Смолкли всплески быстрых рыб.
Строго — древнее урочище!
Стонет сосен скорбный скрип,
Что еще пришлец погиб!

12 сентября 1915

КАЛЕЙДОСКОП

Забава милой старины,
Игрушка бабушек жеманных,
Ты им являл когда-то сны
Видений призрачных и странных.

О, трубочка с простым стеклом,
Любимица княгинь и графов!
Что мы теперь в тебе найдем,
В годину синематографов?

Позволь к тебе приблизить глаз;
Своей изменчивой усладой
(Ах, может быть, в последний раз!)
Его обманчиво обрадуй!

Ярко и четко, в прозрачности синей,
Ало-зеленые звезды горят.
Странны случайности сломанных линий...
Это — кометы в эфирной пустыне,
Это — цветы на лазоревой льдине,
Чуждых цветов металлический сад!

Миг,— всё распалось в стремительной смене!
Кто, окрыленный строитель, воздвиг
Эти дворцы упоительной лени,
Башни безвестных, ленивых Армений,
Те арабески и эти мишени,
Эти фонтаны из золота? — Миг,—

Вновь всё распалось, и встали кораллы,
Вкруг перевиты живым жемчугом.
Или рубины, пронзительно-алы,
Яркость вонзили в живые кристаллы?
Или наполнены кровью бокалы,
Белый хрусталь ярко-красным вином?

Довольно! детства давний друг,
Ты мне опять напомнил грезы,
Когда так сладостно вокруг
Сплетались трауры и розы!

Ты мне вернул забытый рай
Из хризолита и сапфира!
Опять безмолвно отдыхай,
Тайник непознанного мира.

Свой лал, свой жемчуг, свой алмаз
Таи, окованный молчаньем,
Пока опять захочет глаз
Прильнуть к твоим очарованьям.

1913

В минуту жизни...

В минуту жизни трудную...
М. Лермонтов

У РАЙСКИХ ВРАТ

Мимо стен таинственного Рая
Я не раз в томленьи проходил.
Там цветы цвели, благоухая,
Там фонтан жемчужной пылью бил.
У ворот неведомого Рая
Я, как прежде, голову склонил.

И, как прежде, знаю: не войти мне
В эти, лалом яркие, врата.
Не прославит в умиленном гимне
Счастье жизни тихая мечта.
Да, как прежде, знаю: не войти мне,—
Дверь, сверкая лалом, заперта.

И опять, далеким полукругом,
В степь глухую путь мой поведет.
Там — один, с любовницей иль с другом —
Буду слышать грозный зов: «Вперед!»
Путь ведет далеким полукругом,
И пылает жгучий небосвод.

24 апреля 1915
Варшава

ЕДИНОБОРСТВО

Я — побежден, и, не упорствуя,
Я встречу гибельный клинок.
Я жизнь провел, единоборствуя,
С тобою, Черный Рыцарь, Рок.
Теперь, смирясь, теперь, покорствуя,
Я признаю: исполнен срок!

Немало выпадов губительных
Я отразил своим щитом,
Ударов солнечно-слепительных,
Горевших золотым огнем.
И, день за днем, я, в схватках длительных,
С тобой стоял, к лицу лицом.

Не раз я падал, опрокинутый;
Мой панцирь был от крови ал,
И я над грудью видел — вынутый
Из ножен твой кривой кинжал.
Но были миги смерти ми́нуты,
И, с новой силой, я вставал.

Пусть, пусть от века предназначено,
Кому торжествовать из нас:
Была надежда не утрачена —
Продлить борьбу хоть день, хоть час!
Пусть горло судорогой схвачено,
Не мне просить о coup de grâce! [1]

Вот выбит меч из рук; расколото
Забрало; я поник во прах;
Вихрь молний, пламени и золота
Всё вкруг застлал в моих глазах...
Что ж медлить? Пусть, как тяжесть молота,
Обрушится последний взмах!

Декабрь 1913

МОЛИТЬСЯ

Молиться? Я желал
Молиться, но душа,
Как дорогой кристалл,
Блистает, не дыша.

Упав на грани, луч
Стоцветно отражен,
Но, благостен и жгуч,
Внутрь не проникнет он.

Внутри, как в глыбе льда,
Лишь вечный холод; вздох
Не веет никогда...
Сюда ль проникнет Бог?

Бог — лишь в живых сердцах,
Бог есть живой союз:
Он в небе, Он в волнах,
В телах морских медуз.

---

[1] Удар из милости *(франц.)*—удар, кладущий конец мучениям.—*Ред.*

Кристалл же мертв. Горит
Лишь мертвым он огнем,
Как камень драконит,
Зажженный смертным сном.

Молиться? Я хочу
Молиться, но душа
Ответствует лучу
Блистаньем, не дыша.

25 ноября 1913

РОНДО

Я плачу. Вдоль пути печален сосен ряд.
Уснул ямщик, забыв стегать худую клячу.
Смотря на огненный, торжественный закат,
Я плачу.

Там, в небе пламенном, я, малый, что я значу?
Здесь тихо дни ползут, а там века летят,
И небу некогда внимать людскому плачу!

Так и в ее душе — я, только беглый взгляд...
И с мыслью обо всем, что скоро я утрачу,
С унылой памятью утерянных услад,
Я плачу...

1912

ЧЕЙ-ТО ЗОВ

Чей-то зов, как вздох усталый...
Иль то шепчут чаши лилий,
Те, что в узкие бокалы
Стебли змейно опустили?

Чей-то зов, как вздох усталый...
Иль то — песня, что пропели
В ярком блеске тронной залы
Пред Изоттой менестрели?

Чей-то зов, как вздох усталый...
Иль доносятся приветы
До земли, песчинки малой,
Сквозь эфир с иной планеты?

Чей-то зов, как вздох усталый...
Иль то снова голос милый,
Сквозь покров травы завялой,
Долетает из могилы?

27 августа 1913—1914

В ЛЕСУ

Если сердцу тяжко и грустно,
И надежда сомненьем отравлена,
Во дни крестоносных битв,—
Помолись молитвой изустной,
Где благость небесная явлена,
Сладчайшей из сладких молитв.

«Блажени плачущии, яко тии утешатся,
Блажени алчущии, яко тии насытятся,
Блажени есте, егда ижденут...»
Хорошо в лесу, пред боем, спешиться,
Духом от праха к горним восхититься,
Одиноко свершить над собой Страшный суд.

Настанут сраженья минуты суровые,
Раненых крики замрут без участия,
Как цепы, застучат мечи о щиты;
Тут сводом свисают листочки кленовые,
И незримо с небес подаешь мне причастие,
Всех скорбящих Заступница, Ты!

24 ноября 1913

На памятном листке

...жив у вас на памятном листке.
Кн. П. А. Вяземский

...на памятном листке
оставит мертвый след...
А. Пушкин

Н. Н. САПУНОВУ

По небу полуночи...
М. Лермонтов

Когда твою душу в объятиях нес
Твой ангел в селения слез,
Не небом ночным он с тобою летел,
Он тихую песню не пел.

Тебя проносил он, печален и нем,
Чрез дивно сиявший Эдем,
Где, в блеске неведомой нам красоты,
Дышали живые цветы;

Где высился радуг стокрасочных свод
Над яркой прозрачностью вод;
И отсветы чудных и нежных огней
В душе затаились твоей.

Всю краткую жизнь ты томился мечтой,
Как выразить блеск неземной,
Любя безнадежно земные цветы,
Как отблеск иной красоты.

27 марта 1914

НА СМЕРТЬ А. Н. СКРЯБИНА

Он не искал — минутно позабавить,
Напевами утешить и пленить;
Мечтал о высшем: Божество прославить
И бездны духа в звуках озарить.

Металл мелодий он посмел расплавить
И в формы новые хотел излить;
Он неустанно жаждал жить и жить,
Чтоб завершенным памятник поставить,

Но судит Рок. Не будет кончен труд!
Расплавленный металл бесцельно стынет:
Никто его, никто в русло не двинет...

И в дни, когда Война вершит свой суд
И мысль успела с жатвой трупов сжиться,—
Вот с этой смертью сердце не мирится!

17 апреля 1915
Варшава

Ф. СОЛОГУБУ

Триолет

Зев беспощадной орхидеи —
Твой строгий символ, Сологуб.
Влечет изгибом алчных губ
Зев беспощадной орхидеи.
Мы знаем, день за днем вернее,
Что нам непобедимо люб —
Зев беспощадной орхидеи,
Твой строгий символ, Сологуб!

1913

ИГОРЮ СЕВЕРЯНИНУ

Строя струны лиры клирной,
Братьев ты собрал на брань.
Плащ алмазный, плащ сапфирный
Сбрось, отбрось свой посох мирный,
В блеске светлого доспеха, в бледно-медном шлеме встань.

Юных лириков учитель,
Вождь отважно-жадных душ,
Старых граней разрушитель,—
Встань пред ратью, предводитель,
Сокрушай преграды грезы, стены тесных склепов рушь!

Не пеан взывает пьяный,
Чу! гудит автомобиль!
Мчат, треща, аэропланы
Храбрых в сказочные страны!
В шуме жизни, в буре века, рать веди, взметая пыль!

20 января 1912

ИГОРЮ СЕВЕРЯНИНУ

Сонет-акростих с кодою

И ты стремишься ввысь, где солнце — вечно,
Где неизменен гордый сон снегов,
Откуда в дол спадают бесконечно
Ручьи алмазов, струи жемчугов.

Юдоль земная пройдена. Беспечно
Свершай свой путь меж молний и громов!
Ездок отважный! слушай вихрей рев,
Внимай с улыбкой гневам бури встречной!

Еще грозят зазубрины высот,
Расщелины, где тучи спят, но вот
Яснеет глубь в уступах синих бора.

Назад не обращай тревожно взора
И с жадной жаждой новой высоты
Неутомимо правь конем,— и скоро

У ног своих весь мир увидишь ты!

1912

НИКОЛАЮ БЕРНЕРУ

Сонет-акростих

Немеют волн причудливые гребни,
И замер лес, предчувствуя закат.
Как стражи, чайки на прибрежном щебне
Опять покорно выстроились в ряд.

Любимый час! и даль и тишь целебней!
Алмазы в небе скоро заблестят;
Юг расцветет чудесней и волшебней;
Бог Сумрака сойдет в свой пышный сад.

Есть таинство в сиянье ночи южной,
Роднящей душу с вечной тишиной,
Нас медленно влекущей в мир иной.

Есть миг, когда и счастия не нужно:
Рыдать — безумно, ликовать — смешно —
У мирных вод, влекущих нас на дно.

1912

ПУТЬ К ВЫСОТАМ

Сонет-акростих

Путь к высотам, где музы пляшут хором,
Открыт не всем: он скрыт во тьме лесов.
Эллада, в свой последний день, с укором
Тайник сокрыла от других веков.

Умей искать; умей упорным взором
Глядеть во тьму; расслышь чуть слышный зов!
Алмазы звезд горят над темным бором,
Льет ключ бессонный струи жемчугов.

Пройди сквозь мрак, соблазны все минуя,
Единую бессмертную взыскуя,
Рабом склоняйся пред своей мечтой,

И, вдруг сожжен незримым поцелуем,
Нежданной радостью, без слов, волнуем,
Увидишь ты дорогу пред собой.

1912

МОЙ МАЯК

Мадригал

Мой милый маг, моя Мария,—
Мечтам мерцающий маяк.
Мятежны марева морские,
Мой милый маг, моя Мария,
Молчаньем манит мутный мрак...
Мне метит мели мировые
Мой милый маг, моя Мария,
Мечтам мерцающий маяк!

1914

ДЕВЯТОЕ МАРТА

Сорок было их в воде холодной
Озера,— страдавших за Христа.
Близился конец их безысходный,
Застывали взоры и уста;
И они уже не в силах были
Славить Господа в последний час;
Лишь молитвой умственной хвалили
Свет небесный, что для них погас...

А на бреге, в храмине открытой,
Весело огонь трещал в печи;
Сотник римский там стоял со свитой,
Обнажившей острые мечи;
Восклицал он, полн ожесточенья,
Обращаясь к стынущим телам:
«Августа получит тот прощенье,
Кто ему воскурит фимиам!»

И один из мучимых (не скажем
Имени), мучений не снеся,
Выбежал на брег и крикнул стражам:
«От Христа — днесь отрекаюсь я!»
Но едва хотел он ароматы
Перед ликом Августа возжечь,
Пал на землю, смертным сном объятый,
Там, где весело трещала печь.

И увидел сотник: с неба сходят
Сорок злато-огненных венцов
И, спускаясь к озеру, находят
Тридцать девять благостных голов.
Обращен внезапно к правой вере,
Сотник вскрикнул: «Буду в царстве том!»
И на гибель бросился Валерий,
Осенен сороковым венцом.

9 марта 1913

ЛИРА И ОСЬ

Вячеславу Иванову

1. ЛИРА

Прозрев, я в лиру верую
В медлительном раздумьи,
Как веровал в безумьи
Палящей слепоты.
На глубь зелено-серую,
Где буйствуют буруны,
Опять настроив струны,
Смотрю, без слез, как ты.

На этой грани каменной,
Блуждая без лазури,
Под вопль веселый бури,
Корабль мой сокрушен.
Но я, с надеждой пламенной,
Воззвал к богам единым,
И плещущим дельфином
Спасен я, Арион!

Здесь, под скалой свисающей,
Где тени странно-сизы,
Под солнцем бросив ризы,
Я новый гимн пою,
И ветер, сладко тающий
В своем полете скором
Над стихнувшим простором,
Донес мне песнь твою.

Всем суждены крушения,
Кто поднял парус белый,
Кто в море вышел, смелый,
Искать земли иной!
Благих богов решения
Да славят эти песни:
Опасней и чудесней
Да будет жребий твой!

2. ОСЬ

Ты — мне: «Когда у нижней меты
Квадрига рухнет, хрустнет ось,
И будут сотни рук воздеты,—
Ристатель! страх напрасный брось!
Пусть мышцы сильные не дрогнут,
Скорей клинок свой вознеси!..»
И, не повергнут и не согнут,
Я стал у сломанной оси.

Нет, я не выбуду из строя,
Но, силы ярые утроя,
Вновь вожжи туго закручу:
Уже на колеснице новой,
Длить состязание готовый,
Стою, склоняю грудь, лечу!

Драконы ли твои, Медея,
Трипто́лема ль живая ось
Меня возносят, пламенея,—
Но коням не помчаться врозь!
Стою и грудь склоняю косо,
Как на земле, так в небеси:
Пусть вихрятся в огне колеса
На адамантовой оси.

И верю: срыва Фаэтона
Я мину на изгибе склона,
Где все чудовища грозят,
И по дуге сходящей неба
Направлю колесницу Феба —
Зажечь стопламенный закат.

1913—1914
Эдинбург II

ДЕВЯТАЯ КАМЕНА

1915 — 1917

Пора! перо покоя просит!
. . . . . .
На берег радостно выносит
Мою ладью девятый вал.
Хвала вам, девяти Каменам!

Пушкин

ОЖИДАНЬЯ

Нет! ожиданья еще не иссякли!
Еще не вполне
Сердце измучено. Это не знак ли —
Поверить весне?

Нет! ожиданья еще не иссякли!
Но только на дне
Скорбной души, как в святом табернакле,
Молчат в тишине.

Нет! ожиданья еще не иссякли!
В какой же стране,
В поле, в чертоге иль в сумрачной сакле
Им вспыхнуть в огне?

Нет! ожиданья еще не иссякли!
И, друг старине,
Будущей жизни черчу я пентакли
При вещей луне.

Нет! ожиданья еще не иссякли!
Я, словно вовне,
Вижу трагедии, вижу миракли,
Сужденные мне.

Нет! ожиданья еще не иссякли!
Прильну, как во сне,
К милым устам, на веселом ценакле
Забудусь в вине.

Да! ожиданья еще не иссякли!
Я верю! — зане
Иначе бросить желанней (не так ли?)
И жизнь Сатане!

2 сентября 1916

ДЕСЯТАЯ ЧАСТЬ

Безбрежность восторга! бездонность печали!
Твои неизмерные пропасти, страсть!
Из них открывается в жизни — едва ли
Десятая часть!

А если нас горе и счастье венчали,
Все в прошлое пало, как в алчную пасть,
И в памяти скудно хранится — едва ли
Десятая часть!

Мы жили, любили, искали, встречали,
Чтоб верить и плакать, чтоб славить и клясть;
Но радостных встреч нам досталась — едва ли
Десятая часть!

Нас миги любви, как качели, качали;
Взлетали мы к небу, чтоб жалко упасть...
Но, в перечне длинном, взлетаний — едва ли
Десятая часть!

Что ж пряжу мгновений, теперь, как вначале,
Еще мы упорно стараемся прясть?
Совьется желаемой нити — едва ли
Десятая часть!

И пусть мы, певцы, о себе не молчали!
Что́ может и песен певучая власть?
Всех мук уцелеет в напеве — едва ли
Десятая часть!

15 октября 1916

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

ДЕВЯТАЯ КАМЕНА.

ДЕВЯТАЯ КНИГА СТИХОВЪ

1915 — 1917.

Пора! перо покоя проситъ!
. . . . . .
На берегъ радостно выноситъ
Мою ладью девятый валъ.
Хвала вамъ, Девять Каменей!

Пушкинъ.

ЛИШЬ БЕЗМЯТЕЖНОГО МИРА ...

Лишь безмятежного мира жаждет душа, наконец,
Взором холодным окину блеск и богатства Офира,
С гордым лицом отодвину, может быть, царский венец.
Жаждет душа без желаний лишь безмятежного мира.
Надо? — из груди я выну прежнее сердце сердец.
Что́ мне напев ликований, шум беспечального пира,
Что́ обольщенья лобзаний женских под звоны колец!
Прочь и певучая лира! Больше не ведать кумира,
Быть обращенным во льдину, быть обращенным в свинец!
В благостном холоде стыну, пью из святого потира
Тайну последних молчаний, сшедший с арены борец.
Прошлое прошлому кину! Лишь безмятежного мира,
Лишь раствориться в тумане жаждет душа, наконец!

29 августа 1916

ОЖЕРЕЛЬЯ ДНЕЙ

Пора бы жизнь осмыслить, подытожить:
Уже в былом — сороковой порог,
И, если дни на счет годов помножить,
Пятнадцать тысяч превзойдет итог.

Но эти тысячи, порой несчастных,
Порой счастливых, пережитых дней,—
Как ожерелья белых, синих, красных,
Зеленых, желтых, всех цветов огней!

И эти бусы жгут и давят шею,
По телу разливают острый яд.
Я погасить их пламя не умею,
И в ночь и днем они меня язвят...

Какие камни сбросить мне? Не вас ли,
Рубины алые, где тлеет страсть?
Беру их в руку... Но давно погасли,
Как жемчуга, они. За что ж их клясть!

Так вас, быть может, яркие алмазы,
Вас, тайные, преступные мечты?
Нет! в ясном свете, вы — слепые стразы,
Обманный блеск поддельной красоты!

Так, значит, вас, глубокие опалы,
Воспоминанья скорби и могил?
Нет, нет! и вы — цветок уже завялый,
И ваш огонь стал мертвым и остыл!

А вы, исканья бога, аметисты?
И вы, сапфиры вдумчивых стихов?
Сверкал из вас, в былом, огонь лучистый,
Но вы теперь — лишь груз холодных слов!

Так что ж палит? Вы, скромные агаты?
Ты, нежная, святая бирюза?
Ты, гиацинт? — случайные утраты,
Мелькнувшие в вечерней мгле глаза,

Сны недовиденные встреч мгновенных,
Губ недоласканных прощальный суд?
Что жжет еще меж зерен драгоценных?
Смарагд? топаз? лал? оникс? изумруд?

Всмотрюсь,— и блекнет блеск великолепий:
На белых нитях — только тусклый груз...
Но эти нити сжали жизнь, как цепи,
Палят, как угли, звенья длинных бус!

И жаль порвать уборы ожерелий:
Палим, любуюсь ими я в тиши...
Пусть каждый камень мертв: они горели,
Горят и ныне — в тайниках души!

Май 1916

О СЕБЕ САМОМ

Хвала вам, девяти Каменам!

Пушкин

Когда мечты любви томили
На утре жизни,— нежа их,
Я в детской книге «Ювенилий»
Влил ранний опыт в робкий стих.

Мечту потом пленили дали:
Японский штрих, французский сеср,
Все то, об чем века мечтали,—
Чтоб ожил мир былой — в «Chefs d'Oeuvre».

И, трепет неземных предчувствий
Средь книг и беглых встреч тая,
Я крылий снам искал в искусстве
И назвал книгу: «Это — я!»

Но час настал для «Третьей Стражи».
Я, в шуме улиц, понял власть
Встающих в городе миражей,
Твоих звенящих зовов, страсть!

Изведав мглы блаженств и скорби,
Победы пьяность, смертный страх,
Я мог надменно «Urbi et Orbi»
Петь гимн в уверенных стихах.

Когда ж в великих катастрофах
Наш край дрожал, и кликал Рок,—
Венчая жизнь в певучих строфах,
Я на себя взложил «Венок».

В те дни и юноши и девы
Приветом встретили певца,
А я слагал им «Все напевы»,
Пленяя, тайной слов, сердца.

Но, не устав искать, спокойно
Я озирал сцепленья дней,
Чтоб пред людьми, в оправе стройной,
Поставить «Зеркало Теней».

Я ждал себе одной награды,—
Предаться вновь влеченью снов,
И славить мира все услады,
И «Радуги» все «семь цветов»!

Но гром взгремел. Молчать — измена,
До дна взволнован мой народ...
Ужель «Девятая Камена»
Победных песен не споет?

А вслед? Конец ли долгим сменам?
Предел блужданьям стольких лет?
«Хвала вам, девяти Каменам!»
Но путь укажет Мусагет!

Март 1917

МОЛИТЕСЬ

Молитесь о праздничных розах,
О лилиях чистых молитесь,
О реющих летом стрекозах,
О призраках, виденных в грезах,
О всем бесполезном — молитесь!

Да высшая милость не минет
Прекрасных видений природы!
Любовь к Красоте да не стынет!
Да будет приветливо принят
Мечтатель под стягом свободы!

Есть тайная ценность в ненужных
Мечтах, и цветах, и святынях,
И души, без тучек жемчужных,
Без песни потоков содружных,
Завянут, как пальмы в пустынях!

Нет! мало свободы и братства,
И таинства счастья — так зыбки!
Во храме творит святотатство,
Кто губит земное богатство —
Мечту, Красоту и Улыбки!

Чу! Вихрь в налетающих грозах,
Что день, нам гудит: «Берегитесь!»
Погибнут стрекозы на лозах...
Молитесь о пламенных розах,
О лилиях белых — молитесь!

Апрель 1917

К ПЕТРОГРАДУ

...над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы...
Пушкин

Город Змеи и Медного Всадника,
Пушкина город и Достоевского,
Ныне, вчера,
Вечно — единый,
От небоскребов до палисадника,
От островов до шумного Невского,—
Мощью Петра,
Тайной — змеиной!

В прошлом виденья прожиты, отжиты
Драм бредовых, кошмарных нелепостей;
Душная мгла
Крыла злодейства...
Что ж! В веке новом — тот же ты, тот же ты!
Те же твердыни призрачной крепости,
Та же игла
Адмиралтейства!

Мозг всей России! с трепетом пламенным,
Полон ты дивным, царственным помыслом:
Звоны, в веках,
Славы — слышнее...
Как же вгнездились в черепе каменном,
В ужасе дней, ниспосланных Промыслом,
Прячась во прах,
Лютые змеи?

Вспомни свой символ: Всадника Медного!
Тщетно Нева зажата гранитами,
Тщетно углы
Пря́мы и строги:
Мчись к полосе луча заповедного,
Злого дракона сбросив копытами
В пропасти мглы
С вольной дороги!

1916

ОСВОБОЖДЕННАЯ РОССИЯ

Освобожденная Россия,—
Какие дивные слова!
В них пробужденная стихия
Народной гордости — жива!
Как много раз, в былые годы,
Мы различали властный зов:
Зов обновленья и свободы,
Стон-вызов будущих веков!

Они, пред нами стоя, грозно
Нас вопрошали: «Долго ль ждать?
Пройдут года, и будет поздно!
На сроках есть своя печать.
Пусть вам тяжелый жребий выпал:
Вы ль отречетесь от него?
По всем столетьям Рок рассыпал
Задачи, труд и торжество!»

Кто, кто был глух на эти зовы?
Кто, кто был слеп средь долгой тьмы?
С восторгом первый гул суровый,—
Обвала гул признали мы.
То, десять лет назад, надлома
Ужасный грохот пробежал...
И вот теперь, под голос грома,
Сорвался и летит обвал!

И тем, кто в том работал,— слава!
Не даром жертвы без числа
Россия, в дни борьбы кровавой
И в дни былого, принесла!
Не даром сгибли сотни жизней
На плахе, в тюрьмах и в снегах!
Их смертный стон был гимн отчизне,
Их подвиг оживет в веках!

Как те, и наше поколенье
Свой долг исполнило вполне.
Блажен, въявь видевший мгновенья,
Что прежде грезились во сне!

Воплощены сны вековые
Всех лучших, всех живых сердец:
Преображенная Россия
Свободной стала,— наконец!

1 марта 1917

НА УЛИЦАХ

(Февраль 1917 г.)

На улицах красные флаги,
И красные банты в петлице,
И праздник ликующих толп;
И кажется: властные маги
Простерли над сонной столицей
Туман из таинственных колб.

Но нет! То не лживые чары,
Не призрак, мелькающий мимо,
Готовый рассеяться вмиг!
То мир, осужденный и старый,
Исчез, словно облако дыма,
И новый в сиянье возник!

Всё новое — странно-привычно:
И слитые с нами солдаты,
И всюду алеющий цвет,
И в толпах, над бурей столичной,
Кричащие эти плакаты,—
Народной победе привет!

Те поняли, те угадали...
Не трудно учиться науке,
Что значит быть вольной страной!
Недавнее кануло в дали,
И все, после долгой разлуки,
Как будто вернулись домой.

Народ, испытавший однажды
Дыханье священной свободы,
Пойти не захочет назад:
Он полон божественной жажды,
Ее лишь глубокие воды
Вершительных прав утолят.

Колышутся красные флаги...
Чу! колокол мерно удары
К служенью свободному льет...
Нет! То не коварные маги
Развеяли тайные чары:
То ожил державный народ!

2 марта 1917

В МАРТОВСКИЕ ДНИ

Мне жалко, что сегодня мне не пятнадцать лет,
Что я не мальчик дерзкий, мечтательный поэт,
Что мне не светит в слове его начальный свет!

Ах, как я ликовал бы, по-детски опьянен,
Встречая этот праздник, ступень иных времен,
Под плеском красных флагов,— увенчанных знамен!

Пусть радостью разумной мечта моя полна,
Но в чувстве углубленном нет пьяности вина,
Оно — не шторм весенний, в нем глубина — ясна.

Да, многое погибло за сменой дней-веков:
Померк огонь алмазный в сверканьи многих слов,
И потускнели краски не раз изжитых снов.

Душа иного алчет. На медленном огне
Раскалены, сверкают желания на дне.
Горит волкан подводный в безмолвной глубине.

Прошедших и грядущих столетий вижу ряд;
В них наши дни впадают, как в море водопад,
И память рада слышать, как волны волн шумят!

Приветствую Свободу... Чего ж еще хотеть!
Но в золотое слово влита, я знаю, медь:
Оно, звуча, не может, как прежде, мне звенеть!

Приветствую Победу... Свершился приговор...
Но, знаю, не окончен веков упорный спор,
И где-то близко рыщет, прикрыв зрачки, Раздор.

Нет, не могу безвольно сливаться с этим днем!
И смутно, как былые чертоги под холмом,
Сверкают сны, что снились в кипеньи молодом!

И втайне жаль, что нынче мне не пятнадцать лет,
Чтоб славить безраздумно, как юноша-поэт,
Мельканье красных флагов и красный, красный цвет!

3 марта 1917

СТОЛП ОГНЕННЫЙ

Не часто радует поэта
Судьба, являя перед ним
Внезапно — столп живого света,
Над краем вспыхнувший родным!

Такой же столп, во время оно,
Евреев по пустыне вел:
Был светоч он и оборона,
Был стяг в сраженьях и глагол!

При блеске дня — как облак некий,
Как факел огненный — в ночи,
Он направлял, чрез степь и реки,
В обетованный край — мечи.

Когда ж враги военным станом
Раскинулись в песках нагих,
Пред ними столп навис туманом:
Для этих — мрак, свет — для других!

И, с ужасом в преступном взоре,
Металась грозная толпа:
И конь и всадник сгибли в море,
При свете пламенном столпа.

Се — тот же столп пред нами светит,
В страну желанную ведет;
Спроси, где путь,— и он ответит,
Иди,— он пред тобой пойдет!

Наш яркий светоч,— тьмой и дымом
Он ослепил глаза врагов,
Они метались пред незримым,
Тонули в мгле морских валов.

Но путь далек! К обетованной
Еще мы не пришли земле,
Смотри же днем на столп туманный,
На огненный смотри во мгле!

Чтоб совершились ожиданья,
Мы соблюсти должны Завет:
Да не постигнут нас блужданья
Еще на сорок долгих лет!

О, страшно с высоты Хорива
Узреть блестящего тельца...
Пусть властью одного порыва,
Как ныне, бьются все сердца!

4 марта 1917

СВОБОДА И ВОЙНА

Свобода! Свобода! Восторженным кликом
Встревожены дали холодной страны:
Он властно звучит на раздолье великом
Созвучно с ручьями встающей весны.

Россия свободна! Лазурь голубее,
Живительней воздух, бурливей река...
И в новую жизнь бесконечной аллеей
Пред нами, приветно, раскрылись века.

Но разве сознанье не мучит, не давит,
Что, в радости марта, на празднике верб,
Весны и свободы не видит, не славит
Поляк, армянин, и бельгиец, и серб?

В угрюмых ущельях, за зеркалом Вана,
Чу! лязганье цепи, удар топора!
Там тысячи гибнут по слову султана,
Там пытки — забава, убийство — игра.

А дальше, из глуби Ускюба, с Моравы,
Не те же ли звоны, не тот же ли стон?
Там с ветром весенним лепечут дубравы
Не песенки страсти,— напев похорон.

В развалинах — башни Лувена и Гента,
Над родиной вольной — неистовый гнет...
Германских окопов железная лента
От мира отрезала целый народ,

А ближе! в родной нам, истерзанной Польше!
Нет воли всмотреться, немеет язык...
О, как же гордиться и праздновать дольше,
Катить по просторам восторженный клик?

Довольно! Не кончено дело свободы,
Не праздник пред нами, а подвиг и труд,
Покуда, в оковах, другие народы,
С надеждой на нас, избавления ждут!

22 марта 1917

ИЗ ДНЕВНИКА

1. ПОЛНО

Полно! Не впервые
Испытанья Рок
Подает России:
Беды все — на срок.

Мы татарской воле
Приносили дань:
Куликово поле
Положило грань.

Нас гнели поляки,
Властвуя Москвой;
Но зажег во мраке
Минин факел свой.

Орды Бонапарта
Нам ковали ков;
Но со снегом марта
Стаял след врагов.

Для великих далей
Вырастает Русь;
Что мы исчерпали
Их,— я не боюсь!

Знаю: ждет нас много
Новых светлых дней:
Чем трудней дорога,
Тем привал милей!

Июнь 1917

2. ПОТОП

Людское море всколыхнулось,
Взволновано до дна;
До высей горных круч коснулась
Взметенная волна,

Сломила яростным ударом
Твердыни старых плит,—
И ныне их теченьем ярым
Под шумы бури мчит.

Растет потоп... Но с небосвода,
Приосеняя прах,
Как арка радуги, свобода
Гласит о светлых днях.

Июнь 1917

ОРЕЛ ДВУГЛАВЫЙ

Бывало, клекотом тревожа целый мир
И ясно озарен неугасимой славой,
С полуночной скалы взлетал в седой эфир
Орел двуглавый.

Перун Юпитера в своих когтях он нес
И сеял вкруг себя губительные громы,
Бросая на врагов, в час беспощадных гроз,
Огней изломы.

Но с диким кобчиком, за лакомый кусок
Поспорив у́ моря, вступил он в бой без чести,
И, клюнутый в крыло, угрюм, уныл и строг,
Сел на насесте.

Пусть рана зажила,— все помня о былом,
Он со скалы своей взлетать не смеет в долы,
Лишь подозрительно бросает взор кругом,
Страшась крамолы.

Пусть снова бой идет за реки, за моря,
На ловлю пусть летят опять цари пернатых;
Предпочитает он, чем в бой вступать,— царя,
Сидеть в палатах.

Но, чтоб не растерять остаток прежних сил,
Порой подъемлет он перун свой, как бывало...
И грозной молнией уж сколько поразил
Он птицы малой!

И сколько вкруг себя он разогнал друзей,
Посмевших перед ним свободно молвить слово:
Теперь его завет один: «Дави и бей
Всё то, что ново!»

Бывало, пестунов он выбирать умел,
Когда он замышлял опять полет гигантский,
Потемкин был при нем, Державин славу пел,
Служил Сперанский.

Но пустота теперь на северной скале;
Крыло орла висит, и взор орлиный смутен,
А служит птичником при стихнувшем орле
Теперь Распутин.

10 июля 1914

ПРОТИВОРЕЧИЯ

1. ПЕСНИ

Нет таких дней, когда песни — не нужны:
Тают печали в лучах красоты.
И на иконах есть венчик жемчужный,
И на могилах сажают цветы.
— Но почему же сегодня не дружны
С песней раздумья и с рифмой мечты?

Пусть по полям окровавленным гневно
Рыщут зубастые звери Войны!
Буйствует Жизнь и без них каждодневно,
Губит жестоко и в дни тишины.
— Но почему же не реют напевно
Грустные думы и черные сны?

Молнии минут, и гром отгрохочет,
Новое солнце над миром взойдет,
Вечен лишь тот, кто поет и пророчит
Вечную тайну нездешних высот!
— Но почему же мой голос не хочет
Вечное петь в этот сумрачный год?

9 декабря 1915

2. ЛЮБИМЫЕ МЕЛОЧИ

Опять к любимым мелочам,
Я думал, жизнь меня принудит:
К привычным песням и речам...
Но сны мрачны, и по ночам
Меня невольный трепет будит.

Хочу забыть,— забыть нельзя.
Во мраке лики роковые
Стоят, насмешливо грозя,
И кровью залита стезя,
Твоя,— скорбящая Россия!

Мысль говорит: «Твоих стихов
Что́ голос, еле слышный, может?
Вернись к напевам прежних строф!»
Но, словно гул колоколов,
Призыв таинственный тревожит.

9 декабря 1915

ПАДШИЕ ЦАРИ

Властью некой обаянны,
До восшествия зари,
Дремлют, грозны и туманны,
Словно *падшие цари.*

Ф. Тютчев («Альпы»)

Французский летчик, утром сбросив бомбы в Германии, к полудню достиг Милана.

(Сообщение штаба. Ноябрь 1916 г.)

Я смотрел, в озареньи заката,
Из Милана на профили Альп,
Как смотрели, на них же, когда-то
Полководцы в дни Пиев и Гальб;

Как назад, не предвидя позоров,
Горделиво смотрел Ганнибал;
И, тот путь повторивший, Суворов,—
Победители круч и скал;

Как смотрели владыки вселенной,
Короли и вожди,— иль, скорей,
Как наш Тютчев смотрел вдохновенный,
Прозревавший здесь «падших царей».

Альпы! гордые Альпы! Вы были
Непреложным пределом земли,
И пред вами покорно клонили
Свой увенчанный гнев короли...

Но взнеслись небывалые птицы,
Зачирикал пропеллер с высот,
Презирая земные границы,
Полетел через Альпы пилот.

На заре он в Германии сеял
Разрушительный град сквозь туман,
А к полудню в Италии реял,
Восхищая союзный Милан.

Долго вы, день за днем, век от века,
Воскресали в пыланьи зари,
Но пришло торжество человека...
Преклоняйтесь, былые цари!

1916

РЫБЬЕ ПРАЗДНЕСТВО

Пусть царит уныние где-то на земле!
Беспечально празднество рыб в Па-де-Кале!

В залах малахитовых водного дворца
Собрались, по выводкам, толпы без конца:

Здесь акулы грузные, окуни, трески,
Рыбешки летучие, пестрые бычки.

Малые, огромные, все плывут, спешат...
Светит электричеством, в коридорах, скат;

Сверху светит водоросль, пышный канделябр:
Сколько блесков, отблесков, и чешуй, и жабр!

Будут пляски разные, и потехи ждут:
Там, на груде раковин, позабавит спрут;

В хижине коралловой хор морских коньков
Пантомимой пламенной увлечет без слов;

Рядом, для поклонников олимпийских муз,
Разыграет Дéмеля труппа из медуз.

А под утро самое, предварив разъезд,
Выведен с процессией пятипалых звезд,

Скажет с красной кафедры, жестами всех лап,
Речь громоподобную многоумный краб;

Объяснит, что праведно был прославлен днесь
Тот, кто кормит тщательно мир подводный весь,

Что сему кормителю так давно пора
Хоть клешней качанием прокричать: «Ура!»

Чтó все бури, отмели и огонь твой, Эльм!
Славься между рыбами царь торпед — Вильгельм!

11 апреля 1916

РАЗГОВОР

«Не хвались еще заране!»—
Молвил старый Шат.
М. Лермонтов («Спор»)

У подножья башни древней
Море Черное шумит;
Все любовней, все безгневней
Другу старому твердит:

«Как тебе не надоело
Столько медленных веков
В полусне глядеть без дела
На игру моих валов?

Я ведь помню все былое,
Дел далеких времена.
Сколько раз сходились в бое
В этом месте племена!

Ты еще здесь не стояла,
Здесь другой был, древний град;
Но я здесь не раз внимало,
Как мечи о щит стучат.

А когда на скат угрюмый
Стала твердой ты стопой,—
Помнишь снова: крики, шумы,
Гулы схватки боевой?

Иль другие вспомни были,
Как со всех концов земли
К этим камням подходили,
В пестрых флагах, корабли!

Как твой град был славен в мире,
И смотрел мой хмурый вал —
В императорской порфире
Твой владыка выезжал!

Или всё, как сон вчерашний,
Ты не хочешь вспоминать?
Иль тебе не скучно, башне,
В тихой лености дремать?»

Волны шепчут, вея гривой,
О преданьях давних лет...
Морю Черному лениво
Башня древняя — в ответ:

«Не забыла я былого,
Помню битвы и пиры!
Но не видеть людям снова
Славной, сказочной поры!

Битвы в мире отшумели,
Нет былых, великих дел.
Иль народы одряхлели,
Или край наш постарел.

Не придут с заката солнца,
В сталь и меч облечены,
Дерзким сонмом македонцы,
Принося разгул войны.

На утесы и в долины
Не поскачут на конях
В белых ризах бедуины
С криком радостным: «Аллах!»

И давно с высот Ирана
К нам сойти не хочет рать,
Чтобы с ратями султана
Переведаться опять.

Дремлют турки, и армяне
Свыклись с игом вековым...
Правда, видела в тумане
Я вчера огонь и дым.

Да еще ко мне недавно
Подходил безвестный флот,
Погрозил мне своенравно,
Но исчез в просторах вод.

Верно, это все — пустое:
Люди стихли, присмирев.
Дай же мне дремать в покое,
Слушать волн твоих напев!»

Но у камней башни древней
Море Черное шумит,
Все любовней, все напевней
Другу старому твердит:

«Что корить людей Востока,
И Царьград, и Тегеран!
Разливаюсь я широко,
Вижу много разных стран.

Ах, немало проспала ты!
Будь не так дружна со сном,
Слышать ты могла б раскаты
Новых битв и новый гром!

Не ленись хоть оглянуться!
Много див увидишь ты.
Скоро страшно содрогнутся
Эти долы и хребты.

Север новой, грозной бурей
В нашу сторону дохнул.
Видишь: отблеск на лазури?
Слышишь: отдаленный гул?

Возвращаются былые,
Роковые времена,
И под громы боевые
Ты проснешься ото сна!»

Все настойчивей, напевней
Море Черное гудит
У подножья башни древней...
Та проснулась, та глядит.

И уже весь край в смятеньи:
Пламя, залпы, крики, шум...
Видит: в смутном отдаленьи
Вновь свободен Эрзерум.

Видит: войско с горных круч,
Сквозь туман и чрез снега,
Сходит к морю черной тучей,
Гонит радостно врага.

И, крепя собой отряды,
Что идут вдоль берегов,
Броненосные громады
Режут синий строй валов.

В рое вымпелов с крестами
Потемнел Эвксинский понт...
Миг — и русскими войсками
Занят древний Требизонт.

7 апреля 1916

ТРИДЦАТЫЙ МЕСЯЦ

Тридцатый месяц в нашем мире
Война взметает алый прах,
И кони черные валькирий
Бессменно мчатся в облаках!

Тридцатый месяц, Смерть и Голод,
Бродя, стучат у всех дверей:
Клеймят, кто стар, клеймят, кто молод,
Детей в объятьях матерей!

Тридцатый месяц, бог Европы,
Свободный Труд — порабощен;
Он роет для Войны окопы,
Для Смерти льет снаряды он!

Призывы светлые забыты
Первоначальных дней борьбы,
В лесах грызутся троглодиты
Под барабан и зов трубы!

Достались в жертву суесловью
Мечты порабощенных стран:
Тот опьянел бездонной кровью,
Тот золотом безмерным пьян...

Борьба за право стала бойней;
Унижен, Идеал поник...
И все нелепей, все нестройней
Крик о победе, дикий крик!

А Некто темный, Некто властный,
Событий нити ухватив,
С улыбкой дьявольски-бесстрастной
Длит обескрыленный порыв.

О горе! Будет! будет! будет!
Мы хаос развязали. Кто ж
Решеньем роковым рассудит
Весь этот ужас, эту ложь?

Пора отвергнуть призрак мнимый,
Понять, что подменили цель...
О, счастье — под напев любимый
Родную выблить колыбель!

Январь 1917

В Армении

К АРМЯНАМ

Да! Вы поставлены на грани
Двух разных спорящих миров,
И в глубине родных преданий
Вам слышны отзвуки веков.

Все бури, все волненья мира,
Летя, касались вас крылом,—
И гром глухой походов Кира,
И Александра бранный гром.

Вы низили, в смятеньи стана,
При Каррах римские значки;
Вы за мечом Юстиниана
Вели на бой свои полки;

Нередко вас клонили бури,
Как вихри — нежный цвет весны,—
При Чингис-хане, Ленгтимуре,
При мрачном торжестве Луны.

Но,— воин стойкий,— под ударом
Ваш дух не уступал Судьбе,—
Два мира вкруг него недаром
Кипели, смешаны в борьбе.

Гранился он, как твердь алмаза,
В себе все отсветы храня:
И краски нежных роз Шираза,
И блеск Гомерова огня.

Къ армянамъ.

Да, вы поставлены на грани
Двухъ разныхъ, спорящихъ ~~веков~~ міровъ,
И въ глубинѣ родныхъ преданій
Вамъ слышны отзвуки вѣковъ.

Всѣ бури, всѣ волненья міра,
Летя, касались васъ крыломъ, —
И громъ глухой походовъ Кира
И Александра бранный громъ.

Вы видѣли, въ смятеньи стана,
При Каррахъ римскіе значки;
Вы за мечомъ Юстиніана
Вели на бой свои полки;

Нерѣдко васъ клонили бури,
Какъ вихрь — нѣжный цвѣтъ весны:
При Тимуръ-Ханѣ, Ленгтимурѣ,
При мрачномъ торжествѣ Луны.

Но, воинъ стойкій, подъ ~~его~~ ударомъ
Вашъ духъ не уступалъ Судьбѣ:
~~Два~~ И ~~міра~~ (~~вкругъ~~ ~~вокругъ~~ ~~него не даромъ~~
Два міра ~~И грозно вкругъ него не даромъ~~
~~Двѣ міра разбились~~ въ борьбѣ
И грозно разбилися не даромъ

И уцелел ваш край Наирский
В крушеньях царств, меж мук земли:
Вы за оградой монастырской
Свои святыни сберегли.

Там, откровенья скрыв глубоко,
Таила скорбная мечта
Мысль Запада и мысль Востока,
Агурамазды и Христа,—

И, ключ божественной услады,
Нетленный в переменах лет,
На светлом пламени Эллады
Зажженный — ваших песен свет!

И ныне, в этом мире новом,
В толпе мятущихся племен,
Вы встали обликом суровым
Для нас таинственных времен.

Но то, что было, вечно живо,
В былом — награда и урок,
Носить вы вправе горделиво
Свой многовековой венок.

А мы, великому наследью
Дивясь, обеты слышим в нем...
Так! Прошлое тяжелой медью
Гудит над каждым новым днем.

И верится, народ Тиграна,
Что, бурю вновь преодолев,
Звездой ты выйдешь из тумана,
Для новых подвигов созрев,

Что вновь твоя живая лира,
Над камнями истлевших плит,
Два чуждых, два враждебных мира
В напеве высшем съединит!

23 января 1916
Тифлис

К АРМЕНИИ

В тот год, когда господь сурово
Над нами длань отяготил,
Я, в жажде сумрачного крова,
Скрываясь от лица дневного,
Бежал к бесстрастию могил.

Я думал: божескую гневность
Избуду я в святой тиши:
Смирит тоску седая древность,
Тысячелетних строф напевность
Излечит недуги души.

Но там, где я искал гробницы,
Я целый мир живой обрел.
Запели, в сретенье денницы,
Давно истлевшие цевницы,
И смерти луг — в цветах расцвел.

Не мертвым голосом былины,
Живым приветствием любви
Окрестно дрогнули долины,
И древний мир, как зов единый,
Мне грянул грозное: Живи!

Сквозь разделяющие годы
Услышал я ту песнь веков,
Во славу благостной природы,
Любви, познанья и свободы,
Песнь, цепь ломающих, рабов.

Армения! Твой древний голос —
Как свежий ветер в летний зной!
Как бодро он взвивает волос,
И, как дождем омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой!

9 декабря 1915

БАКУ

Холодно Каспию, старый ворчит:
Длится зима утомительно-долго.
Норд, налетев, его волны рябит;
Льдом его колет любовница-Волга!

Бок свой погреет усталый старик
Там, у горячих персидских предгорий...
Тщетно! вновь с севера ветер возник,
Веет с России метелями... Горе!

Злобно подымет старик-исполин
Дряхлые воды,— ударит с размаху,
Кинет суда по простору пучин...
То-то матросы натерпятся страху!

Помнит старик, как в былые века
Он широко разлегался на ложе...
Волга-Ахтуба была не река,
Моря Азовского не было тоже;

Все эти речки: Аму, Сыр-Дарья,
Все, чем сегодня мы карты узорим,
Были — его побережий семья;
С Черным, как с братом, сливался он морем!

И, обойдя сонм Кавказских громад,
Узким далеко простершись проливом,
Он омывал вековой Арарат,
Спал у него под челом горделивым.

Ныне увидишь ли старых друзей?
Где ты, Масис, охранитель ковчега?
Так же ли дремлешь в гордыне своей?
— Хмурится Каспий, бьет в берег с разбега.

Всё здесь и чуждо и ново ему:
Речки, холмы, города и народы!
Вновь бы вернуться к былому, к тому,
Что он знавал на рассвете природы!

Видеть бы лес из безмерных стволов,
А не из этих лимонов да лавров!
Ждать мастодонтов и в глуби валов
Прятать заботливо ихтиозавров!

Ах, эти люди! Покинув свой прах,
Бродят они средь зыбей и в туманах,
Режут валы на стальных скорлупах,
Прыгают ввысь на своих гидропланах!

Всё ненавистно теперь старику:
Всё б затопить, истребить, обесславить,—
Нивы, селенья и это Баку,
Что его прежние глуби буравит!

25 января 1917
Баку

В ТИФЛИСЕ

Увидеть с улицы грохочущей
Вершины снежных гор,—
Неизъяснимое пророчащий
Зазубренный узор;

Отметить монастырь, поставленный
На сгорбленный уступ.
И вдоль реки, снегами сдавленной,
Ряд кипарисных куп;

Вступив в толпу многоодежную,
В шум разных языков,
Следить чадру, как дали, снежную,
Иль строгий ход волов;

Смотреть на поступи верблюжие
Под зеркалом-окном,
Где эталажи неуклюжие
Сверкают серебром;

Пройдя базары многолюдные,
С их криком без конца,
Разглядывать остатки скудные
Грузинского дворца;

В мечтах восставить над обломками
Пленителей молвы:
Тамары век, с делами громкими,
И век Саят-Новы;

Припоминать преданья пестрые,
Веков цветной узор,—
И заглядеться вновь на острые
Вершины снежных гор.

1916
Тифлис

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

1

Море, прибоем взмятеженным,
К рельсам стальным, оприбреженным,
Мечет лазурную гладь;
Дали оттенком изнеженным
Манят к путям неисслеженным...
Но — время ль с морем мечтать!
Мчимся к вершинам оснеженным
Воздухом свеже-разреженным
В жизни опять подышать!

Январь 1916
Петровск-порт

2

Искры потоками сея,
В сумрак летит паровоз.
Сказочный край Прометея
Кажется призраком грез.
Дремлют вершины, белея...
Там поникал на утес
Демон, над Тереком рея...
Ах!.. Не дыхания роз
Жду! — Различаю во тьме я
Море безбрежное слез.

Январь 1916
Долина Куры

3

Разноодежная, разноплеменная,
Движется мерно толпа у вокзала:
Словно воскресла былая вселенная,
Древняя Азия встала!
Грязные куртки и взоры воителей,
Поступь царя и башлык полурваный...
Реют воочию души властителей:
Смбаты, Аршаки, Тиграны...

1916
Елисаветполь

К АРАРАТУ

Благодарю, священный Хронос!
Ты двинул дней бесцветных ряд —
И предо мной свой белый конус
Ты высишь, старый Арарат!

В огромной шапке Мономаха,
Как властелин окрестных гор,
Ты взнесся от земного праха
В свободный, голубой простор.

Овеян ласковым закатом
И сизым облаком повит,
Твой снег сияньем розоватым
На кручах каменных горит.

Внизу, на поле в белых росах,
Пастух с тесьмой у дряхлых чресл,
И, в тихом свете, длинный посох
Похож на Авраамов жезл.

Вдали — убогие деревни,
Уступы, скалы, камни, снег...
Весь мир кругом — суровый, древний,
Как тот, где опочил ковчег.

А против Арарата, слева,
В снегах, алея, Алагяз,
Короной венчанная дева
Со старика не сводит глаз.

1916
Эчмиадзин

АРАРАТ ИЗ ЭРИВАНИ

Весь ослепительный, весь белый,
В рубцах задумчивых морщин,
Ты взнес над плоскостью равнин
Свой облик древле-онемелый,
Накинув на плечи покров
Таких же белых облаков.

Внизу кипят и рукоплещут
Потоки шумные Зангу;
Дивясь тебе, на берегу
Раины стройные трепещут,
Как белых девственниц ряды,
Прикрыв застывшие сады.

С утеса, стены Саардара,
Забыв о славе прошлой, ждут,
Когда пройдет внизу верблюд,
Когда домчится гул с базара,
Когда с мурлыканьем купец
Протянет блеющих овец.

Но ты, седой Масис, не слышишь
Ни шумных хвал, ни нужд земных,
Ты их отверг, ты выше их,
Ты небом и веками дышишь,
Тебе шептать — лишь младший брат
Дерзает — Малый Арарат.

И пусть, взглянув угрюмо к Югу,
Как древле, ты увидишь вновь —
Дым, сталь, огни, тела и кровь,
Миры, грозящие друг другу:
Ты хмурый вновь отводишь лоб,
Как в дни, когда шумел потоп.

Творенья современник, ведал
Ты человечества конец,
И тайну новых дней — Творец
Твоим сединам заповедал:
Встав над кровавостью равнин,
Что будет,— знаешь ты один.

Январь 1916
Эривань

В БАКУ

Стыдливо стучатся о пристань валы
Каспийского моря,
Подкрашенной пеной — и выступ скалы,
И плиты узоря.

На рейде ряды разноцветных судов
Качаются кротко,
И мирно дрожит на волненьи валов
Подводная лодка.

Сплетается ветер с январским теплом,
Живительно-свежий,
И ищет мечта, в далеке́ голубом,
Персидских прибрежий.

Там розы Шираза, там сад Шах-наме,
Газели Гафиза...
И грезы о прошлом блистают в уме,
Как пестрая риза.

Привет тебе, дальний и дивный Иран,
Ты, праотец мира,
Где некогда шли спарапеты армян
За знаменем Кира...

Но мирно на рейде трепещут суда
С шелками, с изюмом;
Стыдливо о пристань стучится вода
С приветливым шумом;

На улице быстрая смена толпы,
Покорной минуте,
И гордо стоят нефтяные столпы
На Биби-Эйбуте.

24 января 1916
Баку

ТИГРАН ВЕЛИКИЙ

95—56 гг. до р. Х.

В торжественном, лучистом свете,
Что блещет сквозь густой туман
Отшедших вдаль тысячелетий,—
Подобен огненной комете,
Над миром ты горишь, Тигран!

Ты понял помыслом крылатым
Свой век, ты взвесил мощь племен,
И знамя брани над Евфратом
Вознес, в союзе с Митридатом,
Но не в безумии, как он.

Ты ставил боевого стана
Шатры на всех концах земных:
В горах Кавказа и Ливана,
У струй Куры, у Иордана,
В виду столиц, в степях нагих.

И грозен был твой зов военный,
Как гром спадавший на врагов:
Дрожал, заслыша, парф надменный,
И гневно, властелин вселенной,
Рим отвечал с семи холмов.

Но, воин, ты умел Эллады
Гармонию и чару чтить;
В стихах Гомера знал услады,
И образ Мудрости-Паллады
С Нанэ хотел отожествить!

Ты видел в нем не мертвый идол;
Свою заветную мечту,
Вводя Олимп в свой храм, ты выдал:
Навек — к армянской мощи придал
Ты эллинскую красоту!

И, взором вдаль смотря орлиным,
Ты видел свой народ, в веках,
Стоящим гордо исполином:
Ты к светлым вел его годинам
Чрез войны, чрез тоску и страх...

Когда ж военная невзгода
Смела намеченный узор,—
Ты помнил благо лишь народа,
Не честь свою, не гордость рода,—
Как кубок яда, пил позор.

Тигран! мы чтим твой вознесенный
И лаврами венчанный лик!
Но ты, изменой угнетенный,
Ты, пред Помпеем преклоненный
Во имя родины,— велик!

11 декабря 1916

ПОБЕДА ПРИ КАРРАХ

53 г. до р. Х.

Забыть ли час, когда у сцены,
Минуя весь амфитеатр,
Явился посланный Сурены,
С другой, не праздничной арены,—
И дрогнул радостью театр!

Актер, играя роль Агавы,
Из рук усталого гонца
Поспешно принял символ славы,
Трофей жестокий и кровавый
С чертами римского лица.

Не куклу с обликом Пенфея,
Но вражий череп взнес Ясон!
Не лживой страстью лицедея,
Но правым гневом пламенея,
Предстал пред зрителями он.

Подобен воинскому кличу
Был Еврипида стих живой:
«Мы, дедовский храня обычай,
Несем из гор домой добычу,
Оленя, сбитого стрелой!»

Катясь, упала на подмостки,
Надменный Красс, твоя глава.
В ответ на стук, глухой и жесткий,
По всем рядам, как отголоски,
Прошла мгновенная молва.

Все понял каждый. Как в тумане,
Вдали предстало поле Карр,
И стяг армянский в римском стане...
И грянул гул рукоплесканий,
Как с неба громовой удар.

В пыланьи алого заката,
Под небом ясно-голубым,
Тем плеском, гордостью объята,
Благодарила Арташата
Царя, унизившего Рим!

1916

Меж прошлым и будущим

Меж прошлым и будущим нить
Я тку неустанной проворной рукою.

К. Бальмонт

ЗОЛОТОЙ ОЛЕНЬ

Золотой олень на эбеновой подставке, китайская статуэтка XIV в. до р. Х из собрания И. С. Остроухова

Кем этот призрак заколдован?
Кто задержал навеки тень?
Стоит и смотрит, очарован,
В зубах сжав веточку, олень.

С какой изысканностью согнут
Его уверенный хребет!
И ноги тонкие не дрогнут,
Незримый оставляя след.

Летят века в безумной смене...
Но, вдохновительной мечтой,
На черно-блещущем эбене
Зверь неподвижен золотой.

Золотошерстный, златорогий,
Во рту с побегом золотым,
Он гордо говорит: «Не трогай
Того, что сделалось святым!

Здесь — истина тысячелетий,
Народов избранных восторг.
Лишь вы могли, земные дети,
Святыню выставить на торг.

Я жду: вращеньем не случайным
Мой, давний, возвратится день,—
И вам дорогу к вечным тайнам
Укажет золотой олень!»

Февраль 1917

МЫ — СКИФЫ

Мы — те, об ком шептали в старину,
С невольной дрожью, эллинские мифы:
Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Ехидны,— скифы.

Вкруг моря Черного, в пустых степях,
Как демоны, мы облетали быстро,
Являясь вдруг, чтоб сеять всюду страх:
К верховьям Тигра иль к низовьям Истра.

Мы ужасали дикой волей мир,
Горя зловеще, там и здесь, зарницей:
Пред нами Дарий отступил, и Кир
Был скифской на пути смирен царицей.

Что были мы? — Щит, нож, колчан, копье,
Лук, стрелы, панцирь да коня удила!
Блеск, звон, крик, смех, налет,— всё бытие
В разгуле бранном, в пире пьяном было!

Лелеяли нас вьюги да мороз;
Нас холод влек в метельный вихрь событий;
Ножом вино рубили мы, волос
Замерзших звякали льдяные нити!

Наш верный друг, учитель мудрый наш,
Вино ячменное живило силы:
Мы мчались в бой под звоны медных чаш,
На поясе, и с ними шли в могилы.

Дни битв, охот и буйственных пиров,
Сменяясь, облик создавали жизни...
Как было весело колоть рабов,
Пред тем, как зажигать костер, на тризне!

В курганах грузных, сидя на коне,
Среди богатств, как завещали деды,
Спят наши грозные цари; во сне
Им грезятся пиры, бои, победы.

Но, в стороне от очага присев,
Порой, когда хмелели сладко гости,
Наш юноша выделывал для дев
Коней и львов из серебра и кости.

Иль, окружив сурового жреца,
Держа в руке высоко факел дымный,
Мы, в пляске ярой, пели без конца
Неистово-восторженные гимны!

1916

ИЗРЕЧЕНИЯ

1. АФИНСКИЙ ПОДЕНЩИК ГОВОРИТ:

Что моя жизнь? лишь тоска да забота!
С утра до вечера — та же работа!
Голод и холод меня стерегут.
Даже во сне — тот же тягостный труд,
Горстка оливок да хлебная корка!
Что ж мне страшиться грозящего Орка?
Верно, на бреге Кокита опять
Буду работать и буду страдать
И, засыпая в обители Ада,
Думать, что встать до рассвета мне надо!

15 октября 1916

2. ЭПИТАФИЯ РИМСКИМ ВОИНАМ

Нас — миллионы. Всюду в мире,
Разбросан, сев костей лежит:
В степях Нумидий и Ассирий,
В лесах Германий и Колхид.
На дне морей, в ущельях диких,
В родной Кампании мы спим,
Чтоб ты, великим из великих,
Как Древо Смерти, взнесся, Рим!

1915

ТАЙНА ДЕДА

— Юноша! грустную правду тебе расскажу я:
Высится вечно в тумане Олимп многохолмный.
Мне старики говорили, что там, на вершине,
Есть золотые чертоги, обитель бессмертных.
Верили мы и молились гремящему Зевсу,
Гере, хранящей обеты, Афине премудрой,
В поясе дивном таящей соблазн — Афродите...
Но, год назад, пастухи, что к утесам привыкли,
Посохи взяв и с водой засушенные тыквы,
Смело на высь поднялись, на вершину Олимпа,
И не нашли там чертогов — лишь камни нагие:
Не было места, чтоб жить олимпийцам блаженным!
Юноша! горькую тайну тебе открываю:
Ведай, что нет на Олимпе богов — и не будет!
— Если меня испугать этой правдой ты думал,
Дед, то напрасно! Богов не нашли на Олимпе
Люди? Так что же! Чтоб видеть бессмертных, потребны
Зоркие очи и слух, не по-здешнему, чуткий!
Зевса, Афину и Феба узреть пастухам ли!
Я ж, на Олимпе не быв, в молодом перелеске
Слышал напевы вчера неумолчного Пана,
Видел недавно в ручье беспечальную Нимфу,
По́д вечер с тихой Дриадой беседовал мирно,
И, вот сейчас, как с тобой говорю я,— я знаю,
Сзади с улыбкой стоит благосклонная Муза!

1916

ДРАМА В ГОРАХ

Надпись к гравюре

Гравюра изображает снежную метель в пустынной горной местности; полузасыпанный снегом, лежит труп человека в медвежьей шубе, а поблизости умирающий орел со стрелой в груди.

Пропел протяжный стон стрелы;
Метнулись в яркий день орлы,
Владыки круч, жильцы скалы,
Далеко слышен гул полета;
Как эхо гор, в ответ из мглы
Жестоким смехом вторит кто-то.

Стрелок, одет в медвежий мех,
Выходит, стал у черных вех.
Смолк шум орлов; смолк злобный смех;
Белеет снег; в тиши ни звука...
Стрелок, продлить спеша успех,
Вновь быстро гнет упругость лука.

Но чу! вновь стон стрелы второй.
Враг, стоя за крутой горой,
Нацелил в грудь стрелка,— и строй
Орлов опять метнулся дико.
Стрелок упал; он, как герой,
Встречает смерть без слов, без крика.

Багряный ток смочил снега,
Простерты рядом два врага...
Тишь гор угрюма и строга...
Вдали, чуть слышно, взвыла вьюга...
Вей, ветер, заметай луга,
Пусть рядом спят, навек, два друга!

1916

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ЗВЕРИ

Итальянский аполог XII века
(неизвестного автора)

У светлой райской двери,
Стремясь в Эдем войти,
Евангельские звери
Столпились по пути.

Помногу и по паре
Сошлись, от всех границ,
Земли и моря твари,
Сонм гадов, мошек, птиц.

И Петр, ключей хранитель,
Спросил их у ворот:
«Чем в райскую обитель
Вы заслужили вход?»

Ослять неустрашимо:
«Закрыты мне ль врата?
В врата Иерусалима
Не я ль ввезла Христа?»

«В врата не впустят нас ли?»
Вол мыкнул за волом:
«Не наши ль были ясли
Младенцу — первый дом?»

Да стукнув лбом в ворота:
«И речь про нас была:
«Не по́ит кто в субботу
Осла или вола?»

«И нас — с ушком игольным
Пусть также помянут!» —
Так, гласом богомольным,
Ввернул словцо верблюд.

А слон, стоявший сбоку
С конем, сказал меж тем:
«На нас волхвы с Востока
Явились в Вифлеем».

Рот открывая, рыбы:
«А чем, коль нас отнять,
Апостолы могли бы
Семь тысяч напитать?»

И, гласом человека,
Добавила одна:
«Тобой же в рыбе некой
Монета найдена!»

А, из морского лона
Туда приплывший, кит:
«Я в знаменьи Ионы,—
Промолвил,— не забыт!»

Взнеслись: «Мы званы тоже!» —
Все птичьи племена,—
«Не мы ль у придорожий
Склевали семена?»

Но горлинки младые
Поправили: «Во храм
Нас принесла Мария,
Как жертву небесам!»

И голубь, не дерзая
Напомнить Иордан,
Проворковал, порхая:
«И я был в жертву дан!»

«От нас он (вспомнить надо ль?)
Для притчи знак обрел:
«Орлы везде, где падаль!» —
Заклекотал орел.

И птицы пели снова,
Предвосхищая суд:
«Еще об нас есть слово:
«Не сеют и не жнут!»

Пролаял пес: «Не глуп я:
Напомню те часы,
Как Лазаревы струпья
Лизать бежали псы!»

Но, не вступая в споры,
Лиса, без дальних слов:
«Имеют лисы норы»,—
Об нас был глас Христов!»

Шакалы и гиены
Кричали, что есть сил:
«Мы те лизали стены,
Где бесноватый жил!»

А свиньи возопили:
«К нам обращался он!
Не мы ли потопили
Бесовский легион?»

Все гады (им не стыдно)
Твердили грозный глас:
«Вы — змии, вы — ехидны!» —
Шипя: «Он назвал нас!»

А скорпион, что носит
Свой яд в хвосте, зубаст,
Ввернул: «Яйцо коль просят,
Кто скорпиона даст?»

«Вы нас не затирайте!» —
Рой мошек пел, жужжа,—
«Сказал он: «Не сбирайте
Богатств, где моль и ржа!»

Звучало пчел в гуденьи:
«Мы званы в наш черед:
Ведь он, по воскресеньи,
Вкушал пчелиный мед!»

И козы: «Нам дорогу!
Внимать был наш удел,
Как «Слава в вышних богу!»
Хор ангелов воспел!»

И нагло крикнул петел:
«Мне ль двери заперты?
Не я ль, о Петр, отметил,
Как отрекался ты?»

Лишь агнец непорочный
Молчал, потупя взор...
Все созерцали — прочный
Эдемских врат запор.

Но Петр, скользнувши взглядом
По странной полосе,
Где змий был с агнцем рядом,
Решил: «Входите все!

Вы все, в земной юдоли,—
Лишь знак доброт и зол.
Но горе, кто по воле
Был змий иль злой орел!»

11 апреля 1916

ПОСЛЕДНИЕ ПОЭТЫ

Высокая барка,— мечта-изваянье
В сверканьи закатных оранжевых светов,—
Плыла, увозя из отчизны в изгнанье
Последних поэтов.

Сограждане их увенчали венками,
Но жить им в стране навсегда запретили...
Родные холмы с золотыми огнями
Из глаз уходили.

Дома рисовались, как белые пятна,
Как призрак туманный — громада собора...
И веяло в душу тоской необъятной
Морского простора.

Смотрели, толпясь, исподлобья матросы,
Суров и бесстрастен был взор капитана.
И барка качнулась, минуя утесы,
В зыбях океана.

Гудели валы, как в торжественном марше,
А ветер свистел, словно гимн погребальный,
И встал во весь рост меж изгнанников старший,
Спокойно-печальный.

Он кудри седые откинул, он руку
Невольно простер в повелительном жесте.
«Должны освятить,— он промолвил,— разлуку
Мы песней все вместе!

Я первый начну! пусть другие подхватят.
Так сложены будут священные строфы...
За наше служенье сограждане платят
Нам ночью Голгофы!

В нас били ключи,— нам же подали оцет,
Заклать нас ведя, нас украсили в ирис...
Был прав тот, кто «esse deum», молвил, «nocet»[1],
Наш образ — Озирис!»

Была эта песня подхвачена младшим:
«Я вас прославляю, неправые братья!
Vae victis![2] проклятие слабым и падшим!
Нам, сирым, проклятье!

А вам, победители, честь! Сокрушайте
Стоцветные цепи мечты, и — свободны,
Над гробом осмеянных сказок, справляйте
Свой праздник народный!»

Напевно продолжил, не двигаясь, третий:
«Хвалы и проклятий, о братья, не надо!
Те — заняты делом, мы — малые дети:
Нам песня отрада!

Мы пели! но петь и в изгнаньи мы будем!
Божественной волей наш подвиг нам задан!
Из сердца напевы струятся не к людям,
А к богу, как ладан!»

Четвертый воскликнул: «Мы эти мгновенья
Навек околдуем: да светятся, святы,
Они над вселенной в лучах вдохновенья...»
Прервал его пятый:

«Мы живы — любовью! Нет! только для милой
Последние розы напева святого...»
«Молчанье — сестра одиночества!» — было
Признанье шестого.

---

[1] Гибельно быть богом *(лат.)*
[2] Горе побежденным! *(лат.)*

Но выступил тихо седьмой и последний.
«Не лучше ли,— молвил,— без горьких признаний
И злобных укоров, покорней, бесследней
Исчезнуть в тумане?

Оставшихся жаль мне: без нежных созвучий,
Без вымыслов ярких и символов тайных,
Потянется жизнь их, под мрачною тучей,
Пустыней бескрайной.

Изгнанников жаль мне: вдали от любимых,
С мечтой, как компа́с, устремленной к далеким,
Потянется жизнь их, в пустынях палимых,
Под солнцем жестоким.

Но кто же виновен? Зачем мы не пели,
Чтоб мертвых встревожить, чтоб камни растрогать!
Зачем не гудели, как буря, свирели,
Не рвали, как коготь?

Мы грусть воспевали иль пальчики Долли,
А нам возвышаться б, в пальбе и пожарах,
И гимном покрыть голоса в мюзик-холле,
На митингах ярых!

Что в бой мы не шли вдохновенным Тиртеем!
Что не были Пи́ндаром в буре гражданской!..»
Тут зовы прорезал, извилистым змеем,
Свисток капитанский.

«К порядку! — воззвал он,— молчите, поэты!
Потом напоетесь, отдельно и хором!»
Уже погасали последние светы
Над темным простором.

Изгнанники смолкли, послушно, угрюмо,
Следя, как смеются матросы ответно,—
И та же над каждым прореяла дума:
«Все было бы тщетно!»

Согбенные тени, недвижны, безмолвны,
Смешались в одну под навесом тумана...
Стучали о барку огромные волны
Зыбей океана.

1917

СЧАСТИЕ УЕДИНЕНИЯ

На побережьи речки быстрой
Свой дом в уединеньи выстрой,
В долу, что защищен отвесом
Зеленых гор и красных скал,
Поросших, по вершинам, лесом
Тяжелых многошумных буков,
Где в глубине не слышно звуков,
Где день, проникнув, задремал.

Как некий чин богослужебный,
Свершать, в рассветный час, молебны
Ты будешь — мерностью напева
Хвалебных гимнов, строгих строф;
Потом, без ропота и гнева,
До зноя, выполнять работу,
Чтоб днéвную избыть заботу,—
Носить воды, искать плодов.

Чем утро будет многотрудней,
Тем слаще будет о полудне
Вкушать, по трапезе недлинной,
Покой святой, за мигом миг,
Иль, мыслью вольно-самочинной,
Под сенью царственного кедра,
Вскрывать обманчивые недра
Припомнившихся мудрых книг.

Но, только жар недолгий свалит,
И предзакатный луч ужалит
Зубцы знакомого утеса,
А по траве прореет тень,
Пойдешь ты на уклон откоса,
Куда, на голос человечий,
Привычной ожидая встречи,
Из рощи выбежит олень.

Вечерняя прокличет птица;
Мелькнет поблизости орлица,
С зайчонком в вытянутых лапах,
Летя в гнездо, на скальный скат;
И разольется пряный запах
Обрызганных росой растений,
Да явственней вдали, сквозь тени,
Заропщет горный водопад.

В тот час наград и час возмездий,
Встречая чистый блеск созвездий,
Вдвоем с широкорогим другом
Три чаши благ ты будешь пить:
В безлюдьи властвовать досугом,
Петь вдохновенней и чудесней
Никем не слышимые песни
И с женщиной снов не делить!

1916

ГОРОД СЕСТЕР ЛЮБВИ

Видение

> Сестры! нежные сестры! я в детстве вам клялся навеки.
>
> *«Все напевы»*

Неспешным ровным шагом,
По кочкам, по оврагам,
Зигзаги за зигзагом,
Иду, в мечтах пою.
Внимая скрытым сагам,
Березы, пышным стягом,
Спешат пред вещим магом
Склонить главу свою.

Играет ветер свежий
Вдоль зыбких побережий,
Где брошенные мрежи
И верши — часа ждут;
Но в грезах — страны те же,
Где бродит дух все реже;
Чертоги, вышки, вежи,—
Сестер Любви приют.

Кто видел этот пестрый
Кремль,— арки, своды, ростры,—
Где вязь «Amicae nostrae»[1]
В дверь тайника влечет?
Нострдамы, Калиостры,
Да те, чей разум острый,
Ласкать любили Сестры,
Кому являли вход!

Жду вожделенной встречи...
Чу! с башни слышны речи,
Во храмах блещут свечи...
Но миг — фантом исчез.
И вновь тропой овечьей,
Зигзагами поречий,
Иду вдоль синей гречи
Под пустотой небес!

1916

[1] Подруги наши *(лат.)*.

В действительности

ФУТУРИСТИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

Монетой, плохо отчеканенной,
Луна над трубами повешена,
Где в высоте, чуть нарумяненной,
С помадой алой сажа смешана.

Стоят рядами вертикальными
Домов неровные зазубрины,
По стенам — бляхами сусальными,
По окнам — золотом разубраны.

Вдоль улиц червяки трамвайные
Ползут, как узкими ущельями,
И фонари, на нити тайные
Надеты, виснут ожерельями.

Кругом, как в комнатах безвыходных,
Опризрачены, люди мечутся,
В сознаньи царственном, что их одних
Ночные сны увековечатся.

И крик, и звон, и многократные
Раскаты, в грохоте и топоте,
И тонут, празднично-закатные,
Лучи в нерастворимой копоти...

22 апреля 1917

УГОЛКИ УЛИЦЫ

1

Темная улица; пятнами свет фонарей;
Угол и вывеска с изображеньем зверей.

Стройная девушка; вырез причудливый глаз;
Перья помятые; платья потертый атлас.

Шла и замедлила; чуть обернулась назад;
Взгляд вызывающий; плечи заметно дрожат.

Мальчик застенчивый; бледность внезапная щек;
Губы изогнуты: зов иль несмелый намек?

Стал, и с поспешностью, тайно рукой шевеля,
Ищет в бумажнике, есть ли при нем три рубля.

1916

2. ОНА ЖДЕТ

Фонарь дуговой принахмурился,
И стало на миг темно;
Небоскреб угрюмо зажмурился,
Под которым жду я давно.

Белея, веют снежинки,—
Чем мошки весной, веселей.
На кресте застывают слезинки
Ледяных хрусталей.

Он сказал мне: «Приду...»
Как давно
Я жду...
Руки совсем иззябли...
Кивают в окно
Апельсины и яблоки.

1916

ДАМА ТРЕФ

Я знаю, что вы — старомодны,
Давно и не девочка вы.
Вы разбросили кудри свободно
Вдоль лица и вкруг головы.

Нашел бы придирчивый критик,
Что напрасно вы — в епанче,
Что смешон округленный щитик
У вас на правом плече,

Что, быть может, слишком румяны
Краски у вас на губах и щеке
И что сорван просто с поляны
Цветок в вашей правой руке.

Со скиптром и странной державой,
Ваш муж слишком стар и сед,
А смотрит слишком лукаво
На вас с алебардой валет.

Но зато вы — царица ночи,
Ваша масть — чернее, чем тьма,
И ваши подведенные очи
Любовь рисовала сама.

Вы вздыхать умеете сладко,
Приникая к подушке вдвоем,
И готовы являться украдкой,
Едва попрошу я о том.

Чего нам еще ждать от дамы?
Не довольно ль быть милой на миг?
Ах, часто суровы, упорны, упрямы
Дамы черв, бубен и пик!

Не вздыхать же долгие годы
У ног неприступных дев!
И я из целой колоды
Люблю только даму треф.

1915

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ КАРТИНКА

По бульвару ходят девки,
Сто шагов вперед, назад.
Парни сзади, в знак издевки,
На гармониках пищат.

Вышел лавочник дородный,
Пузо поясом стянул;
Оглядел разгул народный,
Рот себе крестя, зевнул.

Ковыляя, две старушки,
В страхе сторонясь, прошли...
Липы, с корня до верхушки,
Перекрашены в пыли.

За бульваром — два забора,
Дом, как охромевший конь.
Слева — речка, дали бора,
Феба радостный огонь.

Свечерело... Дымен, валок,
Сумрак на ветвях осел.
Скрылись стаи черных галок,
Крест собора побелел.

На скамейке, под ракитой,
Парень девку больно жмет,—
То она ворчит сердито,
То хохочет, то замрет.

Но уже давно на пыльной
Улице — молчанье царь,
И один, сетко-калильный,
Гордо светится фонарь.

1911

ПРАЗДНИК В ДЕРЕВНЕ

Ударил звон последний
Оконченной обедни;
На паперти — народ,
Кумач и ситец пестрый;
Луч солнца ярко-острый
Слепит глаза и жжет.

Как волки на овчарне,
Снуют меж девок парни;
Степенней мужики
Их подбивают к пляске.
Уже сидят в коляске
Помещицы сынки.

Вот с удочкою длинной,
Семинарист, в холстинной
Рубахе, в картузе,
А с ним учитель хмурый...
И бабы, словно дуры,
Вослед хохочут все.

Расходятся; походки
Неспешны; все о водке
Болтают меж собой,
В сторонке, где охапки
Соломы, ставя бабки,
Ведут мальчишки бой.

Луг изумрудный ярок...
Вдали — зеленых арок
Ряды и круг лесов...
Присел прохожий нищий...
А рядом, на кладбище,
Семья простых крестов.

1916

В ЦЫГАНСКОМ ТАБОРЕ

У речной изложины —
Пестрые шатры.
Лошади стреножены,
Зажжены костры.
Странно под деревьями
Встретить вольный стан —
С древними кочевьями
Сжившихся цыган!

Образы священные
Пушкинских стихов!
Тени незабвенные
Вяземского строф!
Всё, что с детства впитано,
Как мечта мечты,—
Предо мной стоит оно
В ризе темноты!

Песнями и гулами
Не во сне ль живу?
Правда ль,— с Мариулами
Встречусь наяву?
Словно сам — в хламиде я,
Словно — прошлый век.
Сказку про Овидия
Жду в толпе Алек.

Пусть кусками рваными
Виснут шали с плеч;
Пусть и ресторанами
Дышит чья-то речь;
Пусть и электрический
Над вокзалом свет!
В этот миг лирический
Скудной правды — нет!

1915

ВИДЕНЬЯ ГОРОДА

Предутреннего города виденья,
Встающие, как призраки, с угла.
В пустынном сквере мерные движенья
Солдат; огромные рога вола,
Влекущего на рынок иждивенья
Для завтрашнего барского стола;
Двух пьяниц распростертых отупенье;
Свет фонарей; свет неба; полумгла;
Во храме огоньки богослуженья,
Которым вторят вдруг колокола...

И вот, у низкой двери, с возвышенья
Ступеньки, подозрительно ала,
Ребенок-девушка, как приглашенье
Войти, кивает головой,— мила,
Как ангел в луже... Чувство сожаленья
Толкает прочь. И вслед летит хула,
Брань гнусная; а окна заведенья
Горят за шторами, как два жерла.
Там — смех, там — музыка, там — взвизги пенья...
И вторят в высоте колокола.

29 июля 1916

НА ЛАДОГЕ

1. БУРЯ И ЗАТИШЬЕ

Плывем пустынной Ладогой,
Под яркой аркой — радугой;
Дождь ми́нул; полоса
Прозрачных тучек стелется:
Закат огнистый целится
Лучами нам в глаза.

Давно ль волной трехъярусной
Кидало челн беспарусный
И с шаткой кручи нас
Влекло во глубь отверстую?
— Вновь Эос розоперстую
Я вижу в тихий час.

Но меркнет семицветие...
Умрет закат... Раздетее
Очам предстанет синь...
Потом налягут сумраки...
— Заслышав дальний шум реки,
К Неве свой парус двинь!

1917

2. ПАРУС И ЧАЙКА

То поспешно парус складывая,
То бессильно в бездну падая,
Напряженно режа волны,
Утомленный реет челн.

Но, свободно гребни срезывая,
Рядом вьется чайка резвая,
К тем зыбям летя смелее,
Где смятенье волн белей.

Вижу, не без тайной горечи,
Кто властительней, кто зорче.
Знаю: взор вонзивши рысий,
Птица мчит добычу ввысь.

1917

В родных полях

СНЕЖНАЯ РОССИЯ

За полем снежным — поле снежное,
Безмерно-белые луга;
Везде — молчанье неизбежное,
Снега, снега, снега, снега!

Деревни кое-где расставлены,
Как пятна в безднах белизны:
Дома сугробами задавлены,
Плетни под снегом не видны.

Леса вдали чернеют, голые,—
Ветвей запутанная сеть.
Лишь ветер песни невеселые
В них, иней вея, смеет петь.

Змеится путь, в снегах затерянный:
По белизне — две борозды...
Лошадка, рысью неуверенной,
Новит чуть зримые следы.

Но скрылись санки — словно, белая,
Их поглотила пустота;
И вновь равнина опустелая
Нема, беззвучна и чиста.

И лишь вороны, стаей бдительной,
Порой над пустотой кружат,
Да вечером, в тиши томительной,
Горит оранжевый закат.

Огни лимонно-апельсинные
На небе бледно-голубом
Дрожат... Но быстро тени длинные
Закутывают все кругом.

1917

УТРЕННЯЯ ТИШЬ

В светлом жемчуге росинок
Чаши бледные кувшинок
Тихо светят меж тростинок,
И несчетный строй былинок,
В тех же крупных жемчугах,
Чуть трепещут вдоль тропинок
Желтым золотом песчинок,
Ярко блещущих в полях.

Зелень, блестки, воздух ранний,
Травы, мирр благоуханней,
Дали, радуг осиянней,—
Что́ прекрасней, что́ желанней
Долго жаждавшей мечте?
Сердце — словно многогранней;
Исчезает жизнь в осанне
Этой вечной красоте!

Пусть наш мир зеленый минет,
Человек просторы кинет,
Дали стенами задвинет
И надменно в небо хлынет
Высота стеклянных крыш:
Но, покуда кровь не стынет,
Сердце счастья не отринет —
Ведать утреннюю тишь!

1916

РОДНЫЕ ЦВЕТЫ

1. ЛАНДЫШ

Ландыш милый, ландыш нежный,
Белый ландыш, ландыш снежный,
Наш цветок!
Встал ты меж зеленых створок,
Чтоб тебя, кто только зорок,
Видеть мог.

Колокольчики качая,
В воздухе веселом мая,
Бел и чист,
Ты, как звезды, в травах светишь,
Ты узором тонким метишь
Полный лист.

Восковой и весь нездешний,
Ты блаженней, ты безгрешней
Всех цветов.
Белый, белый, белый, белый,
Беспорочный, онемелый,
Тайный зов!

Как причастница одетый,
Ты влечешь в святые светы
Каждый взгляд,
Чтобы осенью ненастной,
Шарик странный, шарик красный,
Сеять яд.

1916

2. ИВАН-ДА-МАРЬЯ

Иван-да-марья,
Цветок двойной,
Тебя, как встарь, я
Топчу ногой.
Мне неприятен
Твой вид в траве:
Ряд алых пятен
На синеве.

Но ты покорен,
Неприхотлив:
Рой черных зерен
К земле сронив,
Свой стебель темный
Ты низко гнешь,
И снова, скромный,
Потом встаешь.

Твой цвет не вянет,
Ты словно нем,
В лесу не занят
Ничем, ничем;
Ты, андрогинный,
Сам для себя
Цветок невинный
Пылишь, любя.

Нет, не случайно
Ты здесь таков:
Ты — символ тайный
Иных миров,
Нам недоступной
Игры страстей,
Еще преступной
Для нас, людей!

1916

3. ВЕНОК ИЗ ВАСИЛЬКОВ

Любо василечки
Видеть вдоль межи,—
Синенькие точки
В поле желтой ржи.
За цветком цветочек
Низко мы сорвем,
Синенький веночек
Для себя сплетем.

После, вдоль полоски,
К роще побежим.
Шепчутся березки
С небом голубым.

Сядем там на кочке...
Зной и тишина...
В голубом веночке
Высь отражена.

Песенку не спеть ли,
Притаясь в траве?
Облачка — как петли
В ясной синеве!
Локоны в веночке
Вроде облачков...
Ломки стебелечки
Синих васильков!

Там, внизу, под склоном,—
Нежный шум реки.
Здесь, в шатре зеленом,
Реют мотыльки.
Мы, как мотылечки,
Здесь укрылись в тень,
В синеньком веночке,
В жаркий летний день!

1917

МРАМОРНАЯ АРКА

В уголку далеком парка,
Солнцем залитая ярко,
Дремлет мраморная арка,—
Память пышной старины;
Вдоль по речке — ни волны;
Клены — в сон погружены;
Спит под ивами байдарка;
Спит заброшенная барка;
Полдень парит; всюду жарко;
Все о прошлом видит сны.

Заросли травой аллеи;
Глушь с годами — все темнее;
На газон всползают змеи;
Смолк иссохший водопад...

А когда-то, век назад,
Как был шумен летом сад!
Здесь вели свои затеи
Девы, с обликом камеи,
Меж красавцев, а лакеи
Ждали, выстроены в ряд;

Здесь, что день, звучало эхо
Детски радостного смеха;
За потехами потеха
Здесь меняла пестрый вид...
Век прошел, и все молчит;
Словно целый мир забыт,
Мир веселий, мир успеха!
Лишь, как сумрачная веха,
Возле грецкого ореха
Арка мраморная спит.

1916

ЛЕСНЫЕ ТРОПИНКИ

Лесные тропинки! лесные тропинки! не раз и не два
Вы душу манили под тихие своды дубов и берез.
Сверкали росинки, качались кувшинки, дрожала трава,
И в запахе гнили плелись хороводы блестящих стрекоз...

И было так сладко — на землю поникнуть, лежать одному,
И слушать, как нежно чирикают птицы напевы свои,
И взглядом украдкой глубоко проникнуть, сквозь травы, во тьму,
Где, с грузом, прилежно ведут вереницы домой муравьи.

А дятел далекий застукает четко о высохший ствол,
И солнце в просветы сияние бросит, как утром в окно...
Лежишь, одинокий, и думаешь кротко, что дух — все обрел,
И сердце привета не хочет, не просит, и все — все равно!

Май 1916

В ГАМАКЕ

В небе, слабо синеватом,
С легкой дымкой белизны,
Любо ласточкам крылатым
Сеять крики с вышины.

Веток скру́гленные сети,
Уловив сверканье дня,
Сами блещут в странном свете
Изумрудного огня.

Дышат ирисы чуть внятно,
Дышит, скошена, трава...
Зелень, блеск, цветные пятна,
Белизна и синева!

Что́ все думы! все вопросы!
Сладко зыблюсь в гамаке.
Мертвый пепел папиросы
Чуть сереет на песке.

Я до дна души приемлю
Этот вечер, этот миг,
Словно вдруг я понял землю,
Тайну вечности постиг.

Были бури, будут бури,
Но теперь — лишь тихий сад,
Словно сам, в бело-лазури,
Я, как ласточка, крылат!

1916

ПО ГРИБЫ

Ищу грибы, вскрывая палочкой
Зелено-бархатные мхи;
Любуюсь простенькой фиалочкой;
Слагаю скромные стихи.

В лесу лежат богатства грудами!
У корней тоненьких осин
Трава сверкает изумрудами
И подосинник, как рубин.

А боровик, в тени березовой,
Чуть из земли возникнув, рад
К высокой липке бледно-розовой,
Прижаться, как большой агат.

И белый гриб (что клад достигнутый!)
Среди дубков пленяет глаз,—
На толстой ножке, пышно-выгнутый,
Блестя, как дымчатый топаз.

И, как камнями-невеличками
Осыпан в перстне бриллиант,
В корзине желтыми лисичками
Я выстилаю узкий кант.

Лягушки прыгают расчетливо,
Жужжат жуки, как в две трубы.
И собираю я заботливо
В лесу — и рифмы и грибы.

1 июня 1916

СВЯТОГОР

Сплошное кваканье лягушек
С давно заросшего пруда,—
Когда из-за лесных верхушек
Блестит вечерняя звезда;

В густеющем слегка тумане
Спокойный, ровный бег минут,
И сладкий бред воспоминаний:
Такой же час, такой же пруд...

Все то же. В тех же переливах
Края застылых облаков...
И только нет былых счастливых,
Дрожа произнесенных слов.

Так что ж! Признай свою мгновенность,
Поющий песни человек,
И роковую неизменность
Полей, лугов, холмов и рек!

Не так же ль квакали лягушки
И был зазубрен дальний бор,
Когда надменно чрез верхушки
Шагал тяжелый Святогор?

И вторит голосом лягушек,
Опять, вечерняя пора —
Раскатам громогласных пушек
На дальних берегах Днестра.

1916

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

Каркайте, черные во́роны,
Мытые белыми вьюгами:
По́ полю старые бороны
Ходят за острыми плугами.

Каркайте, черные вороны!
Истину скрыть вы посмеете ль?
Мечет, крестясь, во все стороны
Зерна по бо́роздам сеятель.

Каркайте, черные вороны!
Выкрики издавна слажены:
Нивы страданием ораны,
По́том кровавым увлажены.

Каркайте, черные вороны,
Ваше пророчество! В воздухе
Грянет в упор, как укор, оно:
«Пахарь! не мысли о роздыхе!»

Каркайте, черные вороны!
Долго ль останусь на свете я?
Вам же садиться на бороны
Вновь, за столетьем столетия!

27 мая 1917

ВДОЛЬ МОРЯ

Мы едем вдоль моря, вдоль моря, вдоль моря...
По берегу — снег, и песок, и кусты;
Меж морем и небом, просторы узоря,
Идет полукруг синеватой черты.

Мы едем, мы едем, мы едем... Предгорий
Взбегает, напротив, за склонами склон;
Зубчатый хребет, озираясь на море,
За ними белеет, в снегах погребен.

Всё дальше, всё дальше, всё дальше... Мы вторим
Колесами поезда гулу валов;
И с криками чайки взлетают над морем,
И движутся рядом гряды облаков.

Мелькают, мелькают, мелькают, в узоре,
Мечети, деревни, деревья, кусты...
Вот кладбище смотрится в самое море,
К воде наклоняясь, чернеют кресты.

Все пенные, пенные, пенные, в море
Валы затевают свой вольный разбег,
Ликуют и буйствуют в дружеском споре,
Взлетают, сметая с прибрежия снег...

Мы едем... Не числю, не мыслю, не спорю:
Меня покорили снега и вода...
Сбегают и нивы и пастбища к морю,
У моря по снегу блуждают стада.

Цвет черный, цвет белый, цвет синий... Вдоль моря
Мы едем; налево — белеют хребты,
Направо синеют, просторы узоря,
Валы, и над ними чернеют кресты.

Мы едем, мы едем, мы едем! Во взоре
Все краски, вся радуга блеклых цветов,
И в сердце — томленье застывших предгорий
Пред буйными играми вольных валов!

1917

ТУСКЛАЯ КАРТИНКА

Под небом тускло-синеватым,
Ограждена зеленым скатом
С узором белых повилик,
Река колеблет еле внятно
По синеве стальные пятна
И зыби цвета «электрик».

Обрывки серых туч осели
К вершинам изумрудных елей
И загнутым плащам листвы;
А, ближе, ветер — обессилен
И слабо реет вдоль извилин
Болотно-матовой травы.

Черты дороги — чуть заметны,
Но к ним, как веер многоцветный,
Примкнули кругозоры нив:
Желтеет рожь, красна гречиха,
Как сталь — овес, и льется тихо
Льна синеватого разлив.

Июль 1917

НОЧЬ

Пришла и мир отгородила
Завесой черной от меня,
Зажгла небесные кадила,
Вновь начала богослуженье,
И мирно разрешился в пенье
Гул обессиленного дня.

Стою во храмине безмерной,
Под звездным куполом, один,—
И все, что было достоверно,
Развеяно во мгле простора,
Под звуки неземного хора,
Под светом неземных глубин.

Пусть Ночь поет; пусть мировые
Вершатся тайны предо мной;
Пусть благостной евхаристии
Торжественные миги минут;
Пусть царские врата задвинут
Все той же черной пеленой.

Причастник, прежней жизни косной
Я буду ждать, преображен...
А, сдвинув полог переносный,
Ночь — бездну жизни обнаружит,
И вот уже обедню служит
Во мраке для других племен.

1916

НОЧЬЮ У РЕКИ

Воды — свинца неподвижней; ивы безмолвно поникли;
Объят ночным обаяньем выгнутый берег реки;
Слиты в черту расстояньем, где-то дрожат огоньки.

Мир в темноте непостижней; сумраки к тайнам привыкли...
Сердце! зачем с ожиданьем биться в порыве тоски?
Мирно смешайся с преданьем, чарами сон облеки!

Чу! у излучины нижней — всхлип непонятный... Не
крик ли?
К омуту, с тихим рыданьем, быстро взнеслись две руки...
Миг,— над безвестным страданьем тени опять глубоки.

Слышал? То гибнет твой ближний! Словно в магическом
цикле
Замкнуты вы заклинаньем! словно вы странно близки!
Словно ты проклят стенаньем — там, у далекой луки!

Воды — еще неподвижней; ветви покорней поникли;
Лишь на мгновенье журчаньем дрогнули струи реки...
Что ж таким жутким молчаньем мучат теперь ивняки?

1916

ВОСХОД ЛУНЫ

Белых звезд прозрачное дыханье;
Сине-бархатного неба тишь;
Ожиданье и обереганье
Лунного очарованья, лишь
Первое струящего мерцанье
Там, где блещет серебром камыш.

Эта ночь — взлелеянное чудо:
Ночь из тех узорчатых часов,
Зыблемых над спящими, откуда
Рассыпается причуда снов,
Падающих в душу, как на блюдо
Золотое — груда жемчугов.

Этот отблеск — рост непобедимой
Мелопеи, ропоты разлук;
Этот свет — предел невыразимой
Тишины, стук перлов, мимо рук
Разлетающихся — мимо, мимо,
Луциолами горящих вкруг.

Дышат звезды белые — прерывно;
Синий бархат неба — побледнел;
Рог в оркестре прогудел призывно;
Передлунный облак — дивно-бел...
В белизне алея переливно,
Шествует Луцина в наш предел.

1917

ЗАКАТНЫЙ ВЕТЕР

Веет древний ветр
В ветках вешних верб,
Сучья гнутся, ломятся.
Ветр, будь милосерд!
Ветви взвиты вверх,
Стоном их кто тронется?

Час на краски щедр:
В небе — алый герб,
Весь закат — в веселии.
Ветр, будь милосерд!
Я, как брат Лаэрт,
Плачу об Офелии.

Бледен лунный серп.
Там — тоска, ущерб;
Здесь — все светом залито.
Ветр, будь милосерд!
Кто во прах поверг,
Близ могилы, Гамлета?

Вздрогнет каждый нерв...
И из тайных недр
Память кажет облики...
Ветр, будь милосерд!
Верба, словно кедр,
Шлет на стоны отклики.

1916

НОЧНОЙ ГНОМ

Жутко в затворенной спальне.
Сердце стучит все страдальней;
Вторят часы все печальней;
Кажется: в комнате дальней
По золотой наковальне
Бьет серебром
Безжалостный гном.

Стелются гостеприимней
Сумраки полночи зимней;
В лад с молотком, все интимней
Тени поют; в тихом гимне
Ночь умоляет: «Прости мне!»
Нежная мгла
Кругом облегла.

Жутко в безжизненном доме...
Сердце изныло в истоме...
Ночь напевает... Но, кроме
Гимнов, чуть слышимых в дреме,
Бьет, утомительно — гномий
Молот в тиши,
По тайнам души...

1916

НОЧНЫЕ СТРАХИ

И бездна нам обнажена,
С своими страхами и мглами...
Вот отчего нам ночь страшна!

Ф. Тютчев

Как золото на черни,
Блестит, во мгле вечерней,
Диск маятника; стук
Минут в тиши размерней.
Невольно — суеверней
Глядишь во мрак, вокруг.

Ночь открывает тайны.
Иной, необычайный
Встал мир со всех сторон.
Безмерный и бескрайный...
И страхи не случайны,
Тревожащие сон.

Те страхи — груз наследий
Веков, когда медведи
Царили на земле;
Когда, копьем из меди
Наметив, о победе
Мы спорили во мгле;

Когда, во тьме пещеры,
Шагов ночной пантеры
Страшился человек...
И древние химеры,
В преданьях смутной веры,
Хранит доныне век.

1916

НА ЗАКАТНОМ ПОЛЕ

Красным закатом забрызгано поле;
Дождь из оранжевых точек в глазах;
Призрак, огнистый и пестрый до боли,
Пляшет и машет мечами в руках.

Тише! закрой утомленные веки!
Чу! зажурчали певуче струи...
Катятся к морю огромные реки;
В темных ложбинах не молкнут ручьи.

В пьяной прохладе вечернего сада
Девушка никнет на мрамор плечом...
Плачет? мечтает? — не знаю! не надо
Ведать: о ком! догадаться: о чем!

Было, иль будет,— мечта просияла,
В строфы виденье навек вплетено...
Словно, до дна, из кристалла фиала
Выпито сердцем густое вино.

Взоры открою: закатное поле,
Призрак огнистый с мечами в руках,
Солнце — багряно... Но ясен до боли
Девичий образ в усталых глазах!

Ночь 4/5 марта 1916

ЭТО — НАДГРОБНЫЕ НЕНИИ...

Это — надгробные нении в память угасших любовей,
Мигов, прошедших в томлении у роковых изголовий.
В дни, когда манят видения, в дни, когда радости внове,
Кто одолел искушения страстью вскипающей крови?
Благо вам, ложь и мучения, трепет смертельный в алькове,
Руки в святом онемении, болью сведенные брови!
Благо! Вы мчали, в течении, жизни поток до низовий...
Но океан в отдалении слышен в торжественном зове.
Сердце окрепло в борении, дух мой смелей и суровей;
Ныне склоняю колени я, крест мой беру без условий...
Так колебался все менее ангелом призванный Товий.
Это — надгробные нении, память отшедших любовей.

1916

ПРИВЕТ ЧЕРЕЗ ЗВЕЗДЫ

Канули краски заката.
Даль синевами объята:
Словно зубцы из агата,
Сосны встают из-за ската;
Выступит скоро Геката...
Но, непорочно и свято,
Сквозь океан аромата,
Взорами нежного брата
В эту юдоль темноты
Звезды глядят с высоты.
Ищешь ли в небе и ты
Отблеск Плеяд,— как когда-то?

Знаю, что мили и мили
Нас, в этот час, разделили.
Нет за плечом моим крылий,
Чтоб полететь без усилий
В край кипарисов и лилий...
Грозные дни опалили
Сердце мое, как в горниле...
Только сверкающей пыли
Солнц и безвестных планет
Я отдаю свой привет!
Вновь мы вдвоем? или свет
Горько ответит мне: «Были!»

1916

TRIONFO DELLA MORTE[1]

Вспомни вскрики в огненной купели ласк,—
Зов смычка, поющего в метели пляск,—
И клинка, сверкнувшего у цели, лязг!

Вспомни: гнулось тело, как живая жердь;
За окном горела заревая твердь,
Но из мглы смотрела, вам кивая,— Смерть!

Словно все открылись тайны в сладкий миг,
Словно разрешились все загадки книг:
Молнией сверкнув, смежились в краткий крик!

Ты вступил в неизмеримость,— в звездный сон;
Свет светил терялся, как над бездной звон...
Для чего ж раздался бесполезный стон?

Ты стоял в просторе несказанных зал,
Меж зеркал таинственно-туманных — мал.
И вонзались в душу сотни жданных жал.

1916

[1] Триумф смерти *(итал.)*.

ПОСЛЕДНЕЕ СЧАСТЬЕ

В гробу, под парчой серебристой, созерцал я последнее счастье,
Блаженство, последнее в жизни, озаренной лучами заката;
И сердце стучало так ровно, без надежд, без любви, без пристрастья,
И факелы грустно горели, так спокойно, так ясно, так свято.

Я думал, безропотно верил, что навек для меня отзвучали
Все яркие песни восторга, восклицанья живых наслаждений;
В мечтах я покорно поставил алтари Неизменной Печали,
И душу замкнул от лукавых, как святилище, воспоминаний.

Но в Книге Судьбы назначали письмена золотые иное:
От века в ней было сказанье о магически-избранной встрече,
И я узнаю богомольно, что нас в мире, по-прежнему, двое,
И я, как пророчество, слышу повторенные милые речи.

О, радость последнего чуда и любви безнадежно-последней!
Как яд, ты вливаешь в желанья опьянительно-жуткую нежность.
Стираешь все прежние грезы беспощадней, чем смерть, и бесследней,
Даешь угадать с содроганьем, что́ таит для людей неизбежность!

Все то же, что́ нежило утром, этим вечером жизненным нежит,
Но знаю, что нового чуда на земле ожидать не могу я,
И наши сплетенные руки только божия воля развяжет,
И только с лобзанием смерти я лишусь твоего поцелуя!

3 октября 1914

ОПЯТЬ МГНОВЕНИЯ

1. СНЕЖНЫЙ ПРИЗРАК

Томно-мятежный
Сдержанный трепет
Руки нам свяжет;
Радостной дрожью
Губы нам сцепит;
Заповедь божью
Вкрадчиво-нежный
Внутренний лепет
Тайно доскажет;
В дали безбрежной
Слитою с ложью
Правду покажет;
Образы — снежной
Статуей — слепит,—
И, безнадежный,
Дух наш к подножью
Призрака ляжет!

22 апреля 1917

2. КАЧЕЛИ

Вот опять мы уносимся, взброшенные
Беспощадным размахом качелей,
Над лугами, где блещут некошеные
Снеговые цветы асфоделей.

То — запретные сферы, означенные
В нашем мире пылающей гранью...
И сердца, содроганьем охваченные,
Отвечают безвольно качанью.

Лики ангелов, хор воспевающие,
Вопиющие истину божью,
Созерцают виденья сверкающие
С той же самой мистической дрожью.

И, свидетель их светлой восторженности,
Робко взор уклоняя незрячий,
Содрогается, в муке отторженности,
Падший дух в глубине — не иначе!

Ветер вьет одеяние жреческое,
Слабнут плечи, и руки, и ноги,
Исчезает из душ человеческое...
«Будете вы, как боги!»

1917

3. В ЛАДЬЕ

Дрожит ладья, скользя медлительно,
На тихих волнах дрожит ладья.
И ты и я, мы смотрим длительно,
В одном объятьи — и ты и я.

Встал водопад в дали серебряной,
В дыму и брызгах встал водопад...
Как будто яд, нам в тело внедренный,
Палит, сжигает... Как будто яд!

За мигом миг быстрей течение,
Все ближе бездна за мигом миг...
Кто нас настиг? Понять все менее
Способно сердце, кто нас настиг.

В водоворот, волной захваченный,
Челнок несется — в водоворот...
Ты — близко, вот! О, смысл утраченный
Всей темной жизни, ты близко, вот!

1915—1916

Над вечной тайной

МАРФА И МАРИЯ

Печемся о многом,—
Одно на потребу:
Стоять перед богом
Со взорами к небу.

Но божье — вселико,
Небесное — разно:
Бог — в буре великой,
Бог — в грани алмазной.

И в розах, и в книгах,
И в думах, и в бое,
И в сладостных мигах,
Когда нас — лишь двое.

И в каждом есть божье,
И каждый угоден,
Покинув подножье,
Войти в свет господен.

Не бойся, что много
Ты любишь, ты ценишь,
Исканиям бога
Доколь не изменишь!

1916

ВЫХОДЫ

Ante omnia cavi, ne quis vos teneret invitos: patet exitus.

Seneca [1]

Прекрасна жизнь! — Но ты, измученный,
Быть может, собственным бессильем,
Не говори, к стыду приученный,
Что тщетно мы взываем к крыльям.

Есть много роковых возможностей
Освободить мечту от власти
Житейских тягостных тревожностей,
Сомнений, унижений, страсти.

Душа, озлобленно усталая,
Томимая судьбой, как пленом!
Не даст ли отдых — стклянка малая
С латинской надписью: «venenum»?[2]

Желания, что жизнь бесплодная
В неодолимый круг замкнула,
Не отрешит ли — сталь холодная
Красиво отлитого дула?

Иль просто — мост над закрутившимся
В весенней буйности потоком,
Сулящий думам возмутившимся
Покой в безмолвии глубоком?

Что́ не воззвать: «Клинок отточенный,
Из ножен вырываясь, взвизгни,
И дай значенье — укороченной,
Но вольно-завершенной жизни!»

А древле-признанные способы?
Забыться в тепловатой ванне,
Чтоб все померкло, и вопроса бы:
«Сон скоро ль?» — не было желанней!

---

[1] Больше всего остерегаюсь, чтобы кто-либо не удержал вас против воли: выход открыт.— *Сенека (лат.).*

[2] Яд *(лат.).*

Иль, жуткими прельстясь дурманами
И выбрав путь прямей, бескровней,—
Упиться угольями рдяными
С изящной, низенькой жаровни!

А прочный шнур, надежно взмыленный,
Сжимающий любовно шею,
Чтоб голос, негой обессиленный,
В последний раз воскликнул: «Смею!»

А окна, что́ восьмиэтажные
Пред взором разверзают бездны?
А поездов свистки протяжные
И рельсы,— этот «путь железный»!

О! Если, с нежностью магической,
Тебе мечта твердит: «исполни!»
Подумай: в искре электрической
Затаены удары молний!

Иди, и, с мужеством сознательным,
Хоть раз один упорствуй в вере,
Не кроясь доводом предательным,
Что заперты пред нами двери!

Живите вы, чьи сны развеяны
Над роскошью пути земного!
Усталы, брошены, осмеяны,
Вы крикните: «Еще и снова!»

Но вы, на полпути поникшие,
Вы, чуждые блаженства в муке,—
Припомните уста, привыкшие
Учить бестрепетной науке!

Для вас, изведавших ничтожество
Своих надежд, сказал Сенека:
«Открытых выходов есть множество
Из тесной жизни человека!»

15 февраля 1916

УЙДИ УВЕРЕННО

Кого из жизни бури выбили,
Кто сух, как запыленный куст,
Не выдавай желанья гибели
И дум, что мир уныл и пуст,—
В словах ли сдержанных, в изгибе ли
Отвыкших улыбаться уст.

Таи, что мутными и жуткими
Часы влачатся для тебя,
Что жизнь, как жерновами, сутками
Твое сознанье мнет, дробя,
Что счастлив ты лишь промежутками
Меж явью, сумрак возлюбя.

Что и во снах, порой, без жалости
Все тот же ужас бытия
Тебя гнетет в твоей усталости,
Иль тайно колет, как змея...
Прикинься, что земные малости
Отринула душа твоя.

Умей притворными улыбками
Встречать обманчивых друзей,
Грустить прилично, лишь со скрипками,
Поющими в кругу гостей;
Как кормщик, над валами зыбкими
Скользить насмешливо умей.

И, высмотрев спокойно с палубы,
Что твой последний луч погас,
Что, как поверхность ни блистала бы,
Дна не достанет водолаз,—
Ты вдруг, без выкриков, без жалобы,
Уйди уверенно от нас!

1916

ПЕРЕШЕДШИЕ — ОСТАВШИМСЯ

Мы — здесь! мы — близко! Ты не веришь?
О, бедный! о, незрячий брат!
Ты мир неверной мерой меришь!
Пойми,— чему ты верить рад:
Что бесконечна жизнь; потери ж
Обманывают только взгляд!

Твой взор не видит. Всё ж мы близко,
Вот здесь, вот там и близ тебя!
Пусть Смерть глазами василиска
Глядит, мгновенное губя:
Сияньем неземного диска
Любовь горит, всегда любя.

Усни для этой жизни косной:
В твоей руке твой карандаш
Шепнет, что есть иные весны,
И ты узнаешь голос наш.
Дух торжествует светоносный,
Твоя и наша жизнь — всё та ж!

Сейчас, вот в этот миг, не в высь ли
Твои возносятся мечты?
То мы подсказываем мысли
Тебе — из тайны темноты;
То наши помыслы нависли
Над сном твоим: им внемлешь ты!

Жить лишь до смерти — слишком мало!
Того не допустил творец.
Пути безгранны идеала,
Далеки цели и венец.
Смерть! смерть земли! твое где жало?
Жизнь! жизнь земли! твой где конец?

1916

СОНЕТ К СМЕРТИ

Смерть! обморок невыразимо-сладкий!
Во тьму твою мой дух передаю,
Так! вскоре я, всем существом, вопью,—
Что́ ныне мучит роковой загадкой.

Но знаю: убаюкан негой краткой,
Не в адской бездне, не в святом раю
Очнусь, но вновь — в родном, земном краю,
С томленьем прежним, с прежней верой шаткой.

Там будут свет и звук изменены,
Туманно — зримое, мечты — ясны,
Но встретят те ж сомнения, как прежде;

И пусть, не изменив живой надежде,
Я волю пронесу сквозь темноту:
Желать, искать, стремиться в высоту!

22 марта 1917

В альбомах

МЫ

Мы — гребень встающей волны.
«Tertia Vigilia»

Мы были гребень волны взнесенной...
Но белой пеной окроплены,
Мы разостлались утомленно,
Как мертвый плат живой волны.

Мы исчезаем... Нас поглощает
Волна другая, чтоб миг блестеть,
И солнце зыби позлащает
Волн, приходящих умереть.

Я — капля в море! Назад отринут,
Кружусь в просторе,— но не исчез.
И буду бурей снова вскинут
Под вечным куполом небес!

1917

В АЛЬБОМ Н***

Люблю альбомы: отпечаток
На них любезной старины;
Они, как дней иных остаток,
Легендой заворожены.

Беря «разрозненные томы
Из библиотеки чертей»,
Я вспоминаю стих знакомый
Когда-то модных рифмачей.

Он кажется живым и милым
Лишь потому, что посвящен
Виденьям серебристокрылым
Давно развеянных времен.

И, вписывая строки эти
В почти безгрешную тетрадь,
Я верю, что еще на свете
Осталось, для кого писать!

6 марта 1916

П. И. ПОСТНИКОВУ

Что в протоплазме зыблил океан,
Что древле чувствовал летучий ящер,
В чем жизнь была первичных обезьян,—
Всё ты впитал в себя, мой давний пращур!

И плоть живую пе́редал ты мне,
Где каждый мускул, все суставы, кости
Гласят, как знак, о грозной старине,
О тех, что спят на мировом погосте.

Наследие бесчисленных веков,
Мое так мудро слепленное тело!
Ты — книга, где записано без слов
То прошлое, что было и истлело.

Ты говоришь про жизнь в морских волнах,
Про ползанье, летанье, о трехглазом
Чудовище, о гнездах на ветвях...
Блажен, кто слух склонил к твоим рассказам!

Блажен, кто понял, вещее, тебя
И, видя человеческую бренность,
Умеет в ней разгадывать, любя,
Природы беспредельной неизменность!

Завидую тому, кто, острый взор
Склонив на эти связки, эти вены,
За ними видит мировой простор
И вечной жизни радостные смены!

16 августа 1916

К. А. КОРОВИНУ

Душа твоя, быть может, ослепительней,
Чем яркость буйная твоих картин.
И в нашем мире что-то удивительней
Всех пышных красок видишь ты один.

Всех райских сил вожди многокрылатые
Выводят пред тобой свои полки,
А где-то в безднах демоны-вожатаи,
Раскинув крылья, плачут от тоски.

И Дантово виденье, Rosa Mystica,
Стоит всегда, блистая, пред тобой,
Во всех лучах, в дрожаньи каждом листика,
В любом лице и в девушке любой.

Твои полотна — отзвук еле слышимый
Гармонии, подслушанной в раю;
В них воздухом Эдема смутно дышим мы,
В них прозреваем мы мечту твою.

Как Моисей познал косноязычие,
Ты знаешь невозможность — все сказать...
Гордись: в твоем бессилии — величие,
В твоей безвольной кисти — благодать!

1916

КЛАВДИИ НИКОЛАЕВНЕ ***

Вы только промелькнули,— аккуратной,
Заботливой и ласковой всегда.
В чем ваша жизнь? Еще мне непонятно...
Да и понятным будет ли когда?

Вы для меня останетесь виденьем
Вне времени; вы в жизнь мою вошли,
Чтоб в ней блеснуть по нескольким мгновеньям
И в памяти, как луч, сиять вдали.

Но что ж! Два-три небезучастных слова,
Да столько ж раз — простой и добрый взгляд:
Ведь это много для пути земного,
Где чаще взоры лгут, слова язвят.

За, может быть, привычное участье,
За общую улыбку, может быть,
Иль, наконец, за ваше беспристрастье —
Мне так отрадно вас благодарить.

И в эти дни мучительной расплаты,
Когда невольной праздности пора
Меня гнетет,— я понял, что́ солдаты
Влагают в имя нежное «сестра»!

14 августа 1916

ОВ. ИОАННИСИАНУ

В альбом

К тебе приблизиться, то значит —
Вдохнуть души прекрасной свет.
Кто удручен, кто тайно плачет,—
Тот ищет строф твоих, поэт.
В армянской новой жизни начат
Твоим напевом яркий след!

1916

И. ТУМАНЬЯНУ

Надпись на книге

...Да будет праведно возмездие
Судьбы — и в годах и в веках:
Так! создал новое созвездие
Ты на армянских небесах.

Пусть звезды малые и крупные
Тебя кропят, пронзая тьму:
Мы смотрим в сферы недоступные,
Дивясь сиянью твоему!

25 февраля 1916

МОЕ УПОРСТВО

О, лень мол! ты —вожделенный сад!
Мунн

Мое упорство, ты — неукротимо!
Пусть яростно года проходят мимо,
Пусть никнут силы, сломлены борьбой,
Как стебель гордой астры под грозой;
Встаю, иду, борюсь неутомимо!
Моя душа всегда огнем палима.
В дневной толпе и в тишине ночной,
Когда тружусь, когда лежу больной,—
Я чувствую, что крылья серафима
Меня возносят, пламя в клубах дыма;
Над человечеством столп огневой,
Горю своим восторгом и тоской,
И буду я гореть неумолимо!
Пусть яростно века проходят мимо!

4 июня 1916

ПОСЛЕДНИЙ СПОР

Из дневника

Северным ветром взволнован, остужен,
Буйно вздымает валы океан...
Челн мой давно с непогодами дружен.

Близко прибрежье неведомых стран;
Вкруг, неприветлив, озлоблен и вьюжен,
Буйно вздымает валы океан.

Знаю, что путь мой — неверен, окружен,
Знаю, что смертью грозит ураган:
Челн мой давно с непогодами дружен!

Стелется с берега серый туман,
Пляшут акулы, предчувствуя ужин...
Буйно вздымает валы океан.

Старый Нептун! если дар тебе нужен,
Бей по корме, беспощаден и пьян!
Челн мой давно с непогодами дружен.

Ведал он скалы и мелей обман,
Любит борьбу и недаром натружен...
Буйно вздымает валы океан.

Что ж! Если спор наш последний рассужен,
Кану на дно,— но, лучом осиян,
Строй меня встретит подводных жемчужин!

1916

Роковой ряд

Венок сонетов

1. ЛЕЛЯ

Четырнадцать имен назвать мне надо...
Какие выбрать меж святых имен,
Томивших сердце мукой и отрадой?
Все прошлое встает, как жуткий сон.

Я помню юность; синий сумрак сада;
Сирени льнут, пьяня, со всех сторон;
Я — мальчик, я — поэт, и я — влюблен,
И ты со мной, державная Дриада!

Ты страсть мою с улыбкой приняла,
Ласкала, в отроке поэта холя,
Дала восторг и, скромная, ушла...

Предвестье жизни, мой учитель, Леля!
Тебя я назвал первой меж других
Имен любимых, памятных, живых.

2. ТАЛЯ

Имен любимых, памятных, живых
Так много! Но, змеей меня ужаля,
Осталась ты царицей дней былых,
Коварная и маленькая Таля.

Встречались мы средь шумов городских;
Являлась ты под складками вуаля,
Но нежно так стонала: «милый Валя»,—
Когда на миг порыв желаний тих.

Все ж ты владела полудетской страстью;
Навек меня сковать мечтала властью
Зеленых глаз... А воли жаждал я...

И я бежал, измены не тая,
Тебе с безжалостностью кинув: «Падай!»
С какой отравно-ранящей усладой!

3. МАНЯ

С какой отравно-ранящей усладой
Припал к другим я, лепетным, устам!
Я ждал любви, я требовал с досадой,
Но чувству не хотел предаться сам.

Мне жизнь казалась блещущей эстрадой;
Лобзанья, слезы, встречи по ночам,—
Считал я все лишь поводом к стихам,
Я скорбь венчал сонетом иль балладой.

Был вечер; буря; вспышки облаков;
В беседке, там, рыдала ты,— без слов
Поняв, что я лишь роль играю, раня...

Но роль была — мой Рок! Прости мне, Маня!
Себя судил я в строфах огневых...
Теперь, в тоске, я повторяю их.

4. ЮДИФЬ

Теперь, в тоске, я повторяю их,
Но губы тяготит еще признанье.
Так! Я сменил стыдливые рыданья
На душный бред безвольностей ночных.

Познал я сладость беглого свиданья,
Поспешность ласк и равный пыл двоих,
Тот «тусклый огнь» во взорах роковых,
Что мучит наглым блеском ожиданья.

Ты мне явила женщину в себе,
Клейменую, как Пасифая в мифе,
И не забыть мне «пламенной Юдифи»!

Безлюбных больше нет в моей судьбе,
Спешу к любви от сумрачного чада,
Но боль былую память множить рада.

5. ЛАДА

Да! Боль былую память множить рада!
Светлейшая из всех, кто был мне дан!
Твой чистый облик нимбом осиян,
Моя любовь, моя надежда, Лада!

Нас обручили гулы водопада,
Благословил, в чужих горах, платан,
Венчанье наше славил океан,
Нам алтарем служила скал громада!

Что б ни было, нам быть всегда вдвоем;
Мы рядом в мир неведомый войдем;
Мы связаны звеном святым и тайным!

Но путь мой вел еще к цветам случайным;
Я должен вспомнить ряд часов иных...
О, счастье мук, порывов молодых!

6. ТАНЯ

О, счастье мук, порывов молодых!
Ты вдруг вошла, с усмешкой легкой, Таня,
Стеблистым телом думы отуманя,
Смутив узорностью зрачков косых.

Стыдясь, ты требовала ласк моих,
Любовница, меня вела, как няня,
Молилась, плакала, меня тираня,
Прося то перлов, то цветов простых.

Невольно влекся я к твоей причуде,
И нравились мне маленькие груди,
Похожие на форму груш лесных.

В алькове брачном были мы,— как дети,
Переживая ряд часов-столетий,
Навек закрепощенных в четкий стих!

7. ЛИЛА

Навек закрепощенных в четкий стих,
Прореяло немало мигов. Было
Светло и страшно, жгуче и уныло...
Привет тебе, среди цариц земных,

Недолгий призрак, царственная Лила!
Меня внесла ты в счет рабов своих...
Но в цепи я играл: еще ничьих
Оков — душа терпеть не снисходила.

Актер, я падал пред тобой во прах,
Я лобызал следы твоих сандалий,
Я пел терцинами твой лик медалей...

Но страсть уже стояла на часах...
И вдруг вошла с палящей сталью взгляда,
Ты — слаще смерти, ты — желанней яда.

8. ДИНА

Ты — слаще смерти, ты — желанней яда,
Околдовала мой свободный дух!
И взор померк, и воли огнь потух
Под чарой сатанинского обряда.

В коленях — дрожь; язык — горяч и сух;
В раздумьях — ужас веры и разлада;
Мы — на постели, как в провалах Ада,
И меч, как благо, призываем вслух!

Ты — ангел или дьяволица, Дина?
Сквозь пытки все ты провела меня,
Стыдом, блаженством, ревностью казня.

Ты помнишься проклятой, но единой!
Другие все проходят за тобой,
Как будто призраков туманный строй.

9. ЛЮБОВЬ

Как будто призраков туманный строй,
Все те, к кому я из твоих объятий
Бежал в безумьи... Ах! твоей кровати
Возжжен был стигман в дух смятенный мой.

Напрасно я, обманут нежной тьмой,
Уста с устами близил на закате!
Пронзен до сердца острием заклятий,
Я был на ложах — словно труп немой.

И ты ко мне напрасно телом никла,
Ты, имя чье стозвучно, как Любовь!
Со стоном прочь я отгибался вновь...

Душа быть мертвой — сумрачно привыкла,
Тот облик мой, как облик гробовой,
В вечерних далях реет предо мной.

10. ЖЕНЯ

В вечерних далях реет предо мной
И новый образ, полный женской лени,
С изнеженной беспечностью движений,
С приманчивой вкруг взоров синевой.

Но в ароматном будуаре Жени
Я был все тот же, тускло-неживой;
И нудил ропот, женственно-грудной,
Напрасно — миги сумрачных хотений.

Я целовал, но — как восставший труп,
Я слышал рысий, истерийный хохот,
Но мертвенно, как заоконный грохот...

Так водопад стремится на уступ,
Хоть страшный путь к провалу непременен...
Но каждый образ для меня священен.

11. ВЕРА

Да! Каждый образ для меня священен!
Сберечь бы все! Сияй, живи и ты,
Владычица народа и мечты,
В чьей свите я казался обесценен!

На краткий миг, но были мы слиты,
Твой поцелуй был трижды драгоценен;
Он мне сказал, что вновь я дерзновенен,
Что властен вновь я жаждать высоты!

Тебя зато назвать я вправе «Верой»:
Нас единила общность ярких грез,
И мы взлетали в область вышних гроз,

Как два орла, над этой жизнью серой!
Но дремлешь ты в могильной глубине...
Вот близкие склоняются ко мне.

12. НАДЯ

Вот близкие склоняются ко мне,
Мечты недавних дней... Но суесловью
Я не предам святыни, что с любовью
Таю, как клад, в душе, на самом дне.

Зачем, зачем к святому изголовью
Я поникал в своем неправом сне?
И вот — вечерний выстрел в тишине,—
И грудь ребенка освятилась кровью.

О, мой недолгий, невозможный рай!
Смирись, душа, казни себя, рыдай!
Ты приговор прочла в последнем взгляде.

Не смея снова мыслить о награде
Склоненных уст, лежал я в глубине,
В смятеньи — думы, вся душа — в огне...

13. ЕЛЕНА

В смятеньи — думы; вся душа — в огне
Пылала; грезы — мчались в дикой смене...
Молясь кому-то, я сгибал колени...
Но был так ласков голос в вышине.

Еще одна, меж радужных видений,
Сошла, чтоб мне напомнить о весне...
Челнок и чайки... Отблеск на волне...
И женски-девий шепот: «Верь Елене!»

Мне было нужно — позабыть, уснуть;
Мне было нужно — в ласке потонуть,
Мне, кто недавно мимо шел, надменен!

Над озером клубился белый пар...
И принял я ее любовь, как дар...
Но ты ль, венок сонетов, неизменен?

14. ПОСЛЕДНЯЯ

Да! Ты ль, венок сонетов, неизменен?
Я жизнь прошел, казалось, до конца;
Но не хватало розы для венца,
Чтоб он в столетьях расцветал, нетленен.

Тогда, с улыбкой детского лица,
Мелькнула ты. Но — да будет покровенен
Звук имени последнего: мгновенен
Восторг признаний и мертвит сердца!

Пребудешь ты неназванной, безвестной,—
Хоть рифмы всех сковали связью тесной.
Прославят всех когда-то наизусть.

Ты — завершенье рокового ряда:
Тринадцать названо; ты — здесь, и пусть —
Четырнадцать назвать мне было надо!

15. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ

Четырнадцать назвать мне было надо
Имен любимых, памятных, живых!
С какой отравно-ранящей усладой
Теперь, в тоске, я повторяю их!

Но боль былую память множить рада:
О, счастье мук, порывов молодых,
Навек закрепощенных в четкий стих!
Ты — слаще смерти! ты — желанней яда!

Как будто призраков туманный строй
В вечерних далях реет предо мной,—
Но каждый образ для меня священен.

Вот близкие склоняются ко мне...
В смятеньи — думы, вся душа — в огне...
Но ты ль, венок сонетов, неизменен?

22 мая 1916

16. КОДА

Да! ты ль, венок сонетов, неизменен?
Как прежде, звезды жгучи; поздний час,
Как прежде, душен; нежны глуби глаз;
Твой поцелуй лукаво-откровенен.

Твои колени сжав, покорно-пленен,
Мир мерю мигом, ах! как столько раз!
Но взлет судьбы, над бурей взвивший нас,
Всем прежним вихрям грозно равномерен.

Нет, он — священней: на твоем челе
Лавр Полигимнии сквозит во мгле,
Песнь с песней мы сливаем властью лада.

Пусть мне гореть! — но в том огне горишь
И ты со мной! — я был неправ, что лишь
Четырнадцать имен назвать мне надо.

1920

СНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

[*Песни первобытных племен*]

ИЗ ПЕСЕН АВСТРАЛИЙСКИХ ДИКАРЕЙ

1

Кенгуру бежали быстро,
Я еще быстрей.
Кенгуру был очень жирен,
А я его съел.

Пусть руками пламя машет,
Сучьям затрещать пора.
Скоро черные запляшут
Вкруг костра.

2

Много женщин крепкотелых,
Мне одна мила.
И пьяней, чем водка белых,
Нет вина!
Ай-ай-ай! крепче нет вина!

Будем мы лежать на брюхе
До утра всю ночь.
От костра все злые духи
Уйдут прочь!
Ай-ай-ай! уйдут духи прочь!

<1907>

[*Отзвуки Атлантиды*]

ЖЕНЩИНЫ ЛАБИРИНТА

Город — дом многоколонный,
Залы, храмы, лестниц винт,
Двор, дворцами огражденный,
Сеть проходов, переходов,
Галерей, балконов, сводов,—
Мир в строеньи: Лабиринт!

Яркий мрамор, медь и злато,
Двери в броне серебра,
Роскошь утвари богатой,—
И кипенье жизни сложной,
Ночью — тайной, днем — тревожной,
Буйной с утра до утра.

Там,— при факелах палящих,
Шумно правились пиры;
Девы, в ту́никах сквозящих,
С хором юношей, в монистах,
В блеске локонов сквозистых,
Круг сплетали для игры;

Там — надменные миносы
Колебали взором мир;
Там — предвечные вопросы
Мудрецы в тиши судили;
Там — под кистью краски жили,
Пели струны вещих лир!

Всё, чем мы живем поныне,—
В древнем городе-дворце
Расцветало в правде линий,
В тайне книг, в узоре чисел;
Человек чело там высил
Гордо, в ла́вровом венце!

Все, что ведала Эллада,—
Только память, только тень,
Только отзвук Дома-Града;
Песнь Гомера, гимн Орфея —
Это голос твой, Эгейя,
Твой, вторично вставший, день!

Пусть преданья промолчали;
Камень, глина и металл,
Фрески, статуи, эмали
Встали, как живые были,—
Гроб раскрылся, и в могиле
Мы нашли свой идеал!

И, венчая правду сказки,
Облик женщины возник,—
Не она ль в священной пляске,
Шла вдоль длинных коридоров,—
И летели стрелы взоров,
Чтоб в ее вонзиться лик?

Не она ль взбивала кудри,
К блеску зеркала склонясь,
Подбирала гребень к пудре,
Серьги, кольца, украшенья,
Ароматы, умащенья,
Мазь для губ, для щечек мазь?

Минул ряд тысячелетий,
Лабиринт — лишь скудный прах...
Но те кольца, бусы эти,
Геммы, мелочи былого,—
С давним сердце близят снова:
Нить жемчужная в веках!

1917

СНЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА

ЛИРИЧЕСКІЯ ОТРАЖЕНІЯ

ВСѢХЪ СТРАНЪ И ВСѢХЪ ВРЕМЕНЪ.

1911 – 1917.

Посвящено,

въ знакъ дружбы и уваженія,

поэту и мыслителю

Ренэ Гилю

ИЗДАНІЕ ПЕРВОЕ.

ПИРАМИДЫ

В пустыне, где царственный Нил
Купает ступени могил;
Где, лаврам колышимым вторя,
Бьют волны Эгейского моря;
Где мир италийских полей
Скрывает этрусских царей;
И там, за чертой океана,
В волшебных краях Юкатана,
Во мгле мексиканских лесов,—
Тревожа округлость холмов
И радостных далей беспечные виды,
Стоят Пирамиды.

Из далей столетий пришли
Ровесницы дряхлой Земли
И встали, как символы, в мире!
В них скрыто — и *три*, и *четыре*,
И *семь*, и *двенадцать*: в них смысл
Первичных, таинственных числ,
И, в знак, что одно на потребу,
Чело их возносится к небу.
Так ты неизменно стремись,
Наш дух, в бесконечную высь!
«Что горе и радость? успех и обиды? —
Твердят Пирамиды.—

Все минет. Как льется вода,
Исчезнут в веках города,
Разрушатся стены и своды,
Пройдут племена и народы;
Но будет звучать наш завет
Сквозь сонмы мятущихся лет!
Что́ в нас, то навек неизменно.
Все призрачно, бренно и тленно,—
Песнь лиры, созданье резца.
Но будем стоять до конца,
Как истина под покрывалом Изиды,
Лишь мы, Пирамиды!

Строители наши в веках
Осилили сумрачный прах,
И тайну природы постигли,
И вечные знаки воздвигли,
Мечтами в грядущем паря.
Пусть канул их мир, как заря
В пыланиях нового века,—
Но смутно душа человека
Хранит в глубине до сих пор,
Что знали — Орфей, Пифагор,
Христос, Моисей, Заратустра, друиды,
И мы, Пирамиды!

Народы! идя по земле,
В сомнениях, в праве и зле,
Живите божественной тайной!
Вы связаны все не случайно
В единую духом семью!
Поймите же общность свою,
Вы, индусы, греки, славяне,
Романцы, туранцы, армяне,
Семиты и все племена!
Мы бросили вам семена.
Когда ж всколосится посев Атлантиды?
Мы ждем, Пирамиды!»

1917

ГОРОД ВОД

Был он, за шумным простором
Грозных зыбей океана,
Остров, земли властелин.
Тает пред умственным взором
Мгла векового тумана,
Сумрак безмерных глубин.

Было то — утро вселенной,
Счет начинавших столетий,
Праздник всемирной весны.
В радости жизни мгновенной,
Люди там жили, как дети,
С верой в волшебные сны.

Властвуя островом, смело
Царства раздвинул границы
Юный и мощный народ...
С моря далеко горело
Чудо всесветной столицы,
Дивного Города Вод.

Был он — как царь над царями.
Все перед ним было жалко:
Фивы, Мемфис, Вавилон,
Он, опоясан кругами
Меди, свинца, орихалка,
Был — как огнем обнесен!

Высилась в центре громада
Храма Прозрачного Света —
Дерзостной воли мечта,
Мысли и взорам услада,
Костью слоновой одета,
Золотом вся залита́.

Статуи, фрески, колонны,
Вязь драгоценных металлов,
Сноп самоцветных камней;
Сонм неисчетный, бессонный,—
В блеск жемчугов и кораллов,
В шелк облаченных людей!

Первенец древнего мира,
Был он единственным чудом,
Город, владыка земель,
Тот, где певучая лира
Вольно царила над людом,
Кисть, и резец, и свирель;

Тот, где издавна привыкли
Чтить мудрецов; где лежали
Ниц перед ними цари;
Тот, где все знанья возникли,
Чтоб обессмертить все дали
Благостью новой зари!

Был — золотой Атлантиды
Остров таинственно-властный,
Ставивший вехи в веках:
Символы чисел, пирамиды,—
В Мексике жгуче-прекрасной,
В нильских бесплодных песках.

Был,— но его совершенства
Грани предельной достигли,
Может быть, грань перешли...
И, исчерпав все блаженства,
Всё, что возможно, постигли
Первые дети Земли.

Дерзко умы молодые
Дальше, вперед посягнули,
К целям запретным стремясь...
Грозно восстали стихии,
В буре, и в громе, и в гуле
Мира нарушили связь.

Пламя, и дымы, и пены
Встали, как вихрь урагана;
Рухнули тверди высот;
Рухнули башни и стены,
Всё,— и простор Океана
Хлынул над Городом Вод!

1917

ЭГЕЙСКИЕ ВАЗЫ

Они пленительны и нежны,
Они изысканно-небрежны,
То гармонически размерны,
То соблазнительно неверны,
Всегда законченны и цельны,
Неизмеримо-нераздельны,
И завершенность линий их
Звучит, как полнопевный стих.

От грозных и огромных пифов
До тонких, выточенных скифов,
Амфоры, лéкифи, фиалы,
Арибаллы и самый малый
Каликий, все — живое чудо:
В чертах разбитого сосуда,
Загадку смерти разреша,
Таится некая душа!

Как исхищрéнны их узоры,
Ласкающие сладко взоры:
В запутанности линий гнутых,
То разомкнутых, то сомкнутых,
Как много жизни претворенной,—
Пресыщенной и утомленной
Холодным строем красоты,
В исканьях новой остроты!

И вот, причудливо согнуты,
Выводят шупальцами спруты
По стенкам нежные спирали;
Плывут дельфины на бокале,
И безобразны и прекрасны;
И стебель, странно-сладострастный,—
На что-то грешное намек,—
Сгибает девственный цветок.

На черном поле звезды — рдяны,
Горят, как маленькие раны,
А фон лазурный иль червленый
Взрезают черные фестоны;
Глазам и сладостно и больно,
И мысль прикована невольно
К созданиям чужой мечты,
Горящим светом красоты.

Глубокий мрак тысячелетий
Расходится при этом свете!
И пусть преданья мира — немы!
Как стих божественной поэмы,
Как вечно ценные алмазы,
Гласят раздробленные вазы,
Что их творец, хотя б на миг,
Все тайны вечности постиг!

1916—1917

ПОУЧЕНИЕ

Тот, владыка написанных слов,
Тот, царящий над мудростью книг!

Научи меня тайне письмен,
Подскажи мне слова мудрецов.

Человек! умом не гордись,
Не мечтай: будешь славен в веках.

Над водой промелькнул крокодил,
И нырнул в глубину навсегда.

Нил священный быстро течет.
Жизнь человека протекает быстрей.

Ты пред братом хвалился: я мудр!
Рука Смерти равняет всех.

Тот, хранитель священных книг,
Тот, блюститель священных ключей!

Скажи: это написал Аменампáт
Двадцать шестого Паини в третий год Мерери.

Март 1912

КЛИНОПИСЬ

Царь, Бил-Ибус, я, это вырезал здесь,
Сын Ассура, я, был велик на земле.

Города разрушал, я, истреблял племена,
Города воздвигал, я, строил храмы богам.

Прекрасную Ниргал, я, сделал своею женой,
Алоустая Ниргал, ты, была как месяц меж звезд.

Черные кудри, Ниргал, твои, были темны, как ночь,
Соски грудей, Ниргал, твои, были алый цветок.

Белые бедра, Ниргал, твои, я в пурпур одел,
Благоуханные ноги, Ниргал, твои, я в злато обул.

Когда умерла ты, Ниргал, я сорок суток не ел.
Когда ушла ты, Ниргал, я десять тысяч казнил.

Царь, Бил-Ибус, я, был велик на земле,
Но, как звезда небес, исчезаешь ты, человек.

1913

Эллада

ИЗ ПЕСЕН САПФО

1

Сокрылась давно Селена,
Сокрылись Плеяды. Ночи
Средина. Часы проходят.
А я все одна на ложе.

2

Ты кудри свои, Дика, укрась, милые мне, венками,
И ломкий анис ты заплети сладостными руками.
В цветах ты грядешь; вместе с тобой — благостные
Хариты.
Но чужды богам — те, кто придут, розами не увиты.

3

Геспер, приводишь ты все, разметала что светлая Эос,
Агнцев ведешь, ведешь коз, но от матери дочерь уводишь.

4

Рыбарю Пелагóну отец Мениск водрузил здесь
Вершу и весло, памятник бедности их.

<1914>

ИЗ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ АНТОЛОГИИ

1

К Сапфо

Ты не в гробнице лежишь, под украшенным лирою камнем:
Шумного моря простор — твой вечнозыблемый гроб.
Но не напеву ли волн твои были песни подобны,
И, как воды глубина, не был ли дух твой глубок?
Гимн Афродите бессмертной сложившая, смертная Сапфо,
Всех, кого гонит любовь к морю, заступница ты!

2

Где твои стрелы, Эрот,— разившие взором Ифтимы,
Нежные, словно уста Гелиодоры младой,
Быстрые, словно улыбка Наиды, как Айя, живые?
Пуст твой колчан: все они в сердце вонзились мое.

3

Общая матерь, Земля, будь легка над моей Айсигеной,
Ибо ступала она так же легко по тебе.

<1913?>

ОДА В ДУХЕ ГОРАЦИЯ

Не тем горжусь я, Фебом отмеченный,
Что стих мой звонкий римские юноши
На шумном пире повторяют,
Ритм выбивая узорной чашей.

Не тем горжусь я, Юлией избранный,
Что стих мой нежный губы красавицы
Твердят, когда она снимает
Строфий, готовясь сойти на ложе.

Надеждой высшей дух мой возносится,
Хочу я верить,— боги позволили,—
Что будут звуки этих песен
Некогда слышны в безвестных странах.

Где ныне Парфы, ловкие лучники,
Грозят несмело легионариям,
Под сводом новых Академий
Будет вращать мои свитки ретор.

Где прежде алчный царь Эфиопии
Давал Нептуну праздник торжественный,
Мудрец грядущий с кожей черной
Имя мое благочестно вспомнит.

В равнине скудной сумрачной Скифии,
Где реки стынут в льдистом обличии,
Поэт земли Гиперборейской
Станет моим подражать напевам.

1913

В ДУХЕ КАТУЛЛА

Обманули твои, ах! поцелуи,
Те, что ночь напролет я пил, как струи.
Я мечтал навсегда насытить жажду,
Но сегодня, как Скиф, без кубка стражду.
Ты солгал, о Насон, любимец бога!
Нет науки любви. И, глядя строго,
Беспощадный Амо́р над тем хохочет,
Кто исторгнуть стрелу из сердца хочет.
Должно нам принимать богов решенья
Кротко: радости и любви мученья.

<1913>

В ДУХЕ ЛАТИНСКОЙ АНТОЛОГИИ

1

Алую розу люби, цветок Эрицине любезный:
Он — на святых алтарях, в косах он радостных дев.
Если ты чтишь бессмертных, если ты к девам влечешься,
Розы алый намек знаком своим избери.
Тот же, кто дружбе, сердца врачующей, вериться хочет,
Пусть полюбит мирт, отроков свежий венок.
Пенорожденной не чужд, мирт на мистериях темных
Тайну Вакха хранит, бога, прошедшего смерть.

2

Мне говорят, что Марина многим дарит свои ласки.
Что ж! получаю ли я меньше любви оттого?
Если солнце живит шиповник в саду у соседа,
Хуже ль в саду у меня алый сверкает тюльпан?
Если Зе́фир овеял Лукании луг утомленный,
Лацию в летний день меньше ль прохлады он даст?
Ласки любовников всех лишь огонь разжигают в Марине,
Жаждет, пылая, она, пламя чтоб я погасил.

3

Голос, груди, глаза, уста, волоса, плечи, руки,
Бедер ее аромат, краска румяных ланит,
Сколько лукавых сетей, расставленных хитрым Амором,
Чтобы одну поймать певчую птицу — меня!

<1912>

В ДУХЕ РИМСКИХ ЭРОТИКОВ

1

К статуе

Как корабль, что готов менять оснастку:
То вздымать паруса, то плыть на веслах,
Ты двойной предаваться жаждешь страсти.
Отрок, ищешь любви, горя желаньем,
Но, любви не найдя, в слезах жестоких,
Ласк награду чужих приемлешь, дева!
Хрупки весла твои, увы, под бурей,
Дай же ветру нырнуть в твои ветрила!

2

Дéдал, корова твоя глаза быка обманула,
Но он обманут ли был также в желаньях своих?

3

Нежный стихов аромат услаждает безделие девы:
Кроет проделки богов нежный стихов аромат.

<1913?>

В ДУХЕ ПЕРВЫХ ХРИСТИАНСКИХ ГИМНОВ

Восставши ночью, бога восславим мы,
Начнем служенье в славу всевышнего,
Создателя земли и неба,
Звезды водящего в глуби синей.

Былинке малой дав прозябание,
Левиафанов в море лелеет он,
Выводит солнце и уводит,
Хлебом насущным людей питает.

Пославший сына в мир на пропятие,
Святого духа нам обещающий,
Не он ли, сильный, есть достоин
Быть воспеваемым в сладких гимнах?

1912

В ДУХЕ ЛИРИКОВ VI—VII вв.

1

Дождь! тебя благословляю!
Ты смочил ее одежды:
Как, под влажной тканью, четко
Рисовалось тело милой!

Ты была — как обнаженной,
И твои дрожали груди!
Кто ж согрел их поцелуем,
В час, как радуга сверкнула?

2

Уже за горы канул месяц,
Уже восток зарей зарделся,
Уже в саду запели птицы,
А я, Любовь, смотри, все плачу!

3

В белом и трепетном озере груди твоей
Сердце твое — ароматного лотоса цвет!

4

— Я брошен ею, но я не плачу:
Видишь ли: я улыбаюсь.
— Твоя улыбка — рассвет печальный
Над погоревшей деревней.

5

Через речку цепкие лианы
Провели несокрушимый мост.
Там качаться любят обезьяны,
Окрутив вокруг лианы хвост.

От меня и прямо к сердцу милой
Проведен любовью крепкий мост.
Там качаться любят злые силы,
Окрутив вокруг желаний хвост.

6

Я не всходил на Гималаи,
Жемчужин не искал на дне,
Паломником не плыл на Цейлон,—
Даль, глубь и высь я знал в Любви!

1913

ПОДРАЖАНИЕ РАБИНДРАНАТУ ТАГОРУ

Когда тебе, дитя, я приношу игрушки,
Мне ясно, почему так облака жемчужны,
И так ласкающе к цветам льнет ветер южный,—
Когда тебе, дитя, я приношу игрушки.

Когда тебе, дитя, даю я в руки сласти,
Мне ясно, почему цветок наполнен медом,
И сахарны плоды под нашим небосводом,
Когда тебе, дитя, даю я в руки сласти.

Когда тебя, дитя, целую я в глазенки,
Мне ясно, почему так небо утром чисто,
И ветерок так свеж над пальмой серебристой,
Когда тебя, дитя, целую я в глазенки.

1913

Персия

ПЕРСИДСКИЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

Не мудрецов ли прахом земля везде полна?
Так пусть меня поглотит земная глубина,
И прах певца, что́ славил вино, смешавшись с глиной,
Предстанет вам кувшином для пьяного вина.

2

Есть в жизни миги счастья, есть женщины, вино,
Но всем на ложе смерти очнуться суждено.
Зачем же краткой явью сменяются сны жизни
Для тысяч поколений,— нам ведать не дано.

3

Только ночью пьют газели из источника близ вишен,
На осколок неба смотрят, и в тиши их вздох чуть слышен.
Только ночью проникаю я к тебе, источник мой!
Вижу небо в милом взоре и в тиши дышу тобой!

4

Эпитафия Зарифы

Той, которую прекрасной называли все в мечтах,
Под холмом, травой поросшим, погребен печальный прах:
Если ты ее, прохожий, знал в потоке беглых лет,—
То вздохни за вас обоих, ибо в смерти вздохов нет.

1911

ГАЗЕЛИ

1

В ту ночь нам птицы пели, как серебром звеня,
С тобой мы были рядом, и ты любил меня.

Твой взгляд, как у газели, был вспышками огня,
И ты газельим взглядом всю ночь палил меня.

Как в тесноте ущелий томит пыланье дня,
Так ты, маня к усладам, всю ночь томил меня.

Злой дух, в горах, у ели, таится, клад храня.
Ах, ты не тем ли кладом всю ночь манил меня?

Минуты розовели, с востока тень гоня.
Как будто по аркадам ты вел, без сил, меня.

Пусть птицы мне звенели, что близко западня:
В ту ночь любовным ядом ты отравил меня!

1913

2

Пылают летом розы, как жгучий костер.
Пылает летней ночью жесточе твой взор.

Пьянит весенним утром расцветший миндаль.
Пьянит сильней, вонзаясь в темь ночи, твой взор.

Звезда ведет дорогу в небесную даль.
Дорогу знает к сердцу короче твой взор.

Певец веселой песней смягчает печаль.
Я весел, если смотрит мне в очи твой взор.

Забыть я все согласен, чем жил до сих пор.
Из памяти исторгнуть нет мочи твой взор.

<1913>

ЯПОНСКИЕ ТАНКИ И ХАЙ-КАЙ

1

Устремил я взгляд,
Чуть защелкал соловей,
На вечерний сад;
Там, средь сумрачных ветвей,
Месяц — мертвого бледней.

2

Это ты, луна,
Душу мне томишь тоской,
Как мертвец бледна?
Или милый взор слезой
Омрачился надо мной?

3

По волнам реки
Неустанный ветер с гор
Гонит лепестки.
Если твой я видел взор,
Жить мне как же с этих пор?

4

Вижу лик луны,
Видишь лунный лик и ты,
И томят мечты:
Если б, как из зеркала,
Ты взглянула с вышины!

5

В синеве пруда
Белый аист отражен;
Миг — и нет следа.
Твой же образ заключен
В бедном сердце навсегда.

6

О, дремотный пруд!
Прыгают лягушки вглубь,
Слышен всплеск воды...

7

Кто назвал Любовь?
Имя ей он мог бы дать
И другое: Смерть.

12 октября 1913

Индокитай

ДВЕ МАЛАЙСКИЕ ПЕСНИ

1

Белы волны на побережьи моря,
Днем и в полночь они шумят.
Белых цветов в поле много,
Лишь на один из них мои глаза глядят.

Глубже воды в часы прилива,
Смелых сглотнет их алчная пасть.
Глубже в душе тоска о милой,
Ни днем, ни в полночь мне ее не ласкать.

На небе месяц белый и круглый,
И море под месяцем пляшет, пьяно.
Лицо твое — месяц, алы — твои губы,
В груди моей сердце пляшет, пьяно.

12 ноября 1909

2

Ветер качает, надышавшийся чáмпаком,
Фиги, бананы, панданы, кокосы.
Ведут невесту подруги с лампами,
У нее руки в запястьях, у нее с лентами косы.

Рисовое поле бело под месяцем;
Черны и красны, шныряют летучие мыши.
С новобрачной мужу на циновке весело,
Целует в спину, обнимает под мышки.

Утром уходят тигры в заросли,
Утром змеи прячутся в норы.
Утром меня солнце опалит без жалости,
Уйду искать тени на высокие горы.

17 ноября 1909

ИЗ АРАБСКОЙ ЛИРИКИ

Отрывок

Катамия! оставь притворство, довольно хитростей и ссор,
Мы расстаемся,— и надолго,— с прощаньем руки я простер.
Когда бы завтра, при отъезде, ты распахнула свой шатер,
Хоть на мгновенье мог бы видеть я без фаты твой черный взор,
И на груди твоей каменья, как ярко-пламенный костер,
И на твоей газельей шее жемчужно-яхонтный убор,
На шее той,— как у газели, когда она, покинув бор,
Наедине с самцом осталась в ущельях непроходных гор
И шею клонит, объедая из ягод пурпурный узор
На изумрудно-нежных ветках, топча травы живой ковер,
Мешая соки со слюною в один пленительный раствор,
В вино, какого люди в мире еще не пили до сих пор!

<1912>

АРМЯНСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Ах, если алым стал бы я,
Твоим кораллом стал бы я,
Тебя лобзал бы день и ночь
И снегом талым стал бы я!
Я стал бы алым
Кораллом, лалом,
И снегом талым стал бы я...

Ах, если шалью стал бы я,
Твоей вуалью стал бы я,
Тебя лобзал бы каждый день,
Иль бус эмалью стал бы я!
Я стал бы шалью,
Твоей вуалью,
И бус эмалью стал бы я.

Ах, если таром стал бы я,
Звучать не даром стал бы я.
Я разглашал бы гимн тебе,
И милой яром стал бы я!
Я стал бы таром,
Звуча не даром,
Ах, милой яром стал бы я!

<1916>

ПОДРАЖАНИЕ АШУГАМ

1

О, злая! с черной красотой! о дорогая! ангел мой!
Ты и не спросишь, что со мной, о дорогая, что со мной!

Как жжет меня моя любовь! о дорогая, жжет любовь!
Твой лоб так бел, но сумрак — бровь! о дорогая, сумрак — бровь!

Твой взор — как море, я — ладья! о дорогая, я — ладья.
На этих волнах — чайка я! о дорогая, чайка — я.

Мне не уснуть, и то судьба, о дорогая, то судьба!
О, злая, выслушай раба! о дорогая, речь раба.

Ты — врач: мне раны излечи, о дорогая, излечи!
Я словно в огненной печи, о дорогая, я — в печи!

Все дни горю я, стон тая, о дорогая, стон тая,
О, злая, ведь не камень я, о дорогая, пламень — я!

Мне не уснуть и краткий срок, о дорогая, краткий срок,
Тебя ищу — и одинок! о дорогая, одинок!

И ночь и день к тебе лечу, о дорогая, я лечу,
Тебя назвать я всем хочу, о дорогая, и молчу.

Но как молчать, любовь тая, о дорогая, страсть тая?
О, злая, ведь не камень я, о дорогая, пламень — я!

<1916>

2

Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут-уйдут.
Всему есть свой конец, не плачь! — Что бег минут: придут-уйдут.
Тоска потерь пусть мучит нас, но верь, что беды лишь на час:
Как сонм гостей, за рядом ряд, они снуют: придут-уйдут.

Обман, гонение, борьба и притеснение племен,
Как караваны, что под звон в степи идут: придут-уйдут.
Мир — сад, и люди в нем цветы! но много в нем увидишь ты
Фиалок, бальзаминов, роз, что день цветут: придут-уйдут.

Итак, ты, сильный, не гордись! итак, ты, слабый, не грусти!
События должны идти, творя свой суд: придут-уйдут!
Смотри: для солнца страха нет скрыть в тучах свой палящий свет,
И тучи, на восток спеша, плывут, бегут: придут-уйдут

Земля ласкает, словно мать, ученого, добра, нежна;
Но диких бродят племена, они живут: придут-уйдут...
Весь мир: гостиница, Дживан! а люди — зыбкий караван!
И все идет своей чредой: любовь и труд,— придут-уйдут!

<1916>

ПРОРОЧЕСТВО О ГИБЕЛИ АЗОВ

Слушайте, все люди, сумрачные песни.
Те из вас, кто мудры, пусть оценят пенье.
Я пою про ужас, я пою про горе,
Я пою, что будет в роковые годы.

Почернеет солнце, сушу скроют воды,
Упадут на землю золотые звезды,
Взвеет дым высоко из земного недра,
И оближет пламя тучи в твердом небе.

Змей Нидгад из ада вылетит на крыльях,
Закружит, когтистый, над дворцовой крышей.
У него на крыльях трупы всех умерших,
С ними вместе канет в глубине безмерной.

Будет лаять Га́рум пред священным входом,
Но в лесу железном будет вторить хохот,
И Фенрир промчится, волк с кровавым глазом,
По гранитной лестнице в чертоги азов.

О́дин! О́дин! О́дин! горе! горе! горе!
Я пою, что будет в роковые годы.
Азы! вижу гибель вашей светлой власти:
Волк Фенрир терзает грозного владыку.

Альфы скорбно плачут у недвижной двери,
Азы громко стонут, внемля страшной вести,
Великаны сильны, истребленья люты.
Что теперь осталось? где теперь вы, люди?

Вот пылает с треском Игдразил высокий,
Мировые ветви корчатся и сохнут,
И, когда на землю с громом рухнет древо,
В пламени с ним вместе мир погибнет древний.

Но из черной бездны встанет черный Локи,
Повезет безумцев он на черной лодке,
Чтоб дворец воздвигнуть, страшный, черный, новый,
И царить сурово над страной полночной.

Слушайте, все люди, сумрачные песни,
Те из вас, кто мудры, пусть оценят пенье.
Я пою про ужас, я пою про горе,
Я пою, что будет в роковые годы.

<1916>

КАНЦОНА К ДАМЕ

Судил мне бог пылать любовью,
Я взором Дамы взят в полон,
Ей в дар несу и явь и сон,
Ей честь воздам стихом и кровью.
Ее эмблему чтить я рад,
Как чтит присягу верный ленник.
И пусть мой взгляд
Вовеки пленник;
Ловя другую Даму, он — изменник.

Простой певец, я недостоин
Надеть на шлем Ее цвета.
Но так гранатны — чьи уста,
Чей лик — так снежен, рост — так строен?
Погибель мне! Нежнее нет
Ни рук, ни шеи в мире целом!
Гордится свет
Прекрасным телом,
А взор Ее сравню я с самострелом.

Любовь вливает в грудь отвагу,
Терпенья дар дает сердцам.
Во имя Дамы жизнь отдам,
Но к Ней вовек я не прилягу.
Служить нам честно долг велит
Синьору в битве, богу в храме,
Но пусть звенит,
Гремя хвалами,
Искусная канцона — только Даме.

20/21 ноября 1909

ДВОРЕЦ ЛЮБВИ

Дворец Любви не замкнут каменной стеной;
Пред ним цветы и травы пышны под росой,
И нет цветка такого, что цветет весной,
Который не расцвел бы на лужайке той.

В траве зеленой вьется быстрый ручеек;
Он, как слюда, прозрачен, светел и глубок.
Кто из мужчин, раздевшись, входит в тот поток,
Становится вновь юным, в самый краткий срок.

И девам, что умели дань Любви отдать,
Довольно в светлых водах тело искупать;
Все,— кроме тех, кто должен жизнь ребенку дать,—
Становятся невинны, девами опять.

На тонких ветках птицы песнь поют свою.
Что песнь — Любви во славу, я не утаю.
И, наклонившись низко к светлому ручью,
Подумал я, что грежу я в земном Раю.

1912

ИСПАНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

1

— Вы бледны, моя сеньора.
Что склонили вы глаза?
— Я, пока вы на охоте,
Убираю волоса.

— Чей же конь заржал так жарко
На конюшне у меня?
— Мой отец прислал в подарок
Вам прекрасного коня.

— Чей же в зале щит повешен?
— Братом прислан он моим.
— Чье копье стоит у двери?
— Сердце мне пронзите им.

2

— Мой товарищ! мой товарищ!
Милой я узнал обман.
Я в Гренаде стану мавром,
Буду резать христиан.

— У меня три дочки дома,
И одна милей другой.
Выбирай любую розу
Иль подругой, иль женой.

— Не хочу я жить с подругой,
Дом с женою мне не мил,
Так как я ласкать не буду
Ту, которую любил.

1913

RICO FRANCO

A caza iban á caza.
Los cazadores del Rey...[1]

Веселой тешились охотой
Король и рыцари его;
Веселой тешились охотой,—
И не убили ничего.

Все сокола их разлетелись,
И утомил бесплодный путь,
Все сокола их разлетелись,—
Настало время отдохнуть.

Поблизости был древний замок,
Там, где кончался темный лес;
Поблизости был древний замок,
А в нем прекрасная Иньес.

Ее увидел рыцарь Рико,—
И все на свете позабыл;
Ее увидел рыцарь Рико,—
И деву страстно полюбил.

Наутро, замок покидая,
Еще при блеске ранних рос,
Наутро, замок покидая,
Коварно деву он увез.

— Не об отце ль, Иньес, ты плачешь?
Забудь: не встанет больше он.
О брате ли, Иньес, ты плачешь?
Моим мечом он поражен.

[1] На охоту, шли на охоту королевские охотники *(исп.)*.

— Не плачу я, сеньор любезный,
Но мне наряд мешает мой,
Мне дайте нож, сеньор любезный:
Я длинный шлейф обрежу свой.

Тогда учтиво рыцарь Рико
Кинжал толедский подает,
Тогда учтиво рыцарь Рико,
Полет коня замедлив, ждет.

Лицо Иньес к нему склоняет,
Чтоб взор ее он видеть мог,
И в грудь ему Иньес вонзает
В Толедо кованный клинок.

1915

Франция XV — XVI вв.

БАЛЛАДА
О ЖЕНЩИНАХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН

Скажите, где, в стране ль теней,
Дочь Рима, Флора, перл бесценный?
Архиппа где? Таида с ней,
Сестра-подруга незабвенной?
Где Эхо, чей ответ мгновенный
Живил, когда-то, тихий брег,
С ее красою несравненной?
Увы, где прошлогодний снег!

Где Элоиза, всех мудрей,
Та, за кого был дерзновенный
Пьер Абеляр лишен страстей
И сам ушел в приют священный?
Где та царица, кем, надменной,
Был Буридан, под злобный смех,
В мешке опущен в холод пенный?
Увы, где прошлогодний снег!

Где Бланка, лилии белей,
Чей всех пленял напев сиренный?
Алиса? Биче? Берта? — чей
Призыв был крепче клятвы ленной?
Где Жанна, что познала, пленной,
Костер и смерть за славный грех?
Где все, Владычица вселенной?
Увы, где прошлогодний снег!

Посылка

О, государь! с тоской смиренной
Недель и лет мы встретим бег;
Припев пребудет неизменный:
Увы, где прошлогодний снег!

<1913>

ПЕСНЯ ИЗ ТЕМНИЦЫ

Загорелся луч денницы,
И опять запели птицы
За окном моей темницы,
Свет раскрыл мои ресницы.
Снова скорбью без границы,
Словно бредом огневицы,
Дух измученный томится,
На простор мечта стремится.

Птицы! птицы! вы — на воле!
Вы своей довольны долей,
Целый мир вам — ваше поле!
Не понять вам нашей боли!
День и ночь — не все равно ли,
Если жизнь идет в неволе!
Спойте ж мне,— вы на свободе,—
Песню о моем народе!

Солнце, солнце! ты — прекрасно!
Ты над миром ходишь властно
В тучах и в лазури ясной.
Я ж все вижу безучастно,
Я безгласно, я всечасно
Все томлюсь тоской напрасной —
Вновь увидеть край желанный!
Озари те, солнце, страны!

Ветер, ветер! ты, ретивый,
На конях взвиваешь гривы,
Ты в полях волнуешь нивы,
В море крутишь волн извивы!
Много вас! вы все счастливы!
Ветры! если бы могли вы
Пронести хотя бы мимо
Песнь страны моей родимой!

Светит снова луч денницы.
За окном щебечут птицы.
Высоко окно темницы.
Слезы виснут на ресницы.
Нет тоске моей границы.
Словно бредом огневицы,
Дух измученный томится,
На простор мечта стремится.

1913

ВИЛАНЕЛЬ

Все это было сон мгновенный,
Я вновь на свете одинок,
Я вновь томлюсь, как в узах пленный.

Мне снился облик незабвенный,
Румянец милых, нежных щек...
Все это было сон мгновенный!

Вновь жизнь шумит, как неизменный
Меж камней скачущий поток,
Я вновь томлюсь, как в узах пленный.

Звучал нам с неба зов блаженный,
Надежды расцветал цветок...
Все это было сон мгновенный!

Швырнул мне камень драгоценный
Водоворот и вновь увлек...
Я вновь томлюсь, как в узах пленный.

Прими, Царица, мой смиренный
Привет, в оправе стройных строк.
Все это было сон мгновенный,

Я вновь томлюсь, как в узах пленный.

26 декабря 1910

СОНЕТ В ДУХЕ ПЕТРАРКИ

Вчера лесной я проезжал дорогой,
И было грустно мне в молчаньи бора,
Но вдруг, в одежде скромной и убогой,
Как странника, увидел я Амора.

Мне показалось, что прошел он много
И много ведал скорби и позора;
Задумчивый, смотрел он без укора,
Но в то же время сумрачно и строго.

Меня, узнав, по имени окликнул
И мне сказал: «Пришел я издалека,—
Где сердца твоего уединенье.

Его несу на новое служенье!»
Я задрожал, а он, в мгновенье ока,
Исчез — так непонятно, как возникнул.

<1912>

СОНЕТ В ДУХЕ XIV в.

Тебе ль не жаль родимых побережий,
Где так в садах благоуханны розы!
Я здесь брожу, на сердце раны свежи,
И, как ручей, из глаз струятся слезы!

Не так с небес поток свергают грозы,
И осени дожди нежней и реже.
О, посмотри, все залито, и где же
Домой пройдут со склонов горных козы?

Ручей течёт; ручей из слез весь в пене;
Сломал цветы, и ветви гнет растений,
И смыть дома́, рассерженный, грозится.

Что делать мне? моя тоска безмерна,
Не внемлешь ты! одно мне — в честь неверной
В пучину слез упасть и утопиться!

⟨1914⟩

СМЕРТЬ РЫЦАРЯ ЛАНЦЕЛОТА

Баллада

За круглый стол однажды сел
Седой король Артур.
Певец о славе предков пел,
Но старца взор был хмур.

Из всех сидевших за столом,
Кто трону был оплот,
Прекрасней всех других лицом
Был рыцарь Ланцелот.

Король Артур, подняв бокал,
Сказал: «Пусть пьет со мной,
Кто на меня не умышлял,
Невинен предо мной!»

И пили все до дна, до дна,
Все пили в свой черед;
Не выпил хмельного вина
Лишь рыцарь Ланцелот.

Король Артур был стар и сед,
Но в гневе задрожал,
И вот поднялся сэр Мардред
И рыцарю сказал:

«Ты, Ланцелот, не захотел
Исполнить долг святой.
Когда ты честен или смел,
Иди на бой со мной!»

И встали все из-за стола,
Молчал король Артур;
Его брада была бела,
Но взор угрюм и хмур.

Оруженосцы подвели
Двух пламенных коней,
И все далеко отошли,
Чтоб бой кипел вольней.

Вот скачет яростный Мардред,
Его копье свистит,
Но Ланцелот, дитя побед,
Поймал его на щит.

Копье пускает Ланцелот,
Но, чарами храним,
Мардред склоняется, и вот
Оно летит над ним.

Хватают рыцари мечи
И рубятся сплеча.
Как искры от ночной свечи,—
Так искры от меча.

«Моргану помни и бледней!»—
Взывает так Мардред.
«Ни в чем не грешен перед ней!»—
Так Ланцелот в ответ.

Но тут Джиневру вспомнил он,
И взор застлался мглой,
И в то ж мгновенье, поражен,
Упал вниз головой.

Рыдали рыцари кругом,
Кто трона был оплот:
Прекрасней всех других лицом
Был рыцарь Ланцелот.

И лишь один из всех вокруг
Стоял угрюм и хмур:
Джиневры царственный супруг,
Седой король Артур.

<1913>

ПЛЯСКА СМЕРТИ

Немецкая гравюра XVI в.

Крестьянин

Эй, старик! чего у плуга
Ты стоишь, глядясь в мечты?
Принимай меня, как друга:
Землепашец я, как ты!
Мы, быть может, не допашем
Нивы в этот летний зной,
Но зато уже попляшем,—
Ай-люли! — вдвоем с тобой!
Дай мне руку! понемногу
Расходись! пускайся в пляс!
Жизнь — работал; час — в дорогу!
Прямо в ад! — ловите нас!

Любовник

Здравствуй, друг! Ты горд нарядом,
Шляпы ты загнул края.
Не пойти ль с тобой мне рядом?
Как и ты, любовник я!
Разве счастье только в ласке,
Только в том, чтоб обнимать?
Эй! доверься бодрой пляске,
Зачинай со мной плясать!
Как с возлюбленной на ложе,
Так в веселье плясовом,
Дух тебе захватит тоже,
И ты рухнешь в ад лицом!

Монахиня

В платье черное одета,
Богу ты посвящена...
Эй, не верь словам обета,
Сочинял их сатана!
Я ведь тоже в черной рясе:
Ты — черница, я — чернец.
Что ж! поди, в удалом плясе,
Ты со Смертью под венец!
Звон? то к свадьбе зазвонили!
Дай обнять тебя, душа!
В такт завертимся,— к могиле
Приготовленной спеша!

Младенец

Милый мальчик, в люльке малой!
Сердце тронул ты мое!
Мать куда-то запропала?
Я присяду за нее.
Не скажу тебе я сказки,
Той, что шепчет мать, любя.
Я тебя наставлю пляске,
Укачаю я тебя!
Укачаю, закачаю
И от жизни упасу:
Взяв в объятья, прямо к раю
В легкой пляске понесу!

Король

За столом, под балдахином,
Ты пируешь, мой король.
Как пред ленным господином,
Преклониться мне позволь!
Я на тоненькой свирели
Зовы к пляске пропою.
У тебя глаза сомлели?
Ты узнал родню свою?
Встань, король! по тронной зале
Завертись, податель благ!
Ну,— вот мы и доплясали:
С трона в гроб — один лишь шаг!

1909. 1910

DAS WEIB UND DER TOD[1]

Две свечи горят бесстыдно,
Озаряя глубь стекла,
И тебе самой завидно,
Как ты в зеркале бела!
Ты надела ожерелья,
Брови углем подвела,—
Ты кого на новоселье
Нынче в полночь позвала?
Что ж! глядись в стекло бесстыдно!
Но тебе еще не видно,
Кто кивает из стекла!

Припасла ты два бокала,
Пива жбан и груш пяток;
На кровати одеяла
Отвернула уголок.
Поводя широкой ляжкой,
Ты на дверь косишь зрачок...
Эх, тебе, должно быть, тяжко
До полночи выждать срок!
Так бы вся и заплясала,
Повторяя: «Мало! Мало!
Ну еще, еще, дружок!»

У тебя — как вишни губы,
Косы — цвета черных смол.
Чьи же там белеют зубы,
Чей же череп бел и гол?
Кто, незваный, вместо друга,
Близко, близко подошел?
Закричишь ты от испуга,
Опрокинешь стул и стол...
Но, целуя прямо в губы,
Гость тебя повалит грубо
И подымет твой подол.

12 — 13 ноября 1909

---

[1] Женщина и смерть *(нем.)*.

НАДПИСИ НА ВОРОТАХ

1

Кто поздно иль рано придет к сим воротам,
Пусть говорит учтиво и другом станет нам.
Молчание не трудно, и в нем позора нет,
А болтовня пустая приносит часто вред.

2

Путник! в этом городе можешь дни провесть.
Путник! в этом городе можешь выбрать гроб.
Всех, живущих в городе, можно знать и счесть.
Всех, умерших в городе, знает только бог.

3

В этом замке живет рыцарь сильный.
Если хочешь его дружбы,— поклонись.
Если хочешь с ним побиться,— постучись.
Всего лучше ж, молча иди мимо.

1913

Франция XVII—XVIII вв.

ПОСЛАНИЕ МАЛЕРБУ

XVII в.

Мой дорогой Малерб! Ты долго ль будешь горе
Скрывать в глуши лесов,
Оплакивая ту, что с кротостью во взоре
Прияла смерти зов?

Не сам ли посылал ты, осушая слезы,
В стихах живой урок:
«Ей, розе, дан был срок, какой цветут все розы:
Лишь утра краткий срок!»

Ужель, когда теперь сошла под сень гробницы
Любимая тобой,
Ты видишь только скорбь, без края и границы,
Повсюду пред собой?

Ты б предпочел ужель, чтоб, по твоим моленьям,
Она всю жизнь прошла,
И, в косах с сединой, к грядущим поколеньям
Старухой подошла?

Ты думаешь: она, в обители небесной,
Была б тогда милей?
Тогда б не так страдал и лик ее прелестный
От гробовых червей?

Нет, нет, мой друг Малерб! как только руки Парки
Срезают нашу нить,
Отходит возраст наш: под сумрачные арки
Не может он сходить!

Тифон, что одряхлел и мал стал, как цикада,
И юный Архемор
Сравнялись возрастом пред властелином Ада,
Смежив навеки взор.

Пусть сладостно пролить сердечные страданья
Чрез акведуки глаз,
Ты тень люби, как тень, но угаси мечтанья
О пепле, что угас.

Ввек неутешным быть, кропить слезами вежды,
Томиться в тишине,—
Не значит ли забыть, что нам даны надежды
Любви в иной стране?

Приам, который зрел, как сыновей любимых
Разит в бою Ахилл,
И для страны своей ждал бед неотвратимых,—
Дух твердый сохранил.

Франциск, когда Мадрид, бессильный в правом бое,
Дофину яд послал,—
Был твердым, как Алкид, и за коварство вдвое
Стыд на врага упал.

Да! без пощады Смерть в Аид низводит души,
Напрасно к ней взывать;
Жестокая, она, заткнув упрямо уши,
Не хочет нам внимать.

И к бедняку в шалаш, под крышу из соломы,
Она властна взойти,
И стража, что хранит вход в луврские хоромы,
Ей не запрет пути.

Роптать на власть ее, терять пред ней терпенье,—
Тоске плохой исход.
Покорно принимать все божия решенья —
Лишь это мир дает!

<1910>

ЛЕТНИЙ БАЛ

XVIII в.

Я вас благословляю, рощи,
Где под завесой из ветвей
Мне было легче, было проще
Шептать о радости своей!
Я помню, как в тиши беседки,
Где бала шум звучал едва,
Вдруг сделались, как стрелы, метки
Мои любовные слова.
И как, едва луны пугливой
Лик потонул меж облаков,
Она покорно и стыдливо
Прикрыла блеск своих зрачков.
Недолгий сумрак, запах лилий,
И сырость мраморной скамьи —
В тот сладкий час благословили
Все, все желания мои!
Мне не забыть, как плющ зеленый
Моих коснулся жарких щек,
Как наши сладостные стоны
Помчал по листьям ветерок.
Мне не забыть, как нежно, рядом,
Назад мы шли меж темных лип,
Не смея обменяться взглядом,
Стыдясь шагов нарушить скрип.
Вернувшись к музыке и танцам,
Туда, где реяли огни,
Зачем у нас горит румянцем
Лицо,— мы ведали одни.
И, вновь кружась в веселье бала,
Легка, как призрак, как мечта,
Одна она лишь понимала,
О чем твердит мне темнота!

26 декабря 1910

ПРОГУЛКА

Как вдруг нежданно стали гулки
Шаги среди больших стволов!
И в первый раз, во всей прогулке,
Смолк смех и говор голосов.
И вы, Алина, с робкой дрожью,
Ко мне прижались в полумгле,
И — как, не знаю,— но к подножью
Сосны мы сели на земле.
Ваш детский страх, ваш страх наивный
Я успокаивал, шутя...
А вечер, пламенный и дивный,
Гас, иглы сосен золотя.
Не потому ль, когда догнали
Друзей мы у лесной реки,
Заката отблеском сверкали
У вас два пятнышка щеки?

1911

РУЧЕЙ

Ручей, играющий в долине,
Ты к нам бежишь издалека;
Ты родился на той вершине,
Где льды в покое спят века.

И над тобой орлы кричали,
Когда ты, неприметно мал,
Сбегал, журча, к зеленой дали
По граням обнаженных скал.

Природа в утреннем тумане
Была невинна и тиха,
Когда внимал ты на поляне
Беспечным песням пастуха.

И, огибая замок древний,
Под сенью ивовых ветвей,
Ты слышал, как звучат в деревне
Живые оклики детей.

Теперь, катясь волной кристальной
Средь тучных, плодоносных нив,
Ты поишь люд многострадальный,
О горных высях позабыв;

И ниже, повертев колеса
Шумливой мельницы, опять
Спокойной речкой вдоль откоса
Пойдешь пристанища искать.

А вечером на берег темный
Две тени юные придут,
Чтоб близ тебя найти укромный
Для непритворных клятв приют.

И в миг, когда они с улыбкой
Склонятся к легкой дрожи струй,—
Ты отразишь, картиной зыбкой,
Их первый, чистый поцелуй.

16 августа 1913

ПОДРАЖАНИЯ НАРОДНЫМ ПЕСНЯМ

1

Дай мне вечер, дай мне отдых,
Солнце, к богу уходя.
Тяжкий труд мой долог, долог,
Вечеров нет для меня.
А — а — а — а — а — а — а!

Черный Змей на камне в море
Мелет белую муку:
Хлеб для тех господ суровых,
Что влекут меня к труду.
У — у — у — у — у — у — у!

Солнце в лодочке вечерней
Поздно едет на покой,
Поутру нам рано светит,
Челн покинув золотой.
О — о — о — о — о — о — о!

Что сегодня поздно встало?
Где гостил твой ясный лик?
— Там, за синими горами,
Грея пасынков моих.
И — и — и — и — и — и — и!

2

Листья бледные кружатся,
С ветром осени шуршат.
Тихо, тихо речка льется
И о зимнем грезит сне.

Дети Дуба, дочки Липы
Завели с рекой игру:
Дубы желуди бросают,
Липы — легкие венки.

Наряжайтесь, дети Дуба,
В блеклый липовый венок;
Надевайте бусы, Липы,
Из дубовых желудей!

Ах, увяли листья Липы
На пустынном берегу;
Дуба желуди застынут
Подо льдом, на дне реки.

3

Щука синяя, зеленая,
Приходи играть со мной!
У тебя вода глубокая,
У меня дубовый челн.

Брошу в море сети частые,
Белый парус подыму.
Челн несется в даль блестящую,
Белый парус ветром полн.

Челн несется в даль блестящую,
К дальней Северной стране.
Ах, прекрасна дева Севера,
На нее взглянуть плыву.

— К нам приехал ты напрасно,
За тебя я не пойду:
Дома лучше по́ грязи ходить,
Чем по гатям на чужбине.

<1913>

ИНЬЕС

В духе французских поэтов начала XIX века

Вам знакома ли Иньес,
Та, чьи косы — цвета смоли,
А глаза — лазурь небес?
Вам знакома ли Иньес,
Та царица своеволий,
Каждый взгляд которой — бес?

Поднимая кастаньеты,
Выгибает стан она,
Шалью шелковой одетый;
Поднимает кастаньеты,—
И толпа уже пьяна:
Все — безумцы, все — поэты!

Веер черный приоткрыв,
Чуть она им губы тронет,—
Toros весь — один порыв!
Веер черный приоткрыв,
Чуть она лицо наклонит,—
Каждый ею только жив!

Говорила вся Гренада,
Будто в двери крался к ней
Как-то ночью наш эспада;
Говорила вся Гренада,
Будто с ним она — нежней,
Чем с мужчиной быть ей надо.

Только это, верно,— ложь!
Как Иньес быть благосклонной
К одному? — Другие что ж?
Если б то была не ложь,
Каждый был бы — оскорбленный,
А у каждого есть — нож!

1913

ПЕСНИ В ДУХЕ Г. ГЕЙНЕ

1

Тихо плещут воды Рейна,
Лижут сглаженный утес.
На моей груди лилейной
Ворох спутанных волос.

Странник, ты, что правишь лодкой!
Задержись на полчаса.
Хочешь видеть, как красотка
Гребнем чешет волоса?

Я когда-то здесь бродила
С милым другом над рекой;
Я страдала, я любила,
Но теперь в душе покой.

Если хочешь быть свободным,
Подплывай скорей ко мне:
Во дворце моем подводном
Мы с тобой уснем на дне!

2

Луна была скрыта за тучей,
Мы сидели с тобою в саду,
И о счастии ветер летучий
Тебе шептал, как в бреду.

И о счастии ты мне шептала,
Наклоняясь к моим губам.
А липа цветы роняла
С вышины на колени нам.

И казалось, что будет сыпать
Свой дождь она вечный срок.
Отчего же сегодня липа
Роняет цветы на песок?

<1912>

В ДУХЕ ЭЙХЕНДОРФА

Я стою на опушке леса;
Луна прогнала облака.
Надо мной — голубая завеса,
Внизу — как лента, река.

Ударяет колокол мерно —
Далеких зов деревень.
Показала голову серна
И скрылась тотчас же в тень.

Не дрогнут листом ни единым
Деревья, преданы сну,
И бог идет по вершинам,
Озирая свою страну.

<1912>

ДРУЗЬЯ

Народность в русской поэзии

Вышел Леший, сел на пень,
Чует запах деревень,
Палку новую кремнем обтесывает,
Порой бороду почесывает,
Сидит, морщится,
Уши у него топорщатся,
Видит: узенькой тропой
Идет в гости Домовой.

«Здравствуй, дед! давно не бывал!
А я стар стал, жить устал:
Нет бывалого простора!
Вырубили половину бора.
Куда ни пойдешь, везде мужик.
Инда я гулять отвык!»
Домовой присел меж кочек,
Будто съежился в комочек.
Говорит: «Да, старина,
Пришли худы времена!
Мужики в меня не верят,
То есть как бы вовсе херят.
Не дают мне молока,
Замыкают в два замка
На конюшне лошадей.
Впору помирать,— ей-ей!»
Леший бороду почесывает,
Палку сумрачно обтесывает,
Кремень щёлк да щёлк.
Домовой примолк.
Пень обтянут повиликой,
Пахнет свежей земляникой,
Сосны дюже велики.
Слышен сиплый крик с реки.
Вопрошает Домовой:
«То не дед ли Водяной?»

1912

ЧЕРТ И ВЕДЬМА

Народность в русской поэзии

Ну, затеял перебранку
Косолапый лысый черт!
Голос — точно бьют в жестянку,
Морда — хуже песьих морд.

Да и ведьма тож не про́мах:
Черт ей слово, баба — два.
Лапы гнутся, как в изломах,
Точно дыня голова.

Дьявол за косы; так что же!
Изловчилась, и сама
Кулаком его по роже.
И пошла тут кутерьма!

Ругань, крики, визги, на-кось!
Сбилось туш до десяти.
Ну, такая вышла пакость,
Хоть оглобли вороти.

Всё смешалось в перепалке,
Раскачался наш котел.
Тут нечистый к этой свалке,
Помело взяв, подошел.

Крикнул, гикнул, дунул, плюнул,
Разом всех остепенил.
Этот хвост меж ног засунул,
Этот губу прикусил.

Сели, смотрят. А хозяин
Лишь рогами покачал,
Да проклятый черт, умаян,
Поясницу зачесал.

13 ноября 1913

ПОХИЩЕНИЕ БЕРТЫ

Шел пир небывалый за круглым столом,
Блистали в шелках паладины,
И кравчие в кубки огромным ковшом
Цедили шипящие вина.
Был красен от выпитых кубков Наим;
Гемон, улыбаясь, дремал перед ним;
Атласный камзол Оливьера
Был яркими пятнами весь обагрен;
И только один неподкупный Милон
Хранил все величие пэра.

Вдруг, в страхе, весь бледный, вбегает гонец:
«Случилось великое худо!
Послала меня в Ингельгеймский дворец
С такими словами Ротруда:
Пока, позабыв про воинственный стан,
Вы заняты пиром, проник великан
Неведомый в нашу обитель,
Разграбил капеллу, монахов убил,
Кресты поломал у священных могил,
И дочь мою, Берту, похитил!»

Услышав известие, Карл задрожал,
Он встал с золоченого трона,
Звеня, покатился упавший бокал,
Упав, застучала корона.
«О, горе нам! — так он воскликнул, дрожа,—
Мне Берта дороже, чем жизнь и душа,
Не жить без нее мне, поверьте!
Вы, рыцари! тотчас берите мечи!
Наим, мой любимец! вставай и скачи
На помощь к беспомощной Берте!»

Наим, в колебаньи, угрюмо встает,
Лицо его слишком румяно.
«Ну, да,— говорит,— если б знать наперед,
Где должно искать великана!
Есть много ущелий, леса велики,
Нельзя же идти по теченью реки,
Подумать нам должно сначала,
Где дерзкого вора возможно словить.
Когда же отыщем, не трудно сразить:
Я в жизни побил их немало!»

«Но ты, Оливьер,—тогда Карл говорит,—
Наверно, ты медлить не будешь!
Хватайся за меч, надевай верный щит,
Ты внучку обратно добудешь!
Награду любую проси у меня!
Ты будешь любимцем моим с того дня,
Тебя я над всеми поставлю,
Я имя твое в назиданье другим,—
Того, кто был Карлом Великим любим,—
По целому миру прославлю!»

«Конечно, недолго,— в ответ Оливьер,—
Дать хищнику суд и расправу!
На нем покажу я злодеям пример,
А, кстати, добуду и славу.
Спокоен будь, Карл! будешь ты отомщен!» —
Сказал Оливьер, и направился он
В покой, подле залы соседней:
Пред подвигом должен он был отдохнуть,
Прилег, и собрался направиться в путь
Наутро лишь, после обедни.

«А ты,— Карл взывает,— мой верный Тюрпин,
Снесешь ли обиду такую?
Ты — церкви служитель и ревностный сын,
Вступись же за веру святую!
Тебе ли терпеть разрушенье капелл,
Тебе ли снести, что неверный посмел
Служителей храма коснуться!
Сам бог поведет по дороге прямой
Тебя к гордецу. С великана главой
Ты должен обратно вернуться!»

Тюрпин отвечает: «Я знаю свой долг,
Сумею и честь уберечь я,
Но все ж великан не кабан и не волк,
В нем все же душа человечья.
И прежде, чем в яростный бой полететь,
Мне должно хоть сутки одни поговеть
И богу грехи исповедать.
Беда — нераскаянным встать под копье:
Сгублю тем навек я спасенье свое,
А боя исход как изведать?»

В отчаяньи Карл взором пэров обвел,
Опять говорит — Ганелону:
«Ты мудр, как судья, все науки прошел,
Подпорой ты был всегда трону,
Ужель не поможешь сегодня ты мне?
Ужель не поскачешь на быстром коне
Вдогонку за наглым злодеем?
Нам Берту верни, что́ милее цветка,
И щедро откроется наша рука,—
Друзей награждать мы умеем!»

В ответ Ганелон: «Что за польза сгубить
Цвет рыцарства в тщетной погоне?
В таком предприятьи поможет не прыть,
Не копья и борзые кони.
Но должно обдумать, где скрылся злодей;
Составить отряды из ратных людей;
Потом у проклятой пещеры,
Костры распалив, гнать усиленно дым,
И сам, как медведь, тогда выйдет он к ним...
Вот будут разумные меры!»

И Карл уронил безнадежно главу...
Выходит тогда граф Агландский.
«Я стар,— говорит,— много лет я живу,
Но помню обет христианский:
Наш первый обет — жизнь за веру отдать,
Второй наш обет — за сеньора стоять;
Я ныне исполню их оба!
Подайте мне меч, подведите коня,—
Иль с Бертой увидите скоро меня,
Иль лягу в объятия гроба!»

Еще говорил неподкупный Милон,
Еще не докончил он речи,
Как клики со всех загремели сторон
И отзвук помчался далече,
Раскрылася дверь, и, лучом осиян,
Предстал сын Милона, отважный Ролан,
В доспехе и бранной кольчуге.
Главу великана держал он в руках,
И Берту за ним на скрещенных мечах
Несли восхищенные слуги.

И Карл возгласил: «Будь прославлен, герой!
Проси чего хочешь в награду!
А ты, моя Берта! садись здесь со мной,
И деда улыбкой обрадуй!»
И все восклицали Ролану: «Добро!»
И только шепнул Ганелон: «Не хитро
Добиться любого успеха,
Когда в состязаньи соперника нет!
Легко в наши дни изумить целый свет!»
И весь он затрясся от смеха.

6 марта 1912

ПРОРИЦАНИЕ

Блистает шелковый камзол,
Сверкает сбруи позолота,
С гостями Князь летит чрез дол
Веселой тешиться охотой.
Все — в ярком шелке, в кружевах;
Гербы — на пышных чепраках;
Вдали,— готовы на услуги,
Несутся ловчие и слуги.

Синеет недалекий бор,
И громким кликам вторит эхо.
Шумней беспечный разговор,
Порывистей раскаты смеха.
Уже, сквозь сумрачную сень,
Мелькнул испуганный олень.
Все об удаче скорой мыслят,
Заранее добычу числят.

Но вот седой старик с клюкой
Стоит у старого колодца.
И Князь, с поднятой головой,
Замедлил поступь иноходца.
То был — известный всей стране,
За святость жизни чтим вдвойне,
Отшельник, сумрачный гадатель,
Судеб грядущих прорицатель.

«Скажи, старик!— так Князь к нему,—
Сегодня встречу ль я удачу?
Я сколько ланей подыму,
И даром сколько стрел потрачу?
Скажи: от скольких метких ран
Падет затравленный кабан?
И если счет твой будет точен,
Ты мной доволен будешь очень».

Подняв тяжелую клюку
И кудри разметав седые,
Старик в ответ: «Что я реку,
То и исполнят всеблагие!
Узнай: еще до темноты
Все стрелы с лука спустишь ты,
И, прежде чем налягут тени,
Ты всех своих сразишь оленей!

Но слушай,— продолжал старик,—
И вещий глас волхва исполни.
Я нынче видел твой двойник,
В лесу, под гром и в блеске молний.
Испытывать страшися Рок,
Вернись назад, пока есть срок.
Твой замок пышен и уютен,
Там веселись, под звуки лютен!»

Смиряет Князь невольный гнев,
Дает коню лихому шпоры,
Кричит, надменно поглядев:
«На предсказанья все вы скоры!
Но нынче ль, завтра ль, все равно —
Всем пасть однажды суждено,
Так лучше пасть в бою веселом!»
И поскакал зеленым долом.

Сверкают звезды с вышины,
Давно окончена потеха.
Опять луга оглашены
Далеко — буйным гулом смеха.
С гостями едет Князь назад,
Их лица от вина горят,
И, дедовский блюдя обычай,
Кренятся слуги под добычей.

И вновь старик с своей клюкой
Стоит у старого колодца.
И Князь с усмешкой роковой
Вновь замедляет иноходца:
«Ну что ж, старик! Прошел и день,
Настала тьма, упала тень,
А у меня в колчане целы
Еще не пущенные стрелы!»

И Князь глядит на старика...
Но вдруг, с неистовым порывом,
Взнеслась тяжелая клюка
И рухнула над горделивым.
И Князь с коня упал ничком,
Во прах, с рассеченным челом,
Чуть вскрикнул, чуть повел руками...
И труп лежит перед гостями.

И гости в ужасе глядят,
И кони дыбятся в испуге...
Пред мертвым выстроились в ряд,
Сняв шапки, трепетные слуги.
Уже старик в руках других
И связан. Громкий смех затих,
И говор смолк. На тверди синей
Сонм звезд — как звезд на балдахине.

И слышен голос в тишине,—
Старик взывает к тайной силе:
«Исполнить то досталось мне,
Что вы, благие, не свершили.
Не может лгать язык волхва:
Вы подсказали мне слова,
Чтоб стало правдой прорицанье,
Я сам свершил предначертанье!»

5 марта 1912

Дополнение

ПЕСНЯ ГРЕНЛАНДЦЕВ

Высока гора Кунак на Юге,
Я вижу ее.

Высока гора Кунак на Юге,
Я смотрю на нее.

Яркий блеск над горой на Юге,
Я дивлюсь на него.

Солнце блестит на облаках на Юге,
Я любуюсь на блеск.

Смотри на цвета над горой на тучах,
Я смотрю на Юг.

Смотри, как черна гора под тучей,
Я поеду на Юг!

<1913>

ПЕСНЯ ДРЕВНЕГО НАРОДА

Тема Райдера Хаггарда

Лесная птица, влетевшая в сумрачный зал;
Рука ребенка, зажавшая острый кинжал,—
Ты облик Жизни узнал ли? узнал ли? — Узнал!

Красиво небо в уборах вечерней зари,
Но солнце тонет в крови, всё в крови, всё в крови.

Звезды сиянье в воде непрозрачной пруда,
Расцвет фиалок в равнине, где скачет орда,—
Ты облик Смерти узнал ли? узнал ли? — О, да!

Темнеет небо в уборах вечерней зари,
Но солнце тонет в крови, всё в крови, всё в крови!

Нельзя проснуться от сна этих дней без примет,
Порвать ли цепи, где звенья — ряд стертых монет,
Ты облик Тайны узнал ли? узнал ли? — иль нет?

Померкло небо в уборах вечерней зари,
И солнце скрылось в крови, всё в крови, всё в крови!

19 марта 1923

ПЕСНЯ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Маниту! Маниту! Маниту!
Ты благ, ты мудр, ты велик!
Маниту! Маниту!
Услышь мой крик!

В небесах, в облаках, я вижу,
То заря, то полдень, то тень.
В небесах, я вижу,
Ночь и день.

В лесах, в равнинах, я слышу,
Свист, пенье, рычанье, вов.
По долинам я слышу
Вой волков.

В битвах стучат — дело смелых! —
Томагавки, копья, щиты.
В битве смелых
Любишь ты.

Маниту! Маниту! Маниту!
Я храбр, но кругом враги.
Маниту! Маниту!
Помоги!

4 апреля 1923

АТЛАНТИДА

Провеял дух, идущий мимо.
Его лицо — неуловимо,
Его состав — что́ клубы дыма.

Я голос слышал,— словно струны.
Я голос слышал,— нежно-юный.
Так говорил мне призрак лунный:

«Нам в смерти жизнь — Судьба судила.
Наш мир — единая могила.
Но Вечность, Вечность — наша сила.

Меж гор, недвижно-неизменных,
Нас много скорбных, много пленных,
Но — нам витать во всех вселенных».

Провеял голос нежно-струнный.
Провеял мимо призрак лунный,
Гость Вечности, вовеки юный.

Встал облак жертвенного дыма,
И я восславил, что незримо,
Тебя, о дух, идущий мимо.

1913

ЦАРЬ О СЕБЕ САМОМ

Я был, как лев, рожденный в пустыне, около оаза Хибиса, в зарослях.
Я стоял на колеснице позлащенной, как статуя бога на подножии своем.
Десницей я метал стрелы мои, шуйцей я опрокидывал врагов.
Я был, как Аммон, в свой час, пред сонмом врагов, лик мой страшен был им.
В груди у них не было мужества метать стрелы, они не осмеливались поднять дротик.
Три тысячи колесниц разбили кобылицы мои, спицы колес валялись, как солома.

Воинов я низвергал в воду, как прыгают в Нил крокодилы.
Падали ниц враги один за другим, не смели взглянуть, кто их разит.
Они, устрашенные, говорили друг другу: «Не человек, сам Сутеху славный меж нами.
Побежав, поспешим укрыться от него! спрятавшись, переведем дух еще раз в жизни!»
Я воззвал к отцу моему Аммону: «Отец, ты не забыл сына!
Храмы твои я наполнил пленными, тебе я воздвиг колонны, что простоят тысячу лет!
Для тебя я привез обелиски с Абу, за дарами тебе я посылал корабли в море.
Заповедей твоих я не преступал в жизни, славу твою я разнес по всему миру!»
Презренные побеждены были мною, враги мои были истреблены на земле.
Трупы лежали у ног моих, как сено, лучшие витязи врагов издыхали в крови своей.
Тогда около вечернего времени пришли военачальники мои, славословили имя мое тысячью похвал.
Но я, царь,— жизнь, здоровье, сила,—сказал им: «Вы видели, что совершил Аммон, отец мой.
Враги разбежались по пустыне, как тушканчики, я прошел сквозь их ряды, подобно носорогу.
Славьте Аммона, бога непобедимого: славьте сына его, фараона, одержавшего победу,— жизнь, здоровье, сила!»

1912

НАДПИСЬ

Наше войско двигалось мирно,
Оно вступило в области Гéруша.

Наше войско двигалось мирно,
Оно сломило могущество Гéруша.

Наше войско двигалось мирно,
Оно сокрушило вражии крепости.

Наше войско двигалось мирно,
Оно срезало сады и виноградники.

Наше войско двигалось мирно,
Оно сожгло дома и хлеба в полях.

Наше войско двигалось мирно,
Оно истребило тысячи тысяч людей.

Наше войско двигалось мирно,
Оно увело тысячи тысяч в плен.

Наше войско двигалось мирно,
Да будет слава Царю во времена времен!

<1913>

ГИМН НИЛУ

Слава Нилу, в мир сошедшему,
Слава Нилу, жизнь дающему!

Свой исток во мраке кроющий,
Светом сумрак заменяешь ты,
Сады, нивы орошаешь ты!

Велишь — Нóпри бдить над зернами,
Велишь — Сéбеку над хлебом бдить,
Велишь — Фта над ремеслом радеть.

Рыб создатель! их от птиц хранишь.
Нив радетель! ты века творишь.
Храмов зодчий! ты — богов оплот.

Перст твой медлит,— всюду бедствие;
Дух твой дремлет,— меж богами страх;
Жизнь ты создал и живишь ее.

Когда воды Нила подымаются,
Все живое пище радуется,
Каждый зуб перетирает плод.

Для животных траву он выращивает,
Жертвы для богов готовит он,
Храмов фимиам — его творение.

Он свершает всех желания,
Сам вовек не истощается,
Доблесть Нила — бедных щит.

Мы из камня не творим его,
Не венчаем мы его венцом двойным,
Мы ему не платим подати.

Нет святилища единого его,
Неизвестно пребывание его,
Не раскрыто в таинствах письмен.

Ты царишь для Юга и для Севера,
Поглощаешь слезы всех очей,
Расточаешь щедро блага всем.

Слава Нилу, в мир сошедшему,
Слава Нилу, жизнь дающему!

<1913>

* * *

Тебе мы поклоняемся, Нил!
Все земли оживляешь ты илом,
Течешь к нам из неведомых стран,
Чтобы севы встали зеленью рано.

Тебе мы поклоняемся, Нил!
В твоей воде живут крокодилы,
Поишь священной влагой весь год,
Хранишь на во́лнах медленных лотос.

Ты нам даешь живительный хлеб,
Ты к нам приходишь в образе Зеба,
Ты к нам приходишь в образе Пта,
Ты к нам приходишь богом Аммоном.

<1913>

ГИМН АТОНУ

Прекрасен восход твой, о Атон живущий, владыка столетий!
Дивный, светлый, могучий,— любви твоей — меры нет,
лучи твои — радость.

Когда ты сияешь, сердца оживают, обе земли веселятся.
Бог священный, создавший себя, сотворивший все страны:
людей, стада и деревья!

Ты светишь — и живо все! ты мать и отец для всех, чьи
глаза сотворил ты!
Ты светишь — и видят все! все души ликуют о тебе,
о владыко!
Когда ты уходишь, за край земли на закате,— все лежат,
словно мертвые;
Пока ты не встанешь с края земли на восходе,—лица
скрыты, носы не дышат.

Ты луч посылаешь — простираются руки, величая дух
твой,

Ты в небе светишь — певцы и игральцы поют и трубят,
Ибо жизнь возродишь ты, красотой огнесветлой, искрой
жизни!

И все ликуют во дворце Хатбенбена и во всяком храме,
И все ликуют во дворце Иахетатона, прекрасном месте,
Ибо им ты доволен, тебе приносят там тучные жертвы.

Чист, кто угоден — тебе, о живущий,— в своих
праздничных хорах.
Все, что ты создал, радостно скачет пред твоим ликом,
Пред тобой веселится, Атон, горящий на небе каждый
день!

Слава Атону, кто создал небо, чтобы светить с него!
Слава Атону, кто озирает с неба все, что создал он!
Слава Атону, в ком тысячи жизней, даруемых нам!

24 января 1915

ЗАКЛИНАНИЕ

Хавват владычица!
Богиня, царица!
Се — я связываю,
Я — Мацлия.

<1915>

* * *

Я, сын царя, здесь сплю, Эшмунизар,
В гробнице сей, что сам воздвиг себе,
Мое заклятье — людям и царям:

Да не откроешь ты дверей ко мне.
Да не расхитишь ты богатств моих.
Да не встревожишь ты мой тихий прах.

Не то тебя отвергнет рафаим.
Не то твой прах вовек не ляжет в гроб.
Не то не будет у тебя детей.

Ты будешь продан мощному царю.
Ты утеряешь корень, как и плод.
Ты не познаешь от людей любви.

Зане здесь сплю я, царь Эшмунизар.
Был мой отец — Сидона царь, Табнит,
И мать моя — была Эмашторен,—

Служительница Ашпорен,
Богини, сила чья
Меня оборонит;

Прохожий, не тревожь гробницы
Сына царя, Эшмунизара!

<1915>

ПСАЛОМ ДАВИДА

Меж братьями я меньший был;
В дому отца был самый юный.
Овец я в поле выводил,
Перстам моим привычны были струны.

Кто б господу о мне сказал?
Он, сильный, сам о мне услышал!
Меня иноплеменник клял,
Но я с пращой ему навстречу вышел.

Семь братьев — все сильней меня,
Но бог не их призвал из кущи.
Предстал мне ангел в свете дня,
Святил меня елеем всемогущий.

Смеялся грозный Голиаф,
Глумился посредине стана.
Но, у него же меч отняв,
Я голову отсек у великана!

1912

* * *

Старик шел мимо башни;
Там девушка сидела,
Держа в руке цветок:
Подарок жениха.

Старик шел мимо башни;
Там женщина рыдала:
Лежал на ложе с ней
Ее младенец — мертв.

Старик шел мимо башни;
Там дряхлая старуха,
Держа в руке цветок,
Шептала: «Вновь весна!»

1913

КИТАЙСКИЕ СТИХИ

1

Твой ум — глубок, что море!
Твой дух — высок, что горы!

2

Пусть этот чайник ясный,
В час нежный, отразит
Лик женщины прекрасной
И алый цвет ланит.

3

Ты мне дороже, чем злато,
Чем добрый взгляд государя:
Будь любви моей рада,
Как кормщик, к брегу причаля.

4

Все дни — друг на друга похожи;
Так муравьи — одинаково серы.
Знай заветы — работать, чтить старших
и голос божий,
Завяжи узел — труда, почтенья, веры.

5

Глупец восклицает: «Ломок
Стебель памяти о заслугах!»
Мудрый говорит: «Буду скромен,
И меня прославят речи друга!»

16 декабря 1914
Варшава

ЯПОНСКИЕ ТАНКИ И УТА

1

Роса ложится, но солнце всходит,
И в росах тают все отраженья,
Но дни, и ночи, и годы проходят,—
В душе моей все те же любви мученья.

2

По́ небу тучи ходят, крутятся,
Потом исчезают.
На том же месте неподвижные горы.

Над жизнью дни проходят, крутятся,
Как небесные тучи.
В сердце на том же месте единое горе.

3

Не весенний снег
Убелил весь горный скат:
Это вишни цвет!
Ах, когда б моя любовь
Дожила и до плодов!

4

Как золотые
Дождя упадания,—
Слезы немые,—
Будут в печальной судьбе
Думы мои о тебе.

5

Цветики вишни,
Обрадуйте, падайте!
В городе лишний,
Ветром, как вы, я гоним
К волнам Икуто седым...

<1913—1915>

* * *

Под бананом, под бананом
Хорошо с тобой лежать вдвоем.
Словно в беге быстром, пьяном,
В поле уносимы мы слоном,—
Под бананом, под бананом
Жарким днем.

У тебя так смуглы груди,
Нежным медом пахнут волоса.
Слышат боги, но не слышат люди
Наши хриплые от счастья голоса.
У тебя так смуглы груди,
Как леса.

В быстром беге, в быстром беге
К милой цели мы спешим вдвоем,
Тонем в озере любовной неги,
Море сомы несказанной пьем.
В быстром беге, в быстром беге
Мы умрем.

1913

ПОДРАЖАНИЕ ТРУВЕРАМ

Нет, никогда не мог Амур в сем мире
Так сердце мучить, как меня она!
Я из-за той, кто всех прекрасней в мире,
Не знаю отдыха, не знаю сна.
Увы! не знает жалости она,
И мне укрыться некуда в сем мире,—
Затем, что всюду мне она видна!

Лети, о песня, и скажи прекрасной,
Что чрез нее покой утратил я!
Что сердцем я страдаю по прекрасной,
Затем, что зло покинут ею я!
Ах, заслужила ль то любовь моя!
Но если я умру, пускай прекрасной
Все песня скажет, правды не тая!

3 марта 1908

ПЕСНЬ ПРОКАЖЕННОГО

Сторонитесь!
Прокаженный идет,
Сторонитесь!

Проклят мой род,
Согрешил мой отец,
За грехи карает господь,
Где же мукам конец?
Сторонитесь!

Тело мое — что́ плесень,
Зловонен мой рот,
Ноги покрыты корой,
Десны съела болезнь,
Крючья — пальцы мои,
Где лежу я — там гной.
Сойди с пути:
Прокаженный идет!

Сторонитесь,
Прохожие, женщины, левиты, купцы!
Расходитесь
Во все концы.
Невеста с молодым женихом,
Юноша, что поет на псалтире,
Мальчик с своим кубарем,
Вы все, что веселы в мире,—
Сторонитесь,
Разбегитесь:
Прокаженный идет!

Дайте дорогу мне,
Шире дорогу мне!
Я в голые горы уйду,
Туда, где нет ни цветов, ни травы.
Я глухую пещеру найду,
Где есть глоток воды.
Мытари, сторонитесь меня!
Цари, страшитесь меня!
Пророки, берегитесь меня!
Я иду, в колокольчик звеня:
Прокаженный идет,
Сторонитесь.

Я иду, хохоча
Ртом без губ.
Я иду, крича:
Я страшней, чем труп!
Страшно карает господь,
Берегитесь!
Трепещи пред господом всякая плоть,
Страшитесь!
Кто, сильный, может меня побороть,
И кто устоит против меня?

Иду, звеня:
Сторонитесь,
Прокаженный идет,
Сторонитесь.

10 марта 1912

ИСПАНСКАЯ ПЕСЕНКА

В темном поле, в темном поле
Бродит Альма без дороги;
В темном поле, в темном поле
Видит вход в шалаш убогий.

Альма входит, Альма входит,
Видит — бедно там и тесно.
Альма входит, Альма входит,
Видит — рыцарь неизвестный.

Говорит: «Я заблудилась,
В стужу ноги онемели!»
Говорит: «Я заблудилась,
Ах, довериться тебе ли!»

Рыцарь ей в ответ: «Сеньора,
Знаю, вам я неизвестен,
Но, клянусь крестом, сеньора,
Благороден я и честен.

Вот вам ложа половина,
Я свой меч кладу меж нами.
Вот вам ложа половина!
Не коснусь я вас устами».

Ночь проходит, ночь проходит,
Свет дневной румяно льется.
Альма в поле вновь выходит,
И смеется, и смеется.

Рыцарь спрашивает Альму
С грустью пламенного взора,
Рыцарь спрашивает Альму:
«Что смеетесь вы, сеньора?»

«Я смеюсь тому, мой рыцарь,
Что здесь было ночью темной,
Что могли всю ночь, мой рыцарь,
Вы со мной лежать так скромно!»

1920

СОНЕТ В МАНЕРЕ ПЕТРАРКИ

Как всякий, кто Любви застенок ведал,
Где Страсть пытает, ласковый палач,—
Освобожден, я дух бесстрастью предал,
И смех стал чуждым мне, безвестным — плач.

Но в лабиринте тусклых снов, как Дéдал,
Предстала ты, тоски волшебный врач,
Взманила к крыльям... Я ответа нé дал,
Отвыкший верить Гению удач.

И вновь влача по миру цепь бессилья,
Вновь одинок, как скорбный Филоктет,
Я грустно помню радужные крылья

И страсти новой за тобой просвет.
Мне горько жаль, что, с юношеским жаром,
Я не взлетел, чтоб в море пасть Икаром.

10 марта 1912

* * *

Артуру ехать в далекий путь!
Вот громко тру́бят трубы!
Джиневру целует он нежно в грудь,
Целует и в лоб и в губы!
«Прощай, Джиневра, моя жена.
Не долог разлуки год!»
Она — в слезах, в слезах она,
Смотрит смеясь Ланцелот!

Вот едет Артур через ясный луг,
И слышны близко трубы,
Но страстно Джиневра и милый друг,
Целуясь, сблизили губы.
«Тебе служил я, любил тебя
И ждал за годом год.
Теперь блаженство узнаю я!»
Смотрит смеясь Ланцелот.

Артуру ехать в обратный путь,
Поют в его славу трубы!
Он девушек в замках целует в грудь,
Целует и в алые губы.
С Артуром нежно вдвоем жена:
«Я верен тебе был весь год!»
«А мужу я была верна!»
Смотрит смеясь Ланцелот.

<1916>

ПРИМЕЧАНИЯ

© Издательство «Художественная литература», 1973 г.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БВ — газета «Биржевые ведомости».
ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (Москва).
Грж. экз.— разрозненный оригинал и верстка неосуществленного Собрания сочинений в десяти томах, изд-во Гржебина, 1918—1919 (*ГБЛ*).
ДК — подготовленная Брюсовым для выпуска в составе собрания сочинений рукопись сборника «Девятая Камена» (*ИРЛИ*).
ЗТ — Валерий Брюсов. Зеркало теней. Стихи 1909—1912 гг. М., Кн-во «Скорпион», 1912.
Избр. 1915 — Валерий Брюсов. Избранные стихи (1897—1915). М., изд. «Универсальная библиотека», 1915.
Избр. пр. I—III — Валерий Брюсов. Избранные произведения:
т. I. Стихотворения 1894—1904 гг. М.—Л., ГИЗ, 1926;
т. II. Стихотворения 1905—1912 гг. М.—Л., ГИЗ, 1926;
т. III. Стихотворения 1913—1924 гг., М.—Л., ГИЗ, 1927.
Избр. соч. I—II—В. Брюсов. Избранные сочинения в двух томах:
т. I. Стихотворения. Поэмы. М., Гослитиздат, 1955.
т. II. Переводы, статьи. М., Гослитиздат, 1955.
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).
Круг. — Валерий Брюсов, Кругозор. Избранные стихи. М., ГИЗ, 1922.
Неизд. 1928 — Валерий Брюсов. Неизданные стихи (1914—1924). М.—Л., ГИЗ, 1928.
Неизд. 1935 — Валерий Брюсов. Неизданные стихотворения. М., ГИХЛ, 1935.
Опыты — Валерий Брюсов, Опыты. М., кн-во «Геликон», 1918.
ПМ — Валерий Брюсов. Последние мечты. Лирика 1917—1919 гг. М., изд. «Творчество», 1920.
РВ — газета «Русские ведомости».
РМ — журнал «Русская мысль».
«Сирин» — альманах «Сирин», сборники I—III. СПб., 1913—1914 гг.
СЦР — Валерий Брюсов. Семь цветов радуги. Стихи 1912—1915 гг. М., Изд. К. Ф. Некрасова, 1916.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
Acad.— Валерий Брюсов. Избранные стихотворения. М.—Л., Academia, 1933.

ЗЕРКАЛО ТЕНЕЙ

Над сборником «Зеркало теней» Брюсов начал работать в 1911 г. Судя по рукописным вариантам титулов, он первоначально предполагал объединить в книге стихотворения 1909—1911 гг., но затем несколько расширил ее, введя стихотворения начала 1912 г.

Этот сборник, по мысли автора, являл собой новый этап в его творчестве (см. предисловие к III т. сб. «Пути и перепутья» в т. 1 наст. изд., с. 637). В эти годы основную задачу поэзии Брюсов видел в приближении ее к реальной жизни. В рецензии на новое издание «Стихов о Прекрасной Даме» А. Блока и на новый сборник его стихов «Ночные часы» Брюсов сочувственно отмечал, что «действительность, реальность, вошла в поэзию А. Блока, подчинила ее себе. Мистические предчувствия сменились чувствами земными...». Завершая рецензию, Брюсов не только о Блоке, но в значительной степени и о самом себе писал: «Может быть, иные читатели пожалеют о прежнем Блоке, поэте ожиданий, видений, таинственного сумрака. Но вряд ли А. Блок мог идти вперед по пути своей ранней поэзии. Искусство — всегда *воплощение*; даже все неопределенное, не сказанное, оно должно сказать и определить в образах. Обратившись к жизни, к явлениям реальным, А. Блок нашел новые силы для своей поэзии, и возможно, что в будущем этими новыми средствами ему удастся полнее и точнее передать все то, что в его ранних стихах брезжит, как бледная заря» (*РМ*, 1912, № 1, с. 32). Мысль о новом качестве своего сборника Брюсов стремился подчеркнуть, подбирая эпиграфы к нему. Автографические наброски титула содержат три эпиграфа (первые два автором зачеркнуты): «...и по дороге пыльной‖ Мне не идти назад! — *Вл. Соловьев*» (из стихотворения «Лишь только тень живых, мелькнувши, исчезает...»), «По торжищам влача тяжелый крест поэта.— *Я. Полонский*» (стало эпиграфом к разделу «По торжищам» в этом сборнике) и «Naviget! haec summa est!—*Vergilius*» (Пусть он плывет! В этом все.— *Вергилий*) (стало эпиграфом к *СДР*). *ЗТ* вышло без эпиграфа.

О своем сборнике Брюсов писал К. И. Чуковскому 28 ноября 1911 г.: «Печатаю новый сборник *новых* стихов, которыми очень доволен. Считаю, что это будет моя лучшая книга стихов» (К. И. Чуковский. Из воспоминаний. М., 1959, с. 458).

Сборник вышел из печати в конце марта 1912 г. в издательстве «Скорпион» тиражом 2100 экземпляров. Встречен был сборник едино-

душным одобрением. 19 марта 1912 г. Блок записал в дневнике: «Книга новых стихов от Брюсова (отозвались прежней сладостью и болью)» (А. Блок. Собр. соч., т. 7. М.—Л., 1963, с. 134). На следующий день Блок написал стихотворение «Валерию Брюсову (При получении «Зеркала теней»)».

Сергей Городецкий в рецензии на сборник писал: «Универсализм поэзии Брюсова был одним из самых главных ее недостатков в ту пору, когда каждый поэт уединялся в свою келью, чтобы вдвоем с своей темой творить новый поэтический мир... Да, он устоял и дождался победы. Его стих был менее музыкален, чем у Бальмонта, менее лиричен, чем у Блока, менее глубок, чем у Вяч. Иванова, но он был прост, когда ничей стих не был прост, он был умерен, когда все кругом было стихийно, он был холоден и спокоен, когда кругом горячились. И вот, как дар за эту рыцарскую верность своим заветам, поэзия над стихом его совершила чудо: «Зеркало теней» волнует, увлекает, очаровывает...

Наиболее трогательны в этой книге признания, чисто цеховые о своем «святом ремесле»... Можно не соглашаться со взглядом, слишком литературным, что вся жизнь проходит только как тема стихотворений, нужно спорить с этим теоретически, но нельзя остановиться перед чистой прелестью признаний этого странного рыцаря литературы...

Все привыкли к стройности брюсовских книг. Но «Зеркало теней» построено с какой-то особенно изящной силой. Четырнадцать его небольших отделов с названиями, взятыми из старинных и старых поэтов, присоединяются один к другому с художественной непринужденностью, подобной той, с которой природа растит сталактиты. И в каждом отделе есть страницы, над которыми останавливаешься с изумлением и благодарностью. В простоте, в художественной решительности, в прямоте подхода к миру вещей и миру чувств, Валерий Брюсов достигает небывалой высоты...» (газ. «Речь», СПб., 1912, 2 апреля, № 89).

Принципиальную новизну этого сборника по сравнению с предшествующими книгами Брюсова отмечали и другие критики. Александр Булдеев писал: «Зеркало теней» есть неожиданный поворот Брюсова в сторону жизни, и если точнее выразиться, то даже не поворот, а стремительное метание к жизни... Для полноты характеристики необходимо отметить, что в «З. Т.» миросозерцание Брюсова неожиданно открывается с моральной стороны. Как казалось нам прежде, поэт привык быть равнодушным ко всему, что имело отношение к этой области человеческих переживаний, он даже любил стоять по ту сторону морали... Но в «З. Т.» не только исчезло это равнодушие, но обнаружилось нечто другое. Интересно, что прежний ницшеанец заговорил простым человеческим языком — где прежде мы читали восхваление страстей, теперь звучит неудовлетворенность и тоска; торжествующий в прошлом грех сменился проснувшимся стыдом» («Жатва», журнал литературы, кн. 3. М., 1912).

См. также другие рецензии: А. Измайлов, По садам российской поэзии.— *БВ*, 1912, 21 августа № 13101; без подписи «Брюсов Валерий. Зеркало теней».— «Ежемесячные приложения к журналу «Нива», СПб., 1912, № 5; Олег Леонидов. В. Я. Брюсов. Зеркало теней.—Газ. «Голос Москвы», 1912, 8 апреля, № 82, приложение «Иллюстрированное обозрение»; А. Малеин. Валерий Брюсов. Зеркало теней.—Журн. «Гермес», СПб., 1912, № 7. О последней рецензии Брюсов писал ее автору 7 апреля 1912 г.: «Вы меня совсем

смущаете своими похвалами моим стихам. Как хороший ремесленник своего дела, я слишком знаю все недостатки своей книги. Со всей искренностью говорю Вам, что считаю новую книгу Вячеслава Иванова «Cor Ardens» II часть, безмерно выше моего «Зеркала» *(ИРЛИ)*.

Уже через год после выхода сборника в проспекте «Полного собрания сочинений и переводов» (изд. «Сирин», 1913) под томом 5 было обозначено: «Зеркало теней (2-е изд., значительно дополненное)». Среди рукописей Брюсова сохранилась обложка с надписью: «Зеркало теней». Стихи для второго изд.», но судить с полной достоверностью о том, какие именно стихи поэт предполагал дополнительно включить в книгу, невозможно, так как содержание этой папки не было зафиксировано ни Брюсовым, ни И. М. Брюсовой. По пометам И. М. Брюсовой на автографах некоторых стихотворений («Из папки: «Зеркало теней. Стихи для второго издания») можно предполагать, что поэт намеревался включить в книгу стихотворения: «Нет тебе на свете равных, стародавняя Москва...», «Он шел в полях и дни, и ночи...» и др. Подробнее см. примечания к стихотворениям, не вошедшим в сборники, в т. 3 наст. изд.

В 1919 г. Брюсов включил *ЗТ* в третий том собрания сочинений, готовившегося в изд. З. И. Гржебина. В этом издании сборнику должен был быть предпослан эпиграф: «Naviget! haec summa est! — *Verg.*». Рукопись сборника сохранилась далеко не полностью. Судя по оглавлению, в это издание должны были войти 69 стихотворений (вместо 89 первого издания), а в рукописи имеется только 48 (причем 10 из них — те, что вычеркнуты в оглавлении).

Некоторые стихотворения из *ЗТ* Брюсов перепечатывал в сборниках избранных произведений: *Избр. 1915* (9 стихотворений), *Круг.* (16 стихотворений), *Избр. пр.* (32 стихотворения). Изменения в тексте, произведенные автором в этих изданиях и *Грж. вкз.*, касаются преимущественно заглавий (стихотворения, не имевшие заглавий, их получили) и эпиграфов (были сняты почти все эпиграфы). Многие исправления можно объяснить изменением композиции книги. Так, например, стихотворение «Снова с тайной благодарностью...» в *Избр. 1915* и *Круг.* получило заглавие «На груди земной», то есть заглавие раздела, в котором оно помещено в *ЗТ*.

Если печатать стихотворения с исправлениями (по существу — незначительными), сделанными Брюсовым в *Грж. вкз.*, *Избр. 1915*, *Круг.*, *Избр. пр.*,— это привело бы к объединению внутри сборника разновременных редакций, вызвало бы неоправданное совпадение заглавий отдельных стихотворений и целых разделов и т. п. В наст. изд. все тексты печатаются по первому (и единственному) изданию сборника. Изменения текста в *Грж. вкз.*, *Избр. 1915*, *Круг.*, *Избр. пр.*, касающиеся снятия эпиграфов, изменения заглавий и т. п., как правило, не оговариваются. Указываются в примечаниях только случаи исправлений в тексте.

Большинство автографов стихотворений, вошедших в *ЗТ*, хранится в *ГБЛ*. При ссылках на эти рукописи в примечаниях место хранения не указывается.

НА ГРУДИ ЗЕМНОЙ

Эпиграф — из стихотворения А. Фета «Еще люблю, еще томлюсь...». Это четверостишие Брюсов процитировал в заключении речи на торжественном заседании, посвященном его пятидесятиле-

тию, в Российской Академии Художественных Наук («Валерий Брюсов. Сборник, посвященный 50-летию со дня рождения поэта». М., 1924, с. 57).

«Веселый зов весенней зелени...» (стр. 7) — *РМ*, 1911, № 12; с эпиграфом: «Покуда на груди земной || Хотя с трудом дышать я буду...— *А. Фет*». В *Избр. 1915* и *Круг.* датировано 1911; в *Избр. пр. II* — специальная оговорка: «Написано в 1910 году». Автограф не датирован. В наст. изд. принята первая дата.

На вечернем асфальте (стр. 9)— *РМ*, 1910, № 9. Рукопись без заглавия, со следующими вариантами начала четвертой строфы:

Слышу беззвучные стоны
Хохотов, воплей и слез...
Здесь, на вечернем асфальте,

Слышу я ропот великий
В мерном движеньи толпы.
Здесь, на вечернем асфальте.

«Снова, с тайной благодарностью...» (стр. 10) — *РМ*, 1911, № 12. Эпиграф — из стихотворения Ф. Тютчева «Весна» («Как ни гнетет рука судьбины...»).

«Идут года. Но с прежней страстью...» (стр. 11) — *ЗТ*. Эпиграф — первые строки стихотворного наброска А. Пушкина без заглавия; приведены Брюсовым в той редакции, в которой этот набросок печатался до революции. Приводим первую из рукописных редакций, датированную 2 ноября 1911 г.:

Идут года. Но с прежней страстью,
Как мальчик, я дышать готов —
Любви божественною властью
И властью сумрачной стихов,
Как прежде, смело верю счастью
И правде переменных снов!

Прекрасно жить в прекрасном мире
Среди цветов, и звезд, и вод,—
Где каждый день над нами — шире,
Где мысль — раскинуть небосвод,
Мечтать, кто там, на Алтаире,
Подобно мне, дивясь, живет.

Прекрасно с властью вечной воли
Смотреть в твои глаза, Судьба!
Есть радость в беспощадной доле
Бичом казнимого раба,
Хочу я слез и долгой боли,
Люблю безмолвные гроба!

И я бросаюсь, веры полный,
Тая восторженную дрожь,
В глухую ночь, в седые волны.

Не бойся, друг! Пусть гибнут челны:
Ты счастье Цезаря везешь!

Ты счастье Цезаря везешь! — Однажды Юлий Цезарь во время гражданской войны переправлялся через море на маленьком судне. Испугавшись бури, кормчий хотел повернуть назад. «Уяснив это, Цезарь выступил вперед и, взяв пораженного кормчего за руку, сказал: «Вперед, любезный, смелей, не бойся ничего: ты везешь Цезаря и его счастье» (П л у т а р х, Сравнительные жизнеописания, т. II. М., 1963, с. 474).

ОБЪЯТИЯ СНОВ

Эпиграф — из стихотворения Ф. Тютчева «Как океан объемлет шар земной...».

С о н (стр. 12) — *РМ*, 1910, № 3; в составе цикла «Ночные стихи», в который вошли: «Сон», «Бессонница», «Кошмар». Первый черновой набросок стихотворения имеет помету Брюсова: «Переделать. 1909». Следующий черновой набросок создавался, видимо, в в октябре 1909 г., так как на обороте автографа находится вариант первой строки стихотворения «К. Д. Бальмонту» (см. с. 83 и 414 наст. тома). Окончательный текст датирован 7 января 1910 г. и сначала был озаглавлен «Олень св. Губерта».

К о ш м а р (стр. 13) — *РМ*, 1910, № 3. Обе черновые рукописи не датированы. Однако по характеру автографов стихотворение можно датировать одним временем со стихотворениями «Сон» и «Бессонница», то есть январем 1910 г.

Б е с с о н н и ц а (стр. 14) — *РМ*, 1910, № 3. Первый черновой набросок нескольких строф имеет дату «8 декабря 909», черновая рукопись всего стихотворения — «8 декабря — 10 января 1910». В наст. изд. принята дата «10 января 1910 года», как отражающая окончание работы над стихотворением.

Р а д о с т н ы й м и г (стр. 15) — *ЗТ*. Эпиграф — из стихотворения А. Фета «Долго снились мне вопли рыданий твоих...». В одной рукописи стихотворение озаглавлено «Сквозь сон», в другой — «Любовники».

НЕИЗЪЯСНИМЫ НАСЛАЖДЕНЬЯ

Эпиграф — из «Пира во время чумы» А. Пушкина.

Д е м о н с а м о у б и й с т в а (стр. 16) — «Северные цветы на 1911 год», М., 1911. Эпиграф — из стихотворения Ф. Тютчева «Близнецы». В рецензии на *ЗТ* А. Измайлов писал: «И в новом томе Брюсов страшно типичен для современности. Он поет «демона самоубийства» и соблазнительную тайну смерти, и это подсказали ему не газеты, а собственная душа, может быть, не раз заглядывавшая в этот омут» (*БВ*, 1912, 21 августа, № 13101). Под «газетами» рецензент разумеет широко дебатировавшийся в те годы в русской прессе вопрос о самоубийствах, об их росте, причинах и т. д. (см., например: С. Н о в о с е л ь с к и й, Статистика самоубийств. СПб., 1910; Г. Г о р д о н Современные самоубийства.—*РМ*, 1912, № 5).

Н а п л я ж е (стр. 17) — газ. «Речь», СПб., 1910, 25 декабря, № 354. В *Избр. 1915* и *Круг.* датировано 1909 г., в *Избр. пр. II* — 1911—1912. В наст. изд. датируется по первой публикации.

О ф е л и я (стр. 18) — *РМ*, 1911, № 12. Эпиграф — первая строфа стихотворения без заглавия А. Фета.

С о б л а з н и т е л ю (стр. 19) — журн. «Весы», М., 1909, № 10—11. *Де Куинси* Томас (1785—1859) — английский писатель, автор книги «Confessions of an English opium-eater» («Исповедь англичанина-опиомана»), из которой и взят эпиграф.

L e P a r a d i s a r t i f i c i e l (стр. 21) — *ЗТ*. Заглавие стихотворения повторяет название книги Ш. Бодлера (1821—1867), из которой и взят эпиграф.

В п у с т ы н я х (стр. 22) — *ЗТ*. Некоторые образы, возможно, навеяны стихотворением немецкого поэта Рихарда Демеля (1863—1920) «Демон желаний» (сб. «Знание», кн. 24, СПб., 1908).

ПОД МЕРТВОЙ ЛУНОЮ

Эпиграф — из стихотворения К. Бальмонта «Осень» («На кладбище старом, пустынном, где я схоронил все надежды...»).

В м о е й с т р а н е (стр. 25) — «Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859—1909», СПб. (1909); без восьмой строфы. Брюсов писал 13 ноября 1909 г. об этом стихотворении С. А. Венгерову: «Оно озаглавлено — «В моей стране», но под этим не надо разуметь Россию: я имел в виду «страну моей души», «страну моей поэзии» или что-либо подобное. Иной, «свободной» пиесы у меня сейчас нет. Я не знаю, когда должен выйти сборник «Литературного фонда». Если еще не скоро, через несколько месяцев я лучше доставлю Вам взамен другое стихотворение, а это напечатаю в последней, декабрьской книжке «Весов» («Литературный архив», т. 1. М.—Л., 1938, с. 335—336).

З е р н о (стр. 26) — газ. «Речь», СПб., 1909, 25 декабря, № 354 (приложение). В рукописи первоначально был эпиграф из Евангелия: «Не оживет, аще не умрет» (И о а н н, 12, 24).

«Ц в е т о к з а с о х ш и й, д у ш а м о я!..» (стр. 27) — журн. «Аполлон», СПб., 1911, № 4; в составе цикла «Три песни о смерти»: 1. «Цветок засохший, душа моя!..», 2. «Тяжела, бесцветна и пуста...», 3. «Мечты любимые, заветные мечты...». Датируется по первой публикации.

«Т я ж е л а, б е с ц в е т н а и п у с т а...» (стр. 27) — журн. «Аполлон», СПб., 1911, № 4, без третьей строфы. Положено на музыку Н. Метнером. Датируется по первой публикации.

«М е ч т ы л ю б и м ы е, з а в е т н ы е м е ч т ы...» (стр. 28)— журн. «Аполлон», СПб., 1911, № 4. Датируется по *Грж. вкз.*

РОДНЫЕ СТЕПИ

Эпиграф — из стихотворения Е. Баратынского «Стансы» («Судьбой наложенные цепи...»).

П о м е ж е (стр. 30) — *РМ*, 1910, № 9.

«В п о л я х з а б ы т ы е у с а д ь б ы...» (стр. 31) — *ЗТ*. Рукопись стихотворения датирована 1910—1911. После третьей строфы в ней вычеркнуто:

Но мир забытый тих и странен
Но парк безмолвен, осужден...
Лишь с бурей бредит, как больной,
Да осенью шумит с тревогой.

«Большой дорогой, шоссе открытым...» (стр. 31) — *ЗТ*.

«На сухой осине серая ворона...» (стр. 32) — *ЗТ*.

Летняя гроза (стр. 32) — «Московская газета», М. 1911, 1 сентября, № 97.

«И снова давние картины...» (стр. 33) — *ЗТ*. В рукописях озаглавлено «Путь», «Дома». В *Круг.* и *Избр. пр. II* заглавие «В поле»; строка 14 — «Нив лучевидных кругозор...».

На лесной дороге (стр. 34) — газ. «Новая земля», М., 1910, декабрь, № 15. В *Избр. пр. II* последняя строфа отсутствует. В рукописи первоначально озаглавлено «В лесу».

СТРАСТИ СНЫ

Эпиграф — из стихотворения Брюсова «Первые встречи». Этот раздел в *Избр. пр. II* включает четыре стихотворения: «И снова я, простерши руки...», «Прощаю все,— и то, что ты лгала мне...», «После ночи...», «Близ моря»; весь раздел «Посв. Н. П.», то есть Н. Петровской (см. с. 415—416 наст. тома).

«И снова я, простерши руки...» (стр. 35) — *РМ*, 1911, № 12. Эпиграф — первая строфа стихотворения М. Лермонтова без заглавия.

Набросок первых двух строф:

И снова я, простерши руки,
Стремглав бросаюсь в глубину,
Чтоб испытать восторг и муки,
Дробя ревущую волну.

Влеки меня, поток кипящий,
Крути и бей о ребра скал,
Дай мне борьбы животворящей:
Я по отчаянью взалкал!

«Ты — мой демон, ты — эринния...» (стр. 36) — *ЗТ*. В черновой рукописи набросок двух последних строф:

От всегдашнего сопутствия
Нет спасительных путей,—
Но единый миг сочувствия
Был бы мне еще страшней.

Что ж! Венчай меня, развенчивай,
Убивай и воскрешай,
Только облик свой изменчивый
Увидать дай!

Эриннии — богини мщения (*греч. миф.*).

«Да, можно любить, ненавидя...» (стр. 37) — *ЗТ*. Эпиграф — первые слова стихотворения римского поэта Гая Валерия Катулла: «Odi et amo, quare id faciam, fortasse requiris...» («Ненавижу и люблю, почему я так делаю, ты, может быть, спросишь...»). *Итака* — родина гомеровского героя Одиссея. *Калипсо*.— См. т. 1 наст. изд., с. 648.

«О п я т ь б е з ж а л о с т н ы е р у к и...» (стр. 38) — *ЗТ*. В беловой рукописи стихотворение озаглавлено «Месть». *Горе побежденным!..*— См. прим. на с. 453 наст. тома.

«К а к п т и ц ы о ч к о в о й з м е е й о ч а р о в а н ы...» (стр. 39) — *ЗТ*. В черновой рукописи зачеркнут набросок четвертой строфы:

Со смехом, как прежде, свободы объятия,
Упав на душистые травы, сплести,
Чтоб птицы и мошки, вся летняя братия
Нам пели приветы

Там же иная редакция шестой строфы и еще одна, не вошедшая в окончательный текст строфа:

Но воля трепещет, как птица бескрылая,
И залиты руки тяжелым свинцом.
Ты рядом, ты никнешь, любимая, милая,
Нам жить, и страдать, и погибнуть вдвоем.

О если б Могучий, быть может, Непрошеный
Нам подал бы завтра спасительный знак.
Мы снова двое и двое мы брошены,
Нас тайно чарует властительный Мак.

«П р о щ а ю в с е, — и т о, ч т о т ы л г а л а м н е...» (стр. 39) — *ЗТ*. В рукописи — заглавие «К ней же», то есть к Н. Петровской, и последняя строфа:

Еще за то, что сладостное имя
Твое — звучит как говор струн ночных,
За то, что как божественное вымя
Питает память о тебе — мой стих!

СЛОВА ТОСКУЮЩЕЙ ЛЮБВИ

Эпиграф — из «Евгения Онегина» (гл. 3, строфа XIV). В *Грж. экз.* было вписано, а затем вычеркнуто посвящение: «Посв. Н. Л.», то есть Н. Львовой (см. с. 415 наст. тома).

«Л ю б о в ь в е д е т н а с к о д н о м у...» (стр. 41) — *ЗТ*. Эпиграф — из «Божественной комедии» Данте («Ад», песнь пятая, ст. 106). Этот же эпиграф — в книге Н. Львовой «Старая сказка» (М., 1913). *...привел он с трона на костер прекрасную Дидону.*— Карфагенская царица Дидона закололась, когда ее покинул Эней (В е р г и л и й, Энеида). *...удавленница Федра...*— жена Тесея (Тезея), преступная любовь к своему пасынку Ипполиту привела ее к самоубийству (Е в р и п и д, Ипполит). *Франческа* — Франческа да Римини (Д а н т е, Божественная комедия, «Ад», песнь пятая).

Л ь д и н к а (стр. 42) — *ЗТ*.

Ю ж н ы й К р е с т (стр. 43) — *ЗТ*. В рукописи последняя строфа первоначально читалась:

Но Южный Крест еще горит в тумане,—
Меня хранит от всех очарований
Последняя, прощальная любовь!

Предчувствие (стр. 43) — *ЗТ*.

На заре (стр. 44) — журн. «Женское дело», М., 1911, 15 декабря, № 24; без заглавия. Датируется по первой публикации, так как и черновая и беловая рукописи не датированы.

Покорность (стр. 44) — *ЗТ*. В рукописи две последние строфы:

Хочу: твоих висков закрытых
И темных легших кругом кос
Касаясь взглядами,— забытых
Напевов вспоминать хаос...

Но буду мудр. Не надо спора.
И жизнь мою, дитя-палач,
То к облакам, то в сумрак бора
Бросай, бросай, как пестрый мяч!

В *Грж. экз.*— еще одна, предпоследняя строфа:

Хочу... Но пусть, что будет,— будет!
Душа, смирись! Душа, молчи!
Судьба играет; кто-то судит;
Взлетая, падают мячи.

Милый сон (стр. 45) — *ЗТ*. Эпиграф — из стихотворения Ф. Тютчева «Последняя любовь». В *Грж. экз.*— снят эпиграф и зачеркнуты три последние строфы.

ЖИЗНИ МГНОВЕНИЯ

Эпиграф — первые строки стихотворения Ф. Тютчева без заглавия.

Вечеровая песня (стр. 47) — журн. «Новая жизнь», СПб., 1911, ноябрь, № 12. Датируется по первой публикации. *Я тебе посвятил умиленные песни, || Вечерний час!*—циклы стихотворений «Вечеровые песни» в сборниках «Stephanos» и «Все напевы».

Ночное одиночество (стр. 48) — *ЗТ*.

На берегу (стр. 48) — *ЗТ*. В рукописи стихотворение озаглавлено «Омонимина 1». В «*Опытах*» напечатано как пример омонимических рифм, то есть рифм, составленных из одинаковых слов, имеющих разное значение.

Случайная стрела (стр. 49) — *ЗТ*. В рукописи помета: «Все напевы. Eros, amicate machan». Возможно, Брюсов предполагал включить стихотворение в этот раздел книги «Все напевы».

Утром (стр. 49) — журн. «Новое слово», СПб., 1910, июль, № 7. Датируется по первой публикации. Отсылая в «Новое слово» это стихотворение, Брюсов писал 18 мая 1910 г. А. Измайлову: «Очень охотно был бы Вашему журналу полезен, но не знаю, насколько мне это доступно. Я писатель не для больших кругов, и как-то всегда так случается, что во всем, что я ни напишу, есть подробности, для «большой» публики неприемлемые. Должно быть, во мне это нечто органическое. Я уже перестал с этим и бороться. Пока посылаю Вам одно стихотворение, которое с большим трудом выбрал из числа лежащих у меня в портфеле» (*ИРЛИ*).

В наемной комнате (стр. 50)— *ЗТ*. Датируется по первой публикации.

В ресторане (стр. 51) — *ЗТ*. В черновой рукописи первоначально было озаглавлено «Знакомый вальс».

После ночи... (стр. 52) — *ЗТ*. Дата 1904 — проставлена на беловой рукописи стихотворения; в наст. изд. она принята, хотя и вызывает некоторые сомнения.

ПО ТОРЖИЩАМ

Эпиграф — первая строка стихотворения без заглавия Я. Полонского.

Романс (стр. 53) — журн. «Женское дело», М., 1910, 10 октября, № 35-36. Датируется по первой публикации.

Портрет (стр. 54) — *ЗТ*. В *Грж. экз.* вписано, а затем вычеркнуто посвящение: «A m-lle Lydie».

На горячем песке (стр. 54) — «Новый журнал для всех», СПб., 1910, март, № 17.

Дождь в городе (стр. 55) — *ЗТ*. Датируется по первой публикации.

Прощание (стр. 55) — журн. «Gaudeamus», СПб., 1911, 7 апреля, № 11; с датой 1896. Беловая рукопись озаглавлена «Видения», перед стихотворением поставлено «I», но продолжения рукописи нет, нет и даты. Дата, поставленная в первопечатном тексте, вызывает сомнения, потому что в тетрадях Брюсова за этот год данного стихотворения нет. Датируется по первой публикации.

У колонны (стр. 56)—*ЗТ*. В черновой рукописи первоначально было озаглавлено «Сон», затем — «Мать». В черновой редакции стихотворение написано от первого лица («Я тихо подошел...» и т. д.).

Улица (стр. 57) — *ЗТ*. Датируется по первой публикации.

В пгорном доме (стр. 57) — *ЗТ*. Датируется по первой публикации. *Как Цезарь жителям Алезии...*— Во время войны с галлами Юлий Цезарь осадил город Алезию и обнес его двумя стенами: одна закрыла выход из города, а другая защитила римские войска от подошедшего к городу галльского подкрепления. Город не выдержал осады и пал. *Великий Спрут.*— Ср. образ города-спрута в стихотворении Верхарна «Город» и сборнике «Города-спруты».

В церкви (стр. 58) — *ЗТ*. *...языческие Нике...*— Нике (*греч. миф.*) — богиня победы, изображалась в виде крылатой девы.

МИЛОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Эпиграф — из стихотворения В. Жуковского «Мотылек и цветы».

Близ моря (стр. 60) — *РМ*, 1911, № 12; без заглавия. Рукопись в записной книжке Брюсова 1911 г. озаглавлена «В уединении». *Majorenhof* (Майоренгоф) — дачное место под Ригой (ныне — Майори).

Фирвальштеттское озеро (стр. 61) — *ЗТ*. Эпиграф — из стихотворения К. Бальмонта «Голубая роза», *Фирваль-*

штеттское (точнее — Фирвальдштетское) *озеро* — в Швейцарии; на берегу его расположен Люцерн (Lüzern), где Брюсов был в 1909 г.

М ю л ь б а х (стр. 61) — *ЗТ*. *Мюльбах* — водопад близ местечка Бриенц (Brienz), неподалеку от Люцерна.

Н а л е д н и к е (стр. 62) — *ЗТ*.

В и т а л ь я н с к о м х р а м е (стр. 63) — *ЗТ*, с датой 1911. В наст. изд. принята дата беловой рукописи. В Италии Брюсов был дважды. Первый раз в 1902 г., второй — в июле 1909 г. В путевых заметках «На «Святом Лазаре» он писал о второй поездке: «...меня увлек античный мир. В Риме и в Неаполе я неизменно обращался к остаткам классической древности: долгие часы всматривался я в мраморные портреты императоров, стараясь угадать душу этих восторжествовавших над временем лиц; на римском Форуме и в подземельях Палатинских дворцов я явно ощущал веянье давно исчезнувшей жизни; на Аппиевой дороге сам чувствовал себя римским гражданином, как если бы не было двух тысячелетий, отделявших меня от эпохи Цицерона... По улицам Геркулана и Помпеи мы ... ходили совсем одинокими. Это придавало странную жизненность мертвым городам» (В а л е р и й Б р ю с о в. За моим окном. М., 1913, с. 33).

Н а м о г и л е И в а н а К о н е в с к о г о (стр. 63) — *РМ*, 1911, № 12. О Коневском — см. т. 1 наст. изд., с. 589. *Segewold* (ныне Сигулда) — город близ Риги, где похоронен И. Коневской. О посещении Брюсовым его могилы вспоминает Н. Петровская:

«Помню, в одну из наших совместных летних поездок В. Брюсов предложил мне поехать в «Ливонскую Швейцарию» (поблизости от Риги на берегу реки Аа) на могилу Коневского. Он не любил ни кладбищ, ни могил, и меня это желание удивило. В жаркий июльский день стояли мы на берегу Аа. Чуть заметные воронки крутились на сверкающей солнцем лазури воды.

— В одну из них втянуло Коневского,— сказал В. Брюсов,— вот в такой же июльский день... вот под этим же солнцем... Он был без бумаг, его схоронила деревня, как безвестного утопленника, и только через год отец случайно узнал, где могила сына...

Он стоял отвернувшись от меня и бросал камешки в воду, с необычайной четкостью попадая все время в одну точку. Это бросанье камешков я видела потом много раз,— оно выражало всегда у В. Брюсова скрытое волнение или глубокую печаль.

Потом мы пошли на кладбище. Ах, ничего не потерял Ив. Коневской, если деревня похоронила его в этом пышном зеленом раю, как безвестного утопленника. Зеленым, шумящим островом встало оно перед нами — низенький плетень, утопающий в травах,— ни калитки, ни засовов,— только подвижная рогатка загораживала вход — и то, верно, не от людей, а от коров... Совсем у плетня скромный черный крест за чугунной оградой — на плите венок из увядающих полевых цветов, а над могилой, сплетаясь пышными шапками, разрастаются дуб, клен и вяз.

В. Брюсов нагнулся, положил руку на венок, долго и ласково держал ее так и оторвал несколько травинок от венка. Я знаю, что он очень берег их потом.

Ив. Коневского он вспоминал не раз в горестные минуты жизни. Кроме него, у В. Брюсова настоящих друзей уже не было никогда» (Н. П е т р о в с к а я. Воспоминания.— *ЦГАЛИ*).

Эпиграф — из стихотворения К. Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...».

П о э т — М у з е (стр. 65) — газ. «Новая земля», М., 1912, январь, № 3-4. В примечаниях к *ЗТ* Брюсов отметил: «Автор считает долгом указать, что первый стих стихотворения «Поэт — Музе»... напоминает стих кн. П. А. Вяземского «Я пережил и многое и многих» (Брюсов цитирует первую строку стихотворения П. А. Вяземского «Я пережил»).

«Поэзия для меня *всё!* — писал Брюсов Н. Петровской 10 июня 1906 г.— Вся моя жизнь подчинена только служению ей; я живу, поскольку она во мне живет, и когда она погаснет во мне, умру. Во имя ее — я, не задумываясь, принесу в жертву всё: свое счастье, свою любовь, самого себя» (В а л е р и й Б р ю с о в. Стихотворения и поэмы. Л., 1961, с. 794).

Р о д н о й я з ы к (стр. 66) — *ЗТ*. Стихотворение написано в три приема. Сначала набросаны начерно первые строфы; затем стихотворение было написано полностью. В этой первой полной редакции строфы V—VIII читались:

Случалось,— в жажде святотатства,
С мечом врывался я во храм,
Хотел дробить твои богатства,
Хотел служить иным богам.

Но этот меч — тобой был кован,
Но этот храм твой — весь мой мир.
Вновь побежден, вновь очарован
Благословлял я твой кумир!

И все ж бороться не устану
Я, как Израиль с божеством.
Метнусь навстречу урагану
Как птица с трепетным крылом.

Пусть мощь твоя меня раздавит
И бросит в придорожный прах,—
Все ж хоть ничтожный след оставит
Моя борьба в твоих путях!

...как Израиль с божеством...— См. т. 1 наст. изд., с. 596.

О т в е т (стр. 67) — *БВ*, 1912, 29 января, № 12760. *...страшен свет дневной Дидоне...*— См. с. 405 наст. тома. *...должен ... Антоний пасть на меч.*— Древнеримский полководец Марк Антоний (82—30 до н. э.), супруг египетской царицы Клеопатры, покончил с собой после поражения, нанесенного ему войсками Октавиана Августа. *...стон Катулла «odi et amo» — повторен.*— Брюсов имеет в виду свое стихотворение «Да, можно любить, ненавидя...», которому предпосланы эпиграфом эти слова Катулла. *...балерин Дега-за...*— французский художник Эдгар Дега (Degas; 1834—1917), на многих полотнах которого изображены балерины.

П р е д ч у в с т в и е (стр. 68) — *ЗТ*. Среди рукописей — черновой набросок начала стихотворения:

В туманах полночи беззвездной
Найду ли верный путь, иль вдруг
Скольжу, в свой миг, над черной бездной?

Со мной опять мой жезл железный,
Со мной опять Любовь, мой друг
В туманах полночи беззвездной.

Ужель искал я бесполезно?
Ужель, пройдя и круг и луг,
Скольжу, в свой миг, над черной бездной?

Чу! на скале с своей любезной
Хохочет грозно горный дух,
В туманах полночи беззвездной

В *Грж. вкз.* вписан подзаголовок «Виланель» (см. с. 473 наст. тома). *Норны* — богини судьбы в германской мифологии.

ВЛАСТИТЕЛЬНЫЕ ТЕНИ

Эпиграф — из «Сонета» А. Фета («Когда от хмелю преступлений...»).

Египетский раб (стр. 69) — *РМ*, 1911, № 12; с подзаголовком «Сонет». В рукописи эпиграф: «Я, вождь земных царей и царь Ассаргадон. *TV*» (из стихотворения Брюсова «Ассаргадон»). В одном из экземпляров сборника *ЗТ*, находящемся в кабинете Брюсова, этот сонет переделан поэтом из шестистопного ямба в пятистопный:

Я раб царя. С восхода до заката,
Среди других, свершаю тяжкий труд,
И кус гнилой — единственная плата
За стон, за пот, за тысячи минут.

Когда мечта отчаяньем объята,
Свистит жестокий над плечами кнут,
И каждый день товарища иль брата
Крюками к общей яме волокут.

Я раб царя, и жребий мой безвестен;
Как тень зари, исчезну без следа,
Меня с земли судьба сотрет как плесень;

Но след не минет скорбного труда,
И простоит близ озера Мерида
Века веков святая пирамида.

Озеро Мерида.— См. т. 1 наст. изд., с. 642.

Моисей (стр. 69)—«Гамаюн». Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Семиреченской области. СПб., 1911. Первый, черновой, набросок стихотворения был создан 27—

28 ноября 1910 г. Вскоре была закончена первая редакция. Брюсов предполагал поместить это стихотворение в *РМ*. 6 января 1911 г. он писал П. Б. Струве: «...если Вы хотите, чтобы в феврале были мои стихи, я могу дать стихотворение «Моисей», написанное недавно и, на мой взгляд, интересное» («Литературный архив», т. 5. М.—Л., 1960, с. 312). Однако первая редакция автора не удовлетворила, и спустя четыре дня он вновь писал П. Б. Струве: «Когда я перечитал те свои стихи о Моисее, которые хотел дать для февраля «Русской мысли», меня взяло сомнение, хороши ли они? не слишком ли риторичны? Не фразы ли это вместо поэзии?.. Против обыкновения, я что-то не могу в этом случае быть своим собственным критиком. Иногда мне кажется, что это достойный pendant к «Моисею» Альфреда де Виньи, а иногда, что это только подражание «Микель-Анджело» Мережковского» (т а м ж е, с. 317). Неудовлетворенный первой редакцией стихотворения, поэт вернулся к нему почти через год. К декабрю 1911 г. относится другая редакция, где из 17 строф совпадает с окончательным текстом 10 (1, 6, 9—11, 13—17). Последняя редакция Брюсовым не датирована, но, видимо, она относится тоже к декабрю 1911 г., так как текст ее полностью совпадает с текстом первой публикации.

Моисей — библейский пророк. Согласно легенде, он родился в Египте в те годы, когда по приказу фараона умерщвляли всех новорожденных мальчиков-израильтян. Чтобы спасти Моисея, мать подкинула его дочери фараона, «и он был у нее вместо сына». Моисей вырос во дворце фараона и стал египетским вельможей. Но как-то раз, вступившись за своего соплеменника, убил египтянина и вынужден был бежать. Сорок лет скитался он в пустыне, пас стада, и однажды ему было явлено чудо: из горевшего, но не сгоравшего куста (неопалимой купины) он услышал голос бога, повелевшего ему вывести народ израильский из египетского плена. Моисей отказывался, смущаясь своим косноязычием, но бог все же повелел ему отправиться в Египет, наделив чудотворной силой. Моисей возвратился в Египет и, убедив фараона в своем могуществе (Моисей наслал на Египет одну за другой «десять казней» — саранчу, град и т. п.), вынудил его отпустить израильтян. Путь указывал израильтянам сам бог: он шел перед ними днем в облике столпа облачного, а ночью — столпа огненного. После ухода израильтян из Египта фараон все же решил задержать их, и когда они приблизились к Красному морю, их стала настигать египетская конница. По мановению руки Моисея воды моря расступились, и израильтяне перешли по дну. Когда они достигли противоположного берега, по знаку Моисея воды снова сомкнулись и поглотили конницу фараона. Долго скитались евреи в пустыне, много раз восставали против Моисея, но бог помогал ему, насылая на сомневавшихся всяческие беды. Еще в начале странствований по пустыне, на горе Синай, бог вручил Моисею десять заповедей и дал основные законы. Разгневанный на израильтян, жаловавшихся на трудности походной жизни, бог судил им сорок лет скитаться в пустыне, прежде чем они достигнут земли обетованной. Моисею бог судил довести израильтян только до границ земли обетованной: когда через сорок лет они достигли Ханаана, Моисей поднялся на гору *Нево*, откуда видна была земля обетованная, и там, в одиночестве, умер. *...ваятель рогами поднял над челом...* — Имеется в виду статуя Моисея работы Микеланджело. Рога — знак святости Моисея. Когда он после разговора с богом вернулся с Синая, его сородичи были поражены сиянием, исходив-

шим от его лица, и им представилось, что на его челе они видят как бы рога.

Клитемнестра (стр. 71) — *РМ*, 1911, № 12; без второй строфы. В рукописи помета Брюсова: «Правда вечная кумиров», отсылающая к циклам под таким названием в сборниках «Stephanos» и «Все напевы». (Возможно, Брюсов предполагал включить стихотворение при переиздании в один из этих сборников.) *Клитемнестра*, сестра спартанской царицы *Елены* (по одному из вариантов мифа, они обе были дочерьми Зевса), жена аргосского царя Агамемнона (*Атрида*, т. е. сына Атрея) — предводителя греков в Троянской войне. В самом начале похода Агамемнон принес в жертву богам свою *дочь* Ифигению. За время отсутствия мужа Клитемнестра сблизилась с *Эгистом*, который по ее наущению убил Агамемнона в день его возвращения. Клитемнестра пыталась оправдаться в мужеубийстве местью за свою дочь Ифигению. *Эвмениды* (*греч. миф.*) — богини мщения. *Брашна* — яства, кушания.

Смерть Александра (стр. 73) — *ЗТ*. На черновой рукописи неустановленной рукой поставлена дата «1911?». Другой черновой набросок (первых десяти строк) — не датирован. На одном машинописном экземпляре зачеркнута надпись — «Любимцы веков», отсылающая к циклу с таким названием в сборнике «Tertia Vigilia», куда вошло стихотворение «Александр Великий» (1899), написанное тем же размером, что первые и последние строки «Смерти Александра». Возможно, что ко времени создания «Александра Великого» близок упомянутый черновой набросок первых строк стихотворения, чем и объясняется дата стихотворения 1900. 1911. *Александр Македонский* (см. т. 1 наст. изд., с. 591) внезапно умер в 323 г. до н. э. *Стикс* (*греч. миф.*) — река, окружавшая подземное царство, через которую Харон должен был перевозить души умерших, прежде чем они предстанут перед *Радамантом*, *Эаком* и *Миносом* — тремя судьями в подземном царстве. *Гавгамелы*. — См. т. 1 наст. изд., с. 591. *Милет* — древнегреческий город на побережье Малой Азии, захваченный и разоренный персами в 494 г. до н. э. Это было одной из причин начала греко-персидских войн. *Им друг на пире умерщвлен.*— В 328 г. до н. э. Александр, во хмелю, убил на пире своего друга и спасителя Клита. *Круша Афины, руша Фивы...*— Речь идет о подавлении Александром Македонским восстаний, вспыхивавших в различных греческих государствах против господства Македонии. *Селевк*, *Пердикка*, *Антигон*, *Антипатр*, *Птоломей* (точнее — Птолемей) — и другие полководцы Александра, так наз. «диадохи» (*греч.*— преемник, наследник), встали во главе царств, на которые распалась после смерти Александра Великая империя. См. также стихотворение «Диадохи» и прим. к нему (т. 3 наст. изд.), которое является как бы продолжением этого стихотворения.

Сулла (стр. 75) — *ЗТ*. В рукописи первоначально озаглавлено «Sulla Felix». Датируется по первой публикации. *Сулла* Луций Корнелий (138—78 до н. э.) — римский полководец и политический деятель. В 82—79 годах — диктатор, проводил жестокие репрессии по отношению к своим политическим противникам. В 79 г. до н. э. Сулла отказался от власти. О конце его правления рассказывает Плутарх: «...Сулла, выступив перед народом, стал перечислять свои деяния... и в заключение повелел именовать себя Счастливым — именно таков должен быть самый точный перевод слова Felix... И настолько вера Суллы в свое счастье превосходила веру его в

свое дело, что... он сложил с себя власть и предоставил народу распоряжаться консульскими выборами, а сам не принял в них участия, но присутствовал на форуме как частное лицо... Надгробный памятник Сулле стоит на Марсовом поле. Надпись для него, говорят, написана и составлена им самим. Смысл ее тот, что никто не сделал больше добра друзьям и зла врагам, чем Сулла» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т. II. М., 1963, с. 146, 149). *Утонченник седьмого века...*— То есть седьмого века от легендарной даты основания Рима (21 апреля 754 г. до н. э.). *...принявший Греции последний вздох...*— Сулла вел войну с понтийским царем Митридатом на территории Греции, принявшей сторону царя; когда осажденные им Афины запросили пощады, он, по преданию, сказал: «Щажу ваших живых ради ваших мертвых».

Крестная смерть (стр. 75) — *РМ*, 1911, № 12.

Фауст (стр. 76) — *ЗТ*.

ГРЯДУЩЕМУ ПРИВЕТ

Эпиграф — из стихотворения П. Вяземского «Берлин».

Александрийский столп (стр. 78) — журн. «Аполлон», СПб., 1909, октябрь, № 1. *Александрийский столп* — колонна на Дворцовой площади в Петербурге, сооруженная в 1834 г. по проекту архитектора А. Монферрана; увенчана фигурой ангела с крестом в руках (скульптор Б. Орловский). *...колонна Рима...*— Так называемая «колонна Трояна», античный памятник в Риме. *...древних сфинксов...*— два древнеегипетских сфинкса, установленные на набережной Невы.

К финскому народу (стр. 79) — *РМ*, 1910, № 10. В одном из черновых набросков стихотворение озаглавлено «Финский народ». В рукописи к 24 стиху И. М. Брюсовой сделана сноска: «В плотинах сжал буйственность рек. Испр. в корректуре II-го тома Избр. соч.». В *ЗТ* с примечанием: «Стихотворение «К финскому народу»... после своего первого появления в печати было переведено на шведский язык («Hufvudstats-bladet», 1910, № 288)». Сообщая 2 сентября 1910 г. П. Б. Струве о своем намерении поместить это стихотворение в октябрьской книге *РМ*, Брюсов писал: «Тема, как видите, соблазнительная, но обратите на них ‹стихи.— *А. К.*› внимание, нет ли каких препятствий печатать их с точки зрения «общественности» («Литературный архив», т. 5. М.—Л., 1960, с. 270). И в следующем письме: «...я надеюсь, что они понравятся читателям — это важно» (там же, с. 275). В рецензии на *ЗТ* С. Городецкий писал об этом стихотворении: «К финскому народу» Валерия Брюсова из таких, которые заучиваются наизусть. В нем Брюсов является выразителем народной совести русской, и, повторяя эти строфы, читатель озонирует атмосферу, в которой живет» (газ. «Речь», СПб., 1912, 2 апреля, № 89). Злободневность стихотворения Брюсова объяснялась тем, что 17 марта 1910 г. в Государственную думу был внесен правительственный законопроект, практически уничтожавший всякую самостоятельность Финляндии, завоеванную ею в 1905 г. Характеризуя этот законопроект, В. И. Ленин писал: «*Полное разрушение финляндской свободы* — вот что предпринимает самодержавие... Старый национализм самодержавия, давящего всех «инородцев», подкреплен теперь, во-первых, ненави-

стью всех контрреволюционных элементов к народу, сумевшему воспользоваться октябрьской кратковременной победой российского пролетариата для того, чтобы создать под боком у черносотенного царя одну из самых демократических конституций всего мира, создать свободные условия для организации рабочих масс Финляндии, неуклонно стоящих на стороне социал-демократии. Финляндия воспользовалась российской революцией, чтобы обеспечить себе несколько лет свободы и мирного развития. Контрреволюция в России спешит воспользоваться полным затишьем у «себя дома», чтобы возможно больше отнять из финляндских завоеваний» (В. И. Ленин. Поход на Финляндию.— Полн. собр. соч., т. 19, с. 218—219).

К моей стране (стр. 80) — *ЗТ*. В *Грж. экз.* — вписан, затем вычеркнут эпиграф: «Россия, Россия моя! — *Андрей Белый*» (из стихотворения «Отчаянье» — «Довольно: не жди, не надейся...»).

ДЛЯ ВСЕХ

Эпиграф — из стихотворения Е. Баратынского «В альбом» («Альбом походит на кладбище...»).

Памяти В. Ф. Комиссаржевской (стр. 82) — «Сборник памяти В. Ф. Комиссаржевской», СПб., 1911, под заглавием «Стихи к Мелизанде». В рукописи строки 3 и 4 первоначально читались:

Встретил в лесу тебя рыцарь суровый, чье грозное имя Голо,
Странницей грустной пленился нежданно и поднял тебя на седло.

Мелизанда и Голо — герои пьесы М. Метерлинка «Пелеас и Мелизанда»,— сюжет которой Брюсов использовал в стихотворении. Эту пьесу Брюсов перевел по просьбе В. Ф. Комиссаржевской для ее театра. «Перевод был исполнен ... в два-три дня, но с увлечением. К сожалению, поставлен он был Вс. Э. Мейерхольдом так, что хуже нельзя...»,— писал Брюсов Е. А. Ляцкому 23 октября 1907 г. (журн. «Новый мир», М., 1932, № 2, с. 193—194). Об этом спектакле, на премьеру которого (10 октября 1907 г.) Брюсов специально приезжал в Петербург, он отрицательно отозвался в своей рецензии (газ. «Голос Москвы», 1907, 13 октября). Перевод пьесы Метерлинка был первой работой, выполненной Брюсовым для Комиссаржевской. После этого Брюсов принимал участие и в других постановках театра. Подробнее — см. письма В. Ф. Комиссаржевской к Брюсову в кн. «Вера Феодоровна Комиссаржевская». М.—Л., 1964.

Этим стихотворением Брюсов отозвался на трагическую кончину актрисы (10 февраля 1910 г.) и читал его на вечере памяти В. Ф. Комиссаржевской, состоявшемся 19 февраля 1913 г. в Москве в Большом зале Благородного собрания (газ. «Утро России», М., 1913, 20 февраля, № 42; газ. «Русское слово», М., 1913, 20 февраля, № 42).

К. Д. Бальмонту (стр. 83) — альманах «Северные цветы на 1911 год», М., 1911; с датой «Париж, 1910».

Среди рукописей сохранилось несколько последовательных редакций этого сонета. Одна из них, датированная 10 октября 1909 г., опубликована (не вполне точно) в *Неизд. 1935*, с. 239. Приводим еще одну из ранних редакций:

Разлуки срок свершен; упали с душ оковы.
В притоне, где Париж танцует свой канкан
Гляжу на облик твой и близкий мне и новый,
Считаю горестно рубцы от свежих ран.

И все мне кажется: ты мореход суровый
Из тех волков, кого звал в дали Магеллан,
Твоих кудрей руно развеял ветр свинцовый,
Твое чело спалил дыханьем океан.

Я разгадать хочу, тебя какие бури
Качали в дни, когда искал ты берегов
Погибших Атлантид и призрачных Лемурий,

Какие тайны спят во тьме твоих зрачков,
Но, прямо мне в глаза глядя неумолимо,
Ты смотришь сквозь меня, но мимо жизни! мимо!

П р и з н а н и е (стр. 83) — *ЗТ*. В *Грж. экз.* вписано посвящение: И. М. Б., то есть — Иоанне Матвеевне Брюсовой. Аналогичное посвящение в рукописи: «à Jeanne». В *Грж. экз.* дата печатного текста (1912) вычеркнута и вписана новая «Lüzern. 1909». Среди швейцарских записей упоминаний этого стихотворения не найдено, поэтому в наст. изд. принята дата рукописи.

П о с в я щ е н и е (стр. 84) — *ЗТ*. В рукописи первоначальное заглавие — «Начинающей». Там же после второй строфы зачеркнуто:

И после яркий луч лампады
Неси уверенно в века,
А я останусь у ограды
Тебе светить издалека.

В этой же рукописи варианты последней строфы:

Тогда опять, как старый воин
Копье былое подниму;
Пойду уверен и спокоен
Своим путем,— один, во тьму.

Тогда, уверен и спокоен,
Я тоже факел подниму,—
И вновь его, как верный воин,
Кому-то понесу во тьму.

Львова Надежда Григорьевна — род. в 1891 г., поэтесса, впервые выступила в печати в 1911 г. в *РМ*, ее первая (и единственная) книга стихов «Старая сказка» вышла летом 1913 г. с предисловием Брюсова. 25 ноября 1913 г. Н. Львова покончила жизнь самоубийством.

В о т в е т н а о д н о п р и з н а н и е (стр. 85) — *ЗТ*. *Петровская* Нина Ивановна (1884—1930), писательница, первая

жена основателя издательства «Гриф» С. Кречетова (Соколова). Брюсов близко познакомился с ней в период возникновения издательства «Гриф». О взаимоотношениях с Брюсовым в 1903—1905 гг. Н. Петровская подробно рассказала в воспоминаниях (*ЦГАЛИ*). В ноябре 1911 г. она навсегда уехала из России. См. также книгу воспоминаний А. Белого «Начало века», М.— Л., 1933. *Эдгар* — Эдгар По.

В а л ь б о м д е в у ш к е (стр. 86) — *ЗТ*.

В а л ь б о м Н. (стр. 86) — *ЗТ*. Обращено к Н. Львовой.

С а н д р и л ь о н е (стр. 87) — *ЗТ*. *Балтрушайтис* Мария Ивановна (1878—1948) — жена поэта Юргиса Балтрушайтиса.

В а л ь б о м (стр. 87) — *ЗТ*. В первой рукописной редакции озаглавлено «Жизнь» и датировано «февраль 1911»; в другой (беловой) рукописи эта дата зачеркнута и поставлена дата, совпадающая с датой печатного текста.

СЕМЬ ЦВЕТОВ РАДУГИ

Этот сборник первоначально должен был быть озаглавлен «Sed non satiatus». В черновом предисловии, датированном 1914 г., Брюсов писал:

«Книга стихов «Sed non satiatus» была мною задумана в 1911 году, когда я занимался работой над моей книгой «Зеркало теней». В новом сборнике стихов я думал выразить ту испепеляющую жажду жизни, которая составляет отличительную черту одного круга наших современников, в то время как для другой характерно — утомление жизнью, пренебрежение ею. Обдумывая свою будущую книгу, те отделы, которые должны ее образовать, и темы тех стихов, которые непременно должны войти в нее,— я надеялся, что начинаю дело, для нашего времени нужное: противопоставить утомлению одних — неукротимый, непобедимый призыв к жизни, к жизни во что бы то ни стало, ко всем ее ранам и к радостям ее — таков был мой замысел».

К концу 1914 г. был уже разработан план книги. Судя по трем вариантам состава, сохранившимся среди рукописей, сборник был близок к *СЦР*, но, естественно, не включал военных стихов.

Почти все стихи вошли впоследствии в *СЦР*. Исключение составляют лишь: «Строго и молча, без слов, без угроз...», «Я в море не искал таинственных Утопий...», «Разбегаются снова поля за окном...», «Три змеи, три кольца окружили меня...», «Любовь, как властный недруг вяжет...», «Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной...», «Моей Джейни» (подробнее см. примечания к стихотворениям, не вошедшим в сборники, в т. 3 наст. изд.); два стихотворения — «Провинциальная картинка» и «Дама треф» — вошли впоследствии в *ДК*; одно — «На темной дороге» — в *ПМ*.

Мировая война, отъезд Брюсова на фронт прервали работу над сборником, и он вышел лишь в феврале 1916 г., тиражом 1450 экз., под измененным заглавием «Семь цветов радуги». Сразу же по выходе сборник был арестован цензурой за стихотворение «Запах любимого тела...», которое в уже отпечатанной книге было заменено на другое («Это чувство странно-невозможного...»). Это задержало выход книги, и практически сборник поступил в продажу в мае 1916 г.

Сборнику предпослано следующее предисловие:

«К читателям

Книга стихов, получившая теперь название «Семь цветов радуги», была задумана три года тому назад, при совершенно иных условиях жизни и лично автора и всего русского общества, чем те, при которых выходит в свет. Тогда, в 1912 году, автор полагал, что своевременно и нужно создать ряд поэм, которые еще раз указали бы читателям на радости земного бытия, во всех его формах, и, сообразно с этим, книга должна была получить заглавие: «Sed non satiatus», т. е. «но не утоленный», «все же еще не пресыщенный». Однако лирический поэт лишь в некоторой степени властен избирать темы своих стихотворений, как и каждый человек лишь в некоторой степени властен самовольно избирать пути своей жизни. Главной и почти единственной темой лирических стихотворений остаются личные переживания, далеко не всегда дающие те впечатления, которые мы, может быть, желали бы изведать. Как всей великой России после 1912 года суждены были великие испытания, которых в полной мере она не предугадывала (но которые,— мы верим,— сделают ее тем более великой), так в малой личной жизни автора этой книги последние годы ознаменованы были испытаниями, которых он не ждал. Но, пересматривая снова книгу, уже законченную, автор все же не почел бы нужным изменить ее название, если бы не побудили к тому обстоятельства посторонние. Автору казалось, что голос утверждения становится еще более своевременным и нужным после пережитых испытаний, что славословие бытия приобретает тем большее значение, когда оно прошло через скорбь, что новое и высшее содержание получает формула: «Sed non satiatus», если в нее влагать содержание: «но не утоленный ни радостями, *ни страданиями*». Пусть же новое название книги говорит о том же: все семь цветов радуги одинаково прекрасны, прекрасны и все земные переживания, не только счастие, но и печаль, не только восторг, но и боль. Останемся и пребудем верными любовниками Земли, ее красоты, ее неисчерпаемой жизненности, всего, что нам может дать земная жизнь,— в любви, в познании, в мечте! Ноябрь 1915».

Появление нового сборника Брюсова критика встретила сдержанно. Так, Марк Слоним, заявив, что «в лирике мироощущение, определяемое всем органическим восприятием поэта, его темпераментом и индивидуальностью, несравненно важнее его миросозерцания», усиленно критиковал Брюсова за рационализм и так заключал рецензию: «Семь цветов радуги» в целом уступают по силе и выразительности прежним собраниям стихов Брюсова» (газ. «Одесский листок», 1916, 3 июля, № 179). В том же духе была написана и рецензия М. Тумповской: «Семь цветов радуги» представляются нескончаемой цепью строф, странно схожих и странно не зацепляющихся за память» (журн. «Аполлон», П., 1917, № 1).

Однако некоторые критики гораздо тоньше оценили этот сборник Брюсова. В одной из рецензий говорилось: «...любовь к литературе, к словесности, та самая, за которую так любит упрекать Брюсова обывательски дилетантская критика, в действительности является одним из прекраснейших свойств его музы. Моменты творчества для него самые острые, самые достопамятные в жизни. *Жить* значит для него: быть поэтом... Молодому Брюсову, еще не совершившему поэтического своего подвига, было горько умирать, «не кончив, что хотел». Но жизни, где он, как ему юношески казалось, «изведал все», ему не было жаль. Теперь, когда «довольно свершено», он не знает, о чем ему жалеть «на этом бедном свете».

Мир для него беднеет, как только оказывается, что главное дело сделано. Но так думает Брюсов-поэт. Человек идет в нем по пути, быть может, совершенно обратному... И не поэт, но человек — Брюсов радуется всем «семи цветам радуги», человек становится небывало жадным до жизни: ведь книга должна была называться «Sed non satiatus» — «все же еще не пресыщенный». Может быть, лишь теперь Брюсов раскрепощает в себе человека, «только» человека, «из плоти и из крови», того, который доныне в его творчестве был подчинен поэту и в «идеальной природе», созданной грезой, жил не так, как хотел и мог, а так, как *должен* был жить в суровом подвиге поэтического служения... Тут-то и заключено основное достоинство книги. Ее не смешаешь с другими сборниками того же поэта. Если и нет в ней большой внешней новизны (хотя некоторые новые в творчестве Брюсова приемы можно бы указать и здесь), то все же значительным этапом в его поэтической и личной жизни она является» (газ. «Утро России», М., 1916, 21 мая, № 141).

Очень близок к этим мыслям был К. Липскеров: «Для историка Брюсова по этой книге любопытно будет проследить духовный путь ее автора, все более отдаляющегося от острых «высей», и рассмотреть, как бывалое чувство мастерства, утрачивая в своем напряжении, открывает место переживаниям простым и житейским» (*РВ*, 1916, 21 декабря, № 294).

Очевидно, именно о *СДР* писал Ваан Терian И. М. Брюсовой после своего свидания с Горьким в апреле или августе 1916 г.: «Был у Горького, и он очень хвалил Валерия Яковлевича и его последнюю книгу» («Известия Армянского филиала Академии Наук СССР», Ереван, 1941, № 3-4).

В 1919 г. Брюсов предполагал включить *СДР* в 4 т. собр. соч., готовившегося в изд. Гржебина. Рукопись этой части тома сохранилась не полностью, но, судя по ней, Брюсов предполагал оставить сборник без изменений, добавив только несколько стихотворений (см. прим. к стихотворениям, не вошедшим в сборники, в т. 3 наст. изд.) и внеся незначительные поправки в отдельные стихи.

Кроме *Грж. экз.*, Брюсов включил стихотворения из *СДР* в «Опыты» (19 стихотворений), *Круг.* (21 стихотворение) и *Избр. пр.* (61 стихотворение). Изменения текста в этих публикациях были крайне незначительны и касались прежде всего заглавий и эпиграфов. На тех же основаниях, что и в *ЗТ*, эти изменения в текст не вносятся.

Все рукописи сборника хранятся в *ГБЛ*, поэтому в примечаниях место хранения рукописей не оговаривается.

Эпиграфы—из стихотворения К. Павловой «Не пора!» и «Энеиды» Вергилия.

ОРАНЖЕВЫЙ

Я сам

Эпиграф — из стихотворения А. Фета «Не тем, господь, могуч, непостижим...».

Sed non satiatus (стр. 91) — *РМ*, 1913, № 1, В *Избр. 1915* — с подзаголовком «Однако не пресыщен...», представляющим собой перевод заглавия. О значении и содержании заглавия — см.

выше, предисловие к *СЦР*. Это стихотворение Брюсов рассматривал как программное — им был открыт также *Круг*.

Ю н о ш а м (стр. 92) — *РМ*, 1914, № 8-9. После шестой строфы в рукописи зачеркнуто:

Хочу всегда желать, всегда стремиться,
Всегда искать, девизом взять: Живи!
И, с новой жаждой

Две последние строфы в рукописи первоначально читались:

Что будет завтра, нынче я не знаю,
И слово нежное из милых уст
То делает, что вновь я близок Раю,
То делает, что мир, как бездна, пуст.

Таким пребыть хочу всегда и вечно,—
И дни и годы, в жизни и в стихах,
Любуясь снова дерзостью беспечной
В неугасимых молодых зрачках!

Эдинбург II — курорт близ Риги (ныне — ст. Дзинтари). Брюсов лечился там в санатории доктора Максимовича. И. М. Брюсова вспоминала: «Усиленная многолетняя работа, бессонные ночи, бесконечные житейские переживания отразились на здоровье Валерия Яковлевича, от природы не очень крепком. Врачи советовали санаторное лечение для укрепления нервов. По этому поводу декабрь и январь 1913/14 г. он провел под Ригой» (*Acad.*, с. 138). К словам И. М. Брюсовой можно добавить, что состояние здоровья Брюсова резко ухудшилось из-за потрясения, вызванного самоубийством Н. Львовой (см. с. 415).

О ч е м е щ е м е ч т а т ь? (стр. 93) — *РМ*, 1914, № 8-9. *«Подземное жилище»* — поэма Брюсова, входившая в сборник *ЗТ*. *Сын Лавра* — Одиссей.

О ж е р е л ь е (стр. 94) — *РМ*, 1913, № 8. В *СЦР* — с датой «1913, Москва».

Л е т о м 1 9 1 2 г о д а (стр. 95) — *СЦР*.

Д о л ж е н б ы л... (стр. 96) — *СЦР*. *«Мысль изреченная — ложь!»* — из стихотворения «Silentium!» (у Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь»).

П а м я т н и к (стр. 96) — *СЦР*. Эпиграф — из оды (III, 30) древнеримского поэта Горация. В записи, сделанной И. М. Брюсовой под диктовку поэта, эпиграф из той же оды «Exegi monumentum.— *Horatius*», «Я памятник себе воздвиг.— *Пушкин*». В правленой машинописи первоначально эпиграф: «Ex humili potens.—*Horatius*» («Из ничтожества возвысившийся»)— из той же оды Горация.

С ы н З е м л и

Эпиграф — из нижеследующего стихотворения Брюсова.

Тема космических полетов и межпланетных связей в поэзии Брюсова подробно рассмотрена в статье: К. Г е р а с и м о в, «Штурм неба» в поэзии Валерия Брюсова».— «Брюсовские чтения 1963 года», Ереван, 1964.

С ы н З е м л и (стр. 97) — *РМ*, 1913, № 7; без заглавия.

З е м л е (стр. 98) — *РМ*, 1913, № 3. Эпиграф — из стихотворения И. Коневского «Море житейское». В *Избр. 1915*, *Круг.*, *Избр. пр. III* — без эпиграфа, с датой «1913».

П р е д в е щ а н и е (стр. 99) — *СЦР*; с датой «1912».

З е м л я м о л о д а я (стр. 100) — *РМ*, 1913, № 10; без заглавия.

Д е т с к и е у п о в а н и я (стр. 101) — *СЦР*. *Мы, кто стяг на полюс донесли...*— В начале XX в. исследователи достигли Северного и Южного полюсов. Северного полюса впервые достиг американец Р. Пири 6 апреля 1909 г., Южного полюса — норвежец Р. Амундсен 14 декабря 1911 г. *Зегевольд* — город близ Риги (ныне — Сигулда).

Перед тобою я

Эпиграф — из оды Г. Державина «Бог».

Г и м н б о г а м (стр. 102) — *СЦР*.

Г и м н А ф р о д и т е (стр. 103) — *РМ*, 1913, № 3. В *СЦР* в списке поправок указано: «Под стихотворением «Гимн Афродите» пропущена дата: «1913». Датируется по рукописи.

Ц а р и ц а С т р а с т ь (стр. 104) — *БВ*, 1915, 29 марта, № 14751. В *Избр. пр. III* было напечатано в рукописной редакции, отклоненной в свое время автором. Отправляя это стихотворение для публикации в *БВ*, Брюсов писал 22 марта 1915 г. А. Измайлову: «Благодарю Вас за номер «Биржевых ведомостей» с моими стихами («Ночь»), который я получил. В благодарность редакции за то, что она приютила два моих довольно-таких «средних» стихотворения (второе, как Вы пишете, уже назначено), посылаю Вам два «хороших»; одно — «Туркам»,— злободневно, и тем интересно; другое — «Царица Страсть»,— лучшее, что я написал за последние полгода. Если сознаться, даже жаль мне отдавать «Царицу» в газету, но — «пусть!», как говорили мы в декадентскую эпоху» (*ИРЛИ*).

И с т и н н ы й о т в е т (стр. 105) — *РМ*, 1914, № 12.

U l t i m a T h u l e (стр. 106) — *БВ*, 1915, 21 июня, № 14917. В одной из рукописей эпиграф: «Es war ein König in Thule.— W. Goethe» (из баллады И. Гете «Der König in Thule»).

Ultima Thule — буквально: самая дальняя Фула (*лат.*). Нарицательно — крайний предел. Фула — легендарная страна, находившаяся, по представлению древних римлян, на крайнем севере Европы. *Конунги* — вожди древних скандинавских племен. *...в бессмертной балладе...*— В балладе И. Гете «Фульский король».

ЗЕЛЕНЫЙ

В стране тишины

Эпиграф — из стихотворения Брюсова «Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна...».

В р а з н ы е г о д ы (стр. 107) — *СЦР*.

И м а т р а (стр. 108) — *РМ*, 1913, № 12; в цикле «На берегах Саймы»: 1. Иматра, 2. На Сайме («Лодка порывистым ветром качаема...»), 3. Над Иматрой. *Иматра* — стремнина на реке Вуокса в Финляндии. *...стою над распрей прежних вод!* — Ср. цикл «На Сайме» в сборнике «Stephanos».

Над Иматрой (стр. 108) — *РМ*, 1913, № 12. *Ямбический триметр* — один из стихотворных размеров, «античный метр, которым написаны диалогические части античных драм» (В. Брюсов, Основы стиховедения. М., 1924, с. 70). Брюсов придавал особое значение доказательствам, что этот размер возможен для русского стихосложения. «В наши дни надо отвязать ямбический триметр от позорного столба, к которому его привязал Вяч. Иванов своим «Тантало́м», драмой замечательной, но «неудобочитаемой» («Литературный архив», т. 5. М.—Л., 1960, с. 343).

У круглого камня (стр. 109) — сб. «Вернисаж», книгоизд. «Мезонин Поэзии», вып. 1, М., 1913, сентябрь.

Первоначальный набросок 3—6 строф опубликован в *Неизд. 1935* под произвольным заглавием «Побережья Саймы». *Отава, Пейва, Укко, Ахти, Туони, Юмала* — финские божества. *Вуоксенниска* — местечко на берегу озера Сайма близ Иматры. Недалеко от Вуоксенниски находится старое русло Вуоксы, где встречается много огромных круглых камней.

Сайма (стр. 110) — *РМ*, 1913, № 12; под заглавием «На Сайме». Ср. также стихотворение «На Сайме» Н. Львовой, эпиграфом к которому она взяла первую строку последней строфы стихотворения Брюсова:

Сурово нас встретила светлая Сайма.
Задорные волны, серея, ревели,
И в такт с перебоями лодки, качаемой,
Свистели и пели столетние ели.

И чайки стонали от счастья и страха,
И прыгали стрелы расплавленных молний...
За маленьким островом спряталась Рауха,—
Лишь небо, да мы, да грозящие волны!

Вся Сайма гремела торжественно стройно
Безвестного гимна суровые строфы.
А сердце смеялось, почти успокоенно,
Забыв о пройденной дороге Голгофы.

Неведомый прохожий

Эпиграф — из стихотворения Брюсова «Лев святого Марка».

Закат над морем (стр. 111) — *РМ*, 1913, № 11; в цикле «У Северного моря»: 1. Закат над морем, 2. В Голландии, 3. Над Северным морем, 4. Океан и дюны, 5. К Северному морю. *Noordwijk-aan-Zee* (Нордвейк-ан-Зе) — курорт в Голландии на берегу Северного моря.

Над Северным морем (стр. 111) — *РМ*, 1913, № 11. В рукописи место написания обозначено иначе — Noordwijk-aan-Zee. *Фризы* — древнегерманское племя, жившее по побережью Северного моря. *Scheveningen* (Схевенинген) — город в Голландии, близ Гааги.

Океан и дюны (стр. 112) — *РМ*, 1913, № 11.

В Голландии (стр. 113) — *РМ*, 1913, № 11. *Рембрандтова Саския* — жена художника, изображенная на его полотнах. *Адриан ван Остаде* (1610—1685) — голландский художник.

К Северному морю (стр. 114) — *РМ*, 1913, № 11. *Юлий* — римский полководец Юлий Цезарь, предпринявший поход против британцев. *Вильгельм Оранский* (1533—1584) — правитель Голландии, один из вождей нидерландской буржуазной революции. *Анвер* — Антверпен (во французском произношении). Франс *Гальс* (ок. 1580—1666), *Ян Стен* (1626—1679), Мейндерт *Гоббема* (1638—1709), Ян *Фермер* (обычно — Вермеер, 1632—1675) — голландские художники.

Зимнее возвращение к морю (стр. 115) — *РМ*, 1914, № 8-9. В рукописи к месту написания добавлено: «Санаторий доктора Максимовича» (см. с. 419). *Новое тебе принес я горе...* — смерть Н. Львовой.

Вечер над морем (стр. 115) — *СЦР*.

Природы соглядатай

Эпиграф — из стихотворения А. Фета «Ласточка».

Вечерний Пан (стр. 116) — журн. «Новая жизнь», П.—М., 1914, август; под заглавием «В деревне. Вечерний Пан». В сб. «Опыты» это стихотворение и стихотворение «Итак, это сон, моя маленькая...» приведены как примеры «различного построения строф, с внутренними постоянными рифмами и без таких рифм» («*Опыты*», с. 196). *Потир* — чаша с красным вином для причастия в церковном обряде. *Алтаир* — См. т. 1, с. 602. *Опалиха* — подмосковная дачная местность.

Вечером в дороге (стр. 117) — журн. «Новая жизнь», П.—М., 1914, ноябрь. Это стихотворение и стихотворение «Две головки» приведены Брюсовым в сб. «Опыты» как пример дактилехореических рифм.

Весной (стр. 117) — журн. «Новая жизнь», П.—М., 1914, октябрь. В сб. «Опыты» приведено как пример «двух-трехдольников» (т. е. свободного сочетания как двухсложных, так и трехсложных стоп).

Весеннее (стр. 118) — «Оранжевая урна. Альманах памяти Фофанова», СПб., 1912. Рукопись первой редакции датирована 25 февраля 1912.

Ночью светлой (стр. 119) — журн. «Женское дело», М., 1913, 1 января, № 1; под заглавием «В сумраке».

Цветики убогие (стр. 119) — журн. «Новое вино», М., 1912, декабрь, № 1; без заглавия и без деления на строфы.

Крот (стр. 120) — *СЦР*, с датой «1912. Опалиха».

Туман осенний (стр. 120) — *РМ*, 1914, № 4.

Сухие листья (стр. 121) — газ. «День», П., 1914, 6 апреля, № 94 (приложение). В сб. «Опыты» приведено как пример звукописи.

КРАСНЫЙ

Под улыбкой солнца

Эпиграф — из стихотворения К. Фофанова «Были нежны их свиданья...».

В том же парке (стр. 123) — *РМ*, 1913, № 3. *СЦР* — с датой «Август. 1912». В рукописи последняя строфа первоначально читалась:

Он был, он есть,— без перемены
Он будет жить в стихах моих
И имя нежное Елены
Пусть заключит звенящий стих.

Елена — Е. А. Маслова (см. т. 1, с. 566). *Петровско-Разумовское* — подмосковная дачная местность.

Сказка (стр. 124) — *РМ*, 1914, № 3. *Рюбецаль.*— См. т. 1, с. 611.

В лодке (стр. 125) — *РМ*, 1913, № 1. *Сенежское озеро* — под Москвой.

Дождь и солнце (стр. 126) — журн. «Наша родина», М., 1916, 10 апреля, № 11-12. В рукописи, датированной «1913. Петербург», озаглавлено «Под дождем», текст иной:

Муаровые волны сверкают под дождем.
Мы снова в старом парке, как прежде мы вдвоем.

Дождь легкий, дождь несмелый кропит, кропит листву...
Мне кажется, я снова в далеком сне живу.

Витают те же тени, что много дней назад,
Былых, святых видений стоит знакомый ряд.

Я — мальчик в старом парке? я — юноша в саду?
Иль, в прошлый август, снова с тобой я здесь иду?

Все то же, что томило: и парк, и дождь, и пруд,
И сосен острохвойных вершины — солнца ждут.

Прозрачен дождь несмелый, муарова вода...
О, Сон! все снова сделай таким же, как тогда!

Черновик этой редакции датирован 1 июня 1913. Рукописи окончательного текста нет.

После скитаний (стр. 126) — *СЦР*. В сб. «Опыты» приведено как пример на «разложение дактилического гекзаметра». «Каждые три стиха образуют один полный дактиле-хореический гекзаметр; рифмы усиливают цезурное деление на третьестишия» («*Опыты*», с. 180).

В буйной слепоте

Эпиграф — из стихотворения Ф. Тютчева «О, как убийственно мы любим...».

«Итак, это — сон, моя маленькая...» (стр. 127) — «Оранжевая урна. Альманах памяти Фофанова», СПб., 1912; под заглавием «Итак, это сон...». В сб. «Опыты» приведено как пример строфы с четырехсложной рифмой.

«Сумрак тихий, сумрак тайный...» (стр. 127) — *РМ*, 1913, № 1.

«Безумие белого утра смотрело в окно...» (стр. 128) — *РМ*, 1913, № 1. В *Извр. пр. II* под заглавием «Бородино». *Мы все «увлекаемся Роком»...*— Ср. слова Наполеона из его воззвания к армии перед вторжением в Россию: «Рок влечет за собой Россию, ее судьбы должны свершиться».

«Это чувство—страшно-невозможного...» (стр. 129) — *СЦР*. Датируется по первой публикации. *Милоть* — плащ евангельского пророка Илии, при вознесении его на небо упавший к ногам его ученика Елисея.

«Мне вспомнить страшно, вспомнить стыдно...» (стр. 129) — *РМ*, 1913, № 3. В *Избр. пр. II* под заглавием «На золотом корабле», с 11—12 строками:

Но я земное миром мерил
И мир весь для земли забыл!

«Месяц в дымке отуманенной...» (стр. 130) — *РМ*, 1913, № 8. В *Избр. пр. II* под заглавием «Под утро», с последней строкой: «Превратить в напевный стих». *Минерва* — Афина, богиня мудрости, покровительница поэтов (*греч. и римск. миф.*). *Копье* статуи Афины, находившейся перед Парфеноном, было видно издалека и служило мореходам путеводным знаком. *Лар* — лары, боги-покровители дома и семьи (*римск. миф.*).

«Я помню легкие пилястры...» (стр. 131) — сб. «Жатва», кн. VI—VII. М., 1915; в цикле «Солнце золотое»: 1. «Умершим мир! пусть спят в покое...», 2. «Я не был на твоей могиле...», 3. «Я помню зал и зелень лавров...» («Я помню легкие пилястры...»), 4. «Что это? Пение, славленье...» (Безвестная вестница). Все стихотворения связаны с воспоминанием о Н. Львовой (см. 415 с.). Эпиграф — из стихотворения Г. Гейне «Der Asra». Черновая рукопись датирована «1913. Эдинбург II».

«Я не был на твоей могиле...» (стр. 132) — сб. «Жатва», кн. VI—VII. М., 1915. В *Грж. экз.* вписано заглавие «Венок на могилу» и эпиграф: «Все — в жертву памяти твоей! — *А. Пушкин*» (первая строка стихотворения без заглавия). В рукописи обозначено место написания стихотворения: «Эдинбург II».

«Это — не надежда и не вера...» (стр. 132) — журн. «Ребус», М., 1914, 4 мая, № 11. В *Грж. экз.* изменена дата 1912—1913.

Там, у входа

Эпиграф — из стихотворения А. Фета «Сны и тени...».

Безвестная вестница (стр. 133) — *БВ*, 1915, 12 июля, № 14959; сб. «Жатва», кн. VI—VII. М., 1915; без заглавия; в *БВ* с примечанием: «Меркурий являлся в предсмертный миг. Своим кадуцеем он (по выражению Вергилия) «бледные души выводит из Орка или посылает в Тартар печальный».

На санках (стр. 134) — *СЦР*.

В лодке рыбацкой (стр. 135) — *СЦР*.

В старинной Риге (стр. 136) — *СЦР*. *Дом Черноголовых* — старинное здание в Риге.

Мгновенья мгновеннее (стр. 136) — *СЦР*. Эпиграф — из стихотворения А. Добролюбова «Стих о Мадонне». В рукописях всех трех стихотворений цикла указано место написания «Варшава». В *Грж. экз.* — без объединения в цикл; третье стихотворение озаглавлено «Неяркие бутоны». В сб. «Опыты» тоже как отдельные стихотворения; первое — под заглавием «Мгновенья мгновеннее». В сб. «Опыты» эти стихотворения и стихотворение «Лесные тропинки» (сб. *ДК*) приведены как пример «сплошных и внутренних

постоянных рифм». «Стихами со сплошными рифмами называются те, где рифмуется *каждое* слово; с постоянными внутренними рифмами те, где внутренние рифмы стиха стоят на определенном месте, например, в полустишиях; перед постоянными цесурами и т. д.» («*Опыты*», с. 189).

Сиреночка (стр. 138) — *БВ*, 1915, 22 марта, № 14741.

Умершим мир! (стр. 139) — сб. «Жатва», кн. VI—VII. М., 1915; без заглавия. В беловой рукописи эпиграф: «Оставим мертвым погребать мертвых» (в Евангелии: «Но Иисус сказал ему: иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов».— Матф., 8,22). В той же рукописи указано место написания — «Эдинбург II».

ЖЕЛТЫЙ

Стоим, мы слепы...

Эпиграф — из стихотворения Ф. Тютчева «1856», с неточностями (у Тютчева: «Стоим мы слепо пред Судьбою...»).

Вскоре после начала мировой войны, в августе 1914 г., Брюсов выехал на фронт в качестве корреспондента *РВ*. И. М. Брюсова вспоминает: «Очень быстро вошел в свою роль и по силе своего умения справлялся с возложенной на него задачей. 11 сентября 1914 г. пишет мне: «Начинаю входить во вкус работы «корреспондента» и понимать это ремесло, а до сих пор только учился» ...Позднее, уже в феврале, по шестимесячном пребывании на фронте: «...Вообще хочется работать «литературно», и корреспондентская деятельность, сказать по правде,— надоела...» В мае 1915 года окончательно возвратился глубоко разочарованный войной, не имея уже ни малейшего желания видеть поле сражения» (*Acad.*, с. 139). Оценивая позже ряд своих выступлений этого периода, Брюсов писал: «Мы уже не говорим о том, что были у России, у русского общества, светлые надежды, может быть, обманчиво поданные царским правительством: оказать благодетельное влияние на судьбу других стран и протянуть руку помощи другим угнетенным народам... Были мечты и о многом другом,— мечты, может быть, обманчивые, намеренно разогреваемые в нас с иными, чуждыми нам целями...» (Валерий Брюсов. Как прекратить войну? М., 1917, с. 12—13). См. также прим. к стихотворению «Тридцатый месяц», с. 446.

Последняя война (стр. 140) — *РМ*, 1914, № 8-9; в цикле «Современность»: 1. Последняя война, 2. Старый вопрос, 3. Польша, 4. Фламандцам, 5. Наши дни. В альманахе «В тылу», П., 1915, строки 15—16 и 29—32 были запрещены цензурой. Черновая рукопись датирована 17 июля 1914 г.

Старый вопрос (стр. 141) — *РМ*, 1914, № 8-9.

Наши дни (стр. 142) — *РМ*, 1914, № 8-9. *Ронсеваль* — ущелье, где в бою с сарацинами погиб Роланд. *Карл Мартелл* (ок. 688—741) — майордом (высшее должностное лицо) франкского государства; в битве при Пуатье (732 г.) разбил арабов, намеревавшихся захватить Галлию.

Круги на воде (стр. 143) — *РМ*, 1915, № 1. В *СЦР* с ошибочной датой «2 окт. 1914». Вопросу превращения европейской войны в мировую, анализу военных действий в Азии и Африке Брюсов посвятил статьи «Всемирная война» (*РВ*, 1914, 31 июля, № 175)

и «Война вне Европы» (*РМ*, 1914, № 8-9). Во второй статье он, в частности, подчеркивал, что «...колониальные военные операции... на жизнь человечества в течение ближайшего столетия... могут оказать влияние исключительное». Близ *Марны*, во Франции, 5—9 сентября 1914 г. произошло одно из самых значительных сражений между германскими и англо-французскими войсками. В Польше на берегах *Вислы* в октябре 1914 г. происходили ожесточенные бои между русскими и немецкими войсками. *...святых просторах Палестины...*— Речь идет о сражениях на палестино-сирийском фронте между англо-французскими и турецкими войсками. *...в Анголе девственной...*— Речь идет о военных действиях в бывших африканских колониях Германии (Камерун, Того, Юго-Западная Африка и др.). *...утесы Чили...*— С началом первой мировой войны правительство Чили объявило о своем нейтралитете, который, однако, им неоднократно нарушался в пользу Германии. *...и воды Пе-че-ли...*— Речь идет о захвате японцами 25 октября (7 ноября) 1914 г. крепости Киао-Чао (ныне — Циндао), «арендованной» Германией у Китая. Немцы затопили свой флот, находившийся в крепости, чтобы он не попал в руки неприятеля.

П о р а! (стр. 144) — «Невский альманах. Жертвам войны писатели и художники», П., 1915. *...гроза «военной непогоды»...*— Ср. в стихотворении Н. Языкова «Мечта» (у Языкова: «Ужасен глас военной непогоды...») и «Орлеанской деве» (действ. 4, явл. 1) В. Жуковского («Молчит гроза военной непогоды...»).

Н а К а р п а т а х (стр. 145) — *РМ*, 1915, № 1. Русские войска 5 августа — 8 сентября 1914 г. в Галицийской операции разгромили австро-венгерскую армию и заняли бóльшую часть Галиции.

Ч а ш а и с п ы т а н и й (стр. 146) — *БВ*, 1915, 6 августа, № 15009; без двух последних строф, под заглавием «Заложница». *Сирена польская* — герб Варшавы; 23 июля 1915 г. Варшава была занята немцами. *Под Нарвами, под Аустерлицами...*— Имеются в виду поражения русских войск в сражении со шведами в 1700 г. под Нарвой и в 1805 г. в бою с войсками Наполеона под Аустерлицем.

В ы с о н и х а р е а л и щ в р и т е л ь . . .

Эпиграф — из стихотворения Ф. Тютчева «Цицерон».

П о л ь ш е (стр. 147) — *РВ*, 1914, 8 августа, № 181. Эпиграф — из стихотворения Ф. Тютчева «Как дочь родную на закланье...» (с неточностью). В альманахе «В тылу», П., 1915, последняя строфа была запрещена цензурой. «*Лазарь, встань!*» — перефраз слов, с которыми Христос обратился к Лазарю, дабы воскресить его («Он воззвал громким голосом: Лазарь, иди вон».— И о а н н, II, 43).

В В и л ь н о (стр. 148).— *РМ*, 1914, № 10; с прим. Брюсова: «Замко́вая Гора — холм в середине города, занятый парком, в нижней части которого поставлен бюст Пушкина. «*Вильна стародавняя*» — выражение Ф. Тютчева (стихотворение «Над русской Вильной стародавной...»).

В с е ч а щ е (стр. 148) — *РМ*, 1914, № 10; с датой (как и в *СДР*) «сентябрь 1914» и примечанием: «Есть легенда, что патрон города Вильно, св. Казимир, был, по одному случаю, чудесно обра-

щен в ребенка. Изображение этого чуда находится в одном из городских костелов. Старинный собор св. Анны в Вильно отличается редкой архитектурной красотой. Наполеон, любуясь им, говорил, что желал бы увезти его на ладони в Париж».

В Варшаве (стр. 149). — *РВ*, 1914, 3 сентября, № 202; *РМ*, 1914, № 10, с примечанием: «Эти строки были написаны после обмена речами в «Польском Товариществе Писателей», в Варшаве, пожелавшем устроить особое заседание для приема автора стихов...» *Ледницкий* Александр (1866—1934) — польский журналист и политический деятель.

Аэропланы над Варшавой (стр. 150) — *СЦР*. О бомбардировке Варшавы Брюсов писал в своей корреспонденции от 10 декабря 1914 г. (*РВ*, 1914, 16 декабря, № 289).

Поле битвы (стр. 150) — сб. «Клич», М., 1915. *Прушков* — город, недалеко от Варшавы.

Пиршество Войны (стр. 151) — сб. «Клич», М., 1915. В *СЦР* с датой «4 декабря 1914. Брезины—Варшава». *Лович* — город западнее Варшавы, близ которого происходили ожесточенные бои в конце ноября 1914 г. Брюсов совершил поездку в Брезины и Лович 25—28 ноября 1914 г.

На память об одном закате (стр. 152) — газ. «Утро», Харьков, 1914, 25 декабря, № 2529; с датой «27 ноября 1914 г. Брезины». Это — дата первой редакции сонета. На рукописи первой редакции помета: «27 ноября 1914. Скерновицы». 25 ноября 1914 г. Брюсов вместе с писателем Александром Митрофановичем *Федоровым* (1868—1949) и еще одним корреспондентом выехал на автомашине из Варшавы в Лович (см. прим. к предшествующему стихотворению). Близ Ловича машина сломалась, и утром 27 ноября писателям пришлось вернуться в Скерновицы (город близ Ловича). В корреспонденции об этой поездке А. М. Федоров писал: «Я выехал из Варшавы 25 ноября после полудня... Блестящая под солнцем зелень озимей, прозрачность воздуха, свойственная только осени, широко разбегающаяся даль с темной зеленью хвойных лесов и красноватыми переливами лиственных, большие черные кресты на перепутьях, точно благословляющие простертыми руками опечаленную людьми и обласканную солнцем землю, все это так настроило моего спутника, поэта В. Я. Брюсова, что он стал сочинять стихи. Особенно великолепен был закат, с пылающими облаками, с такими переливами золота и пурпура среди малахитовых разливов небес, что можно было бы даже забыть о том, куда мы едем, если бы сожженные и разрушенные деревни на пути, нищета и горе, которые глядели из каждого разбитого обгорелого камня, не напоминали об этом каждую минуту» (газ. «Киевская мысль», 1914, 5 декабря, № 335).

В окопе (стр. 153) — журн. «Отечество», П., 1915, № 2. *Цеханов* — город северо-западнее Варшавы, близ которого происходили бои всю осень и зиму 1914 г. Брюсов неоднократно выезжал в этот район в сентябре 1914 — феврале 1915 гг. *Шимозы* — снаряды (по названию взрывчатого вещества — шимоза).

Казачье становье (стр. 153) — *БВ*, 1915, 27 сентября, № 15113; под заглавием «На театре войны», с датой «1915». В *СЦР* с датой «Апрель 1915». В рукописи дата «9 июля 1915. Москва» и приписка: «В Польше, в 1915 г.» Рассказ о впечатлениях, послуживших основанием для этого стихотворения, содержится в корреспонденции Брюсова от 9 декабря 1914 г.: «А какую живописную картину

представляют стоянки войск, биваки! В них есть что-то от прежней войны, исчезающей из жизни,— войны тех времен, когда не было железных дорог, телеграфов, телефонов, аэропланов. Вот стоят казаки. Их маленькие, но красивые лошади образуют целый табун. Составленные пики ярко сверкают, словно копья римских легионариев. Сами казаки столпились группами в своих характерных шапках и шароварах, шумят, смеются. Так же точно стояли они, конечно, и при Наполеоне; такой же вид имели и лагери в древнее время... Вот более прозаическая картина: походные кухни. Дымят десятки маленьких труб на колесах; люди суетятся, перебегают с места на место, приходят, уходят. И еще веселее голоса, что доходят до нас, когда мы пролетаем мимо в автомобиле» (*РВ*, 1914, 13 декабря, № 287).

Деревенские рифмы (стр. 154) — *СЦР. Бурково* — дачное место под Москвой (близ Болшева), где Брюсов проводил лето 1915 и 1916 гг.

Каждый день (стр. 154) — «Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива», П., 1915, № 10. В сборнике «The Soul of Russia», London, 1916, напечатан параллельно текст на русском и английском языках (перевод Susette M. Taylor). В рукописях вместо двух последних строф — одна, повторяющая первую.

Там, на Западе

Эпиграф — измененная строка из стихотворения Ф. Тютчева «Последняя любовь» (у Тютчева: «Лишь там, на западе, бродит сиянье...»).

Западный фронт (стр. 155) — *РВ*, 1914, 17 декабря, № 290. В сборнике «The Soul of Russia», London, 1916, напечатаны параллельно русский текст и перевод на английский язык (перевод Louise Maude).

Фламандцам (стр. 156) — *РМ*, 1914, № 8-9. Об отношении Брюсова к захвату немцами Бельгии см. также его статьи: «Немецкие оправдания».— *РВ*, 1915, 4 января, № 3; «Страдания и величие Бельгии».— *РВ*, 1915, 11 января, № 8; 13 января, № 9. *Карл Смелый* (1433—1477) — герцог бургундский, владевший Нидерландами, пытался отстоять самостоятельность Бургундии. *Бодуэн, Железная Рука* (ум. 878 г.) — основатель самостоятельного фландрского графства. ... *как ты в любимом Льеже...*— Около Льежа начались первые бои между бельгийскими и немецкими войсками. Несмотря на громадное превосходство в силах, немцы не смогли сразу занять город.

Тевтону (стр. 157) — *РМ*, 1914, № 10; с эпиграфом: «Нет, мера есть долготерпенью.—*Ф. Тютчев*» (из стихотворения «По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая»), и с примечанием: «Предполагают, что назначение «химер», гротескных статуй, помещенных на кровлях многих старинных католических соборов, было — воплощать в себе все земное зло и тем как бы отвращать его от храмов». *...в Реймсе каменная груда...*— В сентябре 1914 г. при артиллерийском обстреле был разрушен в городе Реймсе (Франция) собор — один из замечательнейших архитектурных памятников средневековья.

СИНИЙ

В жизни человеческой

Эпиграф — из стихотворения К. Случевского «Невменяемость».

Синема моего окна (стр. 158) — *БВ*, 1915, 6 декабря, № 15253.

Портрет (стр. 159)— *СЦР*; с датой «1913». Датируется по рукописи. *Клеопатра*, *Октавиан*. — См. с. 409.

Женский портрет (стр. 160) — *РМ*, 1913, № 10; под заглавием «Портрет». Стихотворение обращено к А. П. Татариновой, сотруднице редакции *РМ*.

Завещание (стр. 160) — *БВ*, 1916, 1 января, № 15300. В рукописи вторая строфа читается:

Как всем, мне весна улыбалась приветно,
Как все я дышала расцветшей сиренью,
Но черная туча нашла незаметно
И дали закрыла чудовищной тенью.

Вместо четвертой строфы в рукописи пять следующих строф:

Настали жестокие месяцы лета,
Безумное солнце всю кровь зажигало,
На пиршестве жатвы, на празднике света,
Пьянея, я верила счастью бывало.

Но солнце сожгло все деревья и травы,
Вокруг меня стали просторы пустыни,
В объятьях я вышла кубок отравы,
И в счастьи нашла бесконечность унынй.

И ныне дни осени глухо-унылы,
Безжизненны долы, открыты и сухи,
Земля истощила все буйные силы
Природа и я — две ненужных старухи.

Другие собрали богатые жатвы,
Наполнили дом золотыми плодами,
А мы расточали ненужные клятвы,
Других одарив, стали нищими сами.

Так пусть же проходят суровые вьюги,
Пусть поле покрыто серебряным снегом,
Мы ляжем, объятые сном, две подруги,
И жизнь отдадим завершительным негам.

На церковной крыше (стр. 161) — *СЦР*.

Простенькая песня (стр. 162) — *РМ*, 1913, № 5.

Она (стр. 163) — *СЦР*.

На шумных улицах

Эпиграф — из стихотворения Брюсова «Встреча» (в окончательном тексте вторая строка: «На гулких улицах столиц!»).

Электрические светы (стр. 164) — газ. «День», П., 1914, 19 января, № 18.

В е ч е р о м (стр. 165) — *СЦР*.

Н а п о л е т а х (стр. 166) — *СЦР*. Французский авиатор Адольф *Пегу* (1889—1915) 15 и 18 мая 1914 г. демонстрировал в Москве свое искусство пилотирования.

У к а н а л а (стр. 167) — *БВ*, 1915, 15 ноября, № 15211. Последняя строфа в рукописи читается:

Люблю стоять над зыбкостью канала,
Чтоб глубь воды смотрела на меня,
Чтоб жизнь вдали неистово звучала
И в черноте дробился столб огня.

П а н и х и д а (стр. 167) — *СЦР*.

Д е т с к и й б л е с к о ч е й

Эпиграф — из стихотворения А. Фета «Ребенку».

Д е в о ч к а с к у к л о й (стр. 168) — *РМ*, 1913, № 1.

Д е в о ч к а и а н г е л (стр. 169) — *РМ*, 1914, № 3. Датируется по списку стихотворения, сделанному Н. Львовой.

Д е в о ч к а с ц в е т а м и (стр. 169) — *СЦР*. В рукописи озаглавлено «Девочке».

В е р б н а я с у б б о т а (стр. 170) — *СЦР*. В *Грж. экз.* к дате приписано: «Москва». В сб. «Опыты» стихотворение приведено как пример на ассонансы, то есть на рифмы, «сходные по произношению слова» («*Опыты*», с. 184).

К в а р т е т (стр. 170) — *СЦР*.

Д в е г о л о в к и (стр. 171) — *СЦР*.

ГОЛУБОЙ

В с т а р и н н о м з а м к е

Эпиграф — из стихотворения К. Бальмонта «Замок Джен Вальмор». Слово «баллада» в названиях первых четырех стихотворений этого раздела употреблено Брюсовым в следующем значении: «В старофранцузской поэзии ... так называлось лирическое стихотворение из трех строф по 8 стихов с заключительной «посылкой» (envoi) в 4 стиха при 3 рифмах на всю пьесу... и с повторением одного и того же стиха (припева) в конце всех строф, не исключая «посылки». Достоинство баллады в том, чтобы повторяющийся стих естественно входил в состав строфы» («*Опыты*», с. 193).

Б а л л а д а н о ч и (стр. 172) — *РМ*, 1914, № 4; под заглавием «Баллада». В *Избр. пр. II* строки — 21—24 читаются:

Пусть небо взрежут метеоры!
Пусть в пламя вскроются врата!
Пусть клонятся, безумно-скоры,
К устам возлюбленным уста!

Хариты — богини красоты и радости (*римск. миф.*). *Арес* — бог войны (*греч. миф.*). *Элеонора* — возлюбленная знаменитого итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595). *Оры* — богини времен года (*греч. миф.*).

Баллада о любви и смерти (стр. 173) — *РМ*, 1914, № 10. *Антоний.*—См. с. 409. *Пирам* — один из героев «Метаморфоз» Овидия (гл. 4). Пирам, увидев разорванное львицей покрывало своей возлюбленной Физбы, решил, что она погибла, и закололся. Физба, увидев мертвого Пирама, тоже покончила с собой.

Баллада воспоминаний (стр. 173)— *БВ*, 1915, 2 августа, № 15001. Первая редакция стихотворения:

На склоне лет, когда закат
Горит,— небес костер кровавый,—
Припомни дней сплетенный ряд,
Припомни детские забавы.
Бессильны давние отравы,
Но из провала темноты,
Встают, как из-за леса главы
Твои заветные мечты.

Да, ты мечтал о полдне Явы,
Где дышит жгучий аромат,
Где на стволах висят удавы
И ящеры, зажмурясь, спят,
Но что чудовища и травы,
Что ароматы и цветы.
Стирают этот призрак ржавый
Твои заветные мечты!

Чу! Снова лай былой облавы!
И кони чуткие храпят
И снова лай былой облавы!
Охотники, дрожа, летят
И топчут утренние травы.
Там, там, у сумрачной канавы
Настиг свою добычу ты.
И хлынули, как море лавы,
Твои заветные мечты.

Не надо ни любви, ни славы,
Всей этой пыльной суеты;
Они одни навеки правы:
Твои заветные мечты!

...я славил жгучий полдень Явы...— См. стихотворение «Предчувствие», т. 1 наст. изд., с. 57.

Закартами (стр. 174) — *БВ*, 1915, 1 октября, № 15121; с подзаголовком «баллада». В оглавлении *СЦР* и в одной из рукописей озаглавлено «Женская баллада». В «Журнале журналов», П., 1915, № 26, была помещена заметка, в которой безымянный рецензент гаерничал по поводу этого стихотворения, особенно издеваясь над словом «пард». 8 ноября 1915 г. Брюсов писал об этих нападках А. Измайлову: «Как за «нарда» ополчился на меня «Ж — ж», но я эту балладу в книгу все же включил, ибо «пард» или «пардус» — хорошее старинное слово и означает «барс», а вовсе не «леопард» (*ИРЛИ*). *Геката, Астарта.*— См. т. 1 наст. изд., с. 627. *Жозефина* Богарне (1763—1814) — первая жена Наполеона I Бонапарта.

С е к с т и н а (стр. 175) — *СЦР*. Эпиграф — из стихотворения «Отречение». Приведено в сб. «Опыты» (под заглавием «Безнадежность») со следующим примечанием: «Секстина — стихотворение из шести строф по 6 стихов каждая, причем конечные слова 1-й строфы (которые могут между собою рифмовать, но могут и не рифмовать) повторяются во всех строфах на заранее определенных местах, осуществляя все возможные алгебраические «перемещения» 6 элементов...» («*Опыты*», с. 194).

В маске

Эпиграф — первая строка стихотворения без заглавия Ф. Сологуба.

О б р а з ы в р е м е н (стр. 176) — *СЦР*. В черновой рукописи, датированной «Ноябрь 1907», стихотворение первоначально озаглавлено: «La belle dame sans merci» (см. одноименное стихотворение в т. 1 наст. изд., с. 491), затем — «К искупительнице», и, наконец,— «Поединок». Вторая строфа в этой рукописи отсутствует. Первые четыре строки четвертой строфы первоначально читались:

И в страшный год, когда над миром
Свобода облеклась во кровь,
Сказала ты: «Не верь кумирам,
Ищи меня. Люби Любовь!»

В трех последующих рукописях, одной черновой и двух беловых, стихотворение озаглавлено: «Древний поединок». В первой из беловых рукописей, датированной «1906. 1912. 1914», четвертая строфа первоначально читалась:

Когда же, как заря, Свобода
Лучи струила через кровь,
Сказала ты: «Прочь от народа!
Святыня — лишь моя любовь!»
Но гул толпы, как рев пучины,
Покрыл призывные слова...
И,— помню,— с плахи гильотины
Моя скатилась голова.

Во второй беловой рукописи, датированной «1906. 1914», эпиграф:

Ты мне предстань среди тумана
La belle dame sans merci
Все напевы

В *СЦР* датировано 1912. Дата 1906 в двух рукописях является, видимо, ошибкой, так как даже стихотворение «La belle dame sans merci» датировано 27 ноября 1907 г. В наст. изд. в соответствии с рукописями датируется: «Ноябрь 1907. 1912. 1914». *Фта* — один из египетских богов. *Финикиец одноглазый*— карфагенский полководец Ганнибал (карфагеняне были потомками финикийцев) в 216 г. до н. э. разбил при Каннах римское войско *Эмилия Павла*; среди трофеев победители собрали и отправили в Карфаген несколько хлебных мер золотых всаднических перстней (но не *браслетов*).

Антиохия — город в Сирии, столица основанного крестоносцами Антиохийского княжества. *Готфрид* Бульонский (ок. 1060—1100) — один из предводителей первого крестового похода. *Клеопатра, Антоний.*— См. с. 409.

Мумия (стр. 178) — *РМ*, 1913, № 3.

Иксион и Зевс (стр. 179) — *РМ*, 1913, № 1. *Иксион* — в греч. миф. царь мифического племени лапифов, дерзнувший посягнуть на супругу Зевса Геру. Зевс вместо Геры представил Иксиону облако, принявшее облик Геры, и в наказание за дерзостное желание вверг Иксиона в Тартар, где Иксион был прикован к вечно вращающемуся огненному колесу.

Филлида (стр. 179) — альманах «Альциона», кн. 1, 2 изд. М., 1914. В рукописи вместо шестой и седьмой строф:

Но где ты? Только куст миндальный
Напомнит здесь мне о тебе,
Стоит безлистый и печальный
Он, верен роковой судьбе.

Но я вопьюсь в него губами,
Приникну к золотой коре,
И, верю, свежими листами
Он озарится на заре.

Филлида — в греч. миф. фракийская царевна, полюбившая греческого царя *Демофонта*. Когда Демофонт не вернулся в условленный срок, Филлида покончила с собой. По смерти она превратилась в миндальное дерево, и когда Демофонт обнял дерево, оно расцвело.

В разрушенном Мемфисе (стр. 180) — *РМ*, 1913, № 10; без заглавия. *Мемфис* — один из крупнейших городов Древнего Египта, его развалины находятся близ Каира. *Стикс* — река в подземном царстве (*греч. миф.*). *Гиксы* (гиксосы) — кочевые племена, завоевавшие около 1700 г. до н. э. Древний Египет; в период их господства было разрушено много строений и городов. *Тот* — египетский бог луны, наук и магии, его культ был отождествлен с культом одного из богов греческого пантеона — Гермесом.

Сны (стр. 182) — *РМ*, 1913, № 3. В рукописи —эпиграф: «Сны странные порой нисходят на меня. — *З. Гиппиус*» (из стихотворения «Лестница»).

На песке (стр. 183) — альманах «Альциона», кн. I, 2 изд. М., 1914; под заглавием «На арене». В *Избр. пр. III* озаглавлено — «Умирающий раб». В рукописи первая строфа читается:

На песке лежать, без сил, раздавленным
Лапами ликующих зверей;
На потеху черни быть затравленным,
Под ее гудящий вопль: «Добей!»

Бестиарий — помещение для зверей в цирке, *Сполиарий* — помещение, где снимали оружие с убитых гладиаторов; ошибка Брюсова, имевшего в виду ретиария — легковооруженного гладиатора, опутывавшего противника сетью. *Кринали* — женские гребни.

Эпиграф — из стихотворения А. Фета «Поэтам».

1812—1912 (стр. 183) —*РМ*, 1913, № 1. В *Избр. пр. II* озаглавлено «Юбилей».

В рукописи, датированной «Какой-то июнь 1912», после второй строфы еще одна:

Я многое узнал, нащупал те пружины,
Что некогда тебя в высь дерзко вознесли,
Изведал сложные, сокрытые причины,
Что бросили тебя на дальний край земли.

Там же пятая строфа:

И тем сумел ты стать, чем был судьбой поставлен,
Гранитным идолом с бесстрастием лица: —
Как некий символ ты был миру Небом явлен
И этим символом ты пребыл до конца.

В авторизованной машинописи перед девятой строфой еще одна:

Таков был план Судеб, таков был замысл Века:
Протагонист игры, которой правил бог:
Ты должен был явить всю слабость человека,
И, мир уча собой, ты сделал все, что мог.

Ср. более раннее стихотворение Брюсова «Наполеон» (т. 1, с. 160). В комментариях к стихотворению А. Пушкина «Наполеон» Н. Лернер писал: «Стихи о Наполеоне Хомякова, Тютчева и Брюсова говорят о нем, как о громадной и враждебной силе. И лишь Пушкин сказал его тени слово мира и прощения; только Пушкин пытался благородно осмыслить это поразительное историческое явление» (А. Пушкин, Собр. соч., т. 2. П., 1908, с. 575). Возможно, что стихотворение «1812—1912» создавалось не без воздействия этого замечания Н. Лернера. Это тем более вероятно, что в стихотворении Брюсова ясны идейные и стилистические реминисценции «Наполеона» и «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» А. Пушкина. *...ты дерзок при Арколе.*— При Арколе в северной Италии 15—17 ноября 1796 г. Наполеон разбил австрийские войска. *«Где сторожил тебя великий океан»* — перефраз из стихотворения М. Лермонтова «Последнее новоселье»:

Где сторожил его, как он, непобедимый,
Как он, великий, океан!

Вершитель давних распрь, посланник...— перефраз из стихотворения А. Пушкина «Недвижный страж дремал на царственном пороге...»:

То был сей чудный муж, посланник провиденья,
Свершитель роковой безвестного веленья.

Александрийский столп.— См. с. 413. *Вандомская колонна* — в Париже; была установлена в 1806—1810 гг. в честь побед Наполеона.

Тильзит — город на Немане, где в 1807 г. был заключен невыгодный для России договор с Францией. *«Солнце Аустерлица»* — «Вот солнце Аустерлица!» — с этими словами Наполеон обратился к своим офицерам перед Бородинским сражением, желая напомнить о победе над русскими войсками при Аустерлице в 1805 г. *Фридланд* — город в Восточной Пруссии, близ которого 2/14 июня 1807 г. русские войска потерпели поражение в сражении с войсками Наполеона. *Ваграм* — селение в Австрии, где 5—6 июля 1809 г. Наполеон I одержал победу над австрийскими войсками.

Гарибальди (стр. 185) — *РВ*, 1914, 6 апреля, № 80. *Ладзарони* — бродяга, нищий (*итал.*). *Капрера* — островок близ Сардинии, где жил и умер Джузеппе Гарибальди (1807—1882).

Певцу «Слова» (стр. 186) — журн. «Огонек», П., 1915, 22 ноября, № 47.

Петербург (стр. 186) — *СДР*. В рукописи после первой строфы зачеркнуто:

Провидец! он в болотной топи
Надменный город угадал,
И Питербурх, в лицо Европе,
Незыблемым титаном стал.

Сансовино Якопо (1486—1570) — знаменитый итальянский архитектор и скульптор, создатель ряда архитектурных ансамблей в Венеции. *Ле-Нотр* (Ленотр) Андре (1613—1700) — французский архитектор, создатель версальских парков. *Ликург* — легендарный законодатель в Спарте.

Три кумира (стр. 187) — *РВ*, 1913, 25 декабря, № 297. *Три кумира* — три памятника в Петербурге: Петру I (Медный всадник), Николаю I и Александру III.

«Бахус» Рубенса (стр. 188) — *РМ*, 1913, № 3. В рукописи озаглавлено: «Рубенс «Скорпиона» — имеется в виду копия с картины Рубенса, висевшая в редакции «Скорпиона».

ФИОЛЕТОВЫЙ

В душевной глубине

Эпиграфы — первая строка стихотворения А. Майкова без заглавия и строки из стихотворения Ф. Тютчева «Silentium!» (в так называемой «сушково-тургеневской» редакции).

Новая сестра (стр. 189) — альманах «Альциона», кн. 1, 2 изд. М., 1914. В рукописи обозначено место написания — «Noordwijk-aan-Zee» (Нордвейк-ан-Зе) (см. с. 421). Эпиграф — из стихотворения «Одиночество». *Ашера* — древнесемитская богиня. *Ассур* — столица Ассирийского царства.

Умирающий день (стр. 190) — *БВ*, 1915, 28 июня № 14931. В сб. «Опыты» это стихотворение приведено как пример терцин. В рукописи указано место написания — «Варшава». *Парки* — богини судьбы (*римск. миф.*).

Океан — ручью (стр. 191) — *РМ*, 1913, № 7; без заглавия.

Н о ч ь (стр. 192) — *БВ*, 1915, 15 марта, № 14728. Приведено в сб. «Опыты» со следующим примечанием: «Приведенный пример написан со смежными рифмами, постепенно уменьшающимися от семисложного окончания до мужского» («*Опыты*», с. 188). Отсылая это стихотворение, Брюсов писал 5 марта 1915 г. А. А. Измайлову из Варшавы: «...охотно доставлю несколько своих стихотворений для «Биржевых ведомостей». Сейчас могу выслать два, написанные за последнее время. Другие у меня в Москве, и надо их оттуда «выписать». Среди них есть и гораздо более «значительные», чем посылаемые «пустячки». Но не хочется откладывать посылку еще недели на полторы... Если стихи Вам нужны «военные», сообщите: могу прислать и такие, потому что последнее время, за недосугом, печатал стихов мало, а писал довольно много» (*ИРЛИ*). См. также прим. к стихотворению «Царица Страсть» (с. 420).

У с н и, б е л о с н е ж н о е п о л е (стр. 192) — *СЦР*. В рукописи озаглавлено «Поле». В *СЦР* — дата «29—30 окт. 1915». Это явная ошибка или опечатка, так как одна рукопись датирована «1914», а другая «29/30 окт. Варшава». Поскольку в октябре 1915 г. Брюсова в Варшаве уже не было, стихотворение с полным основанием можно датировать 1914 г. В сб. «Опыты» приведено как пример на рифмы предпоследнего слова.

В с е м (стр. 193) — *СЦР*. В рукописи эпиграф: «Я изменил, но ты не изменила...—Mon rêve familier (Urbi et Orbi)». В *СЦР* с датой «1913», противоречащей рукописи.

Н а д о м у т о м (стр. 193) — *БВ*, 1915, 20 сентября, № 15099. Отправляя это и ряд других стихотворений для публикации в *БВ*, Брюсов писал 13 сентября 1915 г. А. А. Измайлову: «...высылаю Вам кое-какие свои стихи, что мог сейчас собрать. Говоря откровенно (я себя всегда критикую строго), стоит внимания лишь одно стихотворение, первое: «Над омутом», не вовсе плохо: «В траве»,— и это все. «Казачье становье» посылаю потому, что об таких Вы просили особенно... «Баллада» — совсем не хороша...» (*ИРЛИ*).

К а л е й д о с к о п (стр. 194).— *СЦР*. В *Грж. экз.* дата исправлена 1913—1915.

В м и н у т у ж и з н и...

Эпиграф — из стихотворения М. Лермонтова «Молитва».

У р а й с к и х в р а т (стр. 195) — *СЦР*; с пропуском третьей строки.

Е д и н о б о р с т в о (стр. 196) — *РМ*, 1914, № 4.

М о л и т ь с я (стр. 197) — *СЦР*. В *Грж. экз.* между пятой и шестой строфами вписана еще одна:

Огни семи цветов
Пленяют бегло взор,
Но это — призрак снов,
И шаток их узор.

Р о н д о (стр. 198)— *БВ*, 1912, 11 марта, № 12831. *Рондо.*— См. т. 1, с. 602.

Ч е й - т о з о в (стр. 198) — *СЦР*.

В л е с у (стр. 199) — альманах «Альциона», кн. 1, 2 изд. М., 1914. В черновой рукописи к дате помета: «до» — то есть до известия

о самоубийстве Н. Львовой. В *Грж. экз.* дата (1913) переделана: «1912—1915». «*Блажени плачущие...*» и далее — из Евангелия от Матфея (5. 4, 6, 11).

На памятном листке

Эпиграфы — из стихотворений П. Вяземского «Альбом» и А. Пушкина «Что в имени тебе моем?..».

Н. Н. Сапунову (стр. 200) — сб. «Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики». М., 1916. Эпиграф—из стихотворения М. Лермонтова «Ангел»; в тексте Брюсова — реминисценции из этого стихотворения. *Сапунов* Николай Николаевич (1880—1912) — русский театральный художник и живописец.

На смерть А. Н. Скрябина (стр. 200) — *РВ*, 1915, 22 апреля, № 91; с подзаголовком «сонет». Александр Николаевич *Скрябин* умер внезапно 14 апреля 1915 г. В письме к И. М. Брюсовой от 18 апреля 1915 г. Брюсов писал: «Умер Скрябин! Я не ожидал, что эта смерть меня так огорчит. Но он был моего поколения. Чуть ли не первый «выбывающий из строя» (*ГБЛ*). См. также приветственный сонет А. Скрябина, прочитанный 18 января 1915 г. на чествовании Брюсова («Известия Московского Литературно-художественного кружка», 1915, вып. 10).

Ф. Сологубу (стр. 201) — *СЦР*. Стихотворение — ответ на триолет Ф. Сологуба:

Зальдивши тайный зной страстей, Валерий,
Ты назвал сам любимый свой цветок.
Он ал и страстен, нежен и жесток.
Во всем тебе подобен он, Валерий.
И каждый день одну из криптомерий
Небрежно ты роняешь на песок.
Сковавши тайный зной страстей, Валерий,
Ты назвал сам любимый свой цветок.

29 декабря 1913 г. СПб.

Игорю Северянину (стр. 201) — *СЦР* . В рукописи первой редакции озаглавлено: «Учителю и вождю Академии эгопоэзии Игорю Северянину». *Игорь Северянин* (Лотарев Игорь Васильевич, 1887—1941) так вспоминал о начале своего знакомства с Брюсовым: «Осенью 1911 г.— это было в Петербурге — совершенно неожиданно, ибо я даже знаком с Брюсовым не был, я получил от него... чрезвычайно знаменательное письмо и целую кипу книг... «Не знаю, любите ли вы мои стихи,— писал он,— но ваши мне положительно нравятся. Все мы подражаем друг другу: молодые старикам, а старики молодежи, и это вполне естественно»... Вскоре я получил от него первое послание в стихах, начинавшееся так: «Строя звуки лиры клирной, братьев ты собрал на брань». В этих стихах он намекал на провозглашенный мною в ту пору эгофутуризм» (газ. «Сегодня», Рига, 1927, 9 октября). На послание Брюсова Северянин ответил стихотворением «Ответ Валерию Брюсову на его послание» (сб. «Громокипящий кубок»). Брюсов напечатал ряд положительных рецензий на первые стихотворения Северянина, но появление его второго большого сборника «Златолира» встретил неодобрительно. В статье «Год русской поэзии. Порубежники» он

писал, что Северянину «предстоит еще большая работа. Во-первых, круг тем, которые разрабатывает поэт, крайне узок... поэзия И. Северянина слишком однообразна и поверхностна. Во-вторых, поэт слишком неразборчив в тех средствах, какими он пользуется для создания своих стихов. Он часто красоту подменяет дешевой красивостью, а золото — безвкусной фольгой» (*РМ*, 1914, № 6). На эту рецензию Северянин ответил раздраженной «Поэзой для Брюсова» (сб. «Victoria Regia»), в которой писал: «Валерий Яковлевич! Вы — завистник, выраженный явно». По поводу выпада Северянина Брюсов писал в июне 1915 г.: «Недовольный моими критическими замечаниями о его книгах, Игорь Северянин позволил себе заявить в стихах, что я ему «завидую». Любопытно, в чем бы я мог «завидовать» Игорю Северянину. Мне было бы стыдно, если бы я оказался автором «Ананасов», и мне было бы обидно, если бы я сделался объектом эстрадных успехов, выпавших на долю Игоря Северянина» (сб. «Критика о творчестве Игоря Северянина», М., 1916, с. 12). Отношение Брюсова к поэзии Северянина с выходом новых его книг становилось все более сдержанным. В письме к И. М. Брюсовой от 1 марта 1915 г. он писал: «Стихи Игоря Северянина местами очень хороши, а местами *очень* плохи,— как всегда. В общем, футуристы стоят на месте, и это весьма прискорбно. Боюсь, что мои надежды на них не оправдаются. А жаль» (*ГБЛ*).

И г о р ю С е в е р я н и н у (Сонет-акростих с кодою) (стр. 202) — альманах «Орлы над пропастью», П., 1912. Ответ Северянина — «Валерию Брюсову. Сонет-ответ (акростих)» (сб. «Златолира»).

Н и к о л а ю Б е р н е р у (стр. 202) — *РМ*, 1913, № 3. Приведено в сб. «Опыты». Среди рукописей еще один сонет-акростих, датированный 9 мая 1912 г.:

Над мирным морем ласково-недвижен
И нежным светом полон небосвод.
Как в этот час мир неба к нам приближен!
Он с нами, здесь, в прозрачной глуби вод!

Ласкает воздух кровли ветхих хижин;
Алеют камни; тишина поет...
Юг дышит тайной, дивно-ненодвижен,
Безмолвно верит, безотчетно ждет.

Есть тайна в Севере, в угрюмой вьюге,
Рыдающей над белым сном снегов,
Но тайна есть и в раскаленном Юге,

Ее пойми! Ее заветный зов
Расслышь в тиши, и откровенье это
Умей вложить в спокойствие сонета!

Бернер Николай Федорович— поэт, автор сборников «Одиннадцать», М., 1915, и «Осень мира», Киев, 1922.

П у т ь к в ы с о т а м (стр. 203) — *СЦР*. Обращено к поэту и писателю Михаилу Петровичу *Гальперину* (1882—1944).

М о й м а я к (стр. 204) — *СЦР*. В сб. «Опыты» с подзаголовком «триолет-анафора». Анафора в данном случае — стихи, «где все слова начинаются с одной и той же буквы... Анафоры были сравни-

тельно обычны в поэзии последних периодов Рима и монастырской средневековой» («*Опыты*», с. 189).

Девятое марта (стр. 204) — *СЦР. Девятое марта* (по старому стилю) — день именин Брюсова; церковью отмечается как день сорока мучеников, в Севастийском озере мучившихся. В стихотворении излагается эта легенда.

Лира и Ось (стр. 205) — сб. «Сирин», III, СПб., 1914; вместе с одноименными стихотворениями Вяч. Иванова, обращенными к Брюсову, под единым заглавием «Carmina amoebaea». В первой строфе «Оси» Брюсов перефразирует следующие строки Вяч. Иванова:

Ристатель! коль у нижней меты
Квадриги звучной дрогнет ось,
Твори спасения обеты,
Бразды руби и путы сбрось.
И у Пелопса ли возницы,
У Ономая ли проси
Для новых игрищ колесницы
На адамантовой оси.

Вяч. Иванов и позже не отказался от своей точки зрения на творчество Брюсова, выразившейся, в частности, и в этом стихотворении. В речи на вечере поэзии Брюсова 5 марта 1916 г. он говорил: «Брюсов-лирик — фаталист в своем восприятии земной жизни и жизни загробной, в переживаниях любви и страсти, в воспоминаниях о прошлом человечества и в гаданиях о временах грядущих, в наблюдениях над шумящею окрест современностью и в монологах-признаниях о себе самом, о своей влюбленности в манящие омуты и в ночь небытия. В самых соблазнительных своих призывах к дерзкой самочинности и к переходу за все черты и грани он остается верен своему основному пафосу фаталистического детерминизма» (газ. «Утро России», М., 1916, 17 марта, № 77).

В рукописи стихотворение «Ось» первоначально читалось:

Да, так! Моя у нижней меты
Квадрига рухнула во прах,—
И руки зрителей воздеты,
На лицах у весталок страх.
Но спицы верные не дрогнут,
Губитель! нож мой вознеси...
Я, не повергнут и не согнут,
Стою у сломанной оси.

Ристатель, я не брошу строя,
Но силы прежние утроя,
Вновь вожжи крепко закручу.
Уже на колеснице новой,
Длить состязание готовый,
Стою, склоняя стан, лечу.

С драконами ль твои, Медея,
В твоем ли виде, Триптолем,
Лечу, кометой пламенея,
Я ввысь, не сдержанный ничем,

Стою и стан склоняю косо,
Как на земле и в небеси,—
Пусть вихрятся в огне колеса
На адамантовой оси.

И снова, как пред новой битвой
Губителю былой молитвой
Молюсь, покорно говоря:
«Да, на высотах небосклона
Судьбы миную Фаэтона,
В венце божественном горя».

Медея (*греч. миф.*) — возлюбленная Ясона, волшебница, бежала из Коринфа на колеснице, запряженной крылатыми драконами. *Триптолем* (*греч. миф.*) — на колеснице, ось которой держали драконы, объезжал мир и учил народы земледелию. *Фаэтон* — См. т. 1 наст. изд., с. 654.

ДЕВЯТАЯ КАМЕНА

Название этого (девятого по счету) сборника стихов появилось у Брюсова задолго до начала работы над ним. Еще в проспекте «Полного собрания сочинений и переводов» (изд. «Сирин», 1913) том седьмой обозначен: «Девятая Камена. Девятая книга стихов (1-е изд.)». К непосредственной работе над сборником Брюсов приступил только четыре года спустя. В предисловии к *ПМ* он писал: «...предлагаемый сборник *отделен* от вышедшего в 1915 г., под заглавием «Семь цветов радуги», *целой книгой*, в печати еще не появлявшейся: «Девятая Камена». По обстоятельствам нашего времени, эта книга, вполне приготовленная к печати еще в 1917 г. (и набранная в одной петроградской типографии в 1918 г.), поныне еще остается в рукописи, только небольшая часть стихов, образующих эту книгу, была напечатана в сборнике «Опыты», М., 1918 г., а 3—4 стихотворения,— по сродству тем с другими,— включены в «Последние мечты».

После неудачи с изданием 1918 г. Брюсов предполагал включить «Девятую Камену» в четвертый том своего собрания сочинений, которое должно было выйти в издательстве Гржебина. Но оно также не увидело света. Ни при жизни Брюсова, ни после его смерти сборник «Девятая Камена» так и не был издан, появлялись лишь отдельные стихи в составе «Неизданных стихотворений» или «Избранных произведений».

К сожалению, не удалось разыскать корректуры сборника 1918 г., не сохранилось в архиве Брюсова даже оглавления этого издания. Поэтому состав его остается пока неизвестным.

В архиве Брюсова сохранилась рукопись «Девятой Камены», подготовленная для издания в составе собрания сочинений, которое должно было выходить в изд. «Парус» или в изд. Гржебина (хранится в *ИРЛИ*; в дальнейшем эта рукопись обозначается *ДК*). Рукопись сохранилась не полностью (многие листы заменены позднейшими машинописными копиями), но оглавление и различные пометы Брюсова дают возможность реконструировать полный состав этой книги. Расположение стихотворений, членение сборника на разде-

лы, объединение стихотворений в циклы воспроизводится в наст. изд. по этой рукописи.

Отдельные стихотворения из «Девятой Камены» Брюсов печатал в периодике и включал в свои сборники: *«Опыты»*, *ПМ*, *Круг.*, *Избр. пр.* Печатные тексты стихотворений лишь в редких случаях отличаются от *ДК*.

Большинство текстов в наст. изд. печатается по *ДК*. Исключение составляют лишь те стихотворения, которые появились в печати или существуют в рукописях, в редакциях более поздних по сравнению с редакцией *ДК*. По соответствующим публикациям воспроизводятся те стихотворения, текст которых в *ДК* отсутствует или заменен позднейшими копиями. В тех случаях, когда стихотворение печатается по *ДК*, источник текста в примечаниях не оговаривается. Во всех остальных случаях в примечаниях указывается источник текста.

Большинство автографов стихотворений, входящих в «Девятую Камену», хранится в *ИРЛИ*; ссылки на эти рукописи приводятся в примечаниях без указания мест хранения.

Эпиграф — неточная цитата из «Евгения Онегина» («Отрывки из путешествия Онегина»). *Камены* — музы (*римск. миф.*).

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

О ж и д а н ь я (стр. 209) — *РМ*, 1916, № 11; под заглавием «Нет! ожиданья еще не иссякли»; в составе цикла «Перезвучия», включающего: «Лишь безмятежного мира...», «Ожиданья», «Привет через звезды», «Это — надгробные нении...», «Утренняя тишь», «Последний спор». *Табернакль* — шатер (от *лат.* tabernaculum). *Пентакли* — астрологические знаки. *Миракли* — чудеса (от *лат.* miraculum). *...на веселом ценакле...*—на пиру (от *лат.* cenaculum).

Д е с я т а я ч а с т ь (стр. 210) — «Ежемесячный журнал», П., 1917, № 1. Печатается по *Круг.*

Л и ш ь б е з м я т е ж н о г о м и р а... (стр. 212) — *РМ*, 1916, № 11. Печатается по сб. «Опыты», где это стихотворение и стихотворения «Окровавленные ночи», «Это — надгробные нении...», «Утренняя тишь», «Последний спор» приведены Брюсовым как примеры «перезвучий», то есть «различного размещения конечных и серединных рифм» (*«Опыты»*, с. 189). В черновой рукописи строки 8 и 9 читаются:

Жаждет усталое сердце лишь безмятежного мира,
Лишь тишины без желаний жаждет душа, наконец.

Офир — в Библии: земля, откуда корабли царя Соломона привозили золото и драгоценности. Нарицательно — край, полный сокровищ.

О ж е р е л ь я д н е й (стр. 212) — журн. «Летопись», П., 1917, № 7-8; сб. «Ветвь», М., 1917, под заглавием «Ожерелье дней». Первый черновой набросок первой строфы датирован 10—11 февраля 1916 г.:

Мне ль жизнь осмыслить? мне ль, кто беззаботен,
С алчбой ловил дождь опалявших дней,
Кого бессменно жгут — пятнадцать сотен
Потухших, но безжалостных огней!

Второй вариант этой строфы относится к маю 1916 г.:

Мне ль жизнь осмыслить? мне ль из камня высечь
Неверный образ воплощенных дней,
Кого бессменно жгут — пятнадцать тысяч
Зеленых, алых, голубых огней.

На этом же листе черновой набросок первых строф стихотворения, озаглавленного «После сорока лет»:

Мне жизнь пора спокойно подытожить.
Уже — в былом сороковой порог,
И, если дни на ряд годов помножить,
Пятнадцать сотен превзойдет итог.

Пятнадцать сотен дней, порой несчастных,
Порой счастливых, но всегда живых:
Как ожерелье бус: кроваво-красных,
Как пламя, синих, жгучих, огневых.

И ожерелье — душит: давит шею,
Стеснило грудь и плечи оплело.
Порвать сплетенья — не могу, не смею,
Гнетет, что было: и добро и зло.

Какие ж камни сброшу я: не вас ли,
В которых страсть глухим горит огнем?

И душит ожерелье, давит шею,
Жмет грудь, палит, впивается как яд:
Порвать те путы не могу, не смею,
И день за днем, они

В недатированной черновой рукописи стихотворение озаглавлено также «После сорока лет». На ее полях произведенный Брюсовым подсчет прожитых дней: «365×42=15330».

О себе самом (стр. 214) — сб. «Весенний салон поэтов», М., 1918, с примечанием: «Автор последовательно издавал сборники стихов под заглавиями «Juvenilia», «Chefs d'œuvre», «Me eum esse» (Это я), «Tertia vigilia» (Третья стража), «Urbi et Orbi» (Граду и миру), «Stephanos» (Венок), «Все напевы», «Зеркало теней», «Семь цветов радуги», «Девятая Камена». Печатается по этому тексту, который, как явствует из рукописей, должен считаться последней редакцией.

В *ДК* под заглавием «Девятая Камена»; две первых строфы читаются:

Когда мечты любви томили
Ребенка, он, впивая их,
Влил в дерзкой книге «Ювенилий»
Свой ранний опыт в робкий стих.

И сны веков мечтам предстали:
Японский штрих, французский сеср,
Глаза камей, черты медалей,—
Чтоб новой жизнью жить в «Chefs d'œuvre».

Мусагет — Аполлон, руководитель муз (по-гречески: Мусагет).

В рукописях *(ГБЛ)* варианты названия цикла: «В наши дни», «После февральских дней».

М о л и т е с ь (стр. 216) — журн. «Летопись», П., 1917, № 5-6. Печатается по *ПМ*. В рукописи и двух авторизованных машинописях (*ГБЛ*) заглавие «Молитесь о праздничных розах». Оценивая номер журнала «Летопись», в котором было напечатано стихотворение Брюсова, Леонид Дашков писал в «Литературных заметках»: «Летопись, май — июнь открывается прекрасным стихотворением В. Брюсова, написанным уже после переворота, но не злободневным, как его военные стихи. Поэт напоминает о вечных ценностях, о Красоте, которую и Революция не сможет отринуть. В наши дни это напоминание особенно ценно» (газ. «Свобода и жизнь», М., 1917, 7 августа, № 4). Брюсов намеревался напечатать в «Летописи» целый цикл стихотворений, представляющих собой отклики на Февральскую революцию. 7 марта 1917 г. он писал А. М. Горькому: «Хочу прислать «Летописи» свои стихи о современных событиях, уже целый «цикл», из которого 2 стихотворения были напечатаны в «Русских ведомостях» («М. Горький. Материалы и исследования», т. 1. Л., 1934, с. 189).

К П е т р о г р а д у (стр. 217) — журн. «Летопись», П., 1917, № 1; без эпиграфа. Эпиграф—из второй части «Медного всадника». В рукописи стихотворение озаглавлено «Петроград во дни войны». Первые две строфы читаются:

Город Змеи и Медного Всадника,
Пушкина город и Достоевского,
Сумрачно-странный,
Глухо-туманный!
От кабаков до берега Невского,
От небоскреба до палисадника,
Многопартийный
Вечно-единый!

Счастье ль сияет, дни ль многотрудные,—
Тот же ты, сжатый огненным помыслом!
Дни роковые
Тебе, о Россия,
Посланы ныне божеским промыслом...
Что ж! Эти дни, тяжелые, судные
Пусть и не отжиты,
Тот же ты! тот же ты!

О с в о б о ж д е н н а я Р о с с и я (стр. 218) — *РВ*, 1917, 3 марта, № 49.

Н а у л и ц а х (стр. 219) — *РВ*, 1917, 5 марта, № 51. В письме А. М. Горькому, датированному «7 марта, русской свободы год I», Брюсов писал: «Не начинаю письма поздравлениями, потому что это само собой разумеется. Не для созвучия только я недавно (в «Русских ведомостях») рифмовал «красные флаги» и «маги». Искренно кажется порой, что все это — сон, магическое наваждение. Все мы ждали и верили, но верили, что жданное сбудется «когда-то», через годы, и вдруг, чуть не в один день, мечта стала простой правдой. Предвижу, конечно, разные опасности, но все же то, что есть, *слишком*

хорошо: почти — страшно» («М. Горький. Материалы и исследования», т. 1. Л., 1934, с. 188).

В м а р т о в с к и е д н и (стр. 220) — *Круг.* Печатается по *Избр. пр. III.* В рукописи первой редакции (в этой же редакции оно и в *ДК*) стихотворению предпослан эпиграф: «Дай мне минувших годов увлечения.— *К. Случевский*» (первая строка стихотворения без заглавия). В рукописи второй редакции стихотворение озаглавлено «Март 1917 года». Эта рукопись, написанная по новой орфографии, может датироваться 1923—1924 гг., поскольку в *Круг.* (1922) стихотворение напечатано в редакции, очень близкой к первой.

С т о л п о г н е н н ы й (стр. 221) — газ. «Одесский листок», 1917, 2 апреля, № 89.

В рукописи, датированной 3 марта 1917 г., две последние строфы читались:

Чтоб совершились ожиданья,
В трудах мы соблюдем Завет,—
Да не постигнут нас блужданья
Еще на сорок долгих лет!

Свобода, столп живого света,
Наш гимн восторженный тебе!
Но да звучит в словах поэта —
Призыв к труду, призыв к борьбе!

Окончательный текст — 4 марта 1917 г.

Столп огненный — см. прим. на с. 411 наст. тома. *Хорив* — гора, на которой Моисей беседовал с богом, после того как его народ стал поклоняться золотому *тельцу*; за это и другие отступничества бог еще на *сорок лет* продлил скитания евреев в пустыне.

С в о б о д а и в о й н а (стр. 222) — газ. «Приазовский край», Ростов-на-Дону, 1917, 22 апреля, № 16. Брюсов восторженно приветствовал Февральскую революцию: «...только враги родины могут отрицать всемирно-историческое значение недавних событий, в корне изменивших государственный строй в России...» — писал он в марте 1917 г. (В а л е р и й Б р ю с о в. Как прекратить войну? М., 1917, с. 5). Самое насущное требование жизни, «основное стремление народа», он видел в необходимости прекратить войну: «Война всегда — величайшее зло; война — проклятие и ужас истории; война — пережиток варварства, недостойный, позорный для просвещенного человечества. Но в наши дни, для России, война — зло двойное, тройное» (т а м ж е, с. 8). Однако Брюсов разделял широко бытовавшие среди либеральной интеллигенции опасения, что заключение сепаратного мира с Германией может привести к тому, что Германия отторгнет ряд исконно русских областей, навяжет России огромную контрибуцию, чем подорвет русскую экономику и не даст укрепиться ее новым государственным устоям. В первые месяцы после Февральской революции Брюсов считал, что Россия вынуждена продолжать войну, но в то же время вести деятельную подготовку к заключению мира. Утверждая необходимость мирных переговоров, Брюсов высоко оценил обращение Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов к германским социал-демократам о заключении мира и назвал его «благородной попыткой» (т а м ж е, с. 18). См. также прим. к стихотворению «Тридцатый месяц» (с. 446 наст. тома). *Ван* — озеро в Турции, близ него во

время мировой войны шли бои между русскими и турецкими войсками. *Ускюб* — город в Европейской Турции. *Лувен* и *Гент* — города в Бельгии, сильно пострадавшие во время немецкой оккупации в годы первой мировой войны.

Из дневника (стр. 223). 1. Полно — газ. «Народный вестник», М., 1917, 6 июня, № 5; 2. Потоп — журн. «Путь освобождения», М., 1917, июль, № 1. В рукописи вариант начала:

Долготерпенье истощилось,
И хлынул дождь с высот.
Разверзлись хляби, море вскрылось
И встали горы вод.

ПРЕД ЗРЕЛИЩЕМ ВОЙНЫ

Орел двуглавый (стр. 225) — Валерий Брюсов. Избранные стихотворения. М., 1945. На машинописи *ДК* помета Брюсова: «Написано в 1914 г., до объявления войны». *...с диким кобчиком... вступил он в бой...*— намек на русско-японскую войну 1904—1905 гг.

Противоречия (стр. 226)—1. Песни; 2. Любимые мелочи — газ. «Русские ведомости», М., 1915, 25 декабря, № 296; без заглавий, как отдельные стихотворения.

Падшие цари (стр. 227)—*БВ*, 1916, 28 декабря, № 16006. *...в дни Пиев и Гальб*— имена нескольких римских правителей и полководцев (напр., императоры Сервилий Гальба, I в. н. э., Антонин Пий, II в. н. э)... *горделиво смотрел Ганнибал...*— Знаменитый карфагенский полководец Ганнибал в 218 г. до н. э. перешел Альпы и нанес римлянам тяжелое поражение.

Рыбье празднество (стр. 228) — *БВ*, 1916, 1 мая, № 15531. Печатается по этому тексту. В *ДК* помета Брюсова: «Написано после германского объявления о беспощадной морской войне». Брюсов имел в виду следующее: 4 февраля 1915 г. Германия объявила, что в водах вокруг Великобритании и Ирландии с 18 февраля будет вестись беспощадная подводная война, угрожающая уничтожением любому торговому судну, «не считаясь с безопасностью находящихся на борту». Особое негодование во всем мире вызвало нападение немецких подводных лодок на пассажирские пароходы «Фалаба» (28 марта 1916 г.) и «Лузитания» (7 мая 1915 г.), на которых погибло 1302 человека (Х. Вильсон. Морские операции в мировой войне 1914—1918 гг. М., 1935, с. 108—110). Отправляя стихотворение для публикации в *БВ*, Брюсов писал 4 апреля 1916 г. А. А. Измайлову: «Рыбье празднество» — столь не в моем духе, что я и судить не берусь, терпимо ли это» (*ИРЛИ*). *...разыграет Демеля...*— Рихард Демель (1863—1920) немецкий писатель; с началом мировой войны резко изменил свои позиции, стал ярым шовинистом и даже отправился на фронт добровольцем. *...и огонь твой, Эльм!* — «Моряки считают появление на мачте так называемого «огня св. Эльма» за дурной знак, предвещающий крушение». (*Прим. Брюсова в БВ.*)

Разговор (стр. 229) — *РВ*, 1916, 10 апреля, № 83. Стихотворение написано по поводу сражений на Кавказском (русско-турецком) фронте в 1915—1916 гг. В декабре 1915 г. началось крупное наступление русских войск, в результате которого 3 февраля 1916 г. был взят Эрзерум (ныне — Эрзурум). Развивая достигнутые

успехи, русские войска при содействии Черноморского флота 5 апреля 1916 г. заняли Трапезунд (ныне — Трабзон) — крупный турецкий порт на Черном море.

Тридцатый месяц (стр. 233) — газ. «Новая жизнь», П., 1917, 4 июня, № 40. Печатается по *Кругу*.

Первый, черновой, набросок стихотворения датирован январем 1917 г., то есть именно тем месяцем, когда исполнилось тридцать месяцев со дня начала первой мировой войны (15 июля 1914 г.). Вторая редакция стихотворения — 26 апреля 1917 г., но дата создания стихотворения на этой рукописи обозначена февралем 1917 г. Эта же дата (февраль 1917) сохранилась и во всех печатных источниках. В наст. издании принята дата первой рукописи. Третья строфа в рукописи читается:

Тридцатый месяц, бог Европы,
Свободный Труд — рабом Войны:
Им нивы и луга — в окопы,
В ряды твердынь обращены.

В машинописи стихотворение первоначально было подписано — «В. Бакулин» (один из псевдонимов В. Брюсова). Брюсов сомневался в целесообразности публикации этого стихотворения. Из редакции газеты «Новая жизнь» Брюсову писали: «Пока мы получили всего лишь несколько стихотворений, из них наиболее подходящее для газеты бесспорно «Тридцатый месяц». Ваше желание не печатать это прекрасное стихотворение глубоко нас огорчило, а Ваши опасения кажутся неубедительными. Очень важно, чтобы именно Вы сказали то, что сказано в «Тридцатом месяце», и сказано так, как еще до сих пор никому не удавалось в поэзии. Поэтому мы очень просим Вас разрешить нам напечатать стихотворение за Вашей подписью» («Литературное наследство», т. 27-28, М., 1937, с. 656). В ответ на нападки, посыпавшиеся после появления этого стихотворения, Брюсов предполагал напечатать следующее открытое письмо:

«Несколько слов о себе. Мои стихи «Тридцатый месяц», помещенные в № 40 «Новой жизни» (4 июня), подали повод некоторым изданиям обвинять меня, так сказать, в измене убеждениям. Валерий Брюсов, говорят мои критики, прежде восхвалял войну, а став сотрудником «Новой жизни», начал писать против войны. Так как критикуется не достоинство моих стихов, а моя позиция человека и гражданина, я считаю себя вправе ответить несколько слов.

Во-первых, почему, «став сотрудником, начал писать такие стихи», а не наоборот: «начав писать такие стихи, сделался сотрудником»? Не естественнее ли предположить, что «Новая жизнь» потому и предложила мне участвовать на ее страницах, что ждала от меня стихов, не противоречащих ее программе? Во-вторых, я никак не вижу в своих стихах «измены своим прежним убеждениям», но даже отказа от прежних взглядов, всегда возможного у человека, который мыслит, идет вперед, иное из своего прошлого осуждает. В моем стихотворении сказано:

Призывы светлые забыты
Первоначальных дней борьбы...

Если в «первоначальные дни борьбы» слышались «*светлые* призывы», почему же поэту было не приветствовать их? И, наконец, в-третьих, дата, поставленная под стихотворением, и самое его

содержание, где идет речь о *тридцатом* месяце войны, показывает, что стихи были написаны еще до основания «Новой жизни» («Литературная газета», М., 1932, 11 октября, № 46).

В АРМЕНИИ

В 1915 г. В. Брюсов начал работу над подготовкой сборника «Поэзия Армении». В связи с этой работой Бакинский совет Общества любителей армянской словесности 25 ноября 1915 г. пригласил его прочитать ряд лекций об армянской литературе («Известия Академии наук Армянской ССР», общественные науки, Ереван, 1959, № 5). В январе 1916 г. Брюсов посетил Баку, Ереван, Эчмиадзин, Тбилиси.

К а р м я н а м (стр. 234) — сб. «В помощь пленным русским воинам», М., 1916. Печатается по этому тексту. *...и гром глухой походов Кира...*— «Во всех войнах, которые вели персидские цари, армяне неизменно участвовали в войске, на стороне своего государя. Так, корпус армянских воинов был в армии Ксеркса (480 г. до н. э.); армяне содействовали Артаксерксу Мнемону в его борьбе с братом Киром Младшим (401 г. до н. э.); наконец, армяне бились, вместе с персами, против Александра Великого при Гавгамелах (331 г. до н. э.)» (В а л е р и й Б р ю с о в. Летопись исторических судеб армянского народа. М., 1918, с. 21). *...при Каррах...*— См. с. 450 наст. тома. *...за мечом Юстиниана вели на бой свои полки.*— Юстиниан (483—565) — византийский император. В те времена Армения была разделена между Византией и Персией. «Недовольство армян персидским владычеством выражалось в целом ряде восстаний... Успешные войны Юстиниана... с персами отдали империи еще пять сатрапий персидской Армении» (В а л е р и й Б р ю с о в. Летопись исторических судеб армянского народа. М., 1918, с. 52). *...при Чингиз-хане, Ленгтимуре, при мрачном торжестве Луны* — то есть во времена монгольского нашествия и турецкого владычества. «В этот тяжелый период единственной областью, где армянский народ мог проявить свободное творчество, оставалась литература. Укрываясь за монастырскими стенами, армянская мысль продолжала гореть ярким пламенем... литературная жизнь не умирала, несмотря ни на какие внешние удары, доказывая, что жив и дух армянского народа» (т а м ж е, с. 96, 97). *...край наирский...* — Наири — древнее название Армении. *Агурамазда* (Ахурамазд) — высшее божество древнеперсидской религии. *Тигран.*— См. с. 449—450 наст. тома.

К А р м е н и и (стр. 237) — *РВ*, 1915, 25 декабря, № 296; без заглавия, с последней строфой:

Не прозвучал мне с хартий пыльных,
Из позабытых миром строк
Обет безвольных снов могильных,
Но зов борьбы, призывы сильных
И стойкой твердости урок!

Брюсов одно время намеревался напечатать это стихотворение вместе с циклом своих стихов «В древней Армении» (см. ниже примечание к стихотворению «В Тифлисе») в *РМ*. 23 марта 1916 г.

он писал сотруднице редакции *РМ* А. П. Татариновой: «Посылаю еще одно стихотворение: «Армении». Оно *было напечатано* в «Русских ведомостях», но с другим концом (таково было желание редакции, не мое). Я желал бы еще раз напечатать его (разумеется, без оплаты гонораром,— это мое принципиальное условие) в подлинном виде. Тогда оно могло бы быть поставленным, как *первое*, перед циклом, посланным мною ранее. Можно сделать примечание, что «стихи были напечатаны в «Русских ведомостях» 25 декабря 1915 года, но помещаются здесь для полноты цикла».Через три дня, 26 марта 1916 г., Брюсов писал ей же, возвращая корректуру своего цикла: «Перечтя свои стихи, я пришел к выводу, что добавлять стихотворение «Армении» не следует: оно не вяжется с дальнейшими. Может быть, «Русская мысль» согласится позднее напечатать другой цикл моих стихотворений, где «Армении» будет на месте» (*ИРЛИ*). Но и позднее стихотворение в *РМ* напечатано не было. В *ДК* датировано: «Декабрь 1915. Январь 1916. Москва. Тифлис». В наст. издании принята дата рукописи (9 декабря 1915 г.), поскольку уже тогда стихотворение было дано в окончательной редакции. *В сретенье денницы* — буквально: при встрече утренней зари.

Б а к у (стр. 238) — *Избр. пр.*, *III*. Печатается по этому тексту. Стихотворение написано во время второй поездки Брюсова в Закавказье, куда он выехал 14 января 1917 г. На одной из рукописей помета И. М. Брюсовой: «Продиктовано Валерием Яковлевичем в Баку И. Брюсовой», и дата ее же рукой: «25 января 1917 года. Баку». «Автор считает нужным пояснить некоторые выражения своих стихов, написанных им в феврале ‹январе.— *А. К.*› этого года, во время пребывания в Баку. *Нордом* бакинцы называют северный ветер; когда он дует, в городе наступают холода. В Баку находится *авиационная школа*, и почти ежедневно перед городом проходят упражнения на гидропланах. *Ахтуба* — русло Волги. *Масис* — армянское название Арарата. По данным геологии, *Каспийское море*, в прежние эпохи, занимало гораздо большее пространство, нежели ныне, и соединялось с Черным и Азовским. Бакинские «выпки», где добывается нефть, бесспорно, стоят там, где прежде было морское дно. Все эти впечатления и воспоминания и дали содержание стихотворению, выдержанному в несколько шутливом тоне». (*Прим. Брюсова. — машинопись ГБЛ.*)

В Т и ф л и с е (стр. 239) — *РМ*, 1916, № 5; в цикле «В древней Армении», состоящем из пяти стихотворений: 1. К Арарату, 2. «Море прибоем взмятеженным...» (Путевые заметки, 1), 3. В Баку («Стыдливо стучатся о пристань валы...»), 4. В Тифлисе, 5. Арарат из Эривани. В *РМ* примечание Брюсова к строке «...*грузинского дворца*...» — «Тифлис был столицей грузинского царства. *Тамара* — знаменитая царица Грузии (1184—1213); *Саят-Нова* — знаменитый армянский народный поэт (1712—1795)». *Эталаж* — выставка товаров (*франц.* étalage).

П у т е в ы е з а м е т к и (стр. 240)—1. «М о р е, п р и б о е м в з м я т е ж е н н ы м...» — *РМ*, 1916, № 5, с примечанием: «В Петровск-порте железная дорога подходит к самому морю». *Петровск-порт*—ныне город Махачкала. 2. «И с к р ы п о т о к а м и с е я...».— Печатается впервые. *Сказочный край Прометея*...— По греч. мифу, Прометей был прикован по повелению Зевса на Кавказе. ...*море безбрежное слез*...— В эти годы турки особенно жестоко преследовали армян. «Как известно, в начале войны часть армянских земель (до области Вана) была занята русскими войсками, в дру-

гих же турки продолжали свою прежнюю политику, не останавливаясь перед такими грандиозными избиениями, на которые не отваживался и Ленгтимур» (В а л е р и й Б р ю с о в. Летопись исторических судеб армянского народа. М., 1918, с. 100). 3. «Р а з н о о д е ж н а я, р а з н о п л е м е н н а я...» — В а л е р и й Б р ю с о в. «Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1963. *Смбаты, Аршаки, Тиграны...*— «Смбат, Аршак, Тигран — имена многих армянских царей». *(Прим. Брюсова в ДК.) Елисаветполь* — ныне город Кировабад Аз. ССР.

К А р а р а т у (стр. 241) — *РМ*, 1916, № 5. Печатается по *Избр. пр., III*. В рукописи, *РМ* и *Круг*. четвертая строфа читается:

Внизу, на поле каменистом,
Овец ведет пастух седой,
И длинный посох, в свете мглистом,
Похож на скипетр вековой.

...похож на Авраамов жезл.— Авраам — библейский патриарх. «*Алагяз* — гора; в армянских народных песнях Арарат (Масис) всегда олицетворяется как старец, а Алагяз,— как дева в короне (верхние зубцы Алагяза напоминают, по форме, венец)». (*Прим. Брюсова в РМ.*)

А р а р а т и з Э р и в а н и (стр. 242) — *РМ*, 1916, № 5. *Эривань* — ныне Ереван. «*Зангу* — река в Эривани. *Стены Саардара* (т. е. «господина») — развалины древней крепости в Эривани. *Масис* — армянское название Арарата. *Малый Арарат* — расположен рядом с Большим Араратом; обе горы — вулканического происхождения и представляют собою почти правильные конусы». (*Прим. Брюсова в РМ.*) *Раины* — пирамидальные тополя. *...дым, сталь, огни, тела и кровь...*— Речь идет о сражениях, происходивших в то время на русско-турецком фронте.

В Б а к у (стр. 243) — *РМ*, 1916, № 5. Печатается по этому тексту. В рукописи место написания стихотворения обозначено иначе — Кюр-Дамир (город в Азербайджане).

В *Избр. пр. III* и в авторизованной машинописи (*ГБЛ*) последняя строфа читается:

На улице быстрая смена толпы,
Случайных собратий,
И гордо стоят нефтяные столпы
На Биби-Эйбате.

«*Спарапеты*, в древней Армении,— военачальники. Армяне участвовали в осаде Киром Старшим Вавилона. *Биби-Эйбут* — местность под Баку, одно из мест добычи нефти». *(Прим. Брюсова в РМ.)*

Т и г р а н В е л и к и й (стр. 244) — газ. «Приазовский край», Ростов-на-Дону, 1916, 25 декабря, № 340. «Тигран Великий, царь Армении, с титулом «царя царей» (95—56 гг. до р. Х.), вел, в союзе с Митридатом Понтийским, удачную борьбу с Римом и расширил пределы армянского царства «от Куры до Иордана и от гор Мидийских до Киликийского Тавра». Позднее Тигран потерпел неудачу, отчасти под влиянием измены своего сына Тиграна Младшего. Чтобы спасти свое царство от разгрома, Тигран согласился

явиться в стан Помпея, пешком и без диадемы, и преклониться пред римским полководцем. Помпей оставил армянскому царю его трон, его титул «царя царей» и большую часть его завоеваний, которые Тигран и передал впоследствии своему сыну и наследнику Артавазду II (56—33 гг. до р. Х.). Помимо того, Тигран известен как поклонник эллинской культуры, которую и старался распространить среди своего народа, между прочим, отожествляя национальных богов с божествами Олимпа; богиня Нанэ была отожествлена (впрочем, несколько позднее) с Афиной-Палладой». (*Прим. Брюсова в ДК.*)

Победа при Каррах (стр. 245) — журн. «Армянский вестник», М., 1917, 8 января, № 2. Печатается по этому тексту.

В рукописи третья строфа читается:

И, вместо головы Пенфея,
Ужасный дар вознес Ясон!
И, новой страстью пламенея,
Главу соперника Помпея
Пред зрителями бросил он.

Последняя строфа в рукописи также в иной редакции:

В пыланьи алого заката
Тем плеском буйно-молодым,
Восторгом гордости объята,
Царя венчала Арташата,
Сломившего надменный Рим!

«Битва при Каррах (53 г. до р. Х.) произошла при армянском царе Артавазде II (56—33 г. до р. Х.), сыне Тиграна Великого. Римские историки считают поражение при Каррах самым тяжелым после несчастных сражений при Аллии (с галлами), и при Каннах (с Ганнибалом). Во главе римских легионов стоял Красс, один из членов так называемого «первого триумвирата»; во главе армяно-парфских войск — парф Сурена. В бою пало свыше 20 000 римлян; 10 000 было взято в плен; захвачены были римские «значки» (знамена) и весь военный обоз; был убит и Красс, вместе со своим сыном. Сурена приказал отрубить у Красса голову и правую руку и отвезти эти кровавые трофеи царям, армянскому — Артавазду и парфскому — Ороду. Цари находились в новой армянской столице, Арташате, где праздновали бракосочетание парфского царевича, Пакура, с сестрой Артавазда. Посланный Сурены, по имени Силлах, нашел обоих царей в театре, где исполнялась трагедия Еврипида «Вакханки»,— приезжей труппой греческих актеров, конечно, на греческом языке. Перебежав театр, Силлах поднялся на сцену, преклонился перед царями и бросил голову Красса актеру, игравшему роль Агавы. Этот актер (до нас дошло его имя: Ясон Траллъский) по ходу пьесы должен был показать зрителям голову Пенфея, растерзанного менадами. Вместо того, Ясон схватил голову римского полководца и, бросая ее на подмостки, продекламировал подходящие стихи трагедии: «Мы, по обычаю, приносим из гор домой нашу добычу, рога оленя, только что убитого на счастливой охоте!» Весь театр был охвачен взрывом энтузиазма; все рукоплескали, приветствуя царя и поздравляя друг друга с победой над сильным врагом». (*Прим. Брюсова в ДК.*)

Эпиграф — из стихотворения К. Бальмонта «Нить Ариадны».

З о л о т о й о л е н ь (стр. 247) — газ. «Новая жизнь», П., 1917, 24 декабря. В *ПМ* с датой 1916. В наст. изд. принята дата, проставленная Брюсовым в рукописи (*ГБЛ*), в первой публикации и в авторизованной машинописи этого стихотворения. В рукописи (*ГБЛ*), предназначавшейся в дар художнику и коллекционеру И. С. Остроухову (1858—1929), посвящение: «Посвящаю Илье Семеновичу Остроухову, вниманию которого я обязан этими стихами. Валерий Брюсов». Среди рукописей (*ГБЛ*) фрагмент первоначальной редакции конца стихотворения, датированный 1917 г.:

На мне печать тысячелетий,
Скиптродержавных рас восторг,
Меня — лишь вы, земные дети,
Посмели выставить на торг!

Младенцы! вам еще неведом
Последний трепет красоты!
Нет! я не путь к ее победам:
Но все во мне ее черты!

Я — то, что было и что будет,
Что властен видеть человек.
И пусть ваш мир меня осудит —
Жду. Мой в веках вернется век!

Этот вариант был опубликован как самостоятельное стихотворение в *Acad.*, с. 640.

М ы — с к и ф ы (стр. 248) — «Скифы», сб. 1, П., 1917; под заглавием «Древние скифы». Редактор сб. «Скифы» Р. В. Иванов-Разумник вспоминал: «Кстати рассказать: в первом сборнике было напечатано стихотворение Валерия Брюсова «Скифы», и тогда мы говорили с Александром Александровичем ‹Блоком.— *А. К.*›, насколько эти брюсовские «Скифы» мало подходят к духу сборника (настолько мало подходят, что, печатая их, мы, редакция сборника, сами переименовали их в «Древних скифов» — так и было напечатано), говорили и о том, какие «Скифы» должны бы были быть напечатанными» (сб. «Памяти Александра Блока», П., 1922, с. 57). *Ехидна* — полуженщина-полузмея; согласно одному из вариантов греческого мифа, один из сыновей ее и Геракла стал родоначальником скифов. *Истр* — древнегреческое наименование Дуная. *...пред нами Дарий отступил...*— древнеперсидский царь Дарий I в 514 г. до н. э. предпринял поход против скифов Северного Причерноморья, окончившийся неудачей. *...Кир был скифской на пути смирен царицей...* — Древнеперсидский царь Кир II погиб в 530 г. до н. э. в бою с массагетами (скифские племена Средней Азии), во главе которых стояла царица Томирис.

И з р е ч е н и я (стр. 249). 1. А ф и н с к и й п о д е н щ и к г о в о р и т.— *Избр. пр. III*; под заглавием «Что моя жизнь...» 2. Э п и т а ф и я р и м с к и м в о и н а м — *Избр. соч. I. Орк* — древнеримское божество смерти. *Коцит* — по древнегреческим поверьям — река в подземном царстве. *Нумидия* — государство в Северной

Африке, в 46 г. до н. э. стало римской провинцией. *Кампания* — область в центральной Италии.

Тайна деда (стр. 250) — альманах «Гюлистан», II., М., 1916. Невысоко оценивая в целом альманах «Гюлистан», А. Серебров (А. Н. Тихонов) писал в рецензии на него: «Сборник украшен превосходным гекзаметром В. Брюсова «Тайна деда» (журн. «Летопись», П., 1917, № 11, с. 311).

Драма в горах (стр. 250) — «Свободный журнал», II. 1918, № 2. В одной из рукописей стихотворение датировано 5 мая 1917 г.; в остальных — 1916 г.

Евангельские звери (стр. 251).— *БВ*, 1916, 24 апреля, № 15517; с пометой: «С латинского перевел Валерий Брюсов», и примечанием: «Средневековый аполог о «евангельских зверях» неизвестного автора, написанный так называемой «кухонной латынью», с рифмами, исполнен такого простодушного благочестия и такой наивной мистики, что показался мне достойным внимания и перевода. В. Б.». Отправляя стихотворение в *БВ*, Брюсов писал 16 апреля 1916 г. А. Измайлову: «Совесть меня мучила за то, что я послал Вам несколько стихотворений весьма «среднего» достоинства. Поэтому спешу послать Вам вещь, кажется, интересную, которую удалось написать: «Евангельские звери». Но — как знать: может быть, это против военной цензуры?.. Латинский оригинал, действительно, существует, но мои стихи от оригинала очень далеки: взята лишь идея. Все же мне кажется необходимым и как-то более красивым представить стихотворение — как *перевод*» (*ИРЛИ*).

В СТРАНЕ МЕЧТЫ

Последние поэты (стр. 255) — Валерий Брюсов. Избранные стихотворения. М., 1945.

В авторизованной машинописи (*ГБЛ*) строфы 12—14 первоначально читались:

И петь наши песни в изгнанье мы будем...»
«Последняя песня — воскликнул четвертый,—
Родимой стране, а не сумрачным людям!
О, берег простертый,

Туманный, далекий, внемли славословью:
Ты в песне пребудешь прекрасным трикраты...»
«Да будет подсказан наш гимн лишь любовью!—
Прервал его пятый, —

Тебе, о малютка, тебе, Береника,
Последние розы напева святого...»
«Молчание — жребий наш!» — грянуло дико
Признанье шестого.

Там же и в рукописи конца стихотворения, вместо двух последних строф, одна:

И черные тени, угрюмы, безмолвны,
Вступили в холодную сырость тумана...
Стучали о барку огромные волны
Зыбей океана.

Оцет — уксус (старославянское). «*Nocet esse deum*— гибельно быть богом: выражение Овидия (Ov. Мет., 1. 662)». (*Прим. Брюсова в ДК.*) *Vae victis!* — горе побежденным! (*лат.*) — восклицание галльского вождя Бренна, обращенное к побежденным римлянам. *Тиртей* — древнегреческий поэт (VII—VI вв. до н. э.), по легенде, хромой Тиртей своими песнями вдохновил спартанцев и привел их к победе. *Пиндар* — древнегреческий поэт (VI—V вв. до н. э.).

Счастие уединения (стр. 258) — альманах «Гюлистан», II, М, 1916. Печатается по *Круг.* В рукописи озаглавлено: «Жить в уединеньи».

Город сестер любви (стр. 259) — «Альманах Муз», П., 1916. Печатается по *ПМ.* В *Избр. пр. III* — без подзаголовка и эпиграфа. Эпиграф — из стихотворения «Одиночество» (см. т. 1, наст. изд., с. 449). *Нострдам* (в латинском произношении Нострадамус; 1503—1566) — французский астролог, прославившийся своими предсказаниями. См. статью Брюсова о нем — *БВ*, 1915, 14 мая. *Калиостро* (1743—1795) — итальянский авантюрист, занимавшийся алхимией и выдававший себя за чародея.

В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Футуристический вечер (стр. 261)— журн. «Стройка», Л., 1931, № 29-30. В рукописи первоначально озаглавлено «Город», затем — «Столичный вечер». Стихотворение написано с использованием характерных для русских футуристов стилистических приемов. 2 апреля 1914 г. Брюсов писал Р. В. Иванову-Разумнику: «Вы как будто предлагаете мне участвовать в футуристическом номере. Но прежде всего — какой же я футурист! К сожалению — нет (ибо сейчас, как кажется, быть футуристом очень прибыльно). А затем, если и есть у меня стихи, которые могли бы сойти за футуристические, то уместно ли и мне появляться в кругу футуристов и будет ли в этом смысл для читателей, желающих читать футуристов «подлиннейших» (*ИРЛИ*). Подробнее об отношении Брюсова к футуристам см. в его статьях «Год русской поэзии», «Смысл современной поэзии» и др.

Уголки улицы (стр. 262)—1. «Темная улица; пятнами свет фонарей...»—*Неизд. 1935*, 2. Она ждот.— Публикуется впервые.

Дама треф (стр. 263) — *ПМ.* Печатается по этому тексту. В *ДК* вписан эпиграф: «Дама треф означает тайное расположение и предвещает счастливое свидание.—Из новейшей гадательной книги». В *ПМ* датировано 1917 г. В наст. изд. принята поставленная Брюсовым дата в *ДК*, хотя она тоже вызывает некоторые сомнения: «Дама треф» упомянута в планах сборника «Sed non satiatus» (см. с. 416 наст. тома), а это дает основание предполагать, что стихотворение было написано до 1915 г.

Провинциальная картинка (стр. 264) — журн. «Летопись», П., 1917, № 2-4; без третьей строфы. Печатается по *Избр. пр. III.* На одной из рукописей помета: «Можайск». Стихотворение было прислано Брюсовым И. М. Брюсовой из Можайска 3 июня 1911 г. Оно предназначалось первоначально для других сборников: под автографом стихотворения в блокноте помета Брюсова: «Зеркало теней»; см. также план сборника «Sed non satiatus» (с. 416).

Праздник в деревне (стр. 265) — журн. «Летопись», П., 1917, № 2-4. Печатается по этому тексту. В рукописи и *ДК* озаглавлено «Воскресенье в селе».

В цыганском таборе (стр. 266).— *БВ*, 1916, 10 апреля, № 15493. Отсылая 4 апреля 1916 г. эти стихи для публикации в *БВ*, Брюсов писал А. Измайлову: «Цыганский табор» — недурен лишь некоторыми строфами (стихи 1—4, например), а во многом надуман» (*ИРЛИ*). *Образы священные||Пушкинских стихов!* — Речь идет о «Цыганах» А. Пушкина. *Мариула и Алеко* — персонажи этой поэмы. *Сказку про Овидия.*— Об Овидии, древнеримском поэте (43 г. до н. э.—17 г. н. э.), сосланном императором Августом в придунайские земли, рассказывает у А. Пушкина старый цыган.

Виденья города (стр. 267). — Публикуется впервые. В рукописях стихотворению предпосланы эпиграфы: в одной — «Пустынность улицы, не дышащей во сне.— *Urbi et Orbi*» (из стихотворения «Раньше утра»), во второй рукописи — «Я знаю этот свет неумолимо четкий. — *Брюсов*» (из того же стихотворения).

На Ладоге (стр. 267)—1. Буря и затишье — *Избр. соч. I*, 2. Парус и чайка — *Неизд. 1928*. В *ДК* дата 1916. В наст. изд. принята дата рукописей (*ГБЛ*). *Эос* (*греч. миф.*) — богиня утренней зари.

В РОДНЫХ ПОЛЯХ

Снежная Россия (стр. 269) — Альманах «Творчество», II, М.—П., 1918. Печатается по *ПМ*. Рукопись стихотворения (*ГБЛ*) датирована: «1917. Под Курском». Стихотворение написано, видимо, во время второй поездки Брюсова на Кавказ.

Утренняя тишь (стр. 270) — *РМ*, 1916, № 11. Печатается по сб. «Опыты».

Родные цветы (стр. 271) — 1. Ландыш — *БВ*, 1916, 29 июня, № 15647. Печатается по этому тексту. 2. Иван-да-марья — *БВ*, 1916, 3 июля, № 15655. Печатается по этому тексту. 3. Венок из васильков — сб. «Елка», П., 1917 (без строк 17—24). В машинописи цикла (*ГБЛ*) ему предпослан эпиграф: «Бедный венчик богом обделенных стран.—*Семь цветов радуги*» (неточная цитата из стихотворения «Цветики убогие»). *Андрогинный* — двуполый.

Мраморная арка (стр. 273) — *Избр. пр. III*. Печатается по этому тексту.

Лесные тропинки (стр. 274) — «Ежемесячный журнал», П., 1917, № 1. Печатается по сб. «Опыты».

В гамаке (стр. 275) — *БВ*, 1916, 30 октября, № 15893.

По грибы (стр. 275) — *БВ*, 1916, 17 июля, № 15683. В рукописи стихотворение озаглавлено «Летняя идиллия». В одной рукописи место написания стихотворения обозначено — «Бурково»; в другой — «В лесу Сапожниковых». *Бурково* — подмосковное место (близ станции Болшево), где Брюсов проводил лето 1915 и 1916 гг. «*Липка* — цветок». (*Прим. Брюсова в рукописи.*)

Святогор (стр. 276) — *Неизд. 1928*; без заглавия. В авторизованной машинописи (*ГБЛ*) заглавие «Под кваканье лягушек».

Черные вороны (стр. 277) — журн. «Стройка», Л., 1931, № 29-30.

Вдоль моря (стр. 278) — альманах «Творчество», II, М.—П., 1918. Написано во время второй поездки на Кавказ.

Тусклая картинка (стр. 279) — газ. «Свобода и жизнь», М., 1917, 11 сентября, № 9. Печатается по *Круг.* В беловой рукописи и *Круг.* стихотворение датировано 1916 г.; видимо, это ошибка, так как черновая рукопись датирована июлем 1917 г. В наст. изд. принята последняя дата. В *ПМ* — «Посв. Е. А. Сырейщиковой» — поэтессе, близкой знакомой Брюсова. В черновой рукописи вторая строфа первоначально читалась:

Вечерний ветер тучи гонит,
Верхи далеких елей клонит
И загибает плащ листвы;
Но к нам доходит, обессилен,
И слабо реет вдоль извилин
Рядами согнутой травы.

В рукописи (*ГБЛ*) вторая и третья строфы первоначально читались:

Серея, облака осели,
Но, зеленея, гнутся ели,
И загнут яркий плащ листвы;
А ветер никнет, обессилен
И слабо реет вдоль извилин
Болотной, блещущей травы.

Поля и дали безответны
И лишь, как веер многоцветный,
Раскрыты кругозоры нив:
Желтеет рожь, горит гречиха
Дрожит овес, и льется тихо
Льна синеватого разлив.

НОЧЬЮ

Ночь (стр. 280) — *БВ*, 1916, 16 октября, № 15865. *Евхаристия* — одно из церковных «таинств» — причастие.

Ночью у реки (стр. 281) — сб. «Страда», П., 1917.

Восход луны (стр. 281) — «*Опыты*». *Луциолы* — светлячки. *Луцина* (Люцина) — имя Дианы, римской богини луны, под которым она выступала как покровительница родильниц.

Закатный ветер (стр. 282). — Печатается впервые.

Ночной гном (стр. 283).— Печатается впервые.

Ночные страхи (стр. 284) — газ. «Утро России», М., 1916, 25 декабря, № 359. Эпиграф — из стихотворения Ф. Тютчева «День и ночь».

На закатном поле (стр. 284) — «Альманах муз», П., 1917.

БЛИЗ МИЛЫХ УСТ

Это — надгробные пении... (стр. 286) — *РМ*, 1916, № 11. Печатается по сб. «Опыты». *Пении* — древнеримские погребальные песни (*лат.* penia). *...так колебался все менее ангелом призванный Товий...* — Товий — библейский персонаж. Однажды в спутники ему был послан богом ангел Рафаил, который посоветовал Товию жениться на Сарре. Товий испугался, ибо Сарру уже семь раз отдавали замуж, но все мужья в брачную ночь умирали. Рассеяв опасения Товия, Рафаил объяснил ему, что Сарру любит демон, который и убивал ее мужей, и научил, как изгнать демона. Товий послушался ангела и, изгнав демона, женился на Сарре.

Привет через звезды (стр. 286) — *РМ*, 1916, № 11. Печатается по этому тексту. В *ДК* озаглавлено «Вдали». *Геката* — древнегреческая богиня призраков, волшебства и заклинаний, иногда отождествлялась с Селеной, богиней луны. Здесь — луна.

Trionfo della morte (стр. 287) — журн. «Летопись», П., 1917, № 1. Заглавие стихотворения повторяет название одного из романов Габриеля д'Аннунцио (1863—1938).

Последнее счастье (стр. 288) — альманах «Творчество», I. М.—П., 1917. В рукописи (*ГБЛ*) озаглавлено «Последнее чудо»; там же указано место написания: «Белосток».

Опять мгновения (стр. 289) — 1. Снежный призрак — газ. «Новая жизнь», П., 1917, 24 декабря. 2. Качели — *Неизд. 1935. Асфодели* — цветы, род лилий с крупными, обычно белыми цветками. В греческой мифологии существовало предание о лугах асфоделей, по которым блуждали тени умерших. 3. В ладье — альманах «Гюлистан», I. М., 1916. Печатается по журн. «Ипокрена», П., 1917, октябрь, № 1. В *ДК* озаглавлено «Водопад». Первые две строфы читаются:

Дрожит ладья, скользя стремительно,
На быстрых водах дрожит ладья.
И ты, и я, мы дышим длительно,
В одном объятьи — и ты и я.

Встал водопад в дали рассчитанной;
В дыму и брызгах встал водопад...
Палящий яд, всем телом впитанный,
Бежит по жилам — палящий яд!

НАД ВЕЧНОЙ ТАЙНОЙ

Марфа и Мария (стр. 291) — *БВ*, 1916, 24 июля, №15697. *Марфа и Мария* — в Библии сестры Лазаря, воскрешенного Христом. Стихотворение — вариация на евангельскую тему: «Исус сказал ей: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Л у к а, 10.41,42).

Выходы (стр. 292)— альманах «Творчество», I, М.—П., 1917. Эпиграф из «О провидении» (6, 7) Сенеки (указано М. Л. Гаспаровым). *Сенека* Луций Анней (4 до н. э. — 65 н. э.) — знаменитый римский философ-стоик. В рукописи первой редакции отсутствовали 1 и 12—14 строфы.

У й д и у в е р е н н о (стр. 294) — *Неизд. 1935.*
П е р е ш е д ш и е — о с т а в ш и м с я (стр. 295) — *Неизд. 1935.*
С о н е т к С м е р т и (стр. 296) — *Неизд. 1935.*

В АЛЬБОМАХ

М ы (стр. 297) — газ. «Новая жизнь», П., 1917, 24 декабря; без заглавия. В *ПМ* — без эпиграфа под заглавием «Гребень волны». Эпиграф — из стихотворения «Мы» («В море широком, в море шумящем...»).

В а л ь б о м Н*** (стр. 297).— Печатается впервые. Стихотворение обращено к Анне Ивановне Чулковой, сестре поэта Г. И. Чулкова. ...*«разровненные томы из библиотеки чертей»*...— Цитата из «Евгения Онегина» (глава четвертая, строфа XXX).

П. И. П о с т н и к о в у (стр. 298) — *Неизд. 1928. Постников* Петр Иванович — московский врач, в клинике которого Брюсов лежал в 1916 г. 1 октября 1916 г. Брюсов писал А. П. Татариновой: «Я, наконец, расхворался совсем, так что пришлось даже поместиться в хирургическую лечебницу, где мне делали операцию и где я провел много недель». И далее, сообщая о своей работе: «Нахожу... ряд стихов, которые я, конечно, продолжал писать все эти дни, в лечебнице, на постели и всюду» (*ИРЛИ*).

К. А. К о р о в и н у (стр. 299).— Печатается впервые. *Коровин* Константин Алексеевич (1861—1939) — русский живописец и театральный художник. *Как Моисей познал косноязычие...*— Библейский пророк Моисей был косноязычен и, ссылаясь на это, отказывался от повелений бога вернуться в Египет и вывести евреев из плена египетского.

К л а в д и и Н и к о л а е в н е*** (стр. 299) — *Избр. соч. I.* На рукописях пометы И. М. Брюсовой: «Клавдия Николаевна — доктор в лечебнице Постникова. Брюсов и я фамилию доктора лечебницы Постникова запамятовали».

О в. И о а н н и с и а н у (стр. 300) — *Избр. соч. I. Ованес Иоаннисиан* (в совр. транскрипции — Иоаннес Иоаннисян; 1864—1929) — армянский поэт. Брюсов познакомился с ним в Баку, в январе 1916 г. (см. выше прим. к циклу «В Армении»). В апреле 1916 г. Брюсов писал ему: «Вспоминаю теперь наши дни в Баку, как прекрасное видение. Не часто, даже нам, поэтам, выпадает в жизни счастье оказаться в кругу лиц, столь преданных поэзии, как то было с нами в городе огнепоклонников. И еще реже — счастье встретиться с подлинным поэтом, как довелось мне встретиться с Вами» (газ. «Коммунист», Ереван, 1941, 20 мая, № 116).

И. Т у м а н ь я н у (стр. 300) — сб. «Русские писатели об Армении», Ереван, 1946. Стихотворение — дарственная надпись на первом томе «Полного собрания сочинений и переводов» В. Брюсова (изд. «Сирин», 1913). Она начиналась: «Ивану Фаддеевичу Туманьяну, поэту, блистательнейшей звезде светлого трехзвездия армянской поэзии — от сердечно преданного автора». *И. Туманьян* (в совр. транскрипции — Ованес Туманян; 1869—1923) — армянский поэт. Брюсов познакомился с ним в январе 1916 г. в Тифлисе; 13 апреля 1916 г. писал ему: «...*духовно* я все время был с Вами,— и с Вами лично, так как вдумывался в Вашу поэзию, переводил Ваши стихи, писал об Вас, и со всем тем миром армянских поэтов прошлого, который Вам так дорог... не проходило дня, чтобы я по *многу раз* и помногу не думал об Вас, невольно вспоминая, с сер-

дечной признательностью, и Ваш облик, насколько я успел Вас узнать в те незабвенные для меня тифлисские дни» (журн. «Октябрь», М., 1937, № 10, с. 169). Памяти Ов. Туманяна Брюсов посвятил специальную статью (журн. «Красная нива», М., 1923, № 14).

Мое упорство (стр. 301) — «Ежемесячный журнал», П., 1917, № 2-4. Печатается по этому тексту. В *Избр. пр. III*,— без эпиграфа, с посвящением: «С. Кисину-Муни». *Муни* (псевдоним Киссина Самуила Викторовича; 1885—1916) — начинающий поэт, родственник Брюсова, был женат на его сестре Лидии Яковлевне. Брюсов, в частности, писал о нем С. А. Венгерову: «Я предложил написать статейку о доме, где родился Пушкин, одному московскому поэту, который немало Пушкиным занимался: Самуилу Викторовичу Киссену (мужу моей сестры), писавшему под псевдонимом Муни» («Литературный архив», т. 1, М.—Л., 1938, с. 341).

Последний спор (стр. 301) — *РМ*, 1916, № 11.

Роковой ряд (стр. 303) — «Скрижаль», сб. I. П., 1918 (1—15 сонеты). В *ДК* — 1—15 сонеты — машинопись с небольшой, преимущественно пунктуационной, правкой Брюсова; на эту машинопись рукой И. М. Брюсовой нанесены поправки, восходящие к различным ранним рукописям «Рокового ряда»; 16 сонет — автограф. В 1919 г. Брюсов намеревался выпустить сб. «Поэмы», в который был включен и «Роковой ряд». 1—15 сонеты печатаются по корректурному оттиску этого издания (*ГБЛ*) с поправками (в сонетах 1, 4, 6, 10, 11 и 13) по машинописному экз. «Рокового ряда», содержащему дополнительные автографические исправления Брюсова (*ГБЛ*); сонет 16 печатается по автографу (*ДК*), так как в корректуре сб. «Поэмы» он представлен в первой редакции.

Машинописный экземпляр первой редакции имеет авторскую помету: «Написано 22 мая 1916 года от 9 ч. утра до 1 ч. дня и от 5 ч. дня до 8 ч. вечера, всего в 7 часов, т. е. менее 1/2 часа на сонет. Исправлялось: июль 1916, август 1916, декабрь 1916, февраль 1917. Окончено 11 февраля 1917».

Первая редакция 16 сонета (автограф — *ГБЛ*; тот же текст в корректуре сб. «Поэмы»):

Да, ты, венок сонетов, неизменен,
Три года минуло как ты сплетен,
Включив в себя ряд дорогих имен...
Поток событий после мчался, вспенен.

И много жертв на берег кинул он.
Но для меня ты все же современен
Как для других закончен, совершенен,
И жизнью ты не будешь искажен.

Крепка твоя стозвучная ограда,
От новых чар меня ты охранишь:
Кто б ни предстал — монашенка, менада —

В моей душе не возмутится тишь,
Не вспыхнет страсть. Так Рок судил, что лишь
Четырнадцать имен назвать мне надо.

13 октября 1919.

Брюсов умышленно зашифровал в печати имена лиц, которым посвящены отдельные сонеты. Учитывая это, мы не считаем себя вправе раскрывать их подлинные имена.

СНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Замысел этой книги возник у Брюсова в 1909 г. К декабрю 1909 г. относятся первые наброски предисловия и состава книги, называвшейся в этих, самых ранних планах «Зеркало теней». К непосредственной работе над «Снами человечества» Брюсов, видимо, вернулся в 1911 г.

Окончательно оформился замысел к 1913 г. В автобиографии, написанной в это же время, Брюсов отметил, что его особенно занимает один замысел — большая книга стихов (предположено четыре тома) «Сны человечества», которая должна будет представить «лирические отражения жизни всех народов и всех времен» («Русская литература XX века», М., 1914, с. 118). Очевидно, именно к этому времени относятся два, приведенных ниже, наиболее полных наброска предисловия, несколько довольно подробных планов книги и рукописный титул: «Сны человечества (Страницы незаконченной книги). Стихи 1911—1913 гг. Ренэ Гилю, поэту, учителю». *Рене Гиль* (1862—1925) — французский поэт, его теория «научной поэзии» оказала воздействие на Брюсова (подробнее см. статьи Брюсова: «Рене Гиль». — журн. «Весы», М., 1904, № 12; «Научная поэзия». — *РМ*, 1909, № 6). Ему же посвятил Брюсов «Сны человечества» в издании, подготавливавшемся в 1917 г.

Первый набросок предисловия:

ПРЕДИСЛОВИЕ

Замысел: Представить все формы, какие прошла лирика у всех народов во все времена. Перенять самую манеру поэтов.

Предшественники: Гердер — Голоса народов (но только *народная* поэзия и только переводы).

Гюго — La légende du siècle (но больше история, чем поэзия; история людей и эпохи, а не лирики).

Бальмонт — Зовы древности (но только древность и не очень похоже — однообразно).

Трудность задачи: необходимость перевоплощаться.

Требуются большие знания. Знаю языки: русский, древнегреческий, латинский, французский, немецкий, итальянский, английский. Понимаю несколько: испанский, шведский, санскрит. Знаком с грамматикой: персидского, арабского, еврейского, японского. Остальное в переводах, но на разных языках — французском, немецком, английском.

Сначала — лишь *переводы*. Но трудно собрать ограниченное число *характерных* образцов. По большей части характерное рассеяно во множестве произведений. Кроме того, перевод, когда переводчик стремится быть как можно ближе к подлиннику, редко может достигнуть художественной силы оригинала. Между тем моей задачей было именно дать собрание произведений *художественных*, которые представляли бы не только исторический интерес, но и чисто художественный интерес. Я хотел не только дать книгу для изучения, но и для чтения. Хотел, чтобы читатель не только мог ознакомиться с поэзией прошлых эпох, но и почувствовать ее непосредственно. В этом отношении свободное творчество по данным образцам казалось мне более подходящим, чем рабская копия. Притом, при незнании многих языков, на которых написаны различные произве-

дения (китайский, японский, персидский) и при скудости сохранившихся образцов (др. Ассирия, др. Египет, не говоря уже об Атлантиде) все равно приходится обширное место давать творческой интуиции.

Позже:

1) переводов, когда были произведения, весьма характерные для данной эпохи;

2) подражаний, когда можно было из двух и трех произведений скомпановать одно, в котором характерные особенности выступали бы явно;

3) самостоятельных произведений, написанных на основании внимательного изучения эпохи, с попыткой передать манеру эпохи и поэта.

В целом — хрестоматия всемирной поэзии, которая могла бы русского читателя ознакомить со всеми формами лирической поэзии...»

Второй вариант предисловия в архиве Брюсова представлен несколькими разрозненными листами, лежащими в беспорядке. Нами они расположены в относительной последовательности:

«ОБЪЯСНЕНИЕ АВТОРА К «СНАМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Предлагаемая вниманию читателей книга составляет первый выпуск задуманного мною большого,— можно сказать, огромного— труда, озаглавленного «Сны Человечества». По моему замыслу эти «Сны» должны представить «лирические отражения жизни всех времен и всех стран». Иными словами, я хочу воспроизвести на русском языке, в последовательном ряде стихотворений *все формы*, в какие облекалась человеческая лирика.

От безыскусственных песен первобытных племен, через лирику древнего Востока, античной древности, народов, создавших новую Европу, и народов, населявших Америку до ее завоевания конкистадорами, через все многообразие искусственной поэзии, как она была разработана за последние три-четыре столетия, вплоть до форм, найденных недавним прошлым и отыскиваемых поэтами «сегодняшнего дня»,— я хочу представить своим читателям образцы всех приемов, какими пользовался человек, чтобы выразить лирическое содержание своей души. В целом «Сны человечества» должны быть «хрестоматией всемирной поэзии».

При таком замысле мне вполне естественно могут сделать возражение: почему я не составил свою хрестоматию из *переводов*? Тогда читатели были бы уверены, что они знакомятся, действительно, с образцами поэзии определенной эпохи и определенного народа. Тогда как, читая оригинальные стихотворения, только написанные в стиле какой-либо литературной школы, читатели всегда могут сомневаться, насколько точно передан поэтом дух времени, не внес ли он в стихотворение слишком много своего, субъективного.

Свободно владея (кроме русского) языками латинским и французским, я знаю настолько, чтобы читать «без словаря» языки: древнегреческий, немецкий, английский, итальянский; с некоторым трудом могу читать по-испански и по-шведски; имею понятие о языках: санскрите (который изучал в университете), польском, чешском, болгарском, сербском; заглядывал в грамматики языков: древнееврейского, древнеегипетского, древнеарабского, персидского, япон-

ского, и хотя не имел досуга изучить их, все же мог составить себе некоторое о них понятие. Кроме того, я пользовался каждым случаем, чтобы по возможности пополнять свои сведения о неизвестных мне языках, особенно настойчиво (позволял себе даже быть навязчивым) расспрашивая лиц сведущих о стихосложении различных языков. В этом отношении я должен здесь принести свою глубокую благодарность многим из моих собеседников, и прежде всего С. А. Полякову, прекрасному лингвисту, который дал мне драгоценные сведения о стихосложении персидском и японском.

Разумеется, я привожу здесь этот несколько претенциозный перечень не с целью похвалиться своими лингвистическими знаниями, которые, сравнительно, не велики, так как за пределами языков европейских познания мои крайне скудны и, по большей части, сводятся к тому, что я в разное время жизни изучал различные алфавиты, и с полным разумением каждого достигал того, что прочитывал несколько страниц или даже несколько строк какого-либо литературного памятника внеевропейских стран. Но думаю, что даже это немногое — не осталось совершенно без влияния на мое представление о духе того или иного языка, а следовательно, и его литературы. По крайней мере, я могу утверждать, что несколько персидских газел, прочитанных и переведенных мне С. А. Поляковым, дали мне безмерно больше представлений о персидской поэзии, нежели целые томы исследований о персидской литературе.

Чтобы быть точным, спешу оговориться, что древних изучал я по подлинной литературе Эллады, Рима, Франции, Германии, Англии, Италии и родины. С другими литературами я, конечно, знаком почти исключительно по переводам (преимущественно французским и немецким). Мои кое-какие познания в других языках служили мне лишь для того, чтобы ознакомиться, если это в пределах моих знаний, с отдельными *образцами* этих литератур.

Первоначально я думал исполнить эту задачу в ряде переводов-образцов, выбирая наиболее характерные произведения разных эпох и стран. Однако скоро я убедился, что стихотворные переводы не могут удовлетворительно разрешить поставленную мною себе задачу.

В тех случаях, когда есть вполне характерное произведение своего времени, выражающее в себе все основные черты лирики эпохи, я давал их переводы. Часто дух времени развил отдельные черты в целом ряде произведений, и тогда я предпочитал давать *подражания*, которые, так сказать, концентрировали бы все основные черты поэзии данного времени и данной страны в одном произведении. К такому методу меня побуждало и то, что переводы, при всей возможной удаче их, всегда остаются ниже подлинника. Стремясь точнее передать мысль и образы автора-лирика, слишком часто приходится до известной степени жертвовать формой его стихов (например, своеобразием рифм, аллитерацией etc.). Между тем, своей прямой задачей я ставил не столько в примерах *познакомить* научно с поэзией прошлого, сколько дать ее *почувствовать* в художественных созданиях. Для такой цели подражания, оригинальные произведения, написанные в духе определенной эпохи, мне представляются более отвечающими цели, нежели стихотворные переводы. Не отказываясь от переводов в тех случаях, когда мне удавалось найти произведения, в которых полно выражены особенности своего времени, и когда мне удавалось перевести эти произведения более

или менее современно, я, однако, главным считал в свете этой цели именно «подражания».

Насколько же мне удалось выполнить мой замысел, насколько эти мои «подражания» передают дух эпохи и освобождены от субъективности моей личной поэзии (от чего не мог освободиться и в переводах) — я, конечно, предоставляю судить просвещенной критике.

В «Снах человечества» мне хочется представить душу человечества, насколько она выражалась в его лирике. Это не должны быть ни переводы, ни подражания, но ряд стихотворений, написанных в тех формах, какие себе создавали последовательно века, чтобы выразить свои заветные мечты. Мне хотелось бы при этом слагать стихи не так именно, как слагали их первобытные люди, поэты восточной и античной древности, поэты средних веков, эпохи Возрождения и веков следующих вплоть до нашего, поэты разных стран, Индии, Персии, Китая, Японии, Мексики, Малайского мира,— но так, *как они хотели слагать стихи.* В обладании всеми теми средствами, какие дает техника современной поэзии, я хотел бы досказать то, что они порывались выразить... Мне хотелось бы перенять не столько внешности различных образов лирики, сколько их дух...»

Из многочисленных планов книги приводим два: общий план книги и подробный план издания, к сожалению, доведенный Брюсовым меньше чем до середины. Собственные имена воспроизводятся в написании Брюсова.

Общий план издания:

«СНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Лирические отражения истории человечества

I. Вступление. 1. К Музе. 2. К поэтам. 3. К людям. 4. К будущему.

Часть I. Древность. 1. Песни первобытных племен. Малайская. Австралийская. Коптская. 2. Отзвуки Атлантиды. 3. Страна пирамид. 4. Ассирийская клинопись. 5. Народ Иеговы. Псалом Давида 1, 2. 6. Страна чудес (Индия). 7. Эллада. Орфики. Поэты-мудрецы. Сапфо. Эротики. Александрийцы. 8. Рим. Poëtae Catulliani. Poëtae Horatiani. Poëtae Ovidiani. Антология... 1,2. Роза и лилия. Птицу — меня. Декаданс. 9. Первый лепет христианства. Гимны.

Часть II. Средние века. 1. Срединное царство (Китай). Изречения Конфуция. 2. Страна восходящего солнца (Япония). Танки 1—8. 3. Индокитай. Пантум о тигре etc. 4. Персия. Омар Хайам. Персидские четверостишия. 5. Скандинавия. Из Эдды. Бальдур. 6. Старогерманские песни. 7. Арабы. 8. Турки. 9. Провансальские трубадуры. 10. Франция XIII—XV веков. 11. Испания. Песни о Сиде. 12. Италия. До Данте. Дантовские сонеты. Петрарка. Первое веяние Ренессанса. 13. Славянские народные песни. Россия. Польша. Чехия. Южные славяне.

Часть III. Новый мир. 1. Америка. Мексиканские песни. Песни конкистадоров. 2. Возрождение в Италии. 3. Возрождение в Германии. 4. Возрождение во Франции. 5. Возрождение в Англии. Сонеты Шекспира. 6. Классицизм XVII века. Век Людовика XIV во Франции. Отзвуки его в Германии. 7. XVIII век. Франция. Германия. Англия. 8. Поэзия сентиментализма. 9. Поэзия революции. 10. Начало русской поэзии.

Часть IV. Современность. 1. Романтизм немецкий. Баллады 1—3. Уланд. Новалис. Гете (классицизм). Гейне. 2. Романтизм французский. Шенье. Ламартин. Гюго. Готье. Мюссе. Виньи. 3. Романтизм английский. Лэкисты. Байрон. Шелли. 4. Романтизм русский. Пушкинская плеяда. Классическое веяние. 5. Песни новогреческие. 6. Парнас. Л. де Лиль. Эредиа. 7. Реалистическая поэзия. Коппе. 8. Италия. Песни освобождения. Леопарди. Кардуччи. Анунцио. Пасколли. 9. Символисты и декаденты. Малларме. Метерлинк. Рембо. Верлен. Немцы. 10. Неореализм. Во Франции. В Германии. В России.

«СНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Лирические отражения всемирной истории
(подробный план издания)

Вступление: К Музе. К певцам и поэтам всех времен. К людям. К будущему. О самом себе.

I. *Песни первобытных племен:* 1. Песня воина. 2. Песня девушки. 3. Песня матери. 4,5. Заклинания. 6, 7, 8. Заговоры. 9. Молитва Огню. 10, 11. Малайские песни. 12. Австралийская песня. 13. Древнекоптская песня.

II. *Отзвуки Атлантиды*: 1. Песня о прошедшем и будущем. 2. Песня о тайных заветах. 3. Гимн священным числам. 4. Весенняя песня. 5. Летняя песня. 6. Осенняя песня. 7. Зимняя песня. 8. Песня моря. 9. Песня о Городе Золотых Ворот. 10. Сказание о гибели Атлантиды.

III. *Страна пирамид. Египет*: 1. Изречение бога Тота. 2. Гимн богу Аммону-Ра. 3. Из «Книги мертвых». 4. Суд Асара (Озириса). 5. Прославление богини Аст (Изиды). 6. Проклятие Сета (Тифона). 7. Плач о Манере. 8. Гимн Заходящему Солнцу. 9. Песня во славу крокодила. 10. Подвиги Рамсеса-Миамуна. 11. Свадебная песня. 12. Песня молотильщиков.

IV. *Ассиро-халдейская клинопись:* 1. Гимн священной троице: Ану, Эа, Бэл. 2. Сказание о схождении Истар в царство мертвых. 3. Гимн семи планетам. 4. Песнь к южному ветру. 5. Заклинание семи демонов. 6. Надпись на скале о победах Ассурбанипала. 7. Песнь об истреблении Элама. 8. Песнь перед принесением в жертву Бэлу детей. 9. Разрушение Ниневии. 10. Песенка ассирийского земледельца.

V. *Финикия*: 1. Слава Тиру и Сидону. 2. Песня корабельщиков. 3. Песнь о столбах Мелькарта. 4. Песня женщин во храме Ашеры-Мелитты (Астарты). 5. Застольная песня купцов. 6. Прославление строителей храма.

VI. *Народ Иеговы*: 1. Песня Деборы. 2, 3. 4. Псалмы Давида. 5. Сказание о царице Савской. 6. Победная песня Юдифи. 7, 8, 9. Голоса пророков. 10. Плач на реках Вавилонских. 11. Песни Маккавейские. 12. Песня Вар-Ко-Хеба. 13. Плач о разрушении Иерусалима. 14. Плач о рассеянии народа израильского.

VII. *Земля чудес. Индия:* 1, 2. Из Ведийских гимнов. 3, 4. Две песни из Рамаяны. 5. Чудеса Кришны. 6. Раздумье об обмане познания. 7. Басня. 8, 9. Элегии из Ритусангары. 10. Идиллия в духе Джаздевы. 11. Хор воинов из трагедии. 12. Песня плящущих баядерок. 13, 14. Из легенд о Будде. 15. Сказание о царе, ставшем отшельником. 16. Песня парии.

VIII. *Эллада*: 1. Из Орфических гимнов. 2. В духе Ксенофана. 3. Гимн в духе Тиртея. 4, 5. Элегии. 6, 7. Анакреонтические песни.

8, 9. Сапфические оды. 10. Пиндарическая ода. 11, 12. Хоры трагедий. 13, 14. Из эротических стихов. 15. Александрийская идиллия. 16. Песня Елены Троянской, скрывающейся в Египте. 17. В манере Ликофрона Темного.

IX. *Рим*: 1. Сказание о битве при Регилльском озере. 2. Из сказаний о Кориолане. 3. Сатурнический стих. 4, 5. В духе Катулла. 6, 7. Элегия в духе Тибулла. 8, 9. Горациановские оды. 10. Героида в духе Овидия. 11. В духе Amores Овидия. 12, 13. В духе Марциала. 14, 15, 16, 17, 18. Из латинской антологии. 19. В духе Порфирия. 20. Слава Риму в духе Рутилия.

X. *Первый лепет христианства:* 1. Из старогреческих гимнов. 2, 3, 4. Подражания гимнам папы Дамаса и св. Амвросия. 5, 6. В духе Пруденция. 7. В духе Иоанна Дамаскина. 8, 9. Тропари.

Часть вторая. Средневековье

I. *Серединное царство. Китай*: 1, 2, 3. Из книги Чи-Кинг. 4, 5. В манере Ту-фу. 6. Хор из драмы. 7, 8. Из поучений Лао-Тзе. 9, 10. Из поучений Кон-Фу-Тзе (Конфуций). 11, 12. Народные песни.

II. *Страна вееров. Япония*: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7. Танки и ута из антологий Кокинсю и Маниосю. 8. Пантомима. 9, 10. Надписи к гравюрам. 11. Из драмы. 12, 13. Фузи-Яма. 14. Стихи к бабочке.

III. *Страна белых слонов. Индокитай*: 1. Яванский пантум о тигре. 2. Пантум о милом, разлученном с возлюбленной. 3. Аннамитские тхо. 4. Хор буддийских монахов.

IV. *Страна роз. Персия*: 1. Сказание о Агурамазде и Ангроманью (Ормузд и Ариман). 2. Речь Заратуштры. 3, 4. В духе Фирдоуси. 5. В духе Низами. 6, 7, 8. В духе Гафиза. 9, 10. В духе Омара Хайама. 11, 12, 13. Из персидской антологии. 14. В манере Джами.

V. *Песни севера. Скандинавия*: 1, 2, 3. Из песен Эдды. 4, 5, 6. Песни скальдов. 7. Песнь о рунах из Снорр-Эдды. 8, 9. Из Калевалы. 10. Песнь скандинавского викинга. 11. Народная северная песнь. 12. Из финляндских сказок.

VI. *Старогерманский мир*: 1. Сага о Арминии. 2, 3, 4. Сказания о Дидрихе Бернском, Этцеле и др. 5, 6. Из Нибелунгов. 7, 8. Из монашеской поэзии. 9. В манере В. ф. Эшенбаха. 10. Песня о Тристане и Изольде. 11, 12. Песни миннезингеров. 13. В манере В. ф. д. Фогельвейде. 14, 15. Народные песни».

Этому грандиозному замыслу не суждено было осуществиться. Брюсов не успел подготовить даже и десятой части стихотворений, которые должны были составить «Сны человечества».

Сравнительно мало стихотворений из этой книги было опубликовано Брюсовым при жизни. В 1913 г. в сб. «*Сирин*» *II* было напечатано двадцать пять стихотворений под общим названием «Сны человечества». Эта публикация практически осталась единственным прижизненным изданием стихотворений из этой книги. Хотя отдельные стихотворения появлялись в печати и до и после этой публикации (некоторые произведения вошли в книгу «Опыты»), они выходили без указаний на принадлежность к «Снам человечества».

Сборник «*Сирин*» *II* вышел в свет в конце декабря 1913 г.

Незадолго до его появления, 14 ноября 1913 г., Брюсов выступал в «Обществе свободной эстетики» с публичным чтением стихотворений из «Снов». В газетном отчете говорилось:

«Основная идея «Снов человечества» — отображение лирики всех времен и народов, от наивной поэзии первобытных племен до утонченных претворений сложных переживаний человеческой души наших дней... Размеры «Снов человечества», конечно, колоссальны— в этот цикл вошло не менее 3000 стихотворений.

«Здание, воздвигаемое мною,— говорил В. Я. Брюсов во вступительном перед чтением «Снов человечества» слове,— так велико, что я не знаю, успею ли его достроить...»

Чтение отрывков из «Снов человечества» Брюсов расположил в хронологическом порядке. От примитивных песенок дикарей, через Японию, Индию, страны древневосточных семитических культур, Рим (Греция была пропущена, как наиболее близко знакомая слушателям), средние века, Ренессанс, XVIII столетие до баллад романтизма...» (газ. «Русское слово», М., 1913, 16 ноября, № 265). Из отдельных стихотворений, прочитанных Брюсовым, автор отчета с особым одобрением отзывается о подражаниях индийской лирике («Уже за горы канул месяц...»), японских танках, персидских четверостишиях, о «Похищении Берты» и «Прогулке» (см. также отчеты в газ. *РВ*, 1913, 15 ноября, № 264; «Голос Москвы», 1913, 15 ноября).

Вскоре после выхода альманаха «Сирин» Брюсов предпринял попытку выпустить «Сны человечества» отдельным изданием. 2 апреля 1914 г. он писал Р. Иванову-Разумнику: «Вместе с этим письмом я высылаю Вам 1 вып. «Сны человечества» — текст. В нем, считая и многочисленные шмуцтитулы (увы! на этот раз необходимые), будет немногим более 8 листов. Но, во-первых, к тексту присоединится обширное введение (не менее печатного листа), примечание etc.; во-вторых, я до начала печатания пришлю ряд дополнений к книге,— стихи, частью уже написанные, требующие последних исправлений, частью те, которые я надеюсь написать. Полагаю, что всего в книге будет до 12 листов, вряд ли, однако, больше» (*ИРЛИ*). Это издание не осуществилось.

В 1916—1917 гг., готовя собрание своих сочинений сначала для издательства Маркса, затем для «Паруса» и издательства Гржебина, Брюсов снова предпринимает попытку составить книгу «Сны человечества».

Рукопись «Снов человечества», подготовленная Брюсовым для этого собрания сочинений, сохранилась. Правда, И. М. Брюсова разделила рукопись на отдельные страницы и разложила их по самым разным папкам в обширном архиве Брюсова. Нумерация страниц и другие пометы Брюсова дали возможность собрать эту рукопись почти полностью, не обнаружены пока только три страницы, которые должны были идти сразу после титульного листа. Было ли это предисловие к «Снам человечества», или все они были заняты текстами «Песен первобытных племен» (судя по нумерации, в рукописи отсутствует этот один раздел), остается пока неизвестным. Рукопись представляет собой вырезки из сб. «*Сирин*» *II* с правкой Брюсова, машинописные копии, автографы и т. д.

Воспроизведение титульного листа этой рукописи см. на с. 316 наст. тома.

Данная рукопись положена в основу настоящего издания, поскольку она представляет собой по сути дела единственный

документально зафиксированный авторский состав «Снов человечества». Мы сочли себя вправе добавить только следующие стихотворения: две «Песни австралийских дикарей», напечатанные Брюсовым в сб. «*Сирин*» *II* (они явно должны были находиться в первых трех неотысканных страницах рукописи) и четыре стихотворения об Атлантиде, включенные Брюсовым в *Избр. пр. II* (к моменту подготовки рукописи эти стихотворения еще не были написаны).

Судя по отдельным позднейшим пометам Брюсова на этой рукописи, он предполагал несколько сократить и перестроить «Сны человечества». Так, он намеревался отказаться от мелких разделов, создать более крупные, но включить в них только часть стихотворений. Например, вместо разделов: «Европейское средневековье», «Испания», «Франция XV—XVI веков», «Италия эпохи Возрождения», «Англия», «Германия», он думал организовать один раздел — «Средневековье. Возрождение», включив в него только следующие стихотворения: «Канцона к Даме», «Дворец любви», «Испанские народные песни», «Баллада о женщинах былых времен», «Пляска Смерти», «Das Weib und der Tod». В соответствии с этим планом на некоторых листах рукописи зачеркнуты названия разделов и изменены заглавия стихотворений. Эта работа Брюсовым не была доведена до конца, и рукопись осталась в первоначальном варианте. Поэтому те изменения заглавий стихотворений и названий разделов, которые были намечены Брюсовым, не учитываются. Названия двух первых разделов, взятые из общих планов «Снов человечества», в наст. изд. поставлены в квадратные скобки.

Тексты стихотворений печатаются по этой рукописи, за исключением нескольких, специально оговоренных в примечаниях.

Значительную сложность представляет определение времени создания отдельных стихотворений, поскольку многие из них автором не датированы. В тех случаях, когда рукописи не дают возможности определить дату, в наст. изд. приняты даты, указанные И. М. Брюсовой в *Избр. соч. I*, а также даты из *Неизд. 1935*, установление которых производилось, видимо, также с участием И. М. Брюсовой. Все эти даты поставлены в угловые скобки. Обоснование датировок в этих случаях в примечаниях не приводится.

Большинство рукописей «Снов человечества», так же, как и рукопись, подготовленная Брюсовым для издания, хранятся в *ГБЛ*. Поэтому в примечаниях при ссылках на рукописи указание мест хранения не приводится.

В архиве хранится (в копии, снятой И. М. Брюсовой) примечание Брюсова к указанной рукописи «Снов человечества»:

«В полном виде эта работа, которая, по замыслу автора, должна обнимать собою шесть больших томов, может появиться лишь значительно позже. Большая часть стихотворений, включенных в настоящее предварительное издание, было впервые напечатано во 2-м альманахе «Сирина», СПб., 1913; другие — в «Русской мысли» и др. изд.».

Поскольку И. М. Брюсова из папок, в которые поэт собирал стихи для «Снов человечества», переложила многие тексты в другие папки, мы не можем с полной достоверностью судить о том, какие еще стихи Брюсов намеревался включить в «Сны». В специальном разделе «Дополнение» помещены те из стихотворений Брюсова, которые могут быть с большей или меньшей степенью вероятия отнесены к этому замыслу поэта (см. с. 475 наст. тома).

Среди неосуществленных замыслов есть один, близкий по типу к «Снам человечества»: Брюсов намеревался составить по тому же принципу, что и «Сны человечества», антологию художественной прозы (подробнее см.: В а л е р и й Б р ю с о в. Неизданная проза. М.—Л., 1934, с. 4—6).

[ПЕСНИ ПЕРВОБЫТНЫХ ПЛЕМЕН]

И з п е с е н а в с т р а л и й с к и х д и к а р е й (стр. 313)— «*Сирин*». *II* Печатаются по этому тексту.

[ОТЗВУКИ АТЛАНТИДЫ]

Вопросу об Атлантиде Брюсов посвятил обширную статью «Учители учителей» (см. т. 7 наст. изд.). В статье он выступал в защиту гипотезы о реальном существовании этого материка (или острова) в Атлантическом океане. Эта гипотеза и до настоящего времени имеет своих сторонников среди ученых. Свод новейших данных по этому вопросу см. в книгах: Н. Ж и р о в. Атлантида. М., 1964; Людвиг З а й д л е р. Атлантида. М., 1966. Характерно, что и в современных исследованиях среди доказательств справедливости предания об Атлантиде выдвигаются те же самые, на которые опирался Брюсов в своей статье и в своих стихах: высокая культура поселенцев средиземноморского побережья, общие элементы в культурах индейцев Центральной Америки и народов Северной Африки и передней Азии, «загадки» пирамид и т. п. В частности, Л. Зайдлер ссылается на Брюсова и солидаризируется с некоторыми его аргументами.

Ж е н щ и н ы Л а б и р и н т а (стр. 314) — *Избр. пр. II*. Печатается по этому тексту. *Лабиринт* — в данном случае так называемый «Кносский лабиринт», дворец критских царей. Гипотетическое описание внутренней жизни в Лабиринте см. в указанной выше статье Брюсова «Учители учителей». *Миносы* — так Брюсов именует критских царей, производя их титул от имени легендарного царя Крита Миноса. Согласно греч. мифу, именно по его приказу Дедал построил Лабиринт. *Эгейя* — то есть земли, расположенные по берегам Эгейского моря. Культура этих стран (3—2 тыс. до н. э.) сейчас обычно называется крито-микенской. *Встали, как живые были...*— В начале XX в. производились обширные раскопки на Крите, в результате которых были обнаружены многочисленные памятники крито-микенской культуры.

П и р а м и д ы (стр. 317) — *Избр. пр. II*. Печатается по этому тексту. *...в них скрыто и три, и четыре, и семь, и двенадцать...*— В статье «Учители учителей» Брюсов писал: «Мы находим в пирамиде числа: 2 — две диагонали основания; 3 — стороны треугольника; 4 — стороны квадратного основания; 5 — пять точек, четыре при основании, одна при вершине; 7 — четыре и три; 8 — восемь ребер; 9 — трижды три; 12 — трижды четыре и т. д.» («Летопись», 1917, № 9-12, с. 178). Брюсов приводит наиболее элементарные из «математических загадок» пирамид. Некоторые исследователи считают, что в соотношениях различных элементов пирамид зашифрованы такие величины, как число «пи» (отношение длины окружности к ее диаметру), расстояние от Земли до Солнца, точно вычисленный радиус Земли и т. п., то есть величины, определенные и рассчитан-

ные уже в новое время. Подробнее см.: Ж. Л а у э р. Загадки египетских пирамид. М., 1966.

Г о р о д В о д (стр. 318) — *Избр. пр. II.* Печатается по этому тексту. Описание столицы Атлантиды, основанное на текстах Платона, см. в статье Брюсова «Учители учителей». *Орихалк* — сплав серебра и меди, по новым данным — латунь, полученная из редкого минерала аурихальцита. *Символы числ, пирамиды.*— См. прим. к стихотворению «Пирамиды».

Э г е й с к и е в а з ы (стр. 320) — *Избр. пр. II.* Печатается по этому тексту. *Пифы, амфоры, лекифы и т. д.*— различные виды древнегреческих и критских сосудов.

ЕГИПЕТ

П о у ч е н и е (стр. 322) — «*Сирин*» *II. Тот* — древнеегипетский бог мудрости и письма.

АССИРИЯ

К л и н о п и с ь (стр. 323) — «*Сирин*» *II* (с ошибкой в 12 строке). В «*Опытах*» приведено как пример параллелизма со следующим примечанием: «Система параллелизма состоит в том, что каждое двустишие образует одно целое, причем второй стих состоит из образов, параллельных образам первого. Так, между прочим, сложена «Калевала» и многие песни скандинавского Севера. Приведенный образец — перевод ассирийской надписи» («*Опыты*», с. 180).

ЭЛЛАДА

И з п е с е н С а п ф о (стр. 324) — «*Опыты*». Все четыре стихотворения — переводы из древнегреческой поэтессы Сапфо (Сафо) (VII в. до н. э.). Принадлежность Сапфо четвертого стихотворения оспаривается. *Хариты* — см. с. 430. *Геспер* — божество вечерней звезды; имя планеты Венеры как вечерней звезды.

И з А л е к с а н д р и й с к о й а н т о л о г и и (стр. 325) — «*Опыты*»; стихотворения расположены в обратном порядке под общим заглавием: «Из «Венка». Датируются условно. «*Венок*» — название антологий греческих эпиграмм, первая из которых была составлена Мелеагром на рубеже II—I вв. до н. э. В рукописи ко второму и третьему стихотворениям помета: «Подражание Мелеагру». В действительности: третье стихотворение — перевод эпиграммы Мелеагра (Epigrammatum Anthologia Palatina, Paris, 1864, v. I—VII. 461). *...ты не в гробнице лежишь...*— по недостоверному, но распространенному преданию, Сапфо бросилась со скалы в море.

РИМ

О д а в д у х е Г о р а ц и я (стр. 326) — «*Опыты*»; с заглавием «Подражание Горацию». *Квинт Гораций Флакк* (65—8 гг. до н. э.) — древнеримский поэт. Брюсов развивает мотивы его оды II, 20. *Строфий* — нагрудная повязка. *Парфы* — парфяне, народ, населявший территорию древнего персидского царства. *... земля Гипербореи́ская* — Север.

В духе Катулла (стр. 327) — «*Опыты*»; вместе со стихотворением «Как корабль, что готов менять оснастку...» под общим заглавием «В духе латинской антологии». В одной из рукописей озаглавлено «Poëta Catullianus» («поэт — последователь Катулла»). Среди рукописей недатированный вариант стихотворения:

Ах напрасно я верил в поцелуи!
День и ночь их пил,— как в пустыне струи.
Я насытить мнил роковую жажду,
Но сегодня вновь, скиф без кубка, стражду!
Нет, Овидий лгал: нет любви науки!
Мы тоскуем здесь, мы ломаем руки,
А крылатый бог радостно хохочет...
Кто из сердца сталь дерзко вырвать хочет?
С богом споришь ты? Что богов решенье,
Просто: страсти миг, долгие мученья!

Этот вариант, отнесенный к 1917 г., был опубликован как самостоятельное стихотворение Брюсова в *Неизд. 1928*. Гай Валерий *Катулл* (ок. 86—53 гг. до н. э.) — древнеримский лирический поэт. Брюсов в этом стихотворении использует один из метров античной лирики, по его определению: «фалехов гендекасиллаб — сложный пятистопный метр из четырех хореев и одного дактиля, занимающего второе место. Этот стих, широко распространенный в античной поэзии, излюбленный размер Катулла...» (*«Опыты»*, с. 179). *Насон* — Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — древнеримский поэт. Брюсов имеет в виду его сочинение «Наука любви».

В духе латинской антологии (стр. 327) — *Неизд. 1935. «Латинская антология»* — условное название сборника позднелатинских эпиграмм и стихотворений, составленного в VI в. н. э. *Пенорожденная* — Афродита. *...тайну Вакха хранит, бога, прошедшего смерть.* — Вакх — бог умирающей и возрождающейся растительности. *Зéфир, Амбром...*— эти непривычные ударения намеренно введены Брюсовым. Объясняя необходимость изменения привычных ударений в собственных именах латинских и древнегреческих, Брюсов писал в предисловии к публикации своего перевода отрывка из «Энеиды»: «Особое затруднение доставил мне вопрос о передаче на русский язык имен собственных. В конце концов я пришел к решению, что нам пора и еще есть возможность — отказаться от форм, заимствованных с французского языка, и восстановить при переводе поэтов Рима формы латинские, а при переводе поэтов Эллады формы древнегреческие. Сообразно с этим, я не останавливался перед тем, чтобы писать вместо привычного «Парúс», правильное «Пáрид», вместо «Палла́да» — «Пáллада», также «Прúам» «Пéргам», «Дáрданы» и т. под.» (журн. «Гермес», СПб., 1913, № 6). В письме к А. Измайлову, объясняя ударение «сын Вéнеры», Брюсов писал: «Venus-Veneris», следовательно, Вéнера, «сын Вéнеры», а не «Венéрин сын», так?» (*ИРЛИ*). См. также его статью «О переводе «Энеиды» русскими стихами» (журн. «Гермес», СПб., 1914, № 9).

В духе римских эротиков (стр. 328) — 1 и 3 — *«Опыты»*; 2 — публикуется впервые. Датируется условно. В рукописи первоначально озаглавлены: «В духе Луксория». Второе стихотворение — перевод из Луксория. Луксорий (VI в. н. э.) — латин-

ский поэт; жил в Северной Африке (см. Poetae latini minores, ed. Act. Baehrens, т. IV, № 247 — указано М. Л. Гаспаровым).

В духе первых христианских гимнов (стр. 329) — *Неизд. 1935.* На рукописи приписка Брюсова: «Сладкие гимны: «ср. Григория Великого: Ad Nocturnum. Dulciter Hymnos...». *Григорий I* (ок. 540—604) — папа римский; один из создателей свода церковных песнопений.

ИНДИЯ

В духе лириков VI—VII вв. (стр. 330) — 1—5 — «*Сирин*» *II*; 6 — *Неизд. 1935.* В одной из рукописей помета Брюсова: «1—4—подражание стихам поэта Амару (VI в. по р. Х)». *Амару* (или Амарука) — индийский поэт VIII вв.; до нас дошел его сборник «Сто строф Амару». В качестве седьмого стихотворения к циклу первоначально было присоединено, но затем вычеркнуто автором стихотворение «Старик шел мимо башни...» (см. с. 477).

Подражание Рабиндранату Тагору (стр. 331) — *Неизд. 1935.* В рукописи первоначально озаглавлено «Из индийской лирики. Подражание поэту Рабиндранату Тагору, получившему Нобелевскую премию в 1913 году». *Рабиндранат Тагор* (1861—1941) — индийский писатель, поэт и философ.

ПЕРСИЯ

Персидские четверостишия (стр. 332) — «*Сирин*» *II*. В рукописи первые два четверостишия озаглавлены: «Подражание четверостишиям Омара Хайама». *Омар Хайям* (1048—1122) — персидский и таджикский поэт.

Гавели (стр. 333) — 1. «В ту ночь нам птицы пели, как серебром звеня...» — *БВ*, 1915, 14 июня, № 14903; с подзаголовком «Подражание персидскому». В «*Опытах*» под заглавием «В ту ночь»; положено на музыку С. Василенко. 2. «Пылают летом розы, как жгучий костер...» — «*Опыты*»; под заглавием «Твой взор». *Газель* (более употребительно — газелла) — один из видов лирического стихотворения, распространенный в восточных литературах. «Сущность газеллы (правильнее — газели) — в повторении заключительных слов первого стиха в конце второго стиха и в конце каждого двустишия; все остальное — украшения, которые для данной формы не обязательны» («*Опыты*», с. 194).

ЯПОНИЯ

Японские танки и хай-кай (стр. 334).— 1, 2, 3, 4 — «*Сирин*» *II*; под заглавием «Японские танки». 5 — *Неизд. 1935.* 6, 7 (вместе с 1, 2 и 3) — «*Опыты*». *Танка* и *хай-кай* (в современной транскрипции хокку или хайку) — форма японских стихотворений. «Танка, любимая форма старояпонских поэтов, стихотворение в 31 слога, расположенных в 5 стихах, по характеру японского языка — без рифм. Хай-кай — как бы укороченная танка, ее три первых стиха. Японские поэты умели вкладывать в 31 слога танки выражение сложных и многообразных чувств. Для европейца танка

кажется вступительным стихом к ненаписанному стихотворению» («*Опыты*», с. 196). 6 — перевод хокку японского поэта Басё (1644—1694).

ИНДОКИТАЙ

Две малайские песни (стр. 336) — 1. «Белы волны на побережьи моря...» — «*Сирин*» *II*; вторично — *БВ*, 1915, 7 июня, № 14889; под заглавием «Песня». 2. «Ветер качает, надышавшийся ча́мпаком...» — «*Сирин*» *II*. Оба стихотворения были приведены в «Опытах» как пример на ассонансы. *Чампак* — дерево с душистыми цветами.

АРАБЫ

Из арабской лирики (стр. 338) — *Неизд. 1935*. На рукописи помета: «Подражание части стихотворения Набиги». *Набига* (Зияд-ибн-Муавия Набига аз-Зубьяни; р. ок. 533— ум. ок. 604) — арабский поэт. Источником подражания для Брюсова послужила одна из касыд Набиги в прозаическом переводе Г. Овсеенко под редакцией А. Крымского (см.: А. Крымский. Арабская литература в очерках и образцах. М., 1911, с. 291).

АРМЕНИЯ

Армянская народная песня (стр. 339) — «Поэзия Армении», под заглавием «Подражание народному. Песня Арутюна Туманьяна». *Арутюн Туманян* (1869—1943) — армянский поэт. Принадлежность этого стихотворения А. Туманяну подвергается сомнению. Датируется по первой публикации. «*Тар* — народный музыкальный инструмент. *Яр* — милый». (*Прим. Брюсова в «Поэзии Армении».*)

Подражание ашугам (стр. 340)— 1. «О, злая! с черной красотой! о дорогая! ангел мой!..» — «Поэзия Армении». Датируется по первой публикации. Перевод армянской народной песни. Брюсов во вступительной статье к «Поэзии Армении» счел необходимым «обратить внимание читателей» на эту песню, «в которой утонченность самого построения, особого рефрена с повторением только что сказанных слов сделала бы честь любому мастеру стиха наших дней...» («Поэзия Армении», с. 39). 2. «Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут-уйдут...» — «Поэзия Армении». Датируется по первой публикации. Перевод — из Дживани (наст. имя Сероб Левонян; 1846—1909) — армянского поэта-ашуга. О поэзии ашугов Брюсов писал: «Народные певцы, рапсоды существовали в Армении с незапамятной древности... Армяне, этот «народ-художник», любили, чтобы все празднества сопровождались песней. На семейных торжествах, вроде свадеб, крестин и т. под., в народных собраниях, просто на базарах и в кофейнях — певцы всегда были желанными гостями... Издавна существовал и обычай состязания между певцами: ашуги поочередно пели песни своего сочинения, и побежденный, обыкновенно, уступал свою каманчу победителю. Возможно, что многие из песен, сохранившихся до сих пор в памяти народа и относимых нами к «народной поэзии», были сочинены именно ашугами для одного из таких состязаний» («Поэзия Армении», с. 58—59).

СКАНДИНАВИЯ

Пророчество о гибели азов (стр. 342) — альманах «Гюлистан», кн. I, М., 1916; с подзаголовком «Из скандинавской саги». Датируется по первой публикации. Источник подражания — так называемое «Прорицание провидицы» из скандинавского эпоса «Эдда». В одной из рукописей примечание Брюсова: «В Эдде есть пророчество о падении «мирового древа» Игдразила, разрушении Азгарда, столицы светлых азов, и гибели всей вселенной. Злой Локи с своим сыном, волком Фенриром, и дочерью, богиней мертвых, Гелой, начнут войну против светлых богов и одолеют их. Вся вселенная сгорит, но из моря подымется новая земля, которая будет лучше прежней».

ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Канцона к Даме (стр. 344) — «*Сирин*» *II*. В рукописи подзаголовок «Подражание канцоне XII века». В «*Опытах*» примечание «Канцона — любимая форма провансальских и староитальянских поэтов,— лирическое стихотворение в строфах, построение которых предоставлялось изобретательности поэта» («*Опыты*», с. 194). *Ленник* — вассал, получивший от своего господина землю («лен») и за это обязавшийся служить ему.

Дворец Любви (стр. 345) — «*Опыты*». В «*Опытах*» примечание: «Перевод французских стихов XIV в.». В рукописи помета: «XIII век».

ИСПАНИЯ

Испанские народные песни (стр. 346) — «*Сирин*» *II*. Оба стихотворения — переводы испанских народных романсов.

Rico Franco (стр. 347) — однодневная газ. «Труд вновь даст тебе жизнь и счастье», М., 1916, 10 мая; с подзаголовком: «Испанская народная песня». Стихотворение — вольный перевод испанского романса, две первые строки которого Брюсов поставил эпиграфом к своему стихотворению (см.: «Biblioteca autores españoles. Tomo 10. Romancero general. t 1. Madrid, 1856, v. III, 296).

ФРАНЦИЯ XV — XVI вв.

Баллада о женщинах былых времен (стр. 349) — «*Сирин*» *II*. Датируется по первой публикации. Стихотворение — перевод баллады французского поэта Франсуа Вийона (род. в 1431 или 1432 г.— год смерти неизвестен). Брюсову принадлежит статья о Вийоне («Новый энциклопедический словарь», изд. Ф. Брокгауз и И. Ефрон, т. X, столб. 564—565). *Флора*, *Таида* (Таиса) — нарицательные имена куртизанок. *Архиппа* (у Вийона — Archipiada) — это женское имя появилось у Вийона как следствие неправильно понятого в его времена одного античного текста, где речь шла о полководце Алкивиаде. *Элоиза* — возлюбленная французского поэта и богослова *Пьера Абеляра* (1079—1142). Их переписка стала на многие века одной из самых популярных историй о несчастной любви. Жан *Буридан* (ок. 1300—1358) — французский фи-

лософ, герой многочисленных любовных историй. *Бланка* — вероятно, Бланка Кастильская (1188—1252) — французская королева. *Алиса*, *Биче*, *Берта* — персонажи французских chansons de geste (героических песен). *Ленная клятва.*— См. прим. на с. 472 наст. т. *Жанна* — Жанна д'Арк (ок. 1412—1431).

Песня из темницы (стр. 350) — «*Опыты*». Печатается по этому тексту, так как в рукописи «Снов человечества» отсутствует конец стихотворения. В примечаниях к сб. «Опыты» сказано, что это стихотворение — «род канцоны» (с. 194).

Виланель (стр. 351) — «*Опыты*»; под заглавием «Сон мгновенный». *Виланель* (точнее — вилланель) — одна из форм стихотворения в старофранцузской поэзии; вилланель строится из шести трехстишных строф и одного заключительного стиха, связанных сложным порядком рифмовки.

ИТАЛИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Сонет в духе Петрарки (стр. 352) — *Неизд. 1935.* Франческо *Петрарка* (1304—1374) — величайший поэт итальянского Возрождения.

Сонет в духе XIV в. (стр. 352) — *Неизд. 1935.* Печатается по автографу, так как в «Снах человечества» — только поздняя копия И. М. Брюсовой.

АНГЛИЯ

Смерть рыцаря Ланцелота (стр. 354) — журн. «Северные записки», П., 1915, № 2; *БВ*, 1915, 10 мая, № 14835; с подзаголовком «Старинная английская баллада». Отправляя стихотворение для публикации в *БВ*, Брюсов писал 29 апреля 1915 г. А. А. Измайлову: «Это — оригинальное, мое, стихотворение, *не* перевод; но пусть оно считается лучше переводом. Тон, кажется, передан верно» (*ИРЛИ*). В письме от 30 июля 1915 г. Брюсов писал ему же: «Только недавно я узнал об одном досадном недоразумении. Оказывается, что зимой, когда я жил в Варшаве, жена моя, И. М. Брюсова, уступая просьбам редакции «Северных записок»... послала им мое стихотворение о короле Артуре. Вероятно, И. М. писала мне об этом, но я или не получил письма, или забыл о сообщенном, но только вторично послал эту балладу Вам, и Вы ее своевременно (кажется, в мае) напечатали. По счастию, никто, кажется, не обратил на это внимания. Впрочем, некоторым оправданием может служить то, что я Вам доставил балладу в *измененном* виде и с новым примечанием» (*ИРЛИ*). «Ланцелот был возлюбленным Джиневры, супруги короля Артура. В Ланцелота же была влюблена волшебница Моргана, но он не отвечал ей взаимностью. Из мести Моргана оклеветала Ланцелота перед сэром Мардредом и своими чарами помогла Мардреду одолеть Ланцелота на поединке». (*Прим. Брюсова* в *БВ*.)

ГЕРМАНИЯ

Пляска смерти (стр. 356) — журн. «Аполлон», СПб., 1910, февраль, № 5. Печатается по *Избр. пр. II*, поскольку в этом издании есть последняя, не осуществленная в рукописи «Снов чело-

вечества» правка Брюсова. В первой публикации две последних «песни» стихотворения даны в обратном порядке. Стихотворение на темы рисунков немецкого художника Ганса Гольбейна Младшего (1497—1543) «Образы смерти».

Das Weib und der Tod (стр. 358) — журн. «Аполлон», СПб., 1910, февраль, № 5. В *Избр. пр. II* с подзаголовком «Женщина и смерть.— Немецкая гравюра XVI в.». О художественных источниках этого и предшествующего стихотворений см. статью Б. Пуришева «Брюсов и немецкая культура XVI века» в сб. «Брюсовские чтения 1966 года», Ереван, 1968.

Надписи на воротах (стр. 359) — *Неизд. 1935.* В рукописи первого стихотворения обозначено место написания: «Эдинбург II» (см. прим. на с. 419 наст. тома).

ФРАНЦИЯ XVII — XVIII вв.

Послание Малербу (стр. 360) — *Неизд. 1935.* Франсуа *Малерб* (1555—1628) — поэт, один из основоположников французского классицизма. Основой для стилизации Брюсова послужило стихотворение Малерба «Consolation à Monsieur du Perrier sur la mort de sa fille» («Утешение господину Дю Перье по поводу смерти его дочери»), которое Брюсов обращает к самому Малербу, действительно потерявшему дочь в 1599 г. В стихотворении Брюсова также отзвуки послания французского поэта Воклена де ла Френе (1536—1606) Малербу: «Pourquoi, Malherbe, dolent père...» *Тифон* (*римск. миф.*) — возлюбленный Эос, богини зари, которая испросила ему бессмертие, но забыла испросить вечную юность. Традиционный образ дряхлого старца. *Архемор* (Офельт) — сын немейского царя Ликурга, погибший в малолетстве от укуса змеи. *Приам* — царь Трои. В «Илиаде» рассказывается, как во время осады Трои погибли его сыновья. *Алкид* — по одному из вариантов греч. мифа, подлинное имя Геракла.

Летний бал (стр. 362) — *Неизд. 1935.*

Прогулка (стр. 363) — *РМ*, 1914, № 1.

Ручей (стр. 363) — *РМ*, 1914, № 1.

ЛАТЫШИ

Подражания народным песням (стр. 365) — *Неизд. 1935.* Источником подражаний послужил для Брюсова сборник: «Памятники латышского народного творчества. Собраны и изданы Иваном Спрогисом», Вильна, 1868. В этом сборнике народные песни даны на латышском языке и в прозаическом переводе составителя. Некоторые куплеты в подражаниях Брюсова очень близки к оригиналу (см., например, в указанном сборнике с. 82, 309, 310). Вольные переводы Брюсова латышских народных песен см. в «Сборнике латышской литературы», П., 1916. В своих подражаниях Брюсов использовал часть этих переводов: так, например, второй и третий куплеты второй песни и первый третьей песни почти полностью совпадают с его переводами.

РОМАНТИЗМ

Иньес (стр. 367) — «*Сирин*» *II*.

Песни в духе Г. Гейне (стр. 368) — 1 — *Неизд. 1935.* 2 — газ. «Одесский листок», 1916, 10 апреля, № 97; с заглавием «Под

линою». В рукописи первоначально вместе со стихотворением «Я стою на опушке леса...» (см. с. 369 наст. тома) под общим заглавием «Песни». В стилизации Брюсова отзвуки стихотворений Генриха *Гейне* (1797—1856): «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten...», «Mir träumte von einem Königskind...», «Mein Liebchen, wir saßen beisammen...» и др. («Я не знаю, что это значит...», «Мне снилась королевская дочь...», «С любимой сидели обнявшись...»). У Брюсова есть еще подражание Гейне: «Мне снилось, я в городе дальном...» (см. т. 1 наст. изд., с. 313).

В духе Эйхендорфа (стр. 369) — *Неизд. 1935*. Иосиф фон *Эйхендорф* (1788—1857) — немецкий писатель-романтик. Наиболее близкое к стилизации Брюсова стихотворение Эйхендорфа: «Nachts» («Ich stehe in Waldesschatten...») («Ночью». «Я стою в тени леса...»).

Друзья (стр. 369) — *РМ*, 1914, № 1. Это и следующее стихотворение Брюсова написаны в духе широко распространенных в 30-е годы XIX в. (и несколько раньше) произведений, в которых использовались образы русского фольклора. Наиболее популярным из таких произведений является «Конек-горбунок» П. Ершова (1815—1869). В некоторых строках заметна ритмическая и лексическая общность с этим произведением.

Черт и ведьма (стр. 370) — *Неизд. 1935*. См. прим. к предшествующему стихотворению.

РОМАНТИЧЕСКИЕ БАЛЛАДЫ

О балладах см. выше примечание Брюсова, с. 430.

Похищение Берты (стр. 372) — «*Сирин*» *II*.

Прорицание (стр. 375) — *Неизд. 1935*.

ДОПОЛНЕНИЕ

В раздел включены стихотворения, которые могут быть отнесены к «Снам человечества».

Среди посмертных сборников Брюсова «Сны человечества» с наибольшей полнотой были представлены в двух: *Неизд. 1935* и *Избр. соч. I*. Однако не все, что включалось в «Сны человечества» в этих сборниках, вошло в наст. раздел. Стихотворения, принадлежность которых к «Снам» вызывает сомнения, не включены. Это следующие стихотворения:

«Вариации на тему Катулла», «Молитва» («Ты вознес меня и отвратился от меня...»), «Молитва» («Чуть светится лампадное...»), «Всплески» (1. «Бессильное тело монарха там...», 2. «Песню пропела...»), «Фузи-Яма», «Тассо», «В духе французских символистов» («Чужда мне красота раскинутых степей...»), «A la Charles Baudelaire» («Неизменный, грязный вертеп...»), «В манере Стефана Малларме» (1. «У окна, где пурпур старый...», 2. «Луна печалилась. Томились серафимы...»), «Заходящее солнце», «В манере Ф. Эверса».— Все эти стихотворения 1894—1901 гг. были включены в «Сны человечества» в *Неизд. 1935*. В годы, когда они создавались, Брюсов еще и не мыслил об этом сборнике. Составитель, видимо, основывался на совпадениях заглавий некоторых из этих стихотворений с планами «Снов человечества» («Фузи-Яма» есть, например, и среди стихов, и

в плане). Однако никаких документальных подтверждений тому, чтобы Брюсов предполагал включить эти ранние стихотворения в «Сны человечества», не найдено.

«Евангельские звери» и «Драма в горах», отнесенные к «Снам человечества» в *Неизд. 1935*, входят в «Девятую Камену».

«Римляне в Китае», «Via Appia», «Песня норманнов в Сицилии» — отнесены к «Снам человечества» в *Избр. соч. I*, видимо, по соображениям тематическим. Однако эти стихотворения должны рассматриваться скорее как произведения на исторические темы, нежели как имитации произведений определенных эпох. Два первых из них не окончены. Также не окончена и «Бретонская песенка» (*Избр. соч. I*), тоже не включенная в наст. раздел.

«Частушки» (*Избр. соч. I*) — написаны Брюсовым для сборника «Опыты».

«Финские народные песни» (*Избр. соч. I*) — это переводы финских народных песен, подготовленные Брюсовым для «Сборника финляндской литературы» (П., 1917). Никаких данных о намерении Брюсова включить эти песни в «Сны человечества» не найдено.

«Плохо приходится старому Лешему...» — это стихотворение на вполне современную тему отнесено в *Избр. соч. I* к «Снам человечества» явно по недоразумению.

Также не включены в настоящий раздел незаконченные и неотделанные стихотворения: «Песня австралийца», «Боже! Боже, до лазури...», «Воинская песня», «Заговор от стрелы», «Ныне, как муж, чресла свои препояшь...», «В манере Метерлинка», «В манере Малларме», «Сонет в манере Малларме».

Все стихотворения, за исключением нескольких специально оговоренных в примечаниях, печатаются по рукописям в архиве Брюсова (*ГБЛ*). Датируются по тем же принципам, что и стихотворения из основного состава «Снов человечества» (см. с. 466 наст. тома).

Стихотворения расположены в соответствии с основным составом «Снов человечества» и планами книги.

Песня гренландцев (стр. 378) — *Неизд. 1935*. Это и два последующих стихотворения должны были, вероятно, относиться к разделу «Песни первобытных племен».

Песня древнего народа (стр. 378) — *Неизд. 1935*; в разделе «Восток». Генри Райдер *Хаггард* (1856—1925) — английский писатель, автор большой серии исторических романов.

Песня североамериканских индейцев (стр. 379) — *Acad.*

Атлантида (стр. 380).— *Неизд. 1935*. Было написано Брюсовым, видимо, как вступление к циклу стихотворений об Атлантиде.

Царь о себе самом (стр. 380) — *Неизд. 1935*. Это и последующие четыре стихотворения относятся к разделу «Египет».

Надпись (стр. 381) — *Неизд. 1935*; в разделе «Восток». Подражание части иероглифической надписи, хранящейся в Каирском музее. Надпись известна под названием «Жизнеописание вельможи Уны»; относится к концу эпохи Древнего Царства (3-е тысячелетие до н. э.). Та часть надписи, которой подражает Брюсов, имеет форму воинской песни. Источником для Брюсова послужила, видимо, книга Г. Масперо «Древняя история народов Востока», М., 1911, где на с. 81—82 приведена эта надпись. *Геруша* (транскрип-

ция Масперо; в транскрипции Б. Тураева — Хериуша) — точное местонахождение неизвестно; в настоящее время переводится как «страна бедуинов», то есть местности к востоку от дельты Нила, близ Синайского полуострова.

Гимн Нилу (стр. 382) — *Неизд. 1935*; где напечатано ошибочно в ранней редакции. Источником для этого и следующего стихотворений послужили многочисленные древнеегипетские гимны Нилу (см., например: G. Maspero «Hymne au Nil», v. 5, P., 1912). *Нопри*, *Себек*, *Фта* — древнеегипетские боги.

«Тебе мы поклоняемся, Нил!..» (стр. 383) — *Неизд. 1935.*

Гимн Атону (стр. 384) — Печатается впервые. Источник подражания — надпись на одной из древнеегипетских гробниц в Телль-Амарне, относящихся ко времени правления фараона Аменхотепа IV (ок. 1400 г. до н. э.). (См. «Древний мир. Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима», ч. 1. М., 1915, с. 4—6.) *Атон* — солнечный диск; был провозглашен верховным богом во время религиозной реформы Аменхотепа IV. *Ахетатон* (современная транскрипция — Ахетатон) — новая столица Египта, основанная Аменхотепом IV.

Заклинание (стр. 385) — *Неизд. 1935* (с ошибками). Источник — следующее заклинание: «Владычица Хавват (змея), богиня, царица! Я связываю, я — Мацлия, Эмашторету и Амрату и всякого, кто находится с нею в родстве, ибо она теснит меня духами тьмы, и всякого человека, который теснит меня... подобно тому, как отлито слово» («Древний мир. Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима», ч. 1. М., 1915, с. 69).

«Я, сын царя, здесь сплю, Эшмунизар...» (стр. 385) — *Неизд. 1935*; под произвольным заглавием «Заклинание» и со столь же произвольным отнесением к разделу «Египет». Должно относиться к разделу «Финикия». Источник подражания — надпись на хранящемся в Лувре саркофаге сидонского царя Эшмунизара II (в современной транскрипции — Эшму-азар). В настоящее время надпись датируется приблизительно 290 г. до н. э. *Рафаим* (рафаил) — духи бездны в семитической мифологии. *Сидон.*— См. т. 1, с. 590.

Псалом Давида (стр. 386) — *Неизд. 1935.* Должно относиться к разделу «Народ Иеговы». Переложение заключительного псалма из Псалтири (Библия). *Давид* — полулегендарный древнееврейский царь (конец XI — начало X в. до н. э.); согласно Библии — создатель книги псалмов. *Голиаф* — великан, побежденный Давидом (*библ. легенда*).

«Старик шел мимо башни...» (стр. 386) — *Неизд. 1935.* Стихотворение входило в цикл «В духе лириков VI—VII вв.», но было вычеркнуто автором (см. с. 470 наст. тома). На автографе помета Брюсова: «Подражание индийской лирике VI века».

Китайские стихи (стр. 387) — 1 и 4 — «*Опыты*», 2, 3 и 5 — *Избр. соч. I.* 1 и 4 печатаются по «*Опытам*», остальные — по рукописи.

Японские танки и ута (стр. 388) — *Неизд. 1935.* В рукописи первые три заглавия не имеют; 4 и 5 под заглавием «Японские танки». Общее заглавие «Японские танки и ута» дано по аналогии с заглавием соответствующего раздела в основном тексте «Снов человечества». Первые три стихотворения в рукописи (вместе со стихотворениями: «Устремил я взгляд...», «Это ты, луна...», «По

волнам реки...») не датированы. В наст. изд. датируются по аналогии со стихотворениями из основного текста. 4 и 5 стихотворения — рукопись на странице из варшавского блокнота; в соответствии с этим датируются 1915 г. (условно). *Танка.*— См. с. 470 наст. тома. *Ута* — удлиненная танка.

«Под бананом, под бананом...» (стр. 389) — *Неизд. 1935.* Должно относиться к разделу «Индокитай». *Сома* — хмельной напиток.

Подражание труверам (стр. 389) — *Неизд. 1935.* Это и следующее стихотворение, видимо, можно отнести к разделу «Европейское средневековье». *Труверы* — средневековые северофранцузские поэты-певцы.

Песнь прокаженного (стр. 390) — *Неизд. 1935.*

Испанская песенка (стр. 391) — *Избр. соч. 1.*

Сонет в манере Петрарки (стр. 392) — *Неизд. 1935.*

«Артуру ехать в далекий путь!..» (стр. 393)— *Неизд. 1935.* В архиве Брюсова стихотворение — в двух редакциях: одна редакция — автограф Брюсова; другая — запись И. М. Брюсовой с ее пометкой: «Продиктовано В. Я. Брюсовым. 1916 г.?». В *Неизд. 1935* и *Избр. соч. 1* стихотворение печаталось по записи И. М. Брюсовой. В наст. изд. печатается по автографу Брюсова. Датируется условно. Относится к разделу «Англия».

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фронтиспис. В. Я. Брюсов. Портрет 1914 года.

Стр. 8. Автограф стихотворения Брюсова «На вечернем асфальте».

Стр. 20. Обложка сборника «Зеркало теней».

Между стр. 96—97. 1. Портрет В. Я. Брюсова начала 1910-х годов. 2. Дом в Москве, в котором жил В. Я. Брюсов (ныне: Проспект Мира, д. 39).

Между стр. 128—129. 1. Портрет В. Я. Брюсова 1908—1910 гг. 2. Автограф стихотворения Брюсова «Ultima Thule».

Стр. 211. Титульный лист рукописи сборника «Девятая Камена».

Стр. 235. Автограф стихотворения Брюсова «К армянам».

Стр. 316. Титульный лист рукописи сборника «Сны человечества».

СОДЕРЖАНИЕ[1]

ЗЕРКАЛО ТЕНЕЙ

НА ГРУДИ ЗЕМНОЙ

«Веселый зов весенней зелени...» 7 *401*
На вечернем асфальте 9 *401*
«Снова, с тайной благодарностью...» 10 *401*
«Идут года. Но с прежней страстью...» 11 *401*

ОБЪЯТИЯ СНОВ

Сон 12 *402*
Кошмар 13 *402*
Бессонница 14 *402*
Радостный миг 15 *402*

НЕИЗЪЯСНИМЫ НАСЛАЖДЕНЬЯ

Демон самоубийства 16 *402*
На пляже 17 *402*
Офелия 18 *402*
Соблазнителю 19 *403*
Le Paradis artificiel 21 *403*
В пустынях 22 *403*

ПОД МЕРТВОЙ ЛУНОЮ

В моей стране 25 *403*
Зерно 26 *403*
«Цветок засохший, душа моя!..» 27 *403*
«Тяжела, бесцветна и пуста...» 27 *403*
«Мечты любимые, заветные мечты...» 28 *403*

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

РОДНЫЕ СТЕПИ

По меже 30 *403*
«В полях забытые усадьбы...» 31 *403*
«Большой дорогой, шоссе открытым...» 31 *404*
«На сухой осине серая ворона...» 32 *404*
Летняя гроза 32 *404*
«И снова давние картины...» 33 *404*
На лесной дороге 34 *404*

СТРАСТИ СНЫ

«И снова я, простерши руки...» 35 *404*
«Ты — мой демон, ты — эриннія...» 36 *404*
«Да, можно любить, ненавидя...» 37 *404*
«Опять безжалостные руки...» 38 *405*
«Как птицы очковой змеей очарованы...» 39 *405*
«Прощаю все,— и то, что ты лгала мне...» 39 *405*

СЛОВА ТОСКУЮЩЕЙ ЛЮБВИ

«Любовь ведет нас к одному...» 41 *405*
Льдинка 42 *405*
Южный Крест 43 *405*
Предчувствие 43 *406*
На заре 44 *406*
Покорность 44 *406*
Милый сон 45 *406*

ЖИЗНИ МГНОВЕНИЯ

Вечеровая песня 47 *406*
Ночное одиночество 48 *406*
На берегу 48 *406*
Случайная стрела 49 *406*
Утром 49 *406*
В наемной комнате 50 *407*
В ресторане 51 *407*
После ночи... . . . . 52 *407*

ПО ТОРЖИЩАМ

Романс 53 *407*
Портрет 54 *407*
На горячем песке 54 *407*
Дождь в городе 55 *407*
Прощание 55 *407*
У колонны 56 *407*
Улица 57 *407*
В игорном доме 57 *407*
В церкви 58 *407*

МИЛОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Близ моря 60 *407*
Фирвальштеттское озеро 61 *407*
Мюльбах 61 *408*
На ледянке 62 *408*
В итальянском храме 63 *408*
На могиле Ивана Коневского 63 *408*

СВЯТОЕ РЕМЕСЛО

Поэт — Музе 65 *409*
Родной язык 66 *409*
Ответ 67 *409*
Предчувствие 68 *409*

ВЛАСТИТЕЛЬНЫЕ ТЕНИ

Египетский раб 69 *410*
Моисей 69 *410*
Клитемнестра 71 *412*
Смерть Александра 73 *412*
Сулла 75 *412*
Крестная смерть 75 *413*
Фауст 76 *413*

ГРЯДУЩЕМУ ПРИВЕТ

Александрийский столп 78 *413*
К финскому народу 79 *413*
К моей стране 80 *414*

ДЛЯ ВСЕХ

Памяти В. Ф. Комиссаржевской 82 *414*
К. Д. Бальмонту 83 *414*
Признание 83 *415*
Посвящение 84 *415*
В ответ на одно признание 85 *415*
В альбом девушке 86 *416*
В альбом Н. 86 *416*
Сандрильоне 87 *416*
В альбом 87 *416*

СЕМЬ ЦВЕТОВ РАДУГИ

ОРАНЖЕВЫЙ

Я сам

Sed non satiatus... . . . . 91 *418*
Юношам 92 *419*
О чем еще мечтать? 93 *419*

Ожерелье 94 *419*
Летом 1912 года 95 *419*
Должен был... . . . . 96 *419*
Памятник 96 *419*

Сын земли

Сын земли 97 *419*
Земле 98 *420*
Предвещание 99 *420*
Земля молодая 100 *420*
Детские упования 101 *420*

Перед тобою я

Гимн богам 102 *420*
Гимн Афродите 103 *420*
Царица Страсть 104 *420*
Истинный ответ 105 *420*
Ultima Thule 106 *420*

ЗЕЛЕНЫЙ

В стране тишины

В разные годы 107 *420*
Иматра 108 *420*
Над Иматрой 108 *420*
У круглого камня 109 *421*
Сайма 110 *421*

Неведомый прохожий

Закат над морем 111 *421*
Над Северным морем 111 *421*
Океан и дюны 112 *421*
В Голландии 113 *421*
К Северному морю 114 *421*
Зимнее возвращение к морю 115 *422*
Вечер над морем 115 *422*

Природы соглядатай

Вечерний Пан 116 *422*
Вечером в дороге 117 *422*
Весной 117 *422*
Весеннее 118 *422*
Ночью светлой 119 *422*
Цветики убогие 119 *422*
Крот 120 *422*
Туман осенний 120 *422*
Сухие листья 121 *422*

КРАСНЫЙ

Под улыбкой солнца

В том же парке 123 *422*
Сказка 124 *423*
В лодке 125 *423*
Дождь и солнце 126 *423*
После скитаний 126 *423*

В буйной слепоте

«Итак, это — сон, моя маленькая...» 127 *423*
«Сумрак тихий, сумрак тайный...» 127 *423*
«Безумие белого утра смотрело в окно...» 128 *423*
«Это чувство—странно-невозможного...» 129 *423*
«Мне вспомнить страшно, вспомнить стыдно...» 129 *424*
«Месяц в дымке отуманенной...» 130 *424*
«Я помню легкие пилястры...» 131 *424*
«Я не был на твоей могиле...» 132 *424*
«Это — не надежда и не вера...» 132 *424*

Там, у входа

Безвестная вестница 133 *424*
На санках 134 *424*
В лодке рыбацкой 135 *424*
В старинной Риге 136 *424*
Мгновенья мгновеннее
1. Утром 136 *424*
2. На лыжах 137 *424*
3. Как неяркие бутоны 137 *424*
Сиреночка 138 *425*
Умершим мир! 139 *425*

ЖЕЛТЫЙ

Стоим, мы слепы...

Последняя война 140 *425*
Старый вопрос 141 *425*
Наши дни 142 *425*
Круги на воде 143 *425*
Пора! 144 *426*
На Карпатах 145 *426*
Чаша испытаний 146 *426*

Высоких зрелищ зритель...

Польше 147 *426*
В Вильно 148 *426*
Все чаще 148 *426*
В Варшаве 149 *427*
Аэропланы над Варшавой 150 *427*
Поле битвы 150 *427*
Пиршество Войны 151 *427*
На память об одном закате 152 *427*
В окопе 153 *427*
Казачье становье 153 *427*

Деревенские рифмы 154 *428*
Каждый день 154 *428*

Там, на Западе

Западный фронт 155 *428*
Фламандцам 156 *428*
Тевтону 157 *428*

СИНИЙ

В жизни человеческой

Синема моего окна 158 *429*
Портрет 159 *429*
Женский портрет 160 *429*
Завещание 160 *429*
На церковной крыше 161 *429*
Простенькая песня 162 *429*
Она 163 *429*

На шумных улицах

Электрические светы 164 *429*
Вечером 165 *430*
На полетах 166 *430*
У канала 167 *430*
Панихида 167 *430*

Детский блеск очей

Девочка с куклой 168 *430*
Девочка и ангел 169 *430*
Девочка с цветами 169 *430*
Вербная суббота 170 *430*
Квартет 170 *430*
Две головки 171 *430*

ГОЛУБОЙ

В старинном замке

Баллада ночи 172 *430*
Баллада о любви и смерти 173 *431*
Баллада воспоминаний 173 *431*
За картами 174 *431*
Секстина 175 *432*

В масне

Образы времен 176 *432*
Мумия 178 *433*
Иксион и Зевс 179 *433*
Филлида 179 *433*
В разрушенном Мемфисе 180 *433*
Сны 182 *433*
На песке 183 *433*

В ваших чертогах

1812—1912 . . . . . 183 *434*
Гарибальди 185 *435*
Певцу «Слова» 186 *435*
Петербург 186 *435*
Три кумира 187 *435*
«Бахус» Рубенса 188 *435*

ФИОЛЕТОВЫЙ

В душевной глубине

Новая сестра 189 *435*
Умирающий день 190 *435*
Океан — ручью 191 *435*
Ночь 192 *436*
Усни, белоснежное поле 192 *436*
Всем 193 *436*
Над омутом 193 *436*
Калейдоскоп 194 *436*

В минуту жизни...

У райских врат 195 *436*
Единоборство 196 *436*
Молиться 197 *436*
Рондо 198 *436*
Чей-то зов 198 *436*
В лесу 199 *436*

На памятном листке

Н. Н. Сапунову 200 *437*
На смерть А. Н. Скрябина 200 *437*
Ф. Сологубу 201 *437*
Игорю Северянину 201 *437*
Игорю Северянину. *Сонет-акростих с кодою* 202 *438*
Николаю Бернеру 202 *438*
Путь к высотам 203 *438*
Мой маяк 204 *438*
Девятое марта 204 *439*
Лира и Ось 205 *439*

ДЕВЯТАЯ КАМЕНА

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Ожиданья 209 *441*
Десятая часть 210 *441*
Лишь безмятежного мира... . . . . 212 *441*
Ожерелья дней 212 *441*
О себе самом 214 *442*

В ДНИ КРАСНЫХ ЗНАМЕН

Молитесь 216 *443*
К Петрограду 217 *443*

Освобожденная Россия 218 *443*
На улицах 219 *443*
В мартовские дни 220 *444*
Столп огненный 221 *444*
Свобода и война 222 *444*
Из дневника
1. Полно 223 *445*
2. Потоп 224 *445*

ПРЕД ЗРЕЛИЩЕМ ВОЙНЫ

Орел двуглавый 225 *445*
Противоречия
1. Песни 226 *445*
2. Любимые мелочи 227 *445*
Падшие цари 227 *445*
Рыбье празднество 228 *445*
Разговор 229 *445*
Тридцатый месяц 233 *446*

В АРМЕНИИ

К армянам 234 *447*
К Армении 237 *447*
Баку 238 *448*
В Тифлисе 239 *448*
Путевые заметки
1. «Море, прибоем взмятеженным...» 240 *448*
2. «Искры потоками сея...» 240 *448*
3. «Разноодежная, разноплеменная...» 241 *449*
К Арарату 241 *449*
Арарат из Эривани 242 *449*
В Баку 243 *449*
Тигран Великий 244 *449*
Победа при Каррах 245 *450*

МЕЖ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Золотой олень 247 *451*
Мы — скифы 248 *451*
Изречения
1. Афинский поденщик говорит 249 *451*
2. Эпитафия римским воинам 249 *451*
Тайна деда 250 *452*
Драма в горах 250 *452*
Евангельские звери 251 *452*

В СТРАНЕ МЕЧТЫ

Последние поэты 255 *452*
Счастие уединения 258 *453*
Город сестер любви 259 *453*

В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Футуристический вечер 261 *453*
Уголки улицы
1. «Темная улица; пятнами свет фонарей...» 262 *453*
2. Она ждет 262 *453*
Дама треф 263 *453*
Провинциальная картинка 264 *453*
Праздник в деревне 265 *454*
В цыганском таборе 266 *454*
Виденья города 267 *454*
На Ладоге
1. Буря и затишье 267 *454*
2. Парус и чайка 268 *454*

В РОДНЫХ ПОЛЯХ

Снежная Россия 269 *454*
Утренняя тишь 270 *454*
Родные цветы
1. Ландыш 271 *454*
2. Иван-да-марья 271 *454*
3. Венок из васильков 272 *454*
Мраморная арка 273 *454*
Лесные тропинки 274 *454*
В гамаке 275 *454*
По грибы 275 *454*
Святогор 276 *454*
Черные вороны 277 *455*
Вдоль моря 278 *455*
Тусклая картинка 279 *455*

НОЧЬЮ

Ночь 280 *455*
Ночью у реки 281 *455*
Восход луны 281 *455*
Закатный ветер 282 *455*
Ночной гном 283 *455*
Ночные страхи 284 *455*
На закатном поле 284 *455*

БЛИЗ МИЛЫХ УСТ

Это — надгробные нении... . . . . 286 *456*
Привет через звезды 286 *456*
Trionfo della morte 287 *456*
Последнее счастье 288 *456*
Опять мгновения
1. Снежный призрак 289 *456*
2. Качели 289 *456*
3. В ладье 290 *456*

НАД ВЕЧНОЙ ТАЙНОЙ

Марфа и Мария 291 *456*
Выходы 292 *456*
Уйди уверенно 294 *457*
Перешедшие — оставшимся 295 *457*
Сонет к Смерти 296 *457*

В АЛЬБОМАХ

Мы 297 *457*
В альбом Н*** 297 *457*
П. И. Постникову 298 *457*
К. А. Коровину 299 *457*
Клавдии Николаевне*** 299 *457*
Ов. Иоаннисиану 300 *457*
И. Туманьяну 300 *457*
Мое упорство 301 *458*
Последний спор 301 *458*

Роковой ряд. *Венок сонетов* 303 *458*

СНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

[ПЕСНИ ПЕРВОБЫТНЫХ ПЛЕМЕН]

Из песен австралийских дикарей
1. «Кенгуру бежали быстро...» 313 *467*
2. «Много женщин крепкотелых...» 313 *467*

[ОТЗВУКИ АТЛАНТИДЫ]

Женщины Лабиринта 314 *467*
Пирамиды 317 *467*
Город Вод 318 *468*
Эгейские вазы 320 *468*

ЕГИПЕТ

Поучение 322 *468*

АССИРИЯ

Клинопись 323 *468*

ЭЛЛАДА

Из песен Сапфо
1. «Сокрылась давно Селена...» 324 *468*
2. «Ты кудри свои, Дика, укрась, милые мне, венками...» 324 *468*

3. «Геспер, приводишь ты все, разметала что светлая Эос...» 324 *468*
4. «Рыбарю Пелагóну отец Мениск водрузил здесь...» 324 *468*
Из Александрийской антологии
1. К Сапфо («Ты не в гробнице лежишь, под украшенным лирою камнем...») 325 *468*
2. «Где твои стрелы, Эрот,—разившие взором Ифтимы 325 *468*
3. «Общая матерь, Земля, будь легка над моей Айсигеной...» 325 *468*

РИМ

Ода в духе Горация 326 *468*
В духе Катулла 327 *469*
В духе латинской антологии
1. «Алую розу люби, цветок, Эрицине любезный...» 327 *469*
2. «Мне говорят, что Марина многим дарит свои ласки...» 327 *469*
3. «Голос, груди, глаза, уста, волоса, плечи, руки...» 328 *469*
В духе римских эротиков
1. К статуе («Как корабль, что готов менять оснастку...») 328 *469*
2. «Дéдал, корова твоя глаза быка обманула...» . . 328 *469*
3. «Нежный стихов аромат услаждает безделие девы...» 328 *469*
В духе первых христианских гимнов 329 *470*

ИНДИЯ

В духе лириков VI — VII вв.
1. «Дождь! тебя благословляю!..» 330 *470*
2. «Уже за горы канул месяц...» 330 *470*
3. «В белом и трепетном озере груди твоей...» . . . 330 *470*
4. «Я брошен ею, но я не плачу...» 330 *470*
5. «Через речку цепкие лианы...» 331 *470*
6. «Я не всходил на Гималаи...» 331 *470*
Подражание Рабиндранату Тагору 331 *470*

ПЕРСИЯ

Персидские четверостишия
1. «Не мудрецов ли прахом земля везде полна?..» 332 *470*
2. «Есть в жизни миги счастья, есть женщины, вино...» 332 *470*
3. «Только ночью пьют газели из источника близ вишен...» 332 *470*
4. Эпитафия Зарифы («Той, которую прекрасной называли все в мечтах...») 332 *470*
Газели
1. «В ту ночь нам птицы пели, как серебром звеня...» 333 *470*
2. «Пылают летом розы, как жгучий костер...» . . . 333 *470*

ЯПОНИЯ

Японские танки и хай-кай
1. «Устремил я взгляд...» 334 *470*

2. «Это ты, луна...» 334 *470*
3. «По волнам реки...» 334 *470*
4. «Вижу лик луны...» 334 *470*
5. «В синеве пруда...» 335 *470*
6. «О, дремотный пруд!..» 335 *470*
7. «Кто назвал Любовь?..» 335 *470*

ИНДОКИТАЙ

Две малайские песни
1. «Белы волны на побережьи моря...» 336 *471*
2. «Ветер качает, надышавшийся чáмпаком...» . . . 336 *471*

АРАБЫ

Из арабской лирики («Катамия! оставь притворство, довольно хитростей и ссор...») 338 *471*

АРМЕНИЯ

Армянская народная песня («Ах, если алым стал бы я...») 339 *471*
Подражание ашугам
1. «О, злая! с черной красотой! о дорогая! ангел мой!..» 340 *471*
2. «Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут-уйдут...» 340 *471*

СКАНДИНАВИЯ

Пророчество о гибели азов 342 *472*

ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Канцона к Даме 344 *472*
Дворец Любви 345 *472*

ИСПАНИЯ

Испанские народные песни
1. «Вы бледны, моя сеньора...» 346 *472*
2. «Мой товарищ! мой товарищ!..» 346 *472*
Rico Franco 347 *472*

ФРАНЦИЯ XV — XVI вв.

Баллада о женщинах былых времен 349 *472*
Песня из темницы 350 *473*
Виланель («Все это было сон мгновенный...») 351 *473*

ИТАЛИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Сонет в духе Петрарки 352 *473*
Сонет в духе XIV в. 352 *473*

АНГЛИЯ

Смерть рыцаря Ланцелота 354 *473*

ГЕРМАНИЯ

Пляска смерти 356 *473*
Das Weib und der Tod 358 *474*
Надписи на воротах
1. «Кто поздно иль рано придет к сим воротам...» 359 *474*
2. «Путник! в этом городе можешь дни провесть...» 359 *474*
3. «В этом замке живет рыцарь сильный...» 359 *474*

ФРАНЦИЯ XVII — XVIII вв.

Послание Малербу 360 *474*
Летний бал 362 *474*
Прогулка 363 *474*
Ручей 363 *474*

ЛАТЫШИ

Подражания народным песням
1. «Дай мне вечер, дай мне отдых...» 365 *474*
2. «Листья бледные кружатся...» 365 *474*
3. «Щука синяя, зеленая...» 366 *474*

РОМАНТИЗМ

Иньес 367 *474*
Песни в духе Г. Гейне
1. «Тихо плещут воды Рейна...» 368 *474*
2. «Луна была скрыта за тучей...» 368 *474*
В духе Эйхендорфа 369 *475*
Друзья 369 *475*
Черт и ведьма 370 *475*

РОМАНТИЧЕСКИЕ БАЛЛАДЫ

Похищение Берты 372 *475*
Прорицание 375 *475*

ДОПОЛНЕНИЕ

Песня гренландцев 378 *476*
Песня древнего народа 378 *476*
Песня североамериканских индейцев 379 *476*
Атлантида 380 *476*
Царь о себе самом 380 *476*
Надпись 381 *476*
Гимн Нилу 382 *477*
«Тебе мы поклоняемся, Нил!..» 383 *477*
Гимн Атону 384 *477*
Заклинание 385 *477*
«Я, сын царя, здесь сплю, Эшмунизар...» 385 *477*
Псалом Давида 386 *477*

«Старик шел мимо башни...» 386 *477*
Китайские стихи
1. «Твой ум — глубок, что море!..» 387 *477*
2. «Пусть этот чайник ясный...» 387 *477*
3. «Ты мне дороже, чем злато...» 387 *477*
4. «Все дни — друг на друга похожи...» 387 *477*
5. «Глупец восклицает: «Ломок...» 387 *477*
Японские танки и ута
1. «Роса ложится, но солнце всходит...» 388 *477*
2. «По́ небу тучи ходят, крутятся...» 388 *477*
3. «Не весенний снег...» 388 *477*
4. «Как золотые...» 388 *477*
5. «Цветики вишни...» 388 *477*
«Под бананом, под бананом...» 389 *478*
Подражание труверам 389 *478*
Песнь прокаженного 390 *478*
Испанская песенка 391 *478*
Сонет в манере Петрарки 392 *478*
«Артуру ехать в далекий путь!..» 393 *478*

Примечания 397
Список иллюстраций 479

Брюсов В.

Б 89 Собрание сочинений. В 7-ми томах. Под общ. ред. П. Г. Антокольского и др. Т. II. Стихотворения 1909—1917. Подготовка текстов и примеч. А. А. Козловского. Оформл. худ. Е. А. Ганнушкина. М. «Худож. лит.», 1973

496с.

В том вошло четыре поэтических сборника: «Зеркало теней», «Семь цветов радуги», «Девятая Камена», «Сны человечества».

Б $\frac{0742—186}{028(01)—73}$ **Подп. изд.**

Р 2

Валерий Яковлевич

Брюсов

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 2

Редактор
Ч. Залилова

Художественный редактор
С. Данилов

Технический редактор
В. Кулагина

Корректоры
Р. Пунга и А. Юрьева

Сдано в набор 13/III 1973 г. Подписано к печати 14/IX 1973 г. Бумага тип. № 1. Формат 84+108¹/₃₂ 15,5 печ. л. 26,04 усл. печ. л. 23,012+1 вкл. +1 нак.= 23,24 уч.-изд. л. Тираж 100000 экз. Заказ № 193. Цена 1 р. 35 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28.